

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
114

*ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ
ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО*

БЛАГОДАРИТ ПАО «ТРАНСНЕФТЬ»,

ЛИЧНО ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА ИППО

Н.П. ТОКАРЕВА

и ЗАМЕСТИТЕЛЯ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ ИППО,

ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

МОСКОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ИППО

С.Л. БАЙДАКОВА

ЗА ПОМОЩЬ

В ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ОБЩЕСТВА

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
«ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ
ОБЩЕСТВО»

ПРАВОСЛАВНЫЙ
ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК
114

К 200-ЛЕТИЮ
АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА
(КАПУСТИНА)

Издательство «ИНДРИК» 2017

ББК 86.372
П 68

К 200-ЛЕТИЮ
АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА (КАПУСТИНА)

ВЫПУСК 114

Редакционная коллегия:

С.В. Степашин (председатель),
В.Н. Ганичев, А.И. Долинин, С.Ю. Житенёв,
С.П. Карпов, О.А. Колобов, Н.Н. Лисовой (ответственный редактор),
митрополит Рязанский и Михайловский Марк (Головков),
Е.Н. Мещерская, А.В. Назаренко, О.Г. Пересыпкин, М.Б. Пиотровский,
М.В. Рождественская, протоиерей Владимир Силовьев, П.В. Стегний

Ответственный редактор

Н.Н. Лисовой

Тексты статей публикуются в авторской редакции

Православный Палестинский сборник. Выпуск 114.
К 200-летию архимандрита Антонина (Капустина).
Отв. ред. Н.Н. Лисовой. — М.: Индрик, 2017. — 344 с.

ISBN 978-5-91674-469-9

- © Авторы статей, текст, 2017
- © Императорское Православное Палестинское Общество, 2017
- © Издательство «Индрик», оформление, 2017

ISBN 978-5-91674-469-9

ОГЛАВЛЕНИЕ

К 200-летию архимандрита Антонина (Капустина)

- Степашин С.В.* 200 лет со дня рождения архимандрита Антонина (Капустина), создателя Русской Палестины 11
- Лисовой Н.Н.* «Архимандрит Антонин (Капустин): наследство и наследие» 15
- Варнава (Аверьянов),* игумен. «Вехи формирования духовного облика архимандрита Антонина (Капустина)» 24
- Бутова Р.Б.* Из переписки архимандрита Антонина (Капустина): адресаты и корреспонденты 31
- Ромодановская В. А.* Статья о работе Антонина с афонскими документами 41
- Вах К.А.* Практическое монашество архимандрита Антонина (Капустина) по его письмам и дневникам 50
- Герд Л.А., Вах К.А.* Переписка архимандрита Антонина (Капустина) и П.И. Севастьянова. 1858–1862 гг. 64
- Брюханов А.А.* Год архимандрита Антонина (Капустина) в Курганской области 114

<i>Житенёв С.Ю.</i> Всероссийская научно-общественная конференция ИППО «Вечно-вещий образ Палестины»: 200-летию со дня рождения архимандрита Антонина (Капустина)»	119
--	-----

К 170-летию Русской Духовной Миссии в Иерусалиме

<i>Житенёв С.Ю.</i> Празднование 170-летия Русской Духовной Миссии в Иерусалиме в октябре 2017 г.	129
---	-----

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИППО

<i>Житенёв С.Ю.</i> IV отчётно-выборная конференция ИППО и празднование 135-летия Общества	137
--	-----

<i>Ашурбейли И.Р.</i> Возвращение. Сергиевское подворье в Иерусалиме как символ русского православного присутствия в Святой Земле	154
---	-----

<i>Беляев О., протоиерей.</i> История создания Симбирского отделения ИППО	161
---	-----

<i>Колобов О.А.</i> Служение Отечеству в интересах Православия и русского присутствия во Святой Земле (к 120-летию Нижегородского регионального отделения ИППО)	167
---	-----

<i>Рафаил (Ивочкин), иеромонах.</i> Деятельность Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества: из опыта взаимодействия Смоленской епархии и православно-общественных организаций во второй половине XIX — начале XX вв.	170
---	-----

Из истории православного паломничества

<i>Балдин К.Е.</i> На пути в Святую Землю: мемуары русских паломников о путешествии из России в Палестину (2-я половина XIX — начало XX вв.)	183
--	-----

Соломина О.Л. Экспедиция П.И. Севастьянова
в Палестину и Иерусалим 191

Житенёв С.Ю. Путешествие военного топографа
и востоковеда П.П. Львова по Ближнему Востоку
в 1830 и 1833–1835 гг. 207

Якушев М.М. Гастрономическая культура
Ближнего Востока в описаниях русских паломников XVIII —
первой половины XIX вв. 214

Ванькин Е.В. Некоторые аспекты финансово-
хозяйственной деятельности Пантелеимонова монастыря
на Святой Горе Афон и его Константинопольского подворья 221

РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ НА ХРИСТИАНСКОМ ВОСТОКЕ

Мироненко-Маренкова И.К. Русско-французское
сотрудничество после Крымской войны:
будни и битвы дипломатов в Османской империи 237

Петрунина О.Е. Переписка посла в Константинополе
Н.П. Игнатьева с митрополитом Нилом Пентапольским
(1863–1878) 309

БИБЛЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Шарков И.Г., Томилина Л.Б. Символика камня
в Священном Писании и православной церковной традиции 333

ПАМЯТИ ПОЧИВШИХ

Памяти Прохорова Г.М. 341

Памяти Мартынцева П.П. 343

К 200-ЛЕТИЮ
АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА
(КАПУСТИНА)

200 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА (КАПУСТИНА), СОЗДАТЕЛЯ РУССКОЙ ПАЛЕСТИНЫ

С. В. Степашин,
Председатель ИППО

24 августа 2017 г. исполнилось 200 лет со дня рождения архимандрита Антонина (Капустина), выдающегося деятеля Русской Православной Церкви, известного учёного, церковного историка и археолога, создателя Русской Палестины, начальника Русской Духовной Миссии в 1865–1894 гг. Архимандрит Антонин был почётным членом Императорского Православного Палестинского Общества. Он создал мощную основу для укрепления русского присутствия в Палестине, содействовал развитию русского православного паломничества в Святую Землю и укреплял отношения Российской империи и Русской Православной Церкви с христианскими народами Ближнего Востока.

Наше Общество всегда считало отца Антонина своим учителем, образцом и наставником, который никогда не был формальным почётным членом ИППО. Прежде всего, потому, что он оказывал реальную поддержку Обществу в его деятельности на Святой Земле, помогая русским паломникам, ведя дипломатическую и научную работу, поддерживая образовательную и просветительскую деятельность.

Императорское Православное Палестинское Общество на протяжении всей своей 135-летней истории высоко ценила подвижнический труд архимандрита Антонина (Капустина), его выдающийся вклад в созидание Русской Палестины и поддержку православных народов на Ближнем Востоке. Главной заслугой перед Россией и Русской Православной Церковью архимандрита Антонина (Капустина) стало проведение в 1883 г. раскопок около Храма Гроба Господня, в результате чего им были открыты остаток стены древнего Иерусалима с Порогом Судных Врат. Император Александр III приобрёл этот участок в собственность Российского государства. На этом месте позднее было построено Александровское подворье с храмом во имя святого благоверного князя Александра Невского. Мы сегодня, можем

сказать смело, что ИППО сделало огромное количество шагов, чтобы Александровское подворье вернулось в собственность Российского государства. Это был бы лучший подарок к юбилею отца Антонина.

Юбилейные торжества, посвящённые 200-летию со дня рождения архимандрита Антонина (Капустина), в 2017 г. прошли в Москве и в Иерусалиме, в Курганской области, где он родился, а также в Новгороде Великом, Перми и Новосибирске.

Благодаря замечательной инициативе губернатора Курганской области А.Г. Кокорина, 2017 г. в Зауралье официально был объявлен Годом 200-летия архимандрита Антонина (Капустина). Весь год на родине отца Антонина готовились к его юбилею, который стал духовно значимым праздником. В августе этого года на родину архимандрита Антонина в село Батурино, где проходили основные торжества, приехало более 5 тыс. паломников со всей страны, которые приняли участие в фестивале «Батури́нская святыня». В Курганскую область для участия в мероприятиях, посвящённых празднованию 200-летия со дня рождения архимандрита Антонина (Капустина), прибыли Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Это было первое посещение Курганской области Святейшим Патриархом Московским и всея Руси за всю историю. Мне вместе с министром культуры РФ Владимир Мединский и полномочным представителем Президента РФ в УрФО Игорем Холманских также посчастливилось принять участие в торжествах, посвящённых отцу Антонину на его родине. Хочется отметить большую работу по подготовке юбилейных торжеств, которую провели заместитель Председателя ИППО С.Л. Байдаков и председатель Курганского регионального отделения Общества А.А. Брюханов.

В рамках юбилейных торжеств состоялось открытие памятника отцу Антонину в селе Батурино Шадринского района, а также начался процесс возрождения Спасо-Преображенского храма, в котором служили несколько поколений знаменитого рода священников Капустиных. Этот замечательный храм восстанавливается при благотворительной помощи А.А. Козицына, за что ему и всему коллективу Уральской горно-металлургической компании самая искренняя благодарность!

В Курганской области разработан новый православный туристский маршрут, в который войдут Далматовский монастырь, Преображенский храм и музей архимандрита Капустина в Батурино, храм Иоанна Предтечи и Чимевский монастырь. Думаю, что Императорское Православное Палестинское Общество совместно с Правительством Курганской области поможет развить этот маршрут и сделать его доступны паломникам и туристам. При поддержке ИППО в рождественские дни 2017 г., в Шадринском Доме печати вышла в свет книга А.А. Пашкова «России верные сыны», посвящённая 200-летию со дня рождения архимандрита Антонина (Капустина). Книга написана на основе архивных документов и опубликованных исторических исследований

с целью ознакомления читателей с деятельностью ярких представителей священнического рода Капустиных из села Батурино.

Федеральное агентство связи России по инициативе и поддержке ИППО осуществило специальный выпуск памятных художественных почтовых марок и конвертов в честь 200-летнего юбилея архимандрита Антонина (Капустина), торжественная церемония их гашения прошла в Москве 23 августа сего года. Также в 2017 г. ИППО выпустило памятную медаль в честь юбилея почётного члена ИППО отца Антонина (Капустина).

Одним из важнейших событий в череде юбилейных торжеств, стало проведение 17 октября 2017 г. Научно-общественной конференции ИППО «Вечно-вещий образ Палестины»: 200-летию со дня рождения архимандрита Антонина (Капустина)» в Центре ИППО в Москве. Перед началом проведения конференции наше Общество совместно с Государственной публичной исторической библиотекой России открыло книжную выставку, посвященную юбилею отца Антонина. На конференции с блестящим научным докладом выступил заместитель Председателя ИППО Н.Н. Лисовой, который высоко оценил церковную, научную и дипломатическую деятельность архимандрита Антонина. На конференции была представлена новая книга, написанная игуменом Варнавой (Аверьяновым), «Духовный облик архимандрита Антонина (Капустина): по материалам его литературного наследия», и изданная ИППО в октябре 2017 г. в издательстве «Индрик». Докладчики, выступившие на конференции, отметили, что архимандрит Антонин при поддержке российского государства, императорской семьи и нашего Общества смог достичь блестящих результатов, навечно утвердив своей деятельностью русское присутствие на Святой Земле. Он был не только духовным человеком, но и замечательным учёным и исследователем. Он не только и не просто приобрёл в собственность земельные участки. Те раскопки, которые были организованы им и его сподвижниками, вызывают искреннее восхищение.

Большая работа была проделана архимандритом Антонином по созданию Музея христианских древностей при Миссии, мне пришлось побывать там летом, когда мы открывали Сергиевское подворье в Иерусалиме. На встрече с делегацией ИППО представители Русской Православной Церкви Заграницей обратились к нам с просьбой оказать содействие и помощь в исследовании имеющихся там уникальных артефактов. Такую работу, как вы знаете, наше Общество в своё время провело в Иерихоне. И я думаю, что следующим нашим шагом будет направление туда наших учёных, специалистов, археологов.

Не могу не сказать и о том, что было сделано за это время, были проведены серьёзные конференции и чтения практически во всех отделениях ИППО. Написаны книги, и не одна, посвящённые юбилею архимандрита Антонина (Капустина). Выпущена юбилейная медаль в его честь. Хочется

поблагодарить наших коллег из Государственной публичной исторической библиотеки России за прекрасную книжную выставку.

Сегодня мы можем смело сказать, что имя архимандрита Антонина (Капустина) не только не забыто, но живёт в памяти русского народа! Наше Общество продолжает его дело, в первую очередь, на Святой Земле. В заключение я бы хотел привести слова основателя нашего Общества Василия Николаевича Хитрово о том, как он оценивал деятельность отца Антонина, лучше, пожалуй, не скажешь: «Только ему одному, его твёрдости, его настойчивости Православная Русь обязана тем, что стала твёрдою ногою у Гроба Господнего».

АРХИМАНДРИТ АНТОНИН (КАПУСТИН): НАСЛЕДСТВО И НАСЛЕДИЕ*

Н. Н. Лисовой

Уважаемый Сергей Вадимович, дорогие друзья и коллеги! Я очень рад, что могу принять участие в конференции, призванной почтить 200-летие со дня рождения архимандрита Антонина (Капустина).

Начну с двух кратких воспоминаний.

Год 1990. Члены Совета Палестинского Общества впервые получили возможность выехать в Святую Землю. При встрече покойного архимандрита Иннокентия (Просвирнина) и автора настоящих строк, с одной стороны, с начальником Русской Духовной Миссии архимандритом Никитой (Латушко) и его заместителем игуменом (ныне архиепископом) Елисеем, с другой, нам было уверенно заявлено: «Да никогда мы Палестинского Общества не признаем, всегда его нынешние деятели будут для нас самозванцами и узурпаторами. А все, что есть в Палестине, принадлежит Русской Православной Церкви». Это был 90-й год, 27 лет назад. Хотя подобные представления и сегодня, к сожалению, не редки, но ситуация изменилась. Председатель Палестинского Общества вместе со Святейшим Патриархом Русской Православной Церкви возглавили в августе 2017 г. торжества на родине архимандрита Антонина.

В 1994-м году другая была дата — 100-летие со дня смерти Антонина (Капустина). Мы готовились, как и теперь, отметить этот юбилей научной конференцией и хотели пригласить на нее, хотя бы в качестве наблюдателей, также и представителей Зарубежной Церкви. Олег Герасимович Пересыпкин, возглавлявший тогда Общество, написал письмо, очень почтительное, очень содержательное, на имя председателя Православного Палестинского Общества (Нью-Йорк) княгини Ирины Сергеевны

* Доклад на Всероссийской научно-общественной конференции «Вечно-вещий образ Палестины» (Москва, 17 октября 2017).

Багратион-Мухранской. В ответ пришло **письмо за подписью** Секретаря Верховного Совета ППО архиепископа Лавра, которое сейчас издано в одном из недавних «Палестинских сборников», так что все могут прочитать. Владыка Лавр писал:

«В Вашем письме Вы говорите о том, что Президиум Верховного Совета России принял решение о передаче Русского Палестинского Общества под юрисдикцию Российской Федерации. Из этого явствует, что Ваше общество продолжает служить отделом правительства (sic). Также, Вы пишете о его переименовании в «Императорское Православное Палестинское Общество». Не кажется ли Вам, что это название не подходит, если нет у Вас императорского управления страной? О целях Вашего общества сказано, что оно способствует «развитию научных, духовных, дипломатических, культурно-просветительских связей с народами Ближнего Востока и Средиземноморья». Эти цели — не цели ППО. Скорее это цели правительства и дипломатов. Вы не пишете об источнике «духовного» руководства Вашего общества, но можно полагать, что оно продолжает политическую деятельность и развитие дипломатии под прикрытием духовности под руководством Московской Патриархии»¹.

В силу сказанного, резюмировал владыка, «мы не можем согласиться на совместный съезд и на деятельность вместе с Вашим обществом. Оно для нас является, к сожалению, лишь самозванным, а не продолжением деятельности ППО. Мы не можем рассматривать Ваше общество как половину нашего (sic), при существующей государственной попытке (sic) отнять у нас имущество, хранимое на Святой Земле».

При этом сам по себе владыка Лавр, кто его помнит, был замечательный, глубокой духовности человек. Но как только дело касалось политики, даже в узких рамках истории Палестинского Общества, куда девалась какая духовность! Тотчас проступала во взгляде и речи та же нетерпимость, «жестокость», которая отличала его предшественников — митрополита Филарета (Воскресенского) или Анастасия (Грибановского), готового в свое время призывать атомную бомбардировку на Москву. Так же жестко теперь, полвека спустя, в девяностых, отвергалась малейшая возможность общения с нами, «московскими», «советскими», хотя ни советской власти, ни Советского Союза уже не существовало.

Я вспомнил об этом, потому что все это было связано с памятью архимандрита Антонина (Капустина), вновь собравшего нас здесь сегодня. Даже святое имя Антонина, к которому с полным почтением относятся на всем православном Востоке, еще двадцать лет назад объединяло, к сожалению, не всех русских, не всех православных людей. Сегодня, слава Богу, все изменилось.

... Но вернемся к нашему герою и его юбилею. Это, скажем, не то, чтобы редкий юбилей, а по существу пока юбилей уникальный. Мы

совместно с Русской Православной Церковью по благословению священноначалия отмечали уже неоднократно юбилеи и даты, связанные с выдающимися деятелями Церкви, прежде всего, великих наших святых. Проводились большие конференции, посвященные памяти преподобного Сергия Радонежского (в 1980 г. , в связи с 600-летием Куликовской битвы; в 1988-м, когда праздновали 1000-летие Крещения Руси; в 1992 году, когда отмечалось 600-летие со дня кончины преподобного). В 2003 году мы отмечали 100-летие прославления другого великого русского святого — преподобного Серафима Саровского И в Сарове была прекрасная конференция. Саров, засекреченный «Арзамас-16», впервые открыли тогда и для ученых-историков, и для представителей общественности. В позапрошлом году широко отмечалось 1000-летие со дня блаженной кончины святого равноапостольного князя Владимира Красного Солнышка. Но это все великие *святые* – не просто известные деятели русской истории.

Мы отмечали также и выдающихся митрополитов, представителей русской иерархии XIX века: Филарета (Дроздова), почти полвека возглавлявшего московскую кафедру, Иннокентия (Вениаминова), просветителя Сибири и Дальнего Востока, Макария (Булгакова), автора лучших книг по православной догматике и по истории Русской Церкви. Но мы ни разу еще не отмечали как общенациональный проект, как общенациональное событие память простого русского священника. Русского священника или протоиерея, или архимандрита, не святого и не иерарха, и не увенчанного церковной славой. Обыкновенный батюшка, разве что из родовитой династии священнической У него отец был священник, и дед был священник... То, что называется из православной глубинки, из *русской православной глубинки*. Мы впервые отмечаем юбилей простого русского священника. И вот вопрос: в качестве *кого* мы его отмечаем? Как бы *в каком чине*? Это про святых говорят: в каком чине. Так вот – в каком чине мы празднуем сегодня архимандрита Антонина (Капустина)? Очень интересный вопрос.

Можно, конечно, сказать, что это выдающийся представитель русского *ученого монашества*. Действительно, в XVIII- XIX веке в Русской Церкви сложилось такое целое, если не сословие, то значительная прослойка, пласт духовного сословия – ученое монашество. Кто-то из предыдущих ораторов упоминал о том, что Антонин сам не считал себя монахом. Это не совсем точно. Он себя монахом считал, но считал себя плохим монахом, в дневнике откровенно и неоднократно это подчеркивал. Например, в записи от 7 ноября 1878 г.: «Именины. Исполнилось 33 года моему п у с т о м е н н о м у монашеству. Господи, прости мне таковое!» Разрядка о. Антонина убедительно демонстрирует, насколько трезво и самокритично относился он к себе и своему монашеству.

Конечно, в анналах русского ученого монашества не будет забыто, что первые годы после своего пострижения в монашество Антонин преподавал в Киевской Духовной Академии, позже на всех этапах своего служения много и плодотворно занимался научными изысканиями по церковной археологии, археографии и византистике. Подобно своим замечательным предшественникам по работе в Миссии — Преосвященным Порфирию (Успенскому), Феофану Затворнику, архимандриту Леониду (Кавелину), — оставил большое творческое наследие: библиография его опубликованных трудов включает более 150 названий². Он был одним из первых исследователей греческих и славянских рукописей Иерусалима, Афона и Синая. Собранная им коллекция древних манускриптов (ныне в Библиотеке Российской Академии наук в Петербурге) включает как греческие и славянские, так и арабские рукописи³. А еще — эпохальные археологические раскопки в Афинах, Иерусалиме, Иерихоне... А еще нумизматика...

И однако, согласимся, когда мы говорим об Антонине (Капустине), как-то на второй план отступает, что он представитель церковной науки. Более того: все научные его достижения осуществлялись удивительным образом как будто между делом; вне и помимо основных служебных обязанностей. Словом, не главное в нем принадлежность к ученой корпорации.

С другой стороны, знаем мы, например, великого молитвенника, целителя, чудотворца, праведного Иоанна Кронштадтского. Он поистине при жизни был знаменит, вся Россия знала его прежде всего как великого молитвенника, великого целителя. Антонина (Капустина) в этом качестве не знала Россия. Он тоже был молитвенник и подвижник по-своему. И мы, благодаря его дневнику и документам, которые сейчас, в настоящее время исследователи изучают все больше, можем об этом говорить. Но, опять-таки, не это первое, что бросалось в глаза в отце Антонине. Но что же тогда?

Мне подсказывают из зала: миссионер. Но какой же он миссионер? Миссионером-то он в буквальном смысле слова не был вовсе. Это Иннокентий (Вениаминов), или Макарий Алтайский или равноапостольный Николай (Касаткин), создатель Японской Православной Церкви, — вот они миссионеры, шли к язычникам, среди них проповедовали, и обращали в православие. В Иерусалиме обращать в православие было некого. Там уже со времен апостольских существовала епархия православная. А с V века, с 451 года, и Патриархат Иерусалимский — Православная Церковь, древнее нашей. Нам еще у них поучиться! Какие мы перед ними миссионеры! А среди католиков и иных деноминаций мы прозелитизмом не занимаемся. А если бы мы попытались турок и вообще мусульман обращать в православие, нам бы просто не сдобровать, потому что Палестина принадлежала Османской империи.

Значит, нет, и эта характеристика не подходит. Не миссионер. А вот за слово «миссия» я ухвачусь. Не только потому, что он почти тридцать лет был начальником Русской Духовной Миссии. До сих пор не все одинаково понимают и толкуют, что такое Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, почему она вообще так называется. И во времена Антонина не все понимали, что Миссия, РДМ, — никакое не миссионерство. Миссия имела в виду дипломатическая, постоянное церковно-дипломатическое представительство. Так это объяснял митрополит Филарет (Дроздов), так же понимал это и Антонин (Капустин). На самом деле Антонин был всегда и во всем очень умный — и «извилистый». Когда нужно было, он на этот канонический смысл ссылался и говорил: «мы церковно-дипломатическая миссия» и так далее. Но с другой стороны, он не хотел отказываться и от своего миссионерства, в широком смысле. Есть еще высокое значение русского слова «миссия». Это просто миссия. Что такое миссия Русской Церкви в мире, что такое миссия православной России в мире — в нескольких его справках, представленных и в МИД, и в Святейший синод, Антонин об этом пишет. То есть, на самом деле, в первую очередь он из всех вот этих многообразных толкований возможных слова «миссия», он выделял именно ту, которую не выделял никто. Есть же в конце концов у России своя особая миссия на Ближнем Востоке. Есть у нас миссия в Сирии, есть в Палестине... Вот в чем уникальность Антонина (Капустина). Мы пытались найти: миссионер он или представитель ученого монашества, или что еще. Нет. Он — носитель, именно не представитель, а носитель *русской православной миссии* в мире и на Ближнем Востоке, и на Греческом Востоке, и на Святой земле. Вот почему ему и удалось сделать то, о чем сказал выше Сергей Вадимович Степашин словами основателя нашего Палестинского общества В.Н. Хитрово, что *только благодаря ему Россия твердой ногой встала у Гроба Господня*.

Это не только благодаря тому, что у нас есть наше церковно-дипломатическое представительство в Иерусалиме и не столько благодаря ему. Кроме Антонина (Капустина) много было деятелей, много начальников было у Русской Духовной Миссии.

Но никто однако не сделал того, что сделал и оставил нам Антонин. Никто, ни из его предшественников, ни епископ Порфирий (Успенский), ни епископ Кирилл (Наумов), которые до него были, ни его преемники. Они все были *начальники РДМ*, он сам был *живой воплощенной миссией*.

... Мы помним в русской истории многих царей, императоров, императриц. Но если нужно было бы назвать русского *императора по преимуществу*, мы сказали бы: Петр Великий. Вот, за все 300 лет династии у нас один был — Петр Великий. Как из всех наших писателей, поэтов, творцов — один Пушкин, о котором сказали когда-то, что «Пушкин наше все».

Ломоносов в России — только один. Ученых было много: с русскими, с немецкими, со всякими другими корнями. Но *русский ученый по преимуществу* — Ломоносов неповторим остался: ни в царское время, ни в советское время, ни сегодня. Только один Ломоносов. Если дипломатическую, внешнеполитическую сферу взять — один князь Александр Михайлович Горчаков. Некого рядом поставить.

Точно так же у нас представитель Русской Православной Церкви, в указанном смысле, как носитель русской духовной миссии (еще раз подчеркну: не начальник РДМ, как учреждения, а носитель *русской духовной миссии*), — он один, архимандрит Антонин (Капустин).

... Кто-то подумает: мало ли что можно сказать. В том числе, Николай Николаевич выйдет на трибуну и скажет что-то «такое-этакое». Мною в последние годы много издано и проанализировано документов и писем Антонина, читайте. Исключительный источник — его дневник. Я только несколько примеров приведу.

Если мы рассматриваем нашего героя в том аспекте, который нас больше всего интересует, именно как деятеля Русской Палестины, то ведь, обратите внимание, нельзя сказать, хотя все говорят, штампом сделалось, что Антонин создатель Русской Палестины. Собственно говоря, основателем РДМ был Порфирий (Успенский). Русские Постройки в историческом Иерусалиме строили великий князь Константин Николаевич и Б.П. Мансуров, и целый Палестинский Комитет был создан для этого. Когда Антонин приехал в Святую Землю, Русские Постройки — с большим Троицким собором, с двухэтажным зданием РДМ, с подворьями, с консульством и больницей — уже существовали. Он не с нуля начинал. И он вообще *на другом поле* начинал.

Давайте посмотрим, с чего он начинал. Во-первых, мы очень мало можем найти людей, даже из выдающихся духовных лиц, кто столько построил церквей, основал храмов и монастырей, будучи, как я сказал, в общем-то рядовым архимандритом. Начнем с Горненского монастыря. Горнее — это феномен сам по себе. Но отметим в непростой и долгой летописи Горнего лишь один момент, которого ни у кого не было. Многие основывали монастыри и строили храмы, но...

27 октября 1878 года в дневнике Антонин записывает: «Благополучно «со стихами» достигли своих Горних владений, осмотрели нижние и верхние работы, закусили в полдень, взобрались на к месту будущей башни, Благополучно достигли своих Горних владений, осмотрели нижние и верхние работы, закусили в полдень, взобрались на *il mare-vedere*, к месту будущей башни. Спустились, осмотрели приюты и многое другое». Прошу обратить внимание на слова: взобрались на Маре-Ведере. Это итальянское 'вид моря'. И в других местах он говорит: «откуда видно Великое море». Средиземное имеет в виду. Мертвое море видно почти отовсюду, скажем.

А вот Великое море, то есть, Средиземное, его не везде видно. И Антонин, уже приобретя участок, который станет основой Горненского монастыря, он все время подымался, подымался, подымался вокруг: на холмы, на взгорье, в горы, чтобы увидеть Великое море. Для него Горнее, духовное *Горнее*, высота духовная, означало в то же время чтобы видно было оттуда Средиземное море, такой храм или колокольню построить, с которой море будет видеть русский человек.

И он добивается своего. Он приобретает горный склон с этим «марведером» и строит там нашу башню сторожевую над участком Горненского монастыря, откуда действительно видно Средиземное море. Ему меньше не нужно. Обратите внимание: это не нужно ни консулу, ни послу, ни вообще дипломатам. Дипломат не задается такой целью. И священнику это не нужно. Да священнику: ладно, хорошо, если где-нибудь в уголку переносной антиминос поставим и будем молиться. Только одному Антонину нужно: дайте мне «марведер», чтобы я видел Средиземное море или чтобы нас видели со Средиземного моря.

Да что там Средиземное море! Горнее должно граничить, как сказал о России Рильке, не на запад, не на восток — только вверх, с Богом. И рождается идея «устройства Богородичного скита с Игуменией не от мира сего» (дневник от 4 декабря 1881 г.). И неделю спустя: «Наречение Святейшей Игумении Горней». И находятся русские благотворительницы, готовые на свой счет «строить кафедру Игуменскую в Горней Церкви»⁴.

Это первое великое создание его — Горненское. Второе его великое создание — Елеонский монастырь.

Вновь открываем дневник, запись от 19 мая 1880 года. Еще не закончено строительство Вознесенского храма, там, где будет лежать честными своими останками отец Антонин. Храм еще не достроен. Башня «Русская свеча», колокольня еще не планируется. Поскольку не достроен, не может планироваться и колокольня. А он в дневнике уже записывает: «19 мая 1880 года. Проспал до 8 часов. Утро прелестное. Едем с Санхо Пансом (то есть, с его помощником Якубом. — Н.Л.) на Елеон. Избрание, назначение и благословение места для буржа (по секрету, колокольни) на самой высшей точке Святой горы, на площади 49 квадратных метров, по 7 метров длины в каждую из 4 сторон. Да поможет Бог выстроить русского *Ивана Великого* в Иерусалиме, с верхушки которого можно было бы видеть Великое море. Аминь».

Что это такое? Еще ничего не построено. Строительство начнется после того, как будет храм закончен. А у Антонина уже в плане, в концепции, в видении: дайте мне не просто колокольню, которая при каждом храме может быть, дайте мне «Ивана Великого». И он действительно создает самое высокое здание в Иерусалиме. До того, как в Иерусалиме появились в XX веке современные еврейские небоскребы в западном Иерусалиме, наша

колокольня «Русская свеча» была самым высоким местом в Иерусалиме. Это он увидел и задумал раньше, чем мог даже планировать А ему подайте «Русскую свечу», подайте «Ивана Великого». Там ему «марведер» подай, а тут ему «Ивана Великого». И опять с марведером: чтобы видно было Великое море.

Великое море, к сожалению, с Русской Свечи не видно. Колокольня в высоту 64 метра, и Антонину, говорят, одной сажени не хватило, чтобы было видно Средиземное море. Но такой высокой ему никакие мастера не взялись сделать. Зато высоты было достаточно для того, чтобы видеть вокруг все. И соответственно, как он говорит, помните знаменитое место из дневника от 12 июля 86-го года, когда уже колокольня строилась вовсю: «Уехал поскорее на Елеон. Долго сидел там на своей высокой колокольне и раздумывал о временах, далеко будущих. Роды родов будут подниматься на высоту, где я сижу, и о чем будут думать они? Верно не о том, кто доставил им случай полюбоваться на целокупный образ вечно-вещей Палестины». *Образ вечно вещей Палестины* — вот что было постоянно у него перед глазами, вот что он строил. И поэтому с этой точки зрения мы не только можем перечислить, сколько он храмов основал, сколько он монастырей основал (и они до сих пор существуют), но самое главное- это вот само видение, само понимание, целокупный образ Русской Палестины... Вот что он построил.

Я назвал свой доклад «Антонин (Капустин): наследство и наследие». Да, есть наследство. В Архиве внешней политики Российской Империи лежат папки с документами, кушанами, сенедами и другими владельческими документами на то, что он приобрел и передал Русской Церкви, России. Все это есть. Вот это наследство. То, что могут отследить историки и юристы по документам.

Есть и другое наследство. Я уже говорил о том, что он был выдающийся археолог, выдающийся нумизмат. Действительно, он эти археологические и нумизматические коллекции не для себя собирал. Мы издали целую подборку писем, в которых указано, сколько и куда, какие коллекции древних монет он передал — в Академию наук, и в Московскую Духовную Академию, и особенно много в Киевскую Духовную Академию, которая его *alma mater* была⁵. Все, что находил и приобретал, он дарил и вкладывал в русскую археологическую науку, в русскую нумизматику. Это тоже наследство.

А что такое наследие? Наследие — это как раз, прежде всего, то видение, о котором я говорил. Уникальный человек, только он умел в Иерусалиме на Елеоне увидеть Ивана Великого, в Горнем найти марведер, чтобы видеть Средиземное море. Чтобы увидеть и руками потрогать, и нам дать возможность потрогать Порог Судных Врат. Археология для этого. Не для того просто, чтобы в археологических книгах и журналах труды напечатать.

Нет. Для того, чтобы опять-таки достичь того, чего никто больше не достиг. Порог Судных Врат — через этот порог прошел Господь для того, чтобы взойти на голгофский Крест. Вот что нам остается, как наследие духовное, от архимандрита Антонина. Это даже не просто евангельский камень со следами, что тут ворота были, не только. Это и символически те самые врата, тот путь на Голгофу, которым уже тогда начинало свое движение наша многострадальная Русь. Вот что это такое. Вот наследие. Вот Русская Палестина, которую видно только с вершины. Неслучайно он выбрал для колокольни самое высокое место на Елеонской горе. Он мог рядом построить, в другом месте. Какой-нибудь инженер сказал бы: «А может быть, лучше даже где-то пониже». А он самое высокое место выбрал и самую высокую колокольню там построил. Чтобы мы видели вокруг так же все, как видел возносившийся Спаситель. Как Христос возносился, прощаясь с землей, так мы видим всю Святую Землю с Вознесенской колокольни Антонина.

Вот что такое наследие.

- ¹ **Письмо** Секретаря Верховного Совета Православного Палестинского Общества (Нью-Йорк) архиепископа Лавра к Председателю ИППО О.Г. Пересыпкину. Нью-Йорк, 26 марта/8 апреля 1994 г. // Православный Палестинский сборник. Вып. 111. М., 2015. С. 251–254.
- ² *Пономарев С.И.* Памяти отца архимандрита Антонина. (Хронологический список сочинений и переводов его) // Богословские труды. Сб. 36. С. 239–251; Библиография трудов архимандрита Антонина // Антонин (Капустин), архимандрит. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции / Изд. подг. Р.Б. Бутова. М., 2010. С. 480–495; Антонин (Капустин), архимандрит. Проповеди и переводы киевских лет / Сост., подг. текста инокиня Магдалина (Корнилова). Иерусалим, 2017.
- ³ Дмитриевский А.А. Наши коллекционеры рукописей и старопечатных книг профессор В.И. Григорович, епископ Порфирий (Успенский) и архимандрит Антонин (Капустин) / Публ. с комм. Ф.Б. Полякова и Б.Л. Фонкича // *Byzantinorussica*. 1994. Т. 1. С. 165–197. См. также: Фонкич Б.Л. Антонин (Капустин) как собиратель греческих рукописей // Древнерусское искусство. Рукописная книга. Сб. 3. М., 1983. С. 368–379.
- ⁴ Антонин (Капустин), архимандрит. Дневник. год 1881 / Изд. подг. Н.Н. Лисовой, Р.Б. Бутова. М., 2011. С. 204, 207.
- ⁵ Россия в Святой Земле: документы и материалы. В 3-х тт. Т. 2 / Изд. подг. Н.Н. Лисовой. М.: 2017. С. 481–505.

ВЕХИ ФОРМИРОВАНИЯ ДУХОВНОГО ОБЛИКА АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА (КАПУСТИНА)

Игумен Варнава (Аверьянов)

Известный библиограф о. Антонина С. И. Пономарев в своем письме к В. Н. Хитрово о дневниках архимандрита отзывается крайне критично, если не сказать уничижительно: «скучны они»¹, «мелочь поразительная, пустота ужасающая. Просто не верится, чтобы это мог писать неоспоримо-умный и талантливый о. Антонин. ... Вот уже именно «*cesontdespous-tiaku*», говоря французско-нижегородским наречием. ... Пустота, пустота, пустота»².

Однако парадоксальным образом буквально в следующем предложении он не только не отвергает ценность записок о. Антонина, но и выражает желание «с *удовольствием*» безвозмездно потрудиться над переписыванием дневника. «Но не *целиком!*»³, — делает знаменательную оговорку. «Что же именно в дневнике его (о. Антонина — *и. В.*) доставило мне удовольствие? — поясняет сам С. И. Пономарев. — Речь его о знакомых лицах. ... Все лица, о которых он вспоминает немногими чертами ... памяты, и беглое слово о них было мне очень приятно»⁴. Странно здесь то, что, признавая значимость характеристик иных людей, Сергей Иванович отказывает в этом достоинстве рассыпанным на страницах дневника характеристикам, относящимся к самому автору, т. е. архимандриту Антонину.

С. И. Пономарев, пытаясь, как он думает, оправдать о. Антонина за мнимую бессодержательность «убогого пустопорожнего дневника»⁵, высказывает предположение, «что о. Антонин набрасывал страницы своего дневника только как столбы, как грани, как вехи для составления будущей истории своей жизни в Палестине»⁶. Что же понимается под вехами истории жизни о. Антонина? Беда многих исследователей и читателей записок о. Антонина в том, что такими вехами признаются и, соответственно, все внимание концентрируется на внешних событиях биографии выдающегося начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме.

Конечно, достоинство того или иного деятеля намного легче измерить видимыми и осязаемыми результатами, особенно если они бесспорны и, можно сказать, бросаются в глаза. Однако здесь возникает опасность подмены праведности успешностью. В отличие от светского общества Церковь призывает не обольщаться внешним величием. «Известность человека ... — говорится в рекомендации Синодальной комиссии по канонизации святых, — сама по себе не может быть признанным достаточной причиной для канонизации»⁷. Внешняя канва жизни и динамика внутреннего духовного мира далеко не всегда совпадают. Поэтому-то записки и публикации о. Антонина, приоткрывающие его духовную жизнь, позволяют не просто восполнить лакуны в его биографии, но и реконструировать духовный облик этой незаурядной личности.

Выработанная еще в юношеском возрасте привычка вести дневник, манера включать даже в научные статьи фрагменты воспоминаний из личной жизни, психологические наблюдения и рассуждения о духовных предметах дают нам счастливую возможность узнать не только то, *что* делал о. Антонин, но и то, *как* он это делал, каким духом был движим.

Анализ литературного наследия, особенно дневника, позволяет выделить несколько доминант, или значимых ориентиров, формирующих качество духовного облика о. Антонина. Таковыми, на наш взгляд, следует считать церковность, душеведение, патриотизм, совмещающий «родное и вселенское», а также его филэллинство и монархизм, любовь к древности, жизнерадостность как принцип отношения к миру и словотворчество как особенность словесного выражения. Между собой указанные доминанты пересекаются, взаимодополняют и поддерживают друг друга.

Центральной доминантой духовного облика о. Антонина, связывающей все остальные, является его церковность. Это понятие определяет некую качественность усвоения церковного предания в рамках широкого спектра интересов и занятий, объединяемых стремлением исполнить главную заповедь о любви к Богу и ближнему. От меры ее исполнения зависит степень личного благочестия. Особенность церковности о. Антонина, его монашества и священства — неприятие фарисейства и исключительное внимание к конкретному человеку.

В понятие «душеведения» вкладывается целый комплекс жизненных принципов о. Антонина таких, как исследование собственного духовного мира (в том числе, интерес к снам) и наблюдательность по отношению к другим. Прежде всего, он сам подчеркивает, что для него приоритетом является человек, а не бездушная природа или безжизненные следы прошлых цивилизаций: «причина веселого расположения духа для меня не в местности, а в людях»⁸. Это — естественное следствие его церковности, ибо и для Бога нет ничего дороже человека. Именно поэтому духовно близкие люди (родители, друзья, наставники) занимают в жизни о. Антонина

необычайно большое место. Более того, и дневник его, и даже, казалось бы, далекие от психологических штудий научные статьи и эссе наполнены психологическими наблюдениями — «душевной физикой», которая, по словам о. Антонина, «так же верна себе, как и вещественная»⁹.

Подлинная церковность раздвигает пределы человеческого бытия, избавляя индивида от эгоистической самозамкнутости, возводя его от естественности семейных связей через сознание принадлежности к определенному народу, усвоение культурно-исторического наследия и традиций к растворенному любовью «всеединству» во Христе, где «родное и вселенское» взаимопроникают, не уничтожая друг друга. В духовном облике о. Антонина явлен данный синтез.

Любовь к родине, начинающаяся с любви к родителям, приобретает у о. Антонина значение поиска «потерянного рая», первозданной духовной гармонии, напоминанием о которой служит невозвратимое счастливое детство. Именно поэтому его всегда тянет в Батурино, к этому образу он возвращается вновь и вновь на протяжении всей жизни. Но именно «духовное измерение» родины, осознание того, что «наше жительство — на небесах» (Флп. 3:20) позволяет о. Антонину спокойно сказать: «Для меня милая родина — всякое место, где я живу»¹⁰.

С патриотизмом о. Антонина неразрывно связан его монархизм, протекающий из патриархальной церковности. Благоговение и обожание Государя и Царского дома у о. Антонина было вполне осознанным, а не остатком детских восторгов от лицезрения монарха.

Патриотизм о. Антонина не противоречил его филэллинству. Прожив долгое время на Востоке, о. Антонин настолько усвоил греческий язык и менталитет, что превратился, по выражению В. Н. Хитрово, в «полтора грека»¹¹. Удручало о. Антонина поэтому появление и противопоставление мнимых «новых богов и гигантов — ... панэллинизма и панславизма»¹².

Разделение и противостояние христианских конфессий, чуждые духу христианства притязания римо-католиков и протестантов вызывали у о. Антонина скорбь. Тем более, конечно, его беспокоило разделение среди единоверцев. Сокровенное желание о. Антонина — единство вселенского православия, т. е. «чтобы ввести русскую церковь в действительную, живую связь со всеми отдельными частями православия»¹³. Это позволяет назвать о. Антонина, как пишут Н. Н. Лисовой и Р. Б. Бутова, «носителем и поборником подлинно вселенского православного сознания»¹⁴.

Собственно богословие не было призванием о. Антонина, по мнению архимандрита Феофана (Авсенева), усматривавшего в работах своего ученика некие «промашки против догматики. ... Учительство, — писал он о. Антонину, — не твое поле. Твое — история церковная, археология»¹⁵. Принесшие о. Антонину наибольшую славу исследования в области исторических наук (археологии, палеографии, нумизматики и др.) фундаментом своим имели его неизбежную

любовь к древности. История дала благодатную возможность явственно увидеть промысел Божий о народах, государствах и вообще — человечестве. Именно поэтому и эта доминанта духовного облика о. Антонина непосредственно увязана с церковностью. О. Антонин, где бы он ни бывал, старался не пропустить ни одного памятника древности, ни одной достопримечательности, к какой бы культуре, верованию и эпохе они не относились. Но всегда незримым критерием ценности и назидательности увиденного служил Христос.

Для о. Антонина окружающий его мир и его изучение — всегда напоминание о Боге и повод для Его благодарения. Жизнерадостность как принцип отношения к миру, являющемуся благим творением Божиим, может быть названа доминантой духовного облика о. Антонина, никогда не считавшего свое монашество поводом гнушаться или превозноситься над миром. Проявлениями этой жизнерадостности являлись и увлечение астрономией, и живописью, и музыкой, и общая любознательность. Однако жизнерадостность о. Антонина — не просто подарок судьбы. Она выстрадана им в борьбе с унынием, среди мучавших его на протяжении всей жизни метафизических вопросов о смысле жизни и тайне смерти.

В отличие от вышеперечисленных доминант, раскрывающих интенцию, предмет, содержание сердечного расположения о. Антонина, то, что мы назовем «словотворчеством», представляет соответствующее выражение, форму, словесный коррелят. Во многом о. Антонин — это его речь, слог, слово. Как справедливо заметила Р. Б. Бутова: «Человек — это его стиль»¹⁶. Если бы о. Антонин писал и говорил по-другому — это был бы уже другой о. Антонин. В развитие темы о «двух важнейших, — по выражению Р. Б. Бутовой, — особенностях природы и стиля Антонина ... — иронии и нежности»¹⁷, полагаем уместным говорить о юродстве и поэтичности как отличительных чертах словотворчества о. Антонина.

Указанные доминанты выстраивались, конкретизировались и, если так можно выразиться, приобретали «насыщенность» на протяжении всей жизни о. Антонина. Но если Иерусалимский период мы вправе назвать по преимуществу временем стяжания плодов духовной жизни, то предыдущие периоды как раз и соответствуют вехам формирования духовного облика.

Следуя традиционным путем исследователей, соотносящих периоды жизни о. Антонина со сменой мест его учебы или службы, а также учитывая известную «историсофскую концепцию» о «седминах» Капустинского рода, цитируемую о. Киприаном (Керном) из письма о. Иоанна Капустина, мы полагаем, что можно выделить следующие периоды: детство с преобладающим влиянием родителей и родных; юношество со становлением личности в годы учебы в начальных и средних духовных учебных заведениях; возмужание и самостоятельность с выбором монашества и священства как жизненного пути в годы учебы и преподавания в Киевской духовной академии; духовный расцвет во время настоятельства в посольской церкви в

Афинах; духовная зрелость и накопление опыта в годы настоятельства в посольской церкви в Константинополе и, наконец, создание «Русской Палестины» как достижение плода духовной жизни во время возглавления Русской духовной миссии в Иерусалиме.

По свидетельству самого о. Антонина, в первый период (1817–1825) — «в лета младенчества управляло мною ... одна беспечность, безотчетная любовь к святой родине, отцу-матери, родным»¹⁸. Здесь главное место — за доминантой патриотизма. Христианское воспитание и добрый пример родителей, благочестие всего священнического рода Капустиных, патриархальная обстановка сибирской глубинки заложили в детстве основы доминанты церковности.

В юности (1825–1839) на первый план выходит душевное. Это — начало ведения дневника в 15-ти летнем возрасте (1832), наблюдение над своими и чужими душевными качествами, страстями и добродетелями. Расширение душевного кругозора — знакомство в Перми с новым укладом — «светским обществом». Приоритет в духовной жизни настоящих дружеских отношений. Начало записывания снов и рассуждений о них (1835). Жизнерадостность проявляется в желании учиться, познавать, исследовать, читать не только церковную, но и светскую литературу. Начало увлечения астрономией, живописью, музыкой (гусли). Церковность характеризуется интересом к богослужению, проповеди, церковному пению, оценке личного благочестия преподавателей и наставников. Словотворчество выражается в занятиях поэзией (тетрадка со стихами «Грехи юности»).

В период возмужания (1839–1850) церковность обусловила принятие принципиальных решений о выборе монашества и священства как векторов будущей жизни и, в свою очередь, этим выбором еще более укрепились. Значительное влияние здесь оказали архимандрит Феофан (Авсенов), свт. Филарет (Амфитеатов), митрополит Киевский, свт. Иннокентий (Борисов), архиепископ Херсонский и прп. иеросхимонах Парфений (Краснопевцев). Душеведение выдержало искусы безвременной кончины ближайшего друга о. Антонина — Алексея Введенского и обогатилось скорбным опытом воспитания неблагодарных «духовных чад» — семинаристов Андрея Фоменко и Петра Нищинского. В это же время помощник инспектора КДА о. Антонин испытал первый опыт клеветы от студентов и непонимания от начальства. Душевные раны помогла пережить жизнерадостность. Патриотизм находил свое выражение в ностальгии по родной Батурине и родителям, верноподданнических чувствах и осознанном монархическом мировоззрении. Словотворчество получило свое развитие как в поэтическом творчестве («Седмица страстей Христовых»), так и в составлении сборника церковных проповедей («Круг подвижных праздников Церкви»). Сочинения о. Антонина начинают издаваться.

Годы настоятельства в посольской церкви в Афинах (1850–1860) можно назвать духовным расцветом как по субъективному восприятию в качестве счастливейшего (наряду с детством) времени, так и по объективным

параметрам плодотворности в различных сферах жизни. Церковность получила возможность проявиться в опыте храмоздательства («Никодим»), настоятельство посольской церковью выявило административный талант. В полной мере раскрылась любовь к древности в археологических, палеографических, нумизматических исследованиях, научных публикациях, многочисленных дальних путешествиях. Знакомство с греческой церковной и общественной жизнью уравнило патриотизм филэллинством, заложив фундамент вселенского православного сознания. Перенесение нестерпимой клеветы от «лжебратии» и избавление от «лже-чада» еще более перевело душеведение в практическую плоскость. Регулярная публикация статей по церковной и исторической тематике стала потребностью и придала дополнительный импульс словотворчеству.

Следующий период — настоятельства о. Антонина в посольской церкви в Константинополе (1860–1865) — характеризуется духовной зрелостью и богатством опыта. По сложившейся привычке, он начинает служение на новом месте с приведения в порядок церковных дел — благоуукрашения храма, введения стройного уставного богослужения. Возможности высокого церковно-дипломатического поприща, открывшиеся благодаря общению с Вселенским и иными Восточными патриархами, позволили о. Антонину еще глубже прочувствовать специфику Христианского Востока. По контрасту, именно в этот период о. Антонин единственный раз за все время заграничной службы съездил на родину в Батурино (1863). Сердечный выбор его, однако, остался за Востоком. Тяжело пережитая смерть отца (1865) еще более склонила в эту сторону чашу весов. Внутренняя работа компенсировала невозможность внешней деятельности. Продолжалось написание и публикация статей. Богатый материал давало изучение Византии, так сказать, наяву — в путешествиях, исследованиях письменных и вещественных источников.

Достигнув телесной и духовной зрелости, о. Антонин был призван к новому, уже последнему для него, но и принесшему наибольшую известность месту служения — в Иерусалим. К этому времени духовный облик о. Антонина сформировался вполне отчетливо.

Изобразив весьма схематично основные доминанты и вехи формирования этого духовного облика, мы попытались привлечь внимание к внутренней духовной жизни архимандрита Антонина (Капустина). Направлениями дальнейшей проработки поднятой темы могут служить исследования степени влияния различных лиц на формирование духовного склада о. Антонина, его собственного влияния на духовные процессы в русском обществе и Церкви XIX–XX вв., а также комплиментарности с иными (в частности, греческой) культурами. Самое же главное, требуется всестороннее изучение жизненного подвига о. Антонина, в том числе и с точки зрения возможности его прославления, в контексте чего наш доклад и призван внести свою скромную лепту.

- ¹ Цит. по: *Дмитриевский А. А.* Памяти библиографа и вдохновенного певца Св. Земли С. И. Пономарева. (По переписке его с о. архимандритом Антонином и В. Н. Хитрово). Петроград: Типография В. Ф. Киршбаума, 1915. С. 30.
- ² Там же. С. 51–52.
- ³ Там же. С. 52.
- ⁴ Там же. С. 52.
- ⁵ Там же. С. 51.
- ⁶ Там же. С. 52.
- ⁷ Рекомендации к деятельности епархиальных комиссий по канонизации святых в епархиях Русской Православной Церкви, утвержденные определением Священного Синода от 6 октября 2011 года // <http://kanonkom.ru/docs/rekomendacii-k-deyatelnosti-eparhialnyh-komissiy-po-kanonizacii-svyatyh.html> (дата обращения: 27.03.2017).
- ⁸ *Антонин (Капустин), архим.* Дневники: 1817–1894: в 35-ти т. Т. 3: 1841–1845. Машинопись // Государственный музей истории религии (далее ГМИР). Шифр Б. IV. № 853 (3). [Б. м.] С. 41. (3 июля 1841 г.)
- ⁹ *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Святой Горы. М.: Индрик, 2013. С. 147.
- ¹⁰ *Антонин (Капустин), архим.* Дневники: 1817–1894: в 35-ти т. Т. 6: 1856–1860. Машинопись // ГМИР. Шифр Б. IV. № 853 (6). [Б. м.] С. 271. (14 ноября 1857 г.)
- ¹¹ *Хитрово В. Н.* Памяти архимандрита Антонина. Речь на Годовом общем собрании Императорского Православного Палестинского Общества 21 мая 1894 г. // Хитрово В. Н. Собрание сочинений и писем. Т. 2. Статьи о Святой Земле. Из истории Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Из истории русского паломничества в Святую Землю / Сост., подг. текста и комментарии Н. Н. Лисового / Отв. ред. Л. В. Мельникова. М.: ИППО; СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2011. С. 226.
- ¹² *Антонин (Капустин), архим.* Заметки поклонника Святой Горы... С. 306–307.
- ¹³ Письма духовных и светских лиц к митрополиту Московскому Филарету (с 1812 по 1867 г.). ХLI. Письма архимандрита Антонина. Письмо ССLXX // Христианское чтение. 1899. № 10. С. 637.
- ¹⁴ *Лисовой Н. Н., Бутова Р. Б.* Архимандрит Антонин и его дневник // Антонин (Капустин), архим. Дневник. Год 1881 / Изд-е подготовили Н. Н. Лисовой, Р. Б. Бутова; Отв. ред. чл.-корр. РАН Я. Н. Щапов. М.: Индрик, 2011. С. 325.
- ¹⁵ «Служитель алтаря и истины ревнитель». Письмо архимандрита Феофана (Авсенева) архимандриту Антонину (Капустину). 1852 г. // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный и аннотированный альманах. Вып. 2. Киев и Киевская духовная академия в жизни архимандрита Антонина (Капустина) Ч. I. Академическое братство: сотрапезники и наставники. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, 2015. С. 418.
- ¹⁶ *Бутова Р. Б.* «Образ вечно-вещей Палестины» // Антонин (Капустин), архим. Из Иерусалима. Статьи, очерки, корреспонденции. 1866–1891. М.: Индрик, 2010. С. 25.
- ¹⁷ Там же. С. 25–26.
- ¹⁸ *Антонин (Капустин), архим.* Дневники: 1817–1894: в 35-ти т. Т. 1: 1817–1835: Родословие Капустиных. Машинопись // ГМИР. Шифр Б. IV. № 853 (1). [Б. м.] С. 210. (5 сентября 1835 г.)

ИЗ ПЕРЕПИСКИ АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА (КАПУСТИНА): АДРЕСАТЫ И КОРРЕСПОНДЕНТЫ

Р. Б. Бутова

Название моего сообщения говорит само за себя: речь пойдет о целом комплексе ценнейших источников второй половины XIX в., в полной мере репрезентативном и важном, который сложился благодаря огромному труду, вкусу, вообще любви Антонина к эпистолярному жанру. Благодаря тому, что письма писались практически ежедневно, сегодня мы можем говорить о богатом и разнообразном эпистолярном наследии архимандрита Антонина.

Письма хранятся в архивах, музеях и библиотеках нескольких стран (России, Украины, Греции, Германии, Израиля) в фондах государственных учреждений — Св. Синод, МИД и т.д.; общественных организаций — ИППО, Археологическое общество и т.д.; духовных и светских учебных заведений; периодических изданий от Петербурга до Одессы; личных фондах членов царской семьи, церковных, государственных, земских деятелей, ученых, писателей, благотворителей и т.д. Огромный корпус иерусалимских писем о. Антонина — это личная и официальная переписка, деловые и исповедальные, обращенные к неисчислимому множеству постоянных и случайных корреспондентов.

Эпистолярное наследие о. Антонина настолько важно для истории русского духовного, политического и научного присутствия на Ближнем Востоке, что копирование отдельных, наиболее интересных писем началось еще при жизни их автора (они отложились в архиве Палестинского Общества), а публикации — сразу после кончины архимандрита. Я имею в виду в первую очередь работы Алексея Афанасьевича Дмитриевского, секретаря Императорского Православного Палестинского Общества в 1906–1917 гг. В его биографических очерках: о русском после в Константинополе графе Н.П. Игнатъеве, библиографе Степане Ивановиче Пономареве, самом архимандрите Антонине, в книге по истории Палестинского общества и др. — во всех этих работах щедро цитируется переписка Антонина, в некоторых она указывается даже

в подзаголовках в качестве основного источника¹. В 1934 г. вышла книга архимандрита Киприана (Керна), в которой автор также цитирует много писем, сохранившихся в архиве Русской Духовной Миссии в Иерусалиме²; более чем через 25 лет появляется работа архимандрита (впоследствии митрополита) Никодима (Ротова) по истории РДМ, во многом построенная на письмах Антонина (некоторые приведены почти полностью)³.

Довольно трудно структурировать эпистолярное наследие архимандрита Антонина, поскольку из-за широкого и обширного объема переписки сложно решить, в какой последовательности выстраивать структуру. Вообще, представляется, что нет универсума, относящегося к эпистолярному наследию Антонина. Поэтому, как мне кажется, структура в основе своей всегда будет отвечать поставленному вопросу или проблеме, и исследователь всегда будет ограничивать себя сам и рамками своего исследования. Что я имею в виду?

Если ставить перед собой определенную задачу или выбирать тему, например: Эпистолярное наследие Антонина и история РДМ, — и история России на Ближнем Востоке, — археология, — строительство и т.д., то выстроить структуру адресатов и корреспондентов, зная общий объем, несложно. Пожалуй, есть только одна константа, в рамках которой возможна более или менее общая структура, это государственное и сословное устройство России. В рамках этого мы можем выстроить структуру, во главе которой стоит Император и императрица, цесаревич, великие князья и княгини, затем государственное устройство — МИД и Св. Синод, затем чиновники этих ведомств по старшинству, следом учебные заведения и научные и общественные организации (в России и за рубежом), органы периодической печати (в России и за рубежом), отдельный блок родные и близкие.

И что же мы здесь видим? Конечно, никакой переписки Антонина с императорами Николаем I, Александром II и Александром III нет и она была бы невозможна. Но, например, опосредованная переписка с императрицей Марией Александровной уже существует.

Щедрая благотворительность, которой занималась императрица Мария Александровна, охватывала различные сферы российской жизни. Одной из постоянных забот императрицы была благотворительная помощь и поддержка православных народов Османской империи. На протяжении двух десятилетий она постоянно оказывала из своих источников финансовую помощь Востоку. Архив Русской Духовной Миссии в Иерусалиме хранит большое количество документов, раскрывающих подлинный образ Марии Александровны как одной из самых активных благотворительниц русского дела в Палестине. В архиве РДМ отложилась переписка по каждому из траншей императрицы. Из канцелярии императрицы документы направлялись за подписью секретаря Марии Александровны Петра Алексеевича Морица (1817–1898), именно поэтому, когда я говорю «опосредованно», то имею в виду, что письма, конечно, писал Мориц, но вот их содержание

показывает личное участие в делах императрицы. Например, когда Антонин, продав свой бинокль и часы, на собственные средства арендовал дом и разместил русскую школу в Бет-Джале, то получил такое письмо из канцелярии императрицы: «Ее Величество вполне изволит одобрять благое Ваше намерение, — писал секретарь Мориц, — и разрешает Вам устройство школы в Бетжале, на счет денежных сумм, пересылаемых в Ваше распоряжение из Собственной канцелярии».

В 1890 г. планировалось посещение Святой Земли наследником-цесаревичем Николаем Александровичем, но паломничество не состоялось. Однако, о. Антонин, воспользовавшись случаем, написал письмо цесаревичу и передал подарки: «своедельную» икону «Целование Марии», два альбома фотографий и книги. Архимандрит писал:

«Альбом (в двух экземплярах) видов некоторых местностей Палестинских, ставших отселе русским достоянием и свидетельствующих на все пребудущие времена о ее (Русской Духовной Миссии. — Р.Б.) ненапрасном существовании в Св. Земле, взамен неисполнившегося задушевного желания ее — иметь счастье лично показать будущему Венценосцу России все, достигнутое ее малыми усилиями в местах, столь дорогих всему христианскому миру, и столь близких Христианскому Отечеству нашему. ... Осмелившийся же писать сии строки, молитвенно возводящий свои дряхлые руки ко Господу о благополучном странствовании Вашего Высочества, с своей стороны смиренно и всепреданно подносит Вашему богочестивому духу частицу мощей св. Великомученика и Победоносца Георгия, и свое последнее литературное произведение, моля дать ему место в последних рядах библиотеки Вашей... Второй экземпляр всех приношений да благоволит милостиво принять Его Императорское Высочество Государь Великий Князь Георгий Александрович»⁴.

В 1872 г. Антонин сопровождал в паломничестве по Святой Земле великого князя Николая Николаевича Старшего. В архиве РДМ сохранилось письмо генерал-майора А.А. Орлова, состоявшего при великом князе Николае Николаевиче Старшем, к архимандриту Антонину от 10 июня 1885 г.:

«Ваше высокопреподобие, отец Антонин.

Присланный Вами ... на имя государя великого князя Николая Николаевича Старшего *бочонок вина* с плантациям при священном Дубе Мамврийском получен и представлен Его Императорскому Высочеству.

Государь великий князь приказал мне выразить Вашему Высокопреподобию свою сердечную признательность за присылку вина, составляющего редкость для здешних мест»⁵.

Переписка с **великим князем Сергием Александровичем** посвящена различным вопросам — строительству церкви Марии Магдалины, деятельности ИППО в Святой Земле, строительству подворий в Иерусалиме, расширению штата РДМ, конфликту между РДМ и ИППО. Это рескрипты, письма и телеграммы великого князя, письма и донесения Антонина.

Например, письмо Антонина от 20 сентября 1887 г.:

«Ваше ИМПЕРАТОРСКОЕ Высочество, Государь Великий Князь.

Недавнее, высокую снисходительностью христоролюбивой души Вашего Высочества вызванное, неоценимое внимание Ваше к моей убогой личности до того тронуло меня, что я, забывая свое ничтожное значение и положение, поддаюсь неумолкаемому зову сердца и являюсь перед светлое лице Ваше, хотя и мысленно только, с лепетом живейшей благодарности. Достигши фатального термина привременного бытия, за которым оплаканные Псалмопевцем «труд и болезнь» становятся уже насущною долею человека, я молил бы Господа, по милостивому слову Вашему, продлить умаляющиеся дни жизни моей настолько, чтобы сделать что-нибудь достойное той чести, которую я взыскан, — в глубокой тишине духа довершая свое земное поприще.

Тишина духа... редкое и весьма ненадежное состояние человека! Благо тому, кто стяжет ее, и благословение Господне на том, кто поможет стяжать. Тишины сей и я, последний из живущих духом, желаю и чаю, но не всегда достигаю, и потому осмеливаюсь прибечь к «готовому на всяко дело благо» сердцу Вашему за действительную помощь. Есть предмет, к которому я не могу отнестись, не возмущаясь духом. Это — давнее, упорное, систематическое неблаговоление Министерства Иностранных Дел, а за ним и — Палестинской зовомой Комиссии к нашей здесь Духовной Миссии»⁶.

Переписки с Елизаветой Федоровной не существует, но известно письмо Антонина тому же Сергию Александровичу, посвященное подарку в память о переходе великой княгини в православие:

«Я, ободряемый высокими, ничем незаслуженными, милостями Вашего Высочества ко мне, осмеливаюсь через Ваше посредство просить Ее Высочество благоволить принять на воспоминание о Палестине несколько античных вещиц, хранившихся в недрах ее более тысячи лет и как бы ждавших только случая заявить собою новой поборнице православия о православии древнейших времен»⁷.

Чрезвычайный интерес представляет письмо Антонина к великому князю Павлу Александровичу от 27 мая 1892 года — о ремонте церкви Марии Магдалины и обустройстве ее участка. *«Первая наступившая зима указала мне на вопиющую необходимость защитить все место от размываемой дождями земли еврейского кладбища, нависшего над ним свысока, и весь косогор обратить в систему террас, затем, другого рода необходимость настояла обнести стеною крепкою и приглядною царское место с севера и юга, т.е. со стороны двух дорог, ведущих из Гефсимании на Елеонскую гору, и на высшей точке его устроить наблюдательную станцию со всею обстановкою жилого приличного дома, который теперь служит для почетного приема всех посетителей “Русского Парадиза”»⁸.*

После паломничества в Святую Землю в январе 1889 г. удостоил Антонина своим рескриптом от 23 мая 1890 г. великий князь Александр Михайлович — с благодарностью за присланную архимандритом ему в подарок статуэтку Перикла. «Искренно и сердечно благодарю Вас за Ваш милый подарок и за Вашу память обо мне. Я всегда с удовольствием вспоминаю свою поездку в Палестину, доставившую мне возможность познакомиться с Вами. Надеюсь, если Бог позволит, снова увидеться с Вами в недалеком будущем.

Еще раз благодарю вас за Вашу любезность и от души желаю Вам всего лучшего.

Поручая себя молитвам Вашим, пребываю навсегда искренно Вас уважающий Александр Михайлович» (Архив РДМ. П. 69. Д. 1442. 1 л.)

Многолетний опыт службы на Востоке позволил Антонину сделаться редким, если не единственным в Русской Церкви носителем и поборником подлинно вселенского православного сознания. Об этом свидетельствует, к примеру, его знаменитое письмо от 10 января 1861 г. митрополиту Московскому Филарету (Дроздову), являющееся своеобразным итогом десяти лет «аттических» трудов и размышлений.

«Смирнейше честь имею исповедать Вам, что благодать Божественная восполнила все недостаточество мое блаженною возможностью видеть, изучить и полюбить до жалости, до ревности священную колыбель родившей меня Матери Святой Церкви, — землю, возделанную руками апостолов, упоенную кровью мучеников, орошенную потоми подвижников», — с такого своеобразного гимна Православной Элладе начинает архимандрит Антонин свое письмо. «Я убежден, что призван сделать что-то, что именно не знаю и предвидеть не могу. Но если бы даже и только то, чтобы увидеть первому исходящий от престола Мироправителя новый свет благоволения Его к месту избрания, и вместе с тысячами других рук простереть свои слабые руки к разорванным звеньям византийской истории, сцепить их снова и начать новую историю Церкви христианской, исходящую по-прежнему из Византии как из своего сердца повсюду, но уже не к раздроблению Тела Христова по странам, по народам, по языкам, по правительственным системам, по школам, по страстям, по нуждам, а к воссоединению всех в совокупную жизнь духа, любви, мира, радости о Духе Святе» .

Стремление осмыслить и довести до российского священноначалия различия между греческим и русским богослужением, обрядом, устройением церковной жизни о. Антонин сознавал как долг «глубокой признательности воспитавшей меня Матери Церкви». Архимандрит выражал надежду, что Святейшей Синод поручит ему — и всем, имеющим возможность изучать Греческую Церковь — «изложить все подробности, все разности церковной практики греческой с нашей и даже обобщить эту меру на другие православные Церкви Востока».

Автор призывает глубокочтимого им святителя стать «покровителем возвратного движения России к древнеотеческому православию седми Вселенских соборов, с исподвольным отрицанием новизн Греческой Церкви, которые мы, русские, застали уже готовыми и усвоили себе как неотъемлемый критерий православия, и с необязанным отвержением новизн наших — русских». «Время, в которое мы живем, требует настоятельного пересмотра прошедшего, — утверждает о. Антонин, — для того, чтобы «ввести Русскую Церковь в действительную живую связь со всеми отдельными частями Православия. Только единство истинное, а не номинальное, может дать силу Восточной Церкви и дать ей в руки знамя победы над неправославием».

Антонин был первым, кто так решительно сказал, что нужно отменить нововведения синодального периода и что есть чему поучиться у Греческой Церкви, отложив своей поместный патриотизм и провинциализм.

Вместе с тем, переписка с митрополитом Санкт-Петербургским Исидором (Никольским) показывает, насколько сложны были отношения с греками. Характерно, что и в официальных письмах Антонин умел и любил быть острым на язык и жестким в суждениях и все называть своими словами.

«Зная отчасти лично, а более того по слуху, и бывшего Архиепископа Синайского Кирилла, и архимандрита Евгения, я с своей стороны считаю священным долгом службы и правды свидетельствовать пред Святейшим Синодом, что оба лица не стоят поддержки нашей. О действиях первого излишне говорить после того, что известно стало всему свету по печатным сочинениям, и известно Святейшему Синоду по официальному изложению Синайского братства. О последнем достаточно припомнить, как он в 1861 или 1862 году покупал у бывшего Патриарха Александрийского Каллиника Престол его (по молве за 30 т. австрийских червонцев), но не успел в том по соперничеству другого претендента, предложившему продавцу большую сумму, но, к счастью, также не успевшего в своей позорной спекуляции»⁹.

Очень интересна переписка Антонина и Обер-Прокурора Св. Синода Константина Петровича Победоносцева. Вот одна лишь небольшая цитата из письма Антонина от 14 марта 1884 г.

«Ваше Высокопревосходительство!

... Ничего нет легче здесь, в Иерусалиме, русскому человеку и патриоту, как заслужить репутацию недоброжелателя и поносителя греков. Это знает всякий, хоть сколько-нибудь развитый поклонник наш, умеющий делать различие между святынею и торгом во имя ее» (АВП РИ, ф. РИППО, оп. 873/5, д. 41, л. 18–19).

Но в целом их переписка в основном касается трудностей не столько приобретений, сколько оформления купленных Антонином земельных участков.

Особое место в эпистолярном наследии Антонина занимает переписка с русскими дипломатами на Востоке. Многолетние дружеские и доверительные отношения связывали его с известным знатоком дел в Турецкой империи, российским послом в Константинополе графом Николаем Павловичем Игнатьевым. Их переписка сохранилась и опубликована¹⁰.

Игнатьев, как правило, охотно прислушивался в церковных вопросах к мнению архимандрита. Так например, Игнатьев писал о. Антонину по поводу Синайской библии: «Поступлю согласно вашим указаниям. Жду ваших окончательных (положительных, а не только насмешливых) заключений для немедленного представления и об орденах и об остальном».

Граф Н.П. Игнатьев ценил в архимандрите Антонине, прежде всего его прирожденный дипломатический такт и гибкий проницательный ум. «Читая письмо ваше, я, — признавался он однажды своему confidentу, — еще более убеждался в дипломатических способностях ваших. Тонкости и недомолвки — Филаретовские. Убежден, что вы со всеми поладите и всех, простите за выражение, если нужно, около пальчика обведете».

Кроме прирожденного дипломатического такта и его глубокого знакомства с восточными делами граф Игнатьев ценил в о. Антонине его высокую религиозную настроенность и его умение мастерски владеть пером. «Благодарю вас за радушный привет из Святого Града, — пишет граф Игнатьев после разлуки с о. арх. Антонином. — Конечно, ничто не заменит мне изустную беседу с вами, но некоторое утешение доставит мне заочный обмен мыслей. И в другом письме: «Возобновляю дружескую мою переписку с вами, хотя и душевно предпочел бы заменить оную действительною беседою с глаза на глаз». «Мастер вы писать, и ученое, и глубокое, и занимательное и дипломатическое». И в другом письме: «Кто же возьмется написать так дипломатически и так крючковато (так ли?), но вместе с тем так православно, как вы».

Бывали случаи, когда Игнатьев предлагал Антонину совместные согласованные демарши перед петербургским начальством: «Не признаете ли вы возможным, в виде дополнения к донесению вашему в Святейший Синод, написать мне (действую поневоле вопреки правилу: Святейший Синод меня впутывает в дела церкви) такое письмо, которое я мог бы послать в подлиннике в Петербург. ... А я отправлю письмо ваше с добавлением своих замечаний для подкрепления... Надеюсь, что письмо ваше будет написано с тактом, обычным вам искусством, что выгородит и меня, и вас, и достоинство Русской Церкви, и патриарха и прольется, как ушат мерзлой воды на читающего (митрополита Филарета) в Петербурге».

Иногда прямота антониновских писем в Св. Синод почти пугала посла: «Если бы я был с вами в Иерусалиме, конечно, я постарался бы уговорить вас некоторые вещи выпустить из донесения. Но вы такой храбрый, что просто беда!».

Несмотря на эту почти дружескую, насколько позволяло положение в обществе, титулы и чины переписку с графом Игнатьевым, общие взаимоотношения архимандрита Антонина с русскими официальными и дипломатическими службами на Востоке — одна из самых сложных и болезненных тем. Имеются в виду русское консульство в Иерусалиме (1858), Палестинский Комитет (1859), преобразованный позже в Палестинскую Комиссию (1864), и Православное Палестинское Общество (1882).

Представляя в Палестине Русскую Церковь, в обязанности Миссии входило лишь духовное «окормление» паломников, прибывающих из России. Но Миссия постоянно преступала — и вынуждена была преступать — предначертанные ей границы, поэтому ее отношения с официальным Петербургом и его представителями за рубежом, были, как правило, напряжены. Поведение о. Антонина не всегда укладывалось в рамки сложившейся практики дипломатических отношений между Турцией и Россией, нарушая рутинную систему. Сложность ситуации состояла в невыясненности статуса Миссии в «треугольнике» между Св. Синодом, консульством и Палестинской комиссией.

Подобно тому, как вся Русская Церковь находилась в подчинении у бюрократического аппарата, так и РДМ была в глазах чиновников российского МИДа вполне бесправным и едва ли нужным придатком светских дипломатических структур. В 1870-х гг. неоднократно ставился вопрос о закрытии Миссии и перемещении архимандрита Антонина, в том числе, с возведением в сан епископа.

В этой связи кратко процитируем отрывки из известного, частично опубликованного письма о. Антонина одному из главных деятелей на Востоке, управляющему делами Палестинской комиссии при Азиатском департаменте МИД Б.П. Мансурову 1879 г. Речь идет о закрытии Миссии, поэтому письмо архимандрита, начинаясь личным, доверительным тоном — «Благоволите припомнить, Ваше Превосходительство, как Вы, в бытность свою в Афинах в 1859 г., любезно почтили меня знакомством Вашим» — постепенно набирает силу — «Как же во все эти трудные и большею частью скорбные для меня годы смотрела на службу мою здесь Палестинская Комиссия? Простите за правду, — недоброжелательно. И в самом деле, я чужой по званию, бывши своим в Министерстве иностранных дел по службе» — и, наконец, заканчивается стальными нотами — «Что же мешало успеху? Еще раз простите. По общему говору, ничто, кроме Вашей личной антипатии к Миссии».

Когда, в 1882 г. было создано Православное Палестинское Общество, о. Антонин был его почетным членом, активно сотрудничал с основателем ППО В.Н. Хитрово, осуществил по поручению и на средства великого князя Сергея Александровича раскопки на Русском месте близ храма Воскресения в Иерусалиме, в результате которых был открыт Порог Судных Врат.

А также по поручению великого князя осуществлял общее руководство строительством храма св. Марии Магдалины. Тем не менее, отношения Миссии и ее начальника с Палестинским Обществом не были ровными и гладкими, и это ярко проявилось в переписке о. Антонина и главных деятелях ИППО — Хитрово, Степанове, Лермонтове.

Антонин состоял членом многих научных обществ в России и за рубежом — Афинского, Немецкого Восточного и Русского археологических обществ; Одесского Общества истории и древностей, Московского общества любителей духовного просвещения, Уральского Общества любителей естествознания; Почетным членом Православного Палестинского Общества и Киевского Церковно-археологического общества; Почетным членом Киевской, Санкт-Петербургской и Московской Духовных академий, награжден греческим Командорским крестом ордена Спасителя «за ученость» и удостоен Большой серебряной медали Русского Археологического общества.

Именно поэтому в его эпистолярном наследии можно встретить письма, многих выдающихся ученых второй половины 19 века. Тем более что палестинское «владельчество» и строительство о. Антонина неразрывно связаны были для него с интересами православной археологии. Во второй половине XIX в. вся Палестина становится археологическим объектом. Располагая значительными средствами, английский Фонд исследования Палестины, Немецкое Палестинское общество и др. вели большие археологические исследования. Результаты печатались в широко распространявшихся научных изданиях.

Русские археологи тоже внесли свой вклад в изучение Святой Земли. В письмах Антонина находят отражение исследования самого архимандрита на Елеоне, в Айн-Кареме, Гефсимании, Иерихоне; а также раскопки всех известных археологов-палестиноведов того времени.

Из писем Антонина мы узнаем и об открытии англичанином Чарльзом Уорреном системы водоснабжения древнего Иерусалима, и о многочисленных проектах немецкого архитектора и археолога Иерусалима Конрада Шика, и об изучении древних надписей французским консулом Шарлем Клермон-Ганно.

Письма — источник по истории жизни инославных общин Палестины. Архимандрит Антонин внимательно следит за литургическими, богословскими и даже бытовыми особенностями жизни различных конфессий. И это выделяет его среди многих других русских, почти или вовсе не интересовавшихся спецификой религиозной жизни и быта местного населения.

Интерес о. Антонина к инославным был продиктован, в первую очередь, на наш взгляд тем, что он рассматривал русскую жизнь в Иерусалиме и русское присутствие в Палестине в контексте Вселенского православного делания, и даже более широко, общехристианского присутствия в мире.

Говоря **о языке** о. Антонина, мы вплотную касаемся стихии, где наиболее ярко раскрывается автор. Письма требуют серьезного лингвистического анализа. Они характеризуются живым, сочным язвительным языком. В виртуозном «плетении словес» он соединяет цитаты и использует лексику из самых разных областей, жанров, языков (у него перемежаются русский, украинский, греческий, латинский, арабский, немецкий, французский). Игры со стилем, игра словами из разных языков, цитаты иногда лирические, а иногда иронические, обороты и тексты церковнославянские. Иногда тексты поражают душевной открытостью, лиричностью и ностальгическим настроем.

Например, письмо архимандрита Антонина к В.Н. Хитрово от 12 октября 1888 г., начинающееся словами: «Конец праздникам. Погуляли, пошумели, погалдели, побегали с места на место. Пора и присесть к столу и взяться за работу будних дней», — это ничто иное как начало отчета о пребывании вел. кн. Сергия Александровича в Иерусалиме.

Думаю, эпистолярное наследие архимандрита Антонина (Капустина) заслуживает самого пристального внимания, изучения и публикации.

- ¹ Дмитриевский А.А. Граф Н.П.Игнатъев как церковно-политический деятель на Православном Востоке. (По неизданным письмам его к начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме о. архимандриту Антонину Капустину) / Сост. и автор предисл. Н.Н. Лисовой // Дмитриевский А.А. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме. М.-СПб., 2009. С. 465–558; Памяти библиографа и вдохновенного певца Святой Земли С.И.Пономарева. (По переписке его с о. архимандритом Антонином и В.Н.Хитрово) // Там же. С.559–623.
- ² Киприан (Керн), архимандрит. Отец Антонин (Капустин), архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Белград, 1934. Репринт: М., 1997, 2005.
- ³ Никодим (Ротов), митрополит. История Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Серпухов, 1997; То же (в сокращенном варианте): Богословские труды. Сб. 20. М., 1979. С. 15–82.
- ⁴ Письмо опубликовано: Россия в Святой Земле: документы и материалы. В 3-х тт. Т. 1. Изд. подг. Н.Н. Лисовой. М.: Изд-во «Индрик», 2015. С. 417.
- ⁵ Архив РДМ. П. 59. Д. 1160. Опубл.: Россия в Святой Земле: документы и материалы. В 3-х тт. Т. 2. Изд. подг. Н.Н. Лисовой. М.: Изд-во «Индрик», 2017. С. 336.
- ⁶ Россия в Святой Земле: документы и материалы. В 3-х тт. Т. 2. М., 2017. С. 344.
- ⁷ АВП РИ, ф. РИППО, оп. 873/1, д. 589, л. 4–4об. Опубл.: Россия в Святой Земле: документы и материалы. В 3-х тт. Т. 2. М., 2017. С. 494–495.
- ⁸ Россия в Святой Земле: документы и материалы. В 3-х тт. Т. 2. М., 2017. С. 377–380.
- ⁹ Письмо архимандрита Антонина (Капустина). Иерусалим. 4 февраля (получено <в Петербурге> 2 марта) 1868 г. // Институт Рукописей Национальной Библиотеки Украины им В.И. Вернадского. Ф. XIII. Ед. хр. 228. Л. 27–28об.
- ¹⁰ Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатъевым. 1865–1893 / Изд. подг. К. Вах и О. Анисимов. М., 2014.

АРХИМАНДРИТ АНТОНИН (КАПУСТИН) В ПЕРЕПИСКЕ О. МАТФЕЯ (ОЛЬШАНСКОГО) И А. А. ДМИТРИЕВСКОГО

В. А. Ромодановская

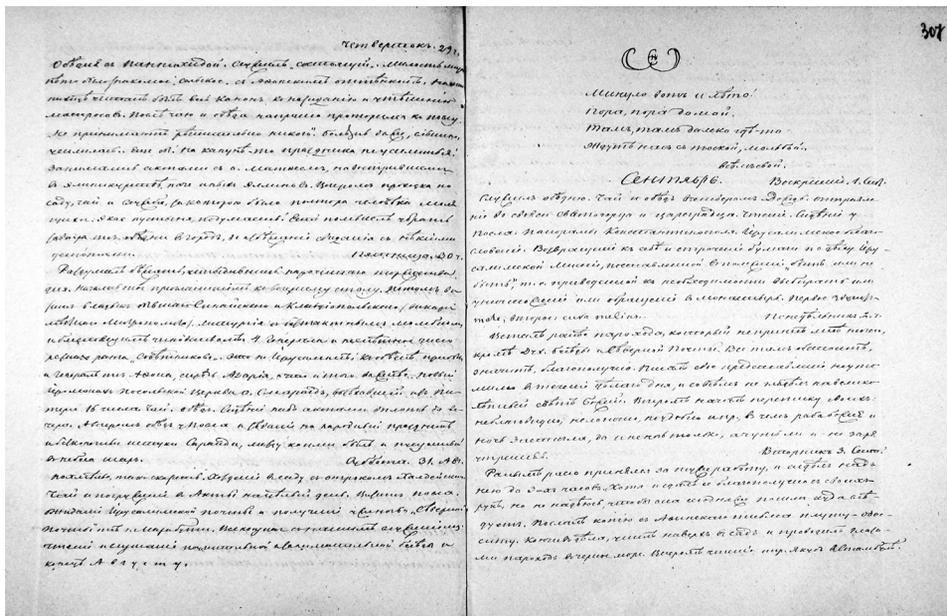
Алексей Афанасьевич Дмитриевский, известный русский литургист, впервые посетил Афон в 1886 г. вместе с тремя профессорами Киевской Духовной Академии: А. А. Олесницким, К. Д. Поповым и Ф. Я. Покровским. Он несколько месяцев проработал в библиотеках Святой Горы и познакомился и, можно сказать, сдружился с библиотекарем Свято-Пантелеимонова монастыря о. Матфеем (Ольшанским).

Схимонах Матфей (в миру Михаил Павлович Ольшанский) был в это время одним из лучших знатоков греческой рукописной и старопечатной книги и православного богослужения. Он родился в купеческой семье города Купянска Харьковской губернии 5 ноября 1840 г., получил в родном городе начальное образование, посещал с родными Оптину пустынь и в 1860 г., в возрасте 19 лет, поступил в число ее послушников и стал духовным чадом оптинского старца иеросхимонаха Макария (Иванова). В 1863 г. о. Матфей прибыл на Афон, в монастырь Св. Пантелеимона, где был поручен о. Азарию (Попцову), тонкому знатоку греческого языка. О. Азарий вел всю деловую переписку монастыря, писал публицистические статьи в греческих газетах Константинополя и Афин, а также в русской периодической печати, готовил к публикации издания афонских актов, Афонского патерика и различных служб.¹ О. Азарий содействовал приобретению рукописей коллекционерами архим. Порфирием (Успенским) и архим. Антонином (Капустиным), а также В. И. Григоровичем. В 1873 г. о. Матфей совершил паломничество в Святую Землю. В Иерусалиме он познакомился с архим. Антонином (Капустиным), начальником Русской Духовной Миссии, и его помощником о. Виссарионом, из иноков Пантелеимонова монастыря. По возвращении на Афон о. Матфей занял место секретаря обители (вместо скончавшегося в 1878 г. о. Азария) и стал вести монастырскую переписку. Любимым детищем о. Матфея была библиотека, приведенная им в образцовое состояние

и постоянно пополнявшаяся книгами и рукописями. Особая заслуга о. Матфея состояла в его помощи приезжавшим на Афон ученым-византистам, как из России, так и из Европы. Почти все известные византилисты и исследователи христианского Востока — Ф. И. Успенский, Н. Ф. Красносельцев, В. Н. Бенешевич, В. Э. Регель, Х. М. Лопарев, И. И. Соколов, П. А. Лавров, Г. Милле, С. Ламброс, Л. Пти и многие другие — находили в лице о. Матфея деятельного помощника в своих занятиях. С некоторыми из них у него впоследствии завязывалась переписка; через о. Матфея они заказывали копии рукописей или получали от него подробную справку по интересующим их вопросам. Переписка о. Матфея с византистами только начинает изучаться; между тем, она представляет ценный материал как для истории науки, так и для самого предмета исследований.²

Переписка о. Матфея с А. А. Дмитриевским продолжалась в течение четверти века, с 1886 г. до кончины афонского старца 2 сентября 1911 г. и включает в общей сложности более 140 писем, сохранившихся в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург, Россия)³ и в Архиве Русского Пантелеимонова монастыря (Святая Гора Афон, Греция).⁴ В начале 2017 г. она полностью была опубликована в московском издательстве «Индрик».⁵ В письмах А. А. Дмитриевского и схимонаха Матфея (Ольшанского) чувствуется в первую очередь их обоюдный интерес к литургическим рукописям и истории богослужения: предметом обсуждения были новые работы как самого Дмитриевского, так и его коллег. Исполненные тонкого юмора и ученых шуток письма обоих корреспондентов содержат и характеристики ученых мужей, порой весьма красочные и едкие. Особой темой были копии документов выдающихся церковных деятелях, связанных с Православным Востоком, публикации очерков о которых Алексей Афанасьевич посвятил много сил и времени. В их числе архимандрит Леонид (Кавелин), игумен Пантелеимонова монастыря о. Макарий (Сушкин), епископ Порфирий (Успенский), русский посол в Константинополе, а позже министр внутренних дел граф Н. П. Игнатьев. Но с особой сердечной теплотой пишут о. Матфей и А. А. Дмитриевский о начальнике Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрите Антонине (Капустине).

Имя архимандрита Антонина (в миру Андрея Ивановича Капустина) в последние два десятилетия хорошо известно всякому, интересующемуся историей «русской Палестины». Отец Антонин — ученый-византист, церковный деятель, с именем которого связан расцвет Русской Духовной Миссии на Святой Земле. Он окончил Киевскую Духовную Академию в 1844 г., а в 1850 был назначен настоятелем русской посольской церкви в Афинах и именно с этого времени начинается его деятельность у святых мест, равно как и собирательство, изучение и описание, по его собственному выражению, «антиков» археологических и археографических редкостей: надписей, рукописей, книг. В 1859 г. о. Антонин совершил свое первое

Дневник архимандрита Антонина (Капустина). 29 августа — 3 сентября 1868 г.
РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1125. Л. 306 об.—307

путешествие на Афон, где составил описания нескольких монастырских рукописных собраний. Работу по описанию рукописей архимандрит продолжил в Константинополе, где он был так же настоятелем посольской церкви с 1860 по 1865 г. Здесь в 1862 г. им был составлен каталог 624 рукописей библиотеки иерусалимского Святогробского подворья в Константинополе; впоследствии, в 1890 г., этот каталог был включен А. А. Дмитриевским в книгу «Путешествие по Востоку и его научные результаты».⁶ В 1865 г. о. Антонин был назначен временно заведующим делами Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, а в 1869 г. утвержден в должности ее начальника, каковым и был вплоть до своей кончины 24 марта 1894 г.

В Иерусалиме архимандрит Антонин продолжал заниматься изучением рукописного наследия: в 1867 г. он работал с рукописями Патриаршей библиотеки в Иерусалиме, изучал грузинские рукописи Крестного монастыря. В 1868 г. составлял описание рукописных и старопечатных книг Лавры Саввы Освященного, а в 1870 — описание 1310 греческих, почти 40 славянских и около 500 арабских рукописей библиотеки монастыря Великомученицы Екатерины на Синае. В благодарность за эту работу отец Антонин получил в дар от братии монастыря Киевские глаголические листки, переданные им в библиотеку Киевской Духовной Академии. Продолжал он собирать и собственную коллекцию рукописных книг — и, по сути, был одним из лучших, если не самым знающим знатоком рукописной книжности на Востоке.

Именно в этой связи он и упоминается в первый раз в письме А. А. Дмитриевского к о. Матфею (Ольшанскому) в письме с Синая от 4 апреля 1888 г., после трехмесячного пребывания Дмитриевского в Иерусалиме, работы с рукописями Патриаршей библиотеки и знакомства с о. Антонином: «Кое-что нашел интересное в Патриаршей библиотеке, но самую капитальную находкою считаю “Чин службы страстной седмицы и Пасхи в Иерусалиме” IX–X в. Это такая вещица, что вполне стоит типикона Феодора Студита. Пришлось над ним много поработать. Теперь приготовил к печати и отослал из Каира в Казань для напечатания в “Православном собеседнике”. Лучшее характеристикою этой находки могут служить слова архимандрита Антонина: “Это золотом должно быть напечатано”. И действительно, помимо литургического значения открытый мною памятник важен для археологии Палестины, для топографии Святых Мест».⁷ О. Матфей, побывавший в Иерусалиме и познакомившийся с начальником Русской Духовной Миссии пятнадцатью годами раньше, в 1873 г., вне всякого сомнения, понимал значимость как самой находки молодого тогда исследователя Дмитриевского, так и высокой ее оценки семидесятилетним иерусалимским старцем.

Второй раз имя о. Антонина возникает в переписке уже в письме о. Матфея от 17 января 1891 г.: «Вы знаете, что под присмотром покойного Филиппа Алексеевича Терновского печаталась наша книга “Акты”. Тогда дело с ним и переписку вел мой предшественник по библиотеке и старец о. Азарий, которым книга была приготовлена к печати при участии о. Антонина (архимандрита Иерусалимского)».⁸ Архимандрит Антонин участвовал в подготовке издания актов русского монастыря св. Пантелеимона на Афоне во второй половине 60-х гг. XIX в.⁹ и в связи с этим вел активную переписку и неоднократно встречался с создателем библиотеки Руссика о. Азарием (Попцовым). Дневники архимандрита сохранили записи об этих встречах, вот, как иллюстрация, одна из них, от 30 августа 1868 г.: «К обедне прибыл и генерал от Афона, сиречь Азария...».¹⁰ В приписке к этому фрагменту о. Матфей просит Алексея Афанасьевича узнать, нельзя ли вернуть в Пантелеимоновскую обитель письма братии к Филиппу Алексеевичу Терновскому. В ответном письме от 6 февраля 1891 г. Дмитриевский на эту просьбу отвечает отказом: «У Филиппа Алексеевича я не нашел ни одного письма Вашего старца “об актах”, и вообще у него не много интересных писем с Афона. Очевидно, в пожаре¹¹ много их сгорело. Поэтому нет надобности хранить их».¹² Обращение о. Матфея с подобной просьбой к Дмитриевскому вполне объяснимо: несколько лет Алексей Афанасьевич в Киеве жил в доме братьев Терновских. По воле случая, один из первых некрологов покойного архимандрита был написан Сергеем Алексеевичем Терновским.¹³

После кончины архимандрита в письмах обоих корреспондентов проскальзывает печаль и невольное сравнение обстановки «до» и «после» о. Антонина.

2 августа 1898 г. Дмитриевский пишет из Иерусалима с очевидной грустью: «Виделся несколько раз с о. Рафаилом,¹⁴ но он, окруженный изысканною роскошью, жалуется на немощи. Недавно целых три недели купался в Яффе. Все миссийские стонут под его правлением. Деятельность Миссии сводится к нулю. Ничего антониновского здесь нет. На днях отослал в петербургскую Публичную библиотеку и антониновские рукописи. Юродствует здесь и о. Августин, земляк о. Рафаила, небезызвестный и Афону Антон-горемыка».¹⁵ Это наблюдение осталось без ответа со стороны о. Матфея.

В 1904 г., через 10 лет после смерти о. Антонина (Капустина), А. А. Дмитриевский пишет уже более деловито: «На днях произнес две речи: “Триодь постная — училище благочестия” и “Антонин Капустин как деятель на пользу Православия в Палестине”. По отпечатании — экземпляры получите. Предназначенные Вам “Ставленник” и другие книги лежат еще у меня, так как свояченица моя осталась в Киеве праздновать и Пасху. Поплывут эти книги при первой возможности».¹⁶ И в продолжение этой темы — 7 апреля того же года: «Ввиду совершившегося десятилетия со дня кончины, я взял труд почтить память труженика науки своим посильным словом».¹⁷

В письме от 20 июля Дмитриевский впервые ставит вопрос о копировании писем Антонина Капустина: «В “Известиях Палестинского Общества” печатается моя речь “Архимандрит Антонин, настоятель Русской Духовной Миссии в Иерусалиме”. Мне хочется написать статью “Чем отличается Антонин от Порфирия”. Зная, что Вы имеете письма Антонина, и особенно касающиеся приобретения рукописей, я теперь обращаюсь с усердною просьбою списать копии хотя бы нескольких и прислать их мне в Киев. За труд я был бы весьма благодарен и копиисту заплатил бы».¹⁸ О. Матфей отвечает на это 1 сентября: «Пред личностью и памятью о. архимандрита Антонина я благоговею. Но едва ли попаду в тон, задаваемый Вами в статье, “чем он отличается от Порфирия?”. Да, пожалуй, это совершенные контрасты — во всем. У меня сейчас под рукой 45 писем о. Антонина к отцам Виссариону и Мартирию (оба они наши постриженцы), и в каждом письме — Антонин. Преинтересные — хотя они большей частью свои — семейные — так сказать. Однако переписчику иногда попадаются такие словеса, что над ними приходится раздумывать — несмотря на четкий, по-видимому “бисерный”, почерк покойного архимандрита. Не могу верно пообещать Вам, что сам перепишу кое-какие письма и пришлю, понеже времени у меня мало».¹⁹

В следующий раз, 15 июля 1905 г., Дмитриевский лишь упоминает письма о. Антонина (Капустина), которые ему показали при работе над архивами Палестинской комиссии и Палестинского Общества.²⁰ В ответе от 3 сентября о. Матфей более пространен: «В письмах покойного о. Антонина из Св. Града к отцам Виссариону и Мартирию (с конца 1865 до 1869 г.) почти нет каких бы то ни было сведений относительно Миссии в Св. Граде — ибо

это было время полнейшего застоя там в делах, но, разумеется, есть и интересные вещи (особенно касающиеся автобиографии писавшего)». ²¹ И снова о проблеме копирования: «Но кто будет переписывать и выбирать эти сведения из писем? Я сам?». ²² Однако к 22 февраля 1906 г. Пантелеимоновский библиотекарь уже все более убеждается в том, что письма архимандрита нужно скопировать: «Жалею очень, что нет у меня человека, способного снять копии с писем † архимандрита Антонина. Некоторые очень было бы хорошо показать миру». ²³

Осенью 1906 г. Дмитриевский уже хорошо знаком не только с письмами, но и с дневниками иерусалимского архимандрита. 23 сентября 1906 г. он пишет: «... Я читал дневник архимандрита Антонина и именно следующие слова под тридцатым августа 1868: “Занимались актами с о. Матфеем, наострившимся в эллинокурстве паче иных эллинов”». ²⁴ Полагая, и конечно правильно, что дело идет об о. Матфее, моем милом корреспонденте, я утешил себя сицевою мыслью: если и в 1868 сей самый отец Матфей в “эллинокурстве” преуспевал паче иных эллинов, то что же сказать о нем в 1905–1906 годах, когда ему приходится чинить прорехи писателей о Диадохе... Много интересного узнал я из того же дневника о “пещном отроке”, как титуловал Вашего приснопамятного старца о. Антонин, но паче оного из многочисленных писем о. Азарии, писанных к о. архимандриту Антонину и теперь находящихся в моих руках. Какие прелюбопытные сведения я теперь узнал об издании Ваших актов, “Патерика” и прочего. Но этого мало, у меня теперь письма архимандрита Леонида Кавелина к о. Антонину о путешествии его по Афону и о пребывании в Вашей обители три раза». ²⁵ 4 ноября о. Матфей отвечает: «Не столько трогательно мне показалось сообщение Ваше из дневника покойного о. Антонина о моем эллинокурстве, сколько — данные Вами сведения о сохранившихся письмах блаженной памяти старца — “пещнаго отрока”». Эти письма, многочисленные — по Вашему отзыву, действительно, для меня представляют интерес ввиду тех прелюбопытных сведений, которые они представляют (по Вашему свидетельству) по изданию наших Актов, Патерика и прочего. Покойный старец, “пещный отрок”, работал над актами совместно с покойным о. Антонином, но взгляды, каковыми они руководились при изготовлении этого издания, остались мне неизвестными». ²⁶ Но не может удержаться и от личных воспоминаний: «Вероятно, о. Антонин не занес себе в дневник, что при встрече со мною в Иерусалиме в 1873 году он, помня свое впечатление 1868 г. от моего эллинокурства приветствовал меня сицевыми словесы: “Ну, теперь Вы, вероятно, по-гречески уже — “собаку съели!”». ²⁷ И далее: «Сведения эти (ведь это не дипломатический секрет) теперь для того, кто взялся бы за изготовление 2-го дополненного издания наших “актов”, были бы, очень может быть, поучительными и назидательными. Если бы Вы нашли охотника, чтобы списать с них копии,

то обитель наша с удовольствием восполнила бы расходы потребные на это списание. Рцыте же слово: будет ли это устроено? Разумеется, и вся переписка с покойным о. Антонином лиц различных рангов по отношению к Афону очень интересна».²⁸

Три года спустя, 14 ноября 1909 г., о. Матфей все более определенно высказывается о необходимости копировать письма архимандрита Антонина, но дело это по всей очевидности, так и не начато: «Относительно желанных Вами копий с писем о. Антонина я (думаю, что) обещаю Вам исполнить это».²⁹ Иная ситуация летом следующего года: «Письма же к о. Азарии о. архимандрита Антонина, все обретшиеся, списываются и имеют быть препровожденными к Вам».³⁰ К осени дело было завершено: «Письма о. Антонина архимандрита к о. † Азарию переписаны для доставления Вам. Обаче желаю сам проверить их по подлинникам, не особо доверяя писателям бисерного почерка покойного краснописца».³¹ И — почти радостно 23 декабря 1910 г.: «Спешу сообщить Вам сведение (вместо новогоднего подарка), что письма † архимандрита Антонина к о. Азарию переписаны и проверены с подлинниками с немалым трудом, положенным на то, чтобы расшифровать бисерный почерк о. Антонина. Копии эти будут Вам доставлены уже в новом году, аще Господь велит благополучно встретить его. Понеже теперь нет едущих отсюда в Одессу. Посылать же почтой — тяжело».³² Четырьмя неделями позже, 19 января 1911 г., не получив ответа от Дмитриевского, о. Матфей пишет иронично-счастливое письмо: «И в ноябре, и в декабре прошедших писал я, смиренный, Вам некие строки, обаче ответа на оные улучшить не сподобихся. Отчеты за истекающий год и новогодние новые заботы в достаточной мере объясняют Ваше молчание. Извещал я Вас также и о том, что копии с писем покойного архимандрита Антонина к нашему старцу о. Азарию переписаны. Ныне, так как отправляются некоторые наши собратья на послушание в Одессу, то посылаю ныне с ними помянутые копии, для того, чтобы оттоле переслали Вам их по почте. Вас же о сем извещаю, надеясь, что по получении их Вы уже и без моего напоминания сообщите мне о получении их для спокойствия. Примите наше всеобщее приветствие с наступившим уже Новым годом, который да будет для Вас *πρόξενος* — всяких благ душевных и телесных, паче же всего да подаст Вам Господь нерушимого здравия».³³ Последним в этой теме — и одним из последних писем этой корреспонденции вообще стал ответ А. А. Дмитриевского только от 30 мая 1911 г.: «С прошедшими праздниками. Простите великодушно, что я не удосужился написать Вам к празднику, а написать было о чем. И я виноват тяжело пред Вами, так как доселе не поблагодарил Вас за присылку писем о. Антонина в копии к о. Азарии. Любопытного в этих письмах весьма много, и я предполагаю ими воспользоваться для реферата о собирании рукописей о. Антонином».³⁴

Достаточно сухие сведения об истории копий писем архимандрита Антонина (Капустина), почерпнутые из опубликованной переписки А. А. Дмитриевского и о. Матфея (Ольшанского), тем не менее хорошо иллюстрируют историю появления на свет и значительно уточняют датировки самих копий, сохранившихся в фондах А. А. Дмитриевского в Российской национальной библиотеке и Санкт-Петербургском филиале Архива Российской Академии наук.

- ¹ Акты русского на святом Афоне монастыря святого великомученика и целителя Пантелеимона. Киев, 1873; Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеимона на Святой горе Афонской. М., 1886; *Азарий (Попцов)*. Афонский патерик, или Жизнеописания святых во святой Афонской горе просиявших. СПб., 1860; *Азарий (Попцов)*. Вышний покров над Афоном, или Сказания о святых, чудотворных, во Афоне прославившихся, иконах Божией Матери и других святых. СПб., 1860.
- ² См.: *Медведев И. П.* Письмо с Афона: Библиотекарь русского Пантелеимоновского монастыря схимонах Матфей // Россия и Христианский Восток. Вып. 4–5. М., 2015. С. 561–566.
- ³ РНБ, ф. 253 (А. А. Дмитриевский), № 527.
- ⁴ Архив Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне, оп. 38, д. 1576.
- ⁵ См.: *Дмитриевский А. А., схимонах Матфей (Ольшанский)*. Русская наука и Афон. Письма. 1886–1911. М., 2017.
- ⁶ См.: *Дмитриевский А. А.* Путешествие по Востоку и его научные результаты // Труды Киевской Духовной Академии. 1889. № 5. С. 103–134; № 6. С. 247–284; № 7. С. 422–444; № 11. С. 333–357 (отд. отт.: Киев, 1890).
- ⁷ *Дмитриевский А. А., схимонах Матфей (Ольшанский)*. Русская наука и Афон. С. 170.
- ⁸ Там же. С. 34–35.
- ⁹ См.: Акты Русского на Святом Афоне монастыря св. великомученика и целителя Пантелеимона. Киев, 1873.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 834. Оп. 4. Д. 1125. Л. 306 об.; фото 1.
- ¹¹ Пожар в библиотеке Ф. А. Терновского в доме братьев Терновских на Вознесенском спуске в Киеве случился 20 августа 1889 г.
- ¹² *Дмитриевский А. А., схимонах Матфей (Ольшанский)*. Русская наука и Афон. С. 189.
- ¹³ См.: *Терновский С. А.* О последних днях жизни, кончина и погребение настоятеля Русской Духовной миссии в Палестине архимандрита Антонина. Киев, 1894.
- ¹⁴ Имеется в виду о. Рафаил (Трухин), бывший в 1867–1890 гг. в Пантелеимоновом монастыре на Афоне, а после смерти о. Антонина (Капустина) назначенный начальником Русской Духовной Миссии в Иерусалиме.
- ¹⁵ *Дмитриевский А. А., схимонах Матфей (Ольшанский)*. Русская наука и Афон. С. 233–234.
- ¹⁶ Там же. С. 268. Письмо от 22 марта 1904 г.

- ¹⁷ Там же. С. 269. См.: *Дмитриевский А. А.* Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Антонин (Капустин) как деятель на пользу Православия на Востоке и в частности в Палестине: По поводу десятилетия со дня его кончины // Сообщения Императорского Православного Палестинского Общества. 1904. Т. 15. Вып. 2. С. 95–148 (= Труды Киевской Духовной Академии. 1904. № 11. С. 319–380; отд. отт.: СПб., 1904).
- ¹⁸ *Дмитриевский А. А., схимонах Матфей (Ольшанский)*. Русская наука и Афон. С. 270.
- ¹⁹ Там же. С. 103. Виссарион (Картаманев) — иеродиакон Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, деятельный и преданный сотрудник о. архимандрита Антонина (Капустина). Мартирий — иеродиакон, из Пантелеимонова монастыря переведен в Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме по просьбе о. архимандрита Антонина (Капустина).
- ²⁰ См.: *Дмитриевский А. А., схимонах Матфей (Ольшанский)*. Русская наука и Афон. С. 276.
- ²¹ Там же. С. 107
- ²² Там же.
- ²³ Там же. С. 112.
- ²⁴ А. А. Дмитриевский ошибся, эта запись относится к 29 августа 1868 г.; см. фото 1.
- ²⁵ *Дмитриевский А. А., схимонах Матфей (Ольшанский)*. Русская наука и Афон. С. 282–283.
- ²⁶ Там же. С. 122.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Там же. С. 123.
- ²⁹ Там же. С. 137.
- ³⁰ Там же. С. 141. Письмо от 19 июля 1910 г.
- ³¹ Там же. С. 145. Письмо от 28 сентября 1910 г.
- ³² Там же. С. 149.
- ³³ Там же. С. 151.
- ³⁴ Там же. С. 297.

МОНАШЕСТВО АНДРЕЯ КАПУСТИНА ИЛИ АРХИМАНДРИТ АНТОНИН КАК МОНАХ¹.

К. А. Вах

В 2017 году Императорское Православное Палестинское Общество отмечает сразу несколько юбилейных дат: 135 лет с момента основания ИППО, 160 лет со дня рождения своего первого председателя великого князя Сергея Александровича, 170 лет Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Все эти памятные события так или иначе связаны с именем архимандрита Антонина (Капустина), 200 лет со дня рождения которого мы также отмечаем в уходящем 2017 году.

О взаимоотношениях великого князя Сергея Александровича и архимандрита Антонина (Капустина) можно было бы написать книгу потому что их внутренний мир, был очень схож между собой. Сергей Александрович, впервые приехал в Иерусалим в 1881 г. Он знакомился со святыми местами под руководством о. Антонина, одновременно поверяя на месте взгляды начальника Русской Духовной Миссии на задачи русской деятельности в Святой Земле. Нет никакого сомнения, что имея возможность неоднократно беседовать с Сергием Александровичем в период его паломничества, о. Антонин горячо высказал ему свой взгляд на вещи, который сильно отличался от официальной концепции, зафиксированной в инструкциях МИД, Синода и распоряжениях Палестинской комиссии. Антонин вообще имел пламенный характер и если начинал говорить — говорил горячо. После того как великий князь возложил на себя обязанности председателя Палестинского Общества, он стал одним из немногих официальных и очень энергичных покровителей о. Антонина.

Именно поддержка со стороны ИППО и великого князя Сергея Александровича позволили о. Антонину в конце 1880-х начале 1890-х гг. добиться изменения статуса и положения Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Вместо ее закрытия, инициированного в 1879 г., Миссия получила от русского правительства расширенные права, новые возможности

для своей деятельности, увеличенный штат и денежное содержание. Статус независимого полноценного русского церковного учреждения в Святой Земле, который был в буквальном смысле вырван о. Антонином из рук церковно-государственной бюрократии сохраняется неизменным и до сего дня.

Таким образом, отмечая все перечисленные юбилеи мы вновь с благодарностью вспоминаем архимандрита Антонина, вновь с удивлением обращаем внимание на его личность, сочетавшую в себе столько разнообразных сторон но не утратившую своей цельности под натиском неизбежных в такой ситуации противоречий.

7 ноября 1845 г. в Киевских пещерах Андрей Капустин был пострижен в монашество с именем Антонин. Зачем он это сделал? Вопрос может показаться излишним, надуманным, слишком узким, относящимся к личному выбору человека, и потому не требующему объяснений. Однако он уже поднимался ранее. Ответить на этот вопрос будет стараться каждый, кто чувствует, что за внешней невероятно многогранной деятельностью архимандрита Антонина скрывается удивительно цельная, сильная личность.

Гармония этого образа должна иметь внутренний стержень, благодаря которому и достигается внутреннее единство духа человеческой личности и его внешнее деятельное проявление.

Распространившаяся благодаря книге архимандрита Киприана (Керна) версия принятия о. Антоном монашества говорит о том, что причиной ухода из мира стала неразделенная любовь и неудачное сватовство к Надежде Яковлевне Подгурской.² Но в известных нам источниках, таких как, например, дневник о. Антонина вообще нет сведений, позволяющий сделать такой вывод.

Другая распространенная трактовка неожиданного в целом для исследователей решения о. Антонина о пострижении в монашество принадлежит А.А. Дмитриевскому. Известный историк ИППО объясняет его поступок влиянием на о. Антонина старшего друга — Петра Авсенева за год до этого, 11 октября 1844 г. принявшего монашеский постриг с именем — Феофан. Опять же много не совпадает. Антонин с сентября 1844 г. гостил в родительском доме в Батурино. О пострижении друга он не знал, зато 12 октября 1844 г. при выборе вещей у приехавшего в Батурино торговца они вместе с отцом «накупили всякой всячины, между прочим и кое что в задаток моего будущего монашества».³ Немного позднее в дневнике за 1 декабря 1844 г. Антонин еще раз упомянет о состоявшемся уже решении изменить свою жизнь. Т.е. решение стать монахом в эту пору уже не только созрело у самого о. Антонина, но не было новостью и для его родителей. Кроме этого в 1844 г. еще студент Андрей Капустин не имел столь тесных личных контактов с о. Феофаном.

Нельзя согласиться и с утверждением, что о. Антонин принял монашество почти случайно, что его решение стало «делом случая».⁴

По мнению Т.А. Багдановой на решение о. Антонина могла повлиять смерть его близкого друга Алексея Введенского 23 мая 1844 г.⁵ Автор труда о духовном становлении о. Антонина, игумен Варнава, также считает, что эта смерть «окончательно решила выбор Андрея в пользу монашества».⁶ И все таки у нас нет надежных данных, что бы мы могли с уверенностью сказать — смерть друга стала причиной, по которой о. Антонин сделался монахом.

Возникает еще один вопрос: зачем вообще искать в жизни о. Антонина какой-то внешний толчок для объяснения его поступка, раз объяснения *ни где нет*? Действительно, об Алеше Введенском о. Антонин вспоминал часто на протяжении всей своей жизни. Но стало ли это причиной пострижения? Если подумать — ведь такое объяснение говорило бы скорее о каком-то акте отчаяния, что само по себе уже есть не самое лучшее состояние духа. Но нет, переживания о. Антонина мало чем отличаются от переживаний любого другого человека в подобной ситуации. Он искренне страдает, он воспринимает смерть близкого человека как личное горе. Но перестает ли он при этом радоваться жизни? Нет, не перестает. Есть другие свидетельства дневника того же периода, которые показывают, что жизнелюбие Андрея Капустина никуда не ушло и даже не уменьшилось. Например, уже в ноябре 1844 г. и дома и будучи в Шадринске и потом опять в Батурино Антонин с замиранием сердца ожидает письма из Киевской академии с известием о своем новом бакалаврском статусе и о назначении на службу. Даже письмо от любимого брата вызывает у него чувство разочарования, так ждет он этого известия о своем будущем. В дневнике ни что не говорит нам, что в этот момент в душе Андрея Капустина происходит какой-то непростой выбор. Наоборот, жизнь Андрея Капустина наполнена ожиданием и надеждами на будущее.

Почему мы не можем найти в дневнике ни в 1844 г. ни в 1845 г. конкретного момента выбора в пользу монашества? Потому что выбор уже был сделан ранее, хотя по всей видимости не без колебаний, но как-то естественно и органично. Некоторые элементы прощания с прошлой жизнью светского человека можно обнаружить в дневнике за 1845 г., но они свидетельствуют лишь о серьезном и глубоком отношении автора к принятому решению. Вообще, более подробный анализ событий этого периода позволяет лучше понять историю с принятием Андреем Капустиным монашества.

Едва прибыв в Киев после поездки в родное Батурино, 1 января 1845 г. уже бакалавр а не студент Академии Андрей Капустин утром обходит последовательно киевские святыни, молится, сидит у своего друга о. Макария (Сорокина), с которым пьет чай и вино, потом дома с обеда до вечера играет в карты записывая при этом: «дай Бог, чтобы это было мое последнее

карточное дело».⁷ А вечером испрашивает благословение ректора «на начатие давно задуманного дела».⁸ В ночь на 3 января новоиспеченный киевский бакалавр пишет «большое рассуждение о жизни»,⁹ вызванное воспоминанием о смерти Алеши. 3 января в дневнике следует запись: «Господи, благослови мое начинание! Не долго думав сел и написал в правление Академии прошение об исходатайствовании мне дозволения у Св. Синода поступить в монашество».¹⁰ Судя по дневнику, о постриге о. Феофана он даже не знал до объявления собственного решения, если, конечно они не говорили об этом друг с другом в начале 1844 г. Разговор с ним произошел лишь 13 января.

В любом случае решение о. Антонина было самостоятельным. Тут нельзя обнаружить ничего импульсивного или поспешного. Только последовательное исполнение задуманного. 16 января следует запись в дневнике: «Дело мое еще не получило никакого движения».¹¹ Этой же ночью он видит и потом записывает сон о монахах.¹² Но 21 января он получает письмо от брата Платона из Москвы, заставившее Андрея «крепко призадуматься... до того, что вечером я отправился к о. ректору и упросил его приостановить мое дело монашеское...»¹³. Однако этот факт не был связан с какими-то сомнениями Андрея относительно принятого им решения. Брат Платон настоятельно звал Андрея в Москву на собственную свадьбу, а выступать шафером новопостриженному монаху было бы не прилично. Мысль о скорой поездке в Москву конечно смешала и планы и чувства Андрея. «Как-то странно из сферы мыслей монашеских снова перейти в область обычных суетных мечтаний» — записал он в дневнике¹⁴. Эта невольная оттяжка воспринимается им как время испытания и подготовки к монашеству: «стало с одной стороны грустнее, с другой легче»¹⁵.

«Что ты скажешь мне февраль?»

- То, что ты негодный враль!
 Захотел пойти в монахи,
 А теперь... «Какие страхи!
 Говоришь ты, мой февраль!
 Полно ссориться! Ведь лъзя-ль
 Все предвидеть, что бывает,
 И чем Бог располагает?»
 - То-то Бог ли, слышь Андрей,
 Не сгуби души совей...¹⁶

В этом кратком стихотворном диалоге с самим собой кажется заключается самое полное объяснение его духовного состояния. Решение и выбор Андрея оставались неизменными.

2 февраля Андрей узнает о смерти еще одного дорогого для него человека — Егорушки Зубкова. В ту же ночь он видит во сне Алешу Введенского,

который показывает ему книгу. Андрей трактует этот сон символически: два вырванных листа из книги, «которая от того не перестает быть книгой»¹⁷. Это еще одно свидетельство о стойкости и трезвости его духа в год перед принятием монашества.

Таких свидетельств вообще много. 12 февраля Андрей получил письменное благословение родителей на свой монашеский постриг и письмо брата Платона из Москвы, поразившее его своим контрастным настроением. «А! Братец! Попался! Видишь ты, пустился себе в поэзию. О, любовь делает чудеса. Но сон твой, сон твой... По моему он вот что значит: вместо поэзии ты встретишь прозу... Но смотри чтобы из этой прозы не выродилось для тебя существо дяде-образное; натерпишься и вспомнишь Тобольск...»¹⁸ Возможно брат Платон по-своему старался отговорить Андрея от пострига, поскольку сам в этот момент был охвачен другими чувствами и настроением. Примечательно, что на следующий день после получения родительского благословения Андрей подробно, чуть не весь день беседует о монашестве не с о. Феофаном (Авсеневым), а с племянником митрополита Киевского, профессором духовной академии Яковом Космичем Амфитеатровым, с которым в этот период Андрей общается очень много¹⁹. Поздравил брата с невестой Андрей только 26 марта. Вероятно за это время он сумел соединить все планы вместе: поездку в Москву на свадьбу брата, возвращение в Киев, подготовку и постриг с последующим принятием иеродиаконского и иеромонашеского сана.

Записи в дневнике показывают, что Андрей внутренне всерьез готовится к будущей новой для него жизни. 5 апреля он весь день делает рисунок «своего»²⁰ Братского монастыря. Встретив «Христа Воскресшего» на Пасху 1845 г. он с уверенностью записывает: «Дай Бог чтобы в следующий раз встретить Его в чине его служителей»²¹. «...Спал, яко же мя обычно есть, и яко же не лень есть спати будущему монаху»²². «Некто совсем неизвестный, хотя человек весьма прелестный, спрашивал сегодня Господа о судьбе своей и ему выпал просто на просто: «Иерей»²³.

В середине июня Андрей стал готовиться к отъезду в Москву. Неожиданным препятствием стали затруднения с получением разрешения для поездки с ним его воспитанника семинариста Андрея. Решает этот вопрос он самым радикальным образом: идет к митрополиту Киевскому и прости «благословения на поступления в монашество... После сего мне уже не трудно было выхлопотать билет у него своему хлопцу»²⁴. Естественно все официальные бумаги о монашестве Андрея Капустина были оформлены до его отъезда. Поездка в Москву продолжалась с 30 июня по 8 сентября. Андрей рассчитывал, что его прощению будет дан ход во время его отъезда²⁵. Однако, лишь через неделю после возвращения в Киев, академическое начальство отправило дело Андрея Капустина о его пострижении в Петербург в Синод²⁶. Лишь 27 октября «после чаю, позвал меня о. инспектор и вручил мне мое ДЕЛО! Слава Богу. Постригать будет сам преосвященный митрополит в пещерах»²⁷.

Таким образом, оснований для того, что бы говорить о каких-то сомнениях или метаниях о. Антонина перед принятием им монашества в его дневнике не находится. Остальное время было посвящено подготовке к постригу.

Его поступок был естественным и для него самого и для окружающих. «Утешься Алеша! — пишет он в день своего пострига в дневнике. — Из твоего «Андрюши» таки вышел давно знакомый нам Антонин»: эта фраза, обращенная к покойному другу и сказанная в день пострижения самому себе дает возможность многое понять в личности о. Антонина. Впервые возникшая в Дневнике в тот день двойственность *Андрея* и давно знакомого его покойному другу *Антонина*: что это такое? О каком *давно знакомом* Антонине говорить в данном случае. Он говорит о себе, о том монахе, который жил в нем давно, до пострига, и которого знал его товарищ Алеша Введенский.

«Увы! мой Андрей! Андрей! Как-то мне жалко тебя...» — заканчивает он описывать день своего пострижения. Вероятно и эти слова о том что Антонину жалко своего Алешу, нужно отнести к той же теме монашества: возможно они собирались вместе принять постриг, но Бог судил каждому по своему. Его настроение, его духовное состояние, конечно, меняются после совершившегося таинства. Как бы обращаясь к себе самому, настраивая себя на этот новый лад, о. Антонин говорит об умилении, с которым он созерцает запрестольные росписи в пещерной церкви Пр. Антония: «Если такая красота встретит нас на небе, что же мы прилепляемся к земной красоте?»²⁸.

С благоговением и всей возможной серьезностью принимает он посвящение в иеродиакона («что касается внутреннего моего состояния, о нем нельзя и глаголати») ²⁹, дав присягу «царю и Церкви на верное прохождение священнического служения» ³⁰. 18 ноября о. Антонин «вышел из церкви уже иеродиаконом» ³¹. «Боюсь как бедствия своей благодетельной решимости» — записывает он в дневнике после своей первой службы ³². Наконец, 21 ноября, на праздник Введения во Храм Пресвятыя Богородицы, о. Антонин был рукоположен в иеромонаха, а 22 ноября отслужил свою первую литургию. Через месяц 22 декабря он старательно зафиксировал в дневнике полученное от брата «давножданное письмо из Посада, первое адресованное на имя Антонина» ³³.

Исходя из изложенного выше, предложим еще одно объяснение монашеского пострижения о. Антонина: при всей своей любознательности и увлеченности еще в годы учебы он был склонен к монашеству на столько, что это было заметно окружающим его людям. «О студенчество забулдыжное! Сколькo в тебе поэзии дикой, своеобразной! Не знаю не было ли бы и мое вялое студенчество таким же разгульным и удалым бурсизмом, если бы чарующая сила любви не увлекла меня в свой одинокий круг» ³⁴.

Противопоставление *удалому бурсизму* внешне вялого участия о. Антонина в студенческой жизни, объясняется строем его внутренней духовной жизни: *одиноким кругом любви*, любви христианской, любви ко Христу, которая и вела его к принятию монашества. Его решение было продиктовано внутренним складом его личности, потому что он был из соответствующей породы людей — делателей во имя Христа.

И в дальнейшем этот монашеский дух его личности очень гармонично сосуществует. Такое ощущение что в старом Андрее Капустине не произошло большой перемены. Однако, для нас очень важно показать, что о. Антонина присуще это внутреннее монашество. Потому что это дает возможность увидеть его деятельность на Православном Востоке как естественное раскрытие его монашества, преобразующего окружавшую его действительность.

В своем Дневнике Антонин не раз прямо говорит, что в нем живут два человека прежний Андрей Капустин и новый — монах Антонин. «Уверю тебя, потомок! Нашего застарелого Андрея я знаю хорошо. Он издревле любил прилагать язву к язве и беззаконие к беззаконию». ³⁵ Андрей Капустин неизменно показывается на страницах дневника в течении всей жизни о. Антонина. Упоминания о нем на столько часты — что кажутся скорее литературным приемом, несущим специальную функцию в повествовании. Вот характерный пример, когда Антонин в Афинах внезапно получил из России известие о возведении его в сан архимандрита и вместе с тем драгоценные мантию, митру и крест: «Передав мне в с о б с т в е н н о с т ь царское щедродаяние, Его Превосходительство откланялся и уехал восвояси. Я же остался один. Да один ли? Полно! Нет, нас было двое. Из Антонина постоянно выскакивал Андрей полюбоваться золотом и алмазами». ³⁶

Эта двойственность не создает в нем дискомфорта или тем более внутреннего конфликта. Скорее наоборот, таким образом он контролирует свои естественные эмоциональные ощущения. Мирской Андрей появляется, всякий раз лишь за тем, что бы обличить собственные страсти или лучше сказать пристрастия и увлечения, чтобы особым образом выделить *монаха Антонина*, его появление свидетельствует о постоянном внутреннем опыте отсечения в себе мирского начала, о нескончаемой невидимой брани.

Богатый материал для раскрытия этого внутреннего монашеского мировоззрения Антонина дают нам его письма к двум инокам афонского пострига — Виссариону и Мартирию, которые публикуются в настоящем издании, а так же материал из дневника за годы, к которым относится переписка. Русские афонские монахи прибыли в Афины 21 марта 1856 г. и сразу же обратили на себя внимание о. Антонина. «По страху ли войны или по нежеланию более жить на Афоне бежавшие оттуда из Русика молодые иноки: Прокопий, Виссарион, Мартирий и Исаак с иеромонахом Иезекииелем и

памятным о. Иои́лем. У трех из них оказываются весьма хорошие голоса. Оставить бы их здесь. Мир оказывается очень тяжелым для нас». ³⁷ Когда же обнаружилось, что иноки обладают хорошими голосами и отлично исполняют роль певчих — Антонин и вовсе принимает решение сделать все, чтобы оставить их у себя. «За Богородичным стоянием пели афонцы наши отлично. Непременно удержать их тут...». ³⁸ И далее: «Вот бы тут с монахами мы устроили монастырь, чем и был некогда Никодим». ³⁹ Можно сказать, что 1856 год стал поворотным в судьбе о. Антонина. Его личное монашество, под воздействием мало заметных постороннему глазу причин сделалось инструментом обустройства ближайшего окружающего пространства.

Антонин явно тяготится штатными светскими певчими, служившими при русском посольстве в Афинах. Пьянство, скандалы, своеволие членов церковного причта часто становились причиной конфликтов их с настоятелем церкви. Все это Антонин с сожалением фиксирует в Дневнике. Ни кого не провоцируя и не понуждая покинуть свое место, он тем не менее все время надеется, что обстоятельства переменятся. И они действительно изменились: внезапно и без его прямого вмешательства. Певчие как будто почувствовали перемену обстановки в посольской церкви. «Служба продолжалась через всю светлую седмицу попеременно, то у Никодима, то у Николая. Святогорцы рады были случаю помолиться, но наши с трудом выносили такое неумолимое моление». ⁴⁰ Один за другим старые сотрудники о. Антонина стали подавать рапорты об увольнении. Радости Антонина не было конца. «Не чудно ли, что чуть я задумал устроить у себя монастырь, как вдруг, как бы по некоему внушению свыше, один за другим стали наши проситься вон». ⁴¹

Не теряя времени Антонин представил посланнику свою просьбу о назначении на места псаломщиков Гашинского, Галенки и певчего Томила афонских монахов Виссариона, Мартирия и Василия ⁴²: «Первый звался в мире Василий Павлов Картамышев, 33-х лет от роду, из купеческого звания, куряк, староосколец. Второй именовался некогда тоже Василием Ивановым, сыном Волчанским. Он тоже куряк-староосколец, 32-х лет от роду. Третий в былое время носил имя Владимира Димитриева сына Селезнева, родом из Воронежа, мещанин, иконописец. Первые два басы, последний тенор. Последнего еще нет здесь, но товарищи ручаются, что он приедет по первому слову. А мне иконописца нужно. Мы с ним распишем пещерную церковь Св. мученика Антонина. Похоже, правда, это все на затеи. Но дело не в них, а в умножении при церкви монашеской стихии. Благослови Бог!». ⁴³ Еще через десять дней Антонин, вероятно согласовав свои решения с посланником, Антонин официально направляет письмо директору Азиатского департамента МИД, в котором он «рекомендовал министерству и своих монахов, придавая им все земные, с примесью небесных, совершенства». ⁴⁴

Большая часть прибывших с Афона русских иноков направилась в Россию. С ними Антонин послал письмо к архиепископу Херсонскому Иннокентию (Борисову) «рекомендуя ему для Нового Афона выходцев со старого, братьев Иезекииля, Иоила и других пророков, отправляющихся в отечество»⁴⁵. Но и мысль о создании собственного монастыря он не оставил. Когда 9 сентября скончался певчий Николай Мирославский, с которым о. Антонин был дружен, он и на его место попытался принять афонского монаха Прокопия⁴⁶, ради все того же *умножения монашеской стихии* при своей церкви в Афинах.

Монашеские устремления о. Антонина, пусть даже только в качестве личного воодушевления, не остались незамеченными окружающим. В эпоху всеобщего обмирщения, к аскетической практике и исполнению монашеских обетов относились как к атавизму. Поэтому попытка возвысить монашество ради самого монашества у многих в окружении о. Антонина вызывала улыбку и недоверие. Даже в среде греческого духовенства. «Читаем, по обычаю, утреню в церкви. Пришел помолиться с нами и о. Анфим, насмешливо относившийся до сих пор к нашему делу. Помогите ему, великий подвижник Антоний, лучше отнести к монашеству, чем насколько хватает нашего умения!»⁴⁷ Не более греков был расположен благосклонно относиться к идее о. Антонина и Российский Синод. Митрополит Санкт-Петербургский Григорий писал, что вместо афонских монахов в Афины посылают певчими двух студентов столичной академии «хорошего поведения и умеющих петь». «Утешение! Вот тут и помышляй о русской обители в Афинах!»⁴⁸

Поскольку в 1856 г. при посольской церкви образовалось четыре вакантные места, два из которых заняли назначенные Синодом студенты — Антонин предпринял усилия что бы зачислить на оставшиеся места монахов Мартирия и Виссариона. «После обедни сочинял письмо к новгородскому владыке, благодаря его за «известительное» послание к председателю Синода здешнего и за многое другое, не скрывая своей радости о присылке сюда студентов, возобновил просьбу об утверждении на псаломщицких местах при церкви своих добрых иноков, о которых вчера писал и посланнику».⁴⁹ Посланник А.П. Озеров, благоволивший о. Антонину тоже «обещался хлопотать до крови за монахов».⁵⁰

В конце концов два монаха Виссарион и Мартирий, ставшие духовными детьми о. Антонина, помогавшие ему в церкви, жившие в одном с ним доме, официально заняли певческие места при русской посольской церкви в Афинах. «Давно уже не выпадало такого благополучия на дом Калаганов, как в это доброе восьмое число. Господин посланник прислал синодальную бумагу об увольнении певчих Галенка, Томилина и Гашинского и назначения на их места афонских монахов Мартирия, Виссариона и Прокопия. Радости моей конца не было. Выстрадавшие за

полтора года горемыки тоже повеселели от давно желанной вести». ⁵¹ Чтобы еще усилить значение монашеского элемента при Миссии о. Антонин добился увеличения окладов для своих певчих-монахов по сравнению с таковым же жалованием певчим-студентам, за что ему пришлось держать ответ перед Азиатским департаментом МИД. ⁵²

А где монашество — там и монастырь. Поэтому желание устроить особого рода русский монастырь, сначала в Афинах, а потом и в Иерусалиме уже не покидало о. Антонина до конца его дней.

В Афинах это почувствовали все домочадцы. Повару предстояла «мясная катастрофа», т.е. он должен был отказаться от любезного ему приготовления мясной пищи, ⁵³ был задуман общий монашеский стол: «Надобно завести братскую трапезу и поставить иконома». ⁵⁴ Наконец подводя итог своим преобразованиям в церковном быту о. Антонин восклицал: «Четыре инока в Никодимовой обители, не считая Калагана настоятеля. Любо посмотреть». ⁵⁵

Свое намерение о. Антонин обосновывал и теоретически и политически. Монашество по духу и форме более подходит для представителей Русской Церкви за границей. Лишь только мысль эта была сформулирована, о. Антонин стал искать способ водворить этот необходимый порядок в ближайшем к нему церковном пространстве, не оставляя попыток привести к нему и все русское церковное представительство на Православном Востоке.

С целью получить монашеское подкрепление из России Антонин пишет в Киев, своему старшему другу, наставнику и советнику о. Макарию (Сорокину): ⁵⁶ «Вздумал, написал и отослал зазыв к брату Макару ехать на Восток, т.е. проситься в Константинополь, к посольской церкви. Вместе с тем написал о том же предмете в департамент, мешаясь не в свое дело и, так сказать, зазнавшись. О, если бы удалось тебя, *триѣцѣкар*, вытащить сюда!». ⁵⁷ И в Иерусалиме через много лет о. Антонин не оставил своего намерения. 28 декабря 1880 г., передавая с киево-печерским послушником Петром четки «авве Макарию» о. Антонин пишет «заповедь сему приехать умирать сюда».

Но не только бытовой или нравственный фактор заставлял Антонина с тоской вспоминать своих киевских академических друзей-монахов, с которыми он по прежнему состоял в переписке. Необходимой стороной церковных преобразований окружающей жизни была ревность его по церковному благолепию. Не только внешнему но и внутреннему. Она не дает ему покоя, когда он стремится устроить хорошее пение в своей церкви, достойный колокольный звон, благолепный чин служения. Душа его жаждет гармонии между внешним церковным служением и внутренним содержанием этого служения. Возвышенные примеры тому он видит в монашестве, а нужные образы вспоминает по Киеву и находит на Востоке как в прошлом так и в настоящем.

Несколько месяцев, проведенные о. Антонином на Афоне лишь укрепляют его в своем желании следовать избранному пути. Антонин был не просто представителем русского ученого монашества, он в первую очередь был представителем образцового — классического — монашества. Монастырский уклад и образ жизни видятся ему универсальной и наиболее подходящей формой христианского служения. На Святой Горе он находит тот современный «византийский» монашеский идеал, который можно и нужно стараться воплотить в меру собственных сил и возможностей окружающего мира. Русское православие, особенно за границей, выставленное на виду у всего мира, должно ориентироваться на высшие образцы византийского вселенского православия.

Представление о монашеском делании в современном мире сформировались у о. Антонина под влиянием афонской практики. «Учусь и монашеской жизни, коей столько здесь дивных и самых разнообразных примеров. Одним словом, стараюсь обратить себе в пользу свое святогорство» — пишет Антонин членам своей Миссии монахам Виссариону и Мартирию в Афины со Святой Горы в 1859 г. «С великою отрадою я вспоминаю время, проведенное мною на Святой Горе. Много, недоученное мною в разных школах науки и жизни, я доучил в сей богоучрежденной школе христианского подвига и радуюсь, что давнее желание сердца моего видеть сей рассадник добродетелей исполнилось наконец» такими словами описывает о. Антонин приобретенный им опыт в письме к старцам Русика оо. Иерониму (Соломенцеву) и Макарию (Сушкину).⁵⁸

О монашестве Антонин часто высказывается и в письмах и в дневнике. А вот собственный взгляд его на устройство монастырской жизни уже в сравнении с Афоном: «Единственное, что мне кажется на Святой Горе несообразным и совершенно напрасным, это столпление на самом тесном пространстве множества живущих... Вместо того чтобы строить обитель на камне в несколько сажень поверхностью, не лучше ли было бы распространить ее на целые версты и обратить ее в сад сколько духовный, столько и вещественный. Этого рая, так давно рисовавшегося в воображении моем под именем Афона, к сожалению, я еще не видал на Афоне...»⁵⁹ И новое признание в письме на Афон к близкому по духу человеку — о. Азарии (Попцову): «Чудные монастыри создаются иногда... в голове нашего брата».

Много позднее, уже имея возможность изучить на личном опыте все стороны греческой церковной жизни на Востоке, о. Антонин продолжал называть себя «скифо-эллином»,⁶⁰ имея ввиду свершившийся в нем самом синтез Греческой и Русской Церкви. И в Афинах, и в Константинополе и в Иерусалиме он считал, что Греческая Церковь в большей степени сохранила древнее византийское церковное устройство. Это то, чего недоставало Церкви Русской. Поэтому он считал необходимым каким-то образом

решить сложную задачу: соединить русскую церковную жизнь с классической греко-византийской формой, чтобы сберечь чистоту православия в первой и дать новую силу второй. «Я с удовольствием представляю ... как чистая и полная жизнь русская начнет раскрываться в формах греческих, досточтимых уже по одной своей древности и весьма пригодных для иноческого жительства...» писал о. Антонин только что утвержденному игумену Русского Свято-Пантелеимонова монастыря архимандриту Макарию (Сушкину).⁶¹ Писал он то, что думал и то, что казалось он знал благодаря своему многолетнему опыту жизни на Греческом Востоке.

- ¹ Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 17-04-00555
- ² *Киприан (Керн), архимандрит. Отец Антонин (Капустин), архимандрит и начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме (1865–1894 гг.).* М., 1997. С. 47–49.
- ³ Дневник, 1844 г. Запись за 12 октября.
- ⁴ *Хитрово В.Н. Памяти архимандрита Антонина. Речь на годовом общем собрании Императорского Православного Палестинского Общества 21 мая 1894 г. // Хитрово В.Н. Собрание сочинений и писем. Т. 2. Статьи о Святой Земле / Сост., подг. Текста и комм. Н.Н. Лисового. М.-СПб., 2011. С. 218.*
- ⁵ См.: *Богданова Т. А. «Я... играю роль концентрического круга» // Святая Земля. Историко-культурный иллюстрированный альманах. Вып. 2. Киев и Киевская духовная академия в жизни архимандрита Антонина (Капустина) Ч. I. Академическое братство: сотрапезники и наставники. Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, 2015. С. 41.*
- ⁶ Варнава (Аверьянов), игумен. Духовный облик архимандрита Антонина (Капустина). По материалам его литературного наследия. М., 2017. С. 91.
- ⁷ Дневник, 1845 г. Запись за 1 января. В карты какое-то время до пострига Андрей Капустин продолжал играть с сослуживцами по академии. Это было обычным и распространенным явлением. Играли преимущественно в преферанс или вист. См. записи в дневнике 1845 г. за 24, 29–30 января, 5, 7, 9, 21, 22–24 февраля, 27 марта, 2, 16, 18, 26–27 апреля.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же. Запись за 3 января.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ Там же. Запись за 16 января.
- ¹² Там же. Запись за 17 января.
- ¹³ Там же. Запись за 21 января.
- ¹⁴ Там же. Запись за 22 января.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ Там же. Запись за 1 февраля, без указания даты.
- ¹⁷ Там же. Запись за 3 февраля.
- ¹⁸ Там же. Запись за 12 февраля.

- 19 Там же. Запись за 13 февраля.
- 20 Там же. Запись за 5 апреля.
- 21 Там же. Запись за 15 апреля.
- 22 Там же. Запись за 27 апреля.
- 23 Там же. Запись за 17 июня.
- 24 Там же. Запись за 28 июня.
- 25 Там же. Запись за 4 июля.
- 26 Там же. Запись за 14 сентября.
- 27 Там же. Запись за 27 октября.
- 28 Там же. Запись за 8 ноября.
- 29 Там же. Запись за 16 ноября.
- 30 Там же. Запись за 17 ноября.
- 31 Там же. Запись за 18 ноября.
- 32 Там же. Запись за 19 ноября.
- 33 Там же. Запись за 23 декабря.
- 34 Там же. Запись за 30 апреля.
- 35 Запись в Дневнике за 1 января 1856 г. См.: Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Годы 1856–1860 / Издание подготовили Л.А. Герд, К.А. Вах. — М.: Индрик, 2017. (В печати)
- 36 Запись в Дневнике за 8 марта 1853 г. См.: Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Годы 1851–1855 / Издание подготовили Л.А. Герд, К.А. Вах. — М.: Индрик, 2015. С. 153.
- 37 Т.е. для монахов. Антонин имеет ввиду непривычные условия, в которых оказались прибывшие с Афона монахи. Запись в Дневнике за 28 марта 1856 г. См.: Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Годы 1856–1860 / Издание подготовили Л.А. Герд, К.А. Вах. — М.: Индрик, 2017. (В печати)
- 38 Запись в дневнике за 30 марта 1856 г. См.: Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Годы 1856–1860 / Издание подготовили Л.А. Герд, К.А. Вах. — М.: Индрик, 2017 (В печати).
- 39 Запись в дневнике за 8 апреля 1856 г. Там же.
- 40 Запись в дневнике за 16 апреля 1856 г. Там же.
- 41 Запись в дневнике за 21 апреля 1856 г. Там же.
- 42 Иеромонах Василий (Владимир Дмитриевич Селезнев, ? — 27.11.1878). Обыватель из города Воронежа. Поступил в Свято-Пантелеимонов монастырь в 1851 году, пострижен в мантию в 1852 году. Рукоположен в иеродиакона 3 июля 1856 года, в иеромонаха . 8 сентября 1857 года. Был знаменитым иконописцем, певцом, пел второго тенора. В Пантелеимоновом монастыре он первым устроил иконописную мастерскую.
- 43 Запись в дневнике за 1 мая 1856 г. См.: Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Годы 1856–1860 / Издание подготовили Л.А. Герд, К.А. Вах. — М.: Индрик, 2017 (В печати).
- 44 Запись в дневнике за 11 мая 1856 г. Там же.

- 45 Запись в дневнике за 15 мая 1856 г. Там же.
- 46 Запись в дневнике за 10 декабря 1856 г. Там же.
- 47 Запись в дневнике за 17 февраля 1857 г. Там же.
- 48 Запись в дневнике за 2 марта 1857 г. Там же.
- 49 Запись в дневнике за 22 марта 1857 г. Там же.
- 50 Запись в дневнике за 23 марта 1857 г. Там же.
- 51 Запись в дневнике за 8 августа 1857 г. Там же.
- 52 Запись в дневнике за 11 января 1858 г. Там же.
- 53 Запись в дневнике за 10 августа 1857 г. Там же.
- 54 Запись в дневнике за 20 августа 1857 г. Там же.
- 55 Запись в дневнике за 30 августа 1857 г. Там же.
- 56 Макарий (в миру Сорокин Дмитрий Андреевич) — иеромонах, наместник Михайловского и Софийского монастыря, смотритель Софийского духовного училища в Киеве, один из близких знакомых архимандрита Антонина, впоследствии игумен нескольких монастырей: Китаевской пустыни (1859–1860), Богуславского монастыря (1860–1861), Матронеевского монастыря (с 1861) и др.
- 57 Запись в дневнике за 12 июня 1856 г. См.: Архимандрит Антонин (Капустин). Дневник. Годы 1856–1860 / Издание подготовили Л.А. Герд, К.А. Вах. — М.: Индрик, 2017 (В печати).
- 58 Письмо оо. Иерониму и Макарию 9 марта 1860 г. С. 219.
- 59 Антонин (Капустин). Заметки поклонника Святой Горы. М., 2013. С. 229–230.
- 60 Антонин (Капустин) — Макарию (Сушкину). Письмо 20 января 1887 г. // Православный палестинский сборник. Вып. 112. М., 2016. С. 241)
- 61 Антонин (Капустин) — Макарию (Сушкину). Письмо 15 ноября 1875 г. // Православный палестинский сборник. Вып. 112. М., 2016. С. 223–224)

К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ АФОНА: ИЗ ПЕРЕПИСКИ П. И. СЕВАСТЬЯНОВА И АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА КАПУСТИНА¹

Л. А. Герд, К. А. Вах

XIX столетие — это эпоха открытий. Благодаря египетским походам Наполеона образованная Европа познакомилась с памятниками древнего Египта, а развитие дипломатических представительств на территории Османской империи сопровождалось активным научным обследованием восточного Средиземноморья, Балкан и Малой Азии европейскими и российскими учеными. Дипломаты, миссионеры, военные, инженеры, оказавшись на Востоке, становились коллекционерами и специалистами по археологии, нумизматике, монументальному и прикладному искусству. Если в конце XIX и в XX вв. исследование истории и искусства стало делом специалистов, то история науки первой половины XIX в. оставила много имен страстных любителей. Некоторые из них хорошо известны, например первооткрыватель древней Трои Генрих Шлиман. Другие имена сегодня известны менее, хотя результаты их деятельности никак нельзя отнести к разряду частного увлечения. Эти энтузиасты разыскивали и собирали ценнейшие коллекции, делали крупные открытия и в целом закладывали основу фундаментального научного востоковедения. Среди таких самоотверженных ученых-любителей было немало представителей России.

Россия приступила к изучению христианского Востока одновременно с западными державами — Англией, Францией, Пруссией, Баварией, Италией. Методы освоения сокровищ восточнохристианской культуры были во многом схожи с теми, что практиковались западными исследователями: ученые путешествия, описание памятников, составление археологических, рукописных и нумизматических коллекций. Однако Православный Восток представлял для России особый интерес ввиду общности исторических корней, восходящих еще к Византии и Киевской Руси. Более того, народный быт и культура русского государства во многом была связана с православным Востоком и эта связь оставалась живой благодаря литургическому

единству Восточной и Русской Православной Церкви. Поэтому в XIX в. Россия лишь продолжала на новом уровне старые традиции культурных и церковных контактов, которые с небольшими перерывами длились уже более восьми столетий.

Интерес русского образованного общества к христианским древностям Востока, подъем которого наблюдается в 1840-е годы и который увлек П. И. Севастьянова,² был также тесно связан с интересом религиозным, проявившимся в паломнических поездках как простых людей, так и высокопоставленных чиновников. Первый серьезный русский исследователь Афона архимандрит Порфирий (Успенский), посетивший Св. Гору в середине 1840-х годов, был не менее паломником, чем ученым, да и на Восток он прибыл с миссией от русского правительства и Св. Синода. Его энергичная научная деятельность вывела Россию в лидеры научных исследований Афона.

Другим высокопоставленным российским путешественником по Православному Востоку первой половины XIX в., сыгравшим заметную роль в привлечении внимания государственной власти к византийскому наследию Афона был А. Н. Муравьев. Более всего склонный выступать в роли духовного писателя, воспитанного в романтической традиции, Муравьев обладал даром искреннего слова любви к Восточной Православной Церкви. Он не стал ни ученым, ни дипломатом, ни даже профессиональным чиновником, но благодаря своим связям в правительственных кругах и своему авторитету на Востоке Муравьев всю жизнь выполнял деликатную роль посредника между Российской и Восточной Церковью. Он не только способствовал общению между восточными иерархами и российскими властями, но и сам старался инициировать их движение на встречу друг другу, придумав и представив на обсуждение множество церковно-дипломатических проектов. Его постоянная инициатива помогала выдерживать определенное направление во взаимоотношениях России с Православным Востоком.

В записке «Об иконописании Афонском»,³ поданной в марте 1850 г. на имя обер-прокурора Св. Синода Н. А. Протасова Муравьев предлагал отправить на Афон лучших российских живописцев для точного копирования древних художественных памятников, которые по словам автора могли совершенно исчезнуть в недалеком будущем. Эту же мысль, еще раньше, в сентябре 1849 г. он высказал в письме российскому посланнику в Константинополе В.П. Титову. Она же прозвучала в письме к митрополиту Московскому Филарету (Дроздову) 13–14 августа 1850 г. Муравьев считал, что на Афоне русские художники должны были не только скопировать образцы древних византийских памятников, но и овладеть техникой византийского письма, которая по уверениям автора все еще сохранялась на Афоне и, таким образом, восстановить нарушенную связь между древнерусским и современным российским искусством. Возможно именно этот проект Муравьева стал прологом для деятельности П.И. Севастьянова на Святой Горе.

Петр Иванович Севастьянов (1811–1867) родился в городе Краснослободске Пензенской губернии. Его отец был купцом 1 гильдии, владельцем винных откупов и золотопромышленником. Основа семейного благосостояния была унаследована и П.И. Севастьяновым. В детстве его воспитывал М.М. Сперанский. Позднее он получил юридическое образование и в течение 20 лет служил в различных ведомствах. При этом на протяжении примерно десяти лет (1841–1850 гг.) он много путешествовал по России и Западной Европе. Из всех поездок Петр Иванович привозил дорожные записи и альбомы рисунков. Можно сказать что Севастьянов стал профессиональным путешественником и был в этом качестве признан у себя на родине. Русское географическое общество в 1850 году избирает его в состав своих действительных членов.

В 1851 г. Пётр Иванович, получив наследство, вышел в отставку и отправился путешествовать по Христианскому Востоку, где прежде никогда не был. Он посетил Грецию, Египет, затем Сирию, Палестину и, наконец, Афон. Знакомство с Востоком и в особенности со Святой Горой произвели на него неизгладимое впечатление. Тогда же он начинает покупать памятники древнего христианского искусства. Вскоре в 1852 г. он снова на Афоне, где посещает 15 из 20 монастырей.

Коллекционирование, чтение научной литературы, осмысление истории Христианской Церкви — этим Севастьянов занимается почти четыре года Крымской войны (1853–1856). Все это время он деятельно готовится к новому путешествию на Афон и приходит к мысли о необходимости систематической фотофиксации афонских книжных и художественных памятников. Сама идея применить новое тогда техническое изобретение для научных целей принадлежала, скорее всего, В.В. Стасову, с которым Севастьянов был хорошо знаком.⁴ О возможностях светописи он мог узнать от другого своего петербургского приятеля фотографа С. Левицкого. Но фактическая разработка этой идеи и ее применение — были заслугой именно Петра Ивановича Севастьянова.

С конца 1856 г. Севастьянов изучает искусство фотографии в Париже у фотографа Беллока, закупает необходимые материалы и оборудование и в марте 1857 г. вновь отправляется на Афон, поселяется в Андреевском скиту, на благоустройство которого вносит значительное денежное пожертвование и начинает свои первые фотографические опыты. Он снимает виды монастырей и древние рукописи. Для создания необходимых условий Петр Иванович оборуодует в Андреевском скиту помещение под фотомастерскую, осматривает библиотеки афонских обитателей, систематизирует увиденное, сверяет с научной литературой, делает собственные открытия. Его как родного принимают в Русике, а библиотекарь и руководитель канцелярии Пантелеимонова монастыря о. Азарий, знаменитый в будущем издатель актов Русика, со своей стороны включается в работу Севастьянова, разыскивая для него редкие документы и рукописи в различных хранилищах Афона.

В октябре 1857 г. Севастьянов покидает Афон и возвращается в Париж; там он устраивает фотовыставку отснятых рукописей, среди которых сенсационные снимки славянского глаголического Евангелия X–XI вв. 5 февраля 1858 г. Севастьянов читает в Парижской академии надписей свою знаменитую лекцию «О светописи в отношении к археологии».

Прервем на некоторое время историю афониады Петра Ивановича, чтобы посмотреть в каком контексте воспринималась его деятельность в России. Крымская война (1853–1856), которую у нас называли «войной за Святые места», стала катализатором, многократно усилившим в российском обществе интерес к христианским древностям и к истории древней Христианской Церкви. Ф.И. Буслаев охарактеризовал начало 1860-х гг. в России как «эпоху возрождения» христианских древностей⁵. Вместе с тем война развеяла прежние стратегические и геополитические иллюзии российской власти. Русская восточная политика и дипломатия николаевского времени оказалась не в состоянии противостоять европейской экспансии на Православном Востоке. Чтобы сохранить там свои позиции и даже просто — присутствие — России нужно было находить новые инструменты работы на Православном Востоке.

Всеобщее увлечение восточными проектами не миновало и членов императорской фамилии, которые часто сами были авторами подобных инициатив. Постоянный и неподдельный интерес к положению христианства в Османской империи питала императрица Мария Александровна, создавшая при дворе неофициальный дамский комитет помощи христианам в Турции и взявшая под свое попечение Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме.

В конце 1856 г. великий князь Константин Николаевич отправляет на Афон и в Иерусалим чиновника Морского министерства Б.П. Мансурова с заданием подготовить проект новой гуманитарной и коммерческой деятельности России в местах массового русского паломничества: именно в Иерусалиме и на Афоне.

В марте 1857 г. министр иностранных дел А.М. Горчаков, не желая отстать от великого князя, инициирует восстановление деятельности Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и берет церковно-дипломатическую деятельность на Христианском Востоке под контроль МИД.

Вскоре со своими предложениями выступил Российский Синод. Поскольку паломничество было занято Морским министерством, а церковно-дипломатическое представительство по традиции оставалось прерогативой МИД, в духовном ведомстве обратили взор в сторону духовного образования и сбора информации о положении Православных Церквей и вообще христиан на Востоке. Вспомнили и о проекте А.Н. Муравьева. Ссылаясь на него, новый обер-прокурор граф А.П. Толстой во всеподданнейшем докладе Александру II (8 июля 1857 г.) предложил отправить на Афон синодальную Художественную экспедицию, с прикомандированием к ней двух

учеников Санкт-Петербургской духовной семинарии, снабдив экспедицию соответствующей инструкцией, «чтоб издержки были отнесены на счет Духовного Ведомства». ⁶ Император изъявил согласие на осуществление этого предприятия. Целью экспедиции было копирование памятников древней афонской живописи, на что предполагалось потратить 3600 руб. серебром.

На предложение Синода откликнулась великая княгиня Мария Николаевна — августейший президент Академии художеств. 23 февраля 1858 г. к графу А. П. Толстому обратился ее академический секретарь М. И. Рейнгардт, сообщивший о намерении августейшего президента командировать на Афонскую гору «сведущих и благонадежных художников» для изготовления копий с икон, фотографических и хромолитографических снимков в интересах созданного при Академии художеств Класса православного иконописания. Рейнгардт писал, что Мария Николаевна готова выделить половину средств, необходимых на афонскую экспедицию, если Синод согласится на участие Академии в этом предприятии. Результаты, добытые экспедиций, должны были быть разделены поровну между двумя ведомствами. Поскольку намерения Синода и Академии художеств совпадали, граф А. П. Толстой предложил соединить оба предприятия в одно, назначив для руководства экспедицией «ученое» духовное лицо. Его выбор пал на архимандрита Порфирия (Успенского).

Из последующей переписки видно, что со стороны Академии художеств к участию в деле ранее уже был привлечен находившийся в этот момент в Париже П.И. Севастьянов и студент академии француз Н. Воден. Вероятно, Севастьянов отправил в Петербург проект новой экспедиции на Афон, который и был передан архимандриту Порфирию. На основании его архимандрит Порфирий написал подробный и пока не опубликованный труд: «Указания русским художникам при посещении Св. Горы Афонской», законченный 16 марта 1858 г. ⁷

Из Парижа Севастьянов и Воден поехали в Лондон, где закупив все необходимое, в апреле 1858 г. отправились на Афон. Именно в этот период Севастьянов обучает фоторемеслу двух иноков Андреевского скита и Пантелеимонова монастыря, положив тем самым начало русской фотомастерской на святой Горе. В конце августа, проинструктировав монахов-помощников, остававшихся на Святой горе, с грузом негативов, прорисьями фресок и икон, с несколькими подлинными предметами Севастьянов выехал в Россию. В пути едва не приключилась катастрофа: возле Смирны пароход сел на мель, от крена судна с палубы багаж пассажиров свалился за борт, и только Петр Иванович предусмотрительно успел на руках перенести свой увесистый тюк в лодку

В России Севастьянова ждали. Видеть его выставку желали в Московском университете, Академии наук, Синоде. В залах университета выставка работала с 11 по 17 января 1859 года. Показать все 1500 фотокопий было

невозможно, но и то, что экспонировалось, производило на посетителей большое впечатление. Профессор Шевырев восторженно и с долей юмора писал: «Тут грамоты сербские, болгарские, русские..., евангелие глаголическое, минеи четы греческие с миниатюрами, евангелие грузинское, географии Птолемея и Страбона... Мы их рассматриваем и изучаем благодаря подвигу нашего соотечественника. Отныне не надо вырывать листы и безобразить рукопись. Фотография, искусство добродетельное, охраняет эти сокровища и успокаивает эгоизм искателей всего редкого».⁸

В день открытия выставки общим собранием Русского археологического общества Севастьянов был избран в его члены. Выставка затем переехала в Петербург, в здание Синода, где успешно демонстрировалась более месяца. С этого времени экспедиция Севастьянова была взята под опеку ученых, правительства и Синода. Приказом по Министерству народного просвещения Петр Иванович был определен на службу в Археографическую комиссию.⁹

В конце 1858 г., П. И. Севастьянов доложил великой княгине Марии Николаевне о необходимости продолжить работы на Святой Горе. Затраты на их проведение он оценил в 16 000 руб.¹⁰ Частичные расходы вновь принял на себя Синод (9 000 руб.), а императрица Мария Александровна выделила из личных средств оставшуюся сумму 7 000 руб.¹¹

Из помет Севастьянова на принадлежавшей ему рукописи архимандрита Порфирия «Указания русским художникам» видно, что он познакомился с рукописью уже после возвращения с Афона в конце 1858 г. Поэтому, «Указания» Порфирия легла в основу программы работы последней севастьяновской экспедиции 1859–1860 гг. Они написаны поэтическим языком и мало напоминают техническое задание. Однако для нас интересны как выбор и классификация памятников искусства, так и их оценки. Многочисленные пометы на полях рукописи, сделанные Севастьяновым, позволяют сказать о его собственных представлениях. Например, против слов Порфирия об особенностях размещения приделов в афонских храмах, где говорится, что приделы устраиваются не по сторонам от главного алтаря, а отдельно в западной части церкви, так, что середина храма остается свободною для совершения богослужения, а входят в эти приделы прямо из центра, Севастьянов пишет: «Не везде и не всегда. Такое встречается и в России». И далее, когда Порфирий заключает, что «такое помещение приделов достойно подражания» Севастьянов возражает — «нет не достойно: в церквях не следует заводить клетки с перегородками». Рукопись испещрена такими заметками и в нынешнем виде представляет собой скорее диалог между двумя знатоками афонских древностей.

Первым практическим заданием, выдвинутым Порфирием, было снятие точных чертежей и планов всех афонских построек: «В живописном обозрении Афона, после храмов Божиих, желательно видеть чертежи, рисунки

и изображения всех тамошних монастырей и скитов, богатых келий и убогих келий, пещерных затворов и древних развалин, житниц и мельниц, фонтанов и водопроводов, страшных темниц, сторожевых башен, средневековых бойниц и укрепленных ворот..., приморских зданий..., каменных пристаней..., мостов...» и т.д. Вряд ли подобное полное обследование всего, что существовало на Афоне отвечало задачам Академии художеств. Из последующего упоминания Порфирием «будущего повествователя судеб Афона» можно предположить, что он рассчитывал таким образом собрать иллюстративный архитектурно-художественный материал для собственной работы над первой подробной историей Афона. В своих замечаниях Севастьянов везде ограничивает и конкретизирует задачи, которые широкими мазками расписал архимандрит Порфирий (Успенский).

Чтобы выполнить все пункты инструкций, потребовался целый штат сотрудников. Состав экспедиции оказался интернациональным. Не считая Севастьянова, среди прочих семи ее членов было два живописца — француз Эжен Воден, работавший на Святой горе с мая 1858 года, и студент Академии Художеств М.Ф. Грановский; памятники зодчества изучал третий художник, в будущем — профессор Академии Художеств и один из оформителей храма Христа Спасителя Ф.А. Клагес; фотографы — француз Леборн и болгарин Христофоров, владеющий восточными языками; топографы — русский М.П. Зур и его помощник грек Спиридо. Предполагалось приглашение палеографом-консультантом архимандрита Порфирия Успенского, но он не смог присоединиться к экспедиции. Все разместились в русском скиту св. Андрея Первозванного.

О том какой ценой давалось Севастьянову исполнение задуманного им дела мы узнаем из письма к Н.В. Калачеву от 8 мая 1860 г. «...Труднейших годов я не имел во всю мою жизнь и не надивлюсь, как до сих пор жив и здоров. Труд свыше моих сил... Я должен посещать все монастыри и церкви, осматривать библиотеки, избирать рукописи, а в них важнейшие места, распределять работу между восемью сотрудниками, ладить с монахами, не забывать бдений, часто мерюю в пятнадцать часов, и хлопотать, чтобы достать сыру и яиц, а зимою быть постоянно в облаках и туманах при шести градусах комнатной теплоты, и при том все работать, все работать...».¹²

Согласно полученной инструкции, Севастьянов должен был обращаться за содействием к находившемуся в то время на Афоне архимандриту Порфирию (Успенскому), однако тот не был расположен к сотрудничеству. Порфирий понимал, что работает на Востоке в последний раз и стремился в первую очередь собрать необходимый материал для завершения и подготовке к публикации своих собственных научных исследований.

Настоящего сотрудника и помощника Севастьянов обрел в лице архимандрита Антонина Капустина, настоятеля посольской церкви в Афинах. Как и Севастьянов, о. Антонин не был профессиональным археологом и

историком. Выпускник Киевской Духовной академии, он обладал достаточно основательными познаниями в области церковной истории, был знаком с древними и современными языками. Настоящее знание православного Востока пришло к Антонину после начала его служения при дипломатической миссии в Афинах в 1850 г. Здесь он впервые воочию познакомился с античными и византийскими памятниками, а также современной церковной жизнью. Главным делом Антонина в Афинах явилось восстановление древней церкви Св. Троицы (Никодима, или Ликодима), ставшей храмом русского посольства. В ходе восстановительных работ Антонин прошел школу археологии (в подземельях церкви им были обнаружен и описан римский водопровод и термы) и византийского зодчества (Антонину пришлось лично заняться сохранением и реставрацией архитектуры XI в.). Немало способствовали расширению его кругозора путешествия по Греции и Италии.¹³

Прожив девять лет в Греции, Антонин ни разу не был на Афоне. В наше время это может вызвать удивление. Однако не следует забывать, что в XIX в. Афон находился на территории другого государства, Османской империи; кроме того, Антонин не мог отлучаться самовольно, и на каждую поездку должен был испрашивать разрешения посланника. П. И. Севастьянов приглашал Антонина на Афон и ранее, в 1858 г., но дозволения от А. П. Озерова тогда не было получено. Наконец, путешествия в то время стоили очень дорого, и о. Антонин попросту не мог себе позволить совершать их за свой счет. Все его поездки афинского периода — в Италию в 1852 г., в Святую Землю и Египет в 1857 г. — осуществлялись либо за счет посольства, либо по приглашению капитана русского парохода «Полкан» Ф.О. Юшкова. На этот раз, в 1859 г., обстоятельства сложились благополучно: экспедиция была щедро финансирована из Петербурга, и посланник не возражал против отправления о. Антонина на Афон. В июле 1859 г. П. И. Севастьянов появился на пороге дома Антонина в Афинах. Последующая неделя была занята работой в византийском монастыре Дафни, давно привлекавшем внимание Антонина. Наконец, они отправились в сторону Св. Горы. Три месяца неустанных трудов в библиотеках, составления каталогов рукописей, переговоры с монахами относительно их хранения, изучения, а также приобретения впоследствии были подробно описаны о. Антонином.¹⁴ На Афоне Антонин впервые получил практику занятий по византийской палеографии и возможность работать с большим количеством первоклассных рукописных памятников. Интерес, который они вызвали у него, сохранился на всю его жизнь. В течение последующих пяти лет, будучи настоятелем посольской церкви в Константинополе, о. Антонин систематически приобретал рукописи, а их изучение составили предмет его переписки с ученым библиотекарем русского афонского монастыря Св. Пантелеимона о. Азарием. Не оставил он исследование рукописных

памятников и в период своего почти 30-летнего служения в Иерусалиме (1865–1894). Уже находясь в Иерусалиме Антонин вынужден по просьбе о. Азарии выступать фактическим соредактором издания Актов Свято-Пантелеимонова монастыря, ставшего первым и лучшим тогда классическим научным изданием афонских актов. Кроме этого некоторые акты для издания о. Антонии перевел на русский язык.

Публикуемые ниже письма П. И. Севастьянова к о. Антонину и ответные письма о. Антонина к П.И. Севастьянову относятся к периоду афонской экспедиции П.И. Севастьянова в 1858 и 1859–1860 гг.¹⁵ Севастьянов подробно описывает работу по копированию и фотографированию памятников искусства, а также те трудности, с которыми ему пришлось столкнуться, просит о. Антонина помочь с присылкой на Афон необходимых для фотографирования химических компонентов спрашивает его советов в отношении обнаруженных памятников. В последнем письме, написанном значительно позднее, уже из Италии, он делится со своим корреспондентом проектами ширококомасштабного изучения древних изображений Равенны и Сицилии.

ПИСЬМА П.И. СЕВАСТЬЯНОВА К АРХИМАНДРИТУ АНТОНИНУ (КАПУСТИНУ)

1.

Афон

30 июня/12 июля 1856 г.

Достопочтеннейший и высокоуважаемый отец архимандрит.

С надеждою на исполнение Вашего предположения, хотя и не совсем положительного, посетить нас, бедных калугеров Афона, мы с нетерпением ожидали Вашего приезда в течение двух месяцев, но вот, солнце уже повернуло на зиму, но Вас все нет! Исполнится ли наше общее желание и когда именно?

Мы трудимся неусыпно от восхода до заката солнечного и много есть хороших результатов трудов наших. Надеюсь, все глаголицкое Евангелие будет отснято и перенесено в мой портфель, с тем, чтобы, если поможет Бог, увидит свет мира. Лучшие рисунки Панселина перетекают кальками на бумагу в натуральную величину и с точностью фотографической, более 1000 оригинальных букв и украшений рукописей также поступили в коллекцию; это делается способом, еще никому не известным; прилагаю при этом образчик, равно как и неоценимый для меня способ переноса коллодиума на бумагу. Этот секрет я купил в Париже, но в применении он никуда не годился. Мне удалось добиться такого способа, который не знает

неудач. Прежде для каждого предмета я должен был иметь особое стекло, теперь 10 будет достаточно для всех драгоценностей Афона, и пуды клише на стеклах превратились в золотинки на бумаге. Мы работаем теперь четвером, но если бы нас было впятеро больше, на всех стало бы работы на годы. Нет ли у Вас на примете какого-нибудь самостильного фотографа? Кроме проезда и содержания я мог бы положить ему жалование от 150 до 300 франков в месяц сообразно его знанию и достоинству. Что нам более всего доставляет затруднение, то это образа, писанные цветами вполне антифототипическими и покрытые грубым лаком и вековой копотью и пылью. Сделайте одолжение, Ваше Высокопреподобие, примите на себя труд уведомить меня, сколько возможно поспешнее и подробнее, какой состав коллодиума и какие ванны употребляете Вы для снятия внутренности церкви. Очень может быть, что способ Ваш будет и лучший, нежели наш для достижения этой цели. Также в случае необходимости можно ли будет в Афинах приобрести хорошего качества главные химические препараты для фотографии и по каким ценам.

Если я Вас обременяю моею непотребною просьбою, то Вы сами в том все виноваты: Ваше доброе внимание и просвещенное одобрение трудов моих дали мне эту смелость.

В моих трудах приняли участие Е<е> И<мператорское> В<ысочество> в<еликая> к<нягиня> Мария Николаевна, Св. Синод и Имп<ераторская> Публичная библиотека, но на условиях, еще мне не известных. Все это я узнаю от почтенного отца Порфирия, о приезде которого в нашу экспедицию я официально уведомлен.

Поручая себя святым молитвам Вашим. С отличнейшим высокопочтанием и совершенной преданностью честь имею быть Ваш покорный слуга
Петр (Ив.) Севастьянов

Адрес: Российск<ому> консулу в Салониках

СПб ФА РАН. Ф. 214. Оп. 1. Д. 36.Л. 363–364об.

2.

<Афон>

17–19 ноября 1859 г.¹⁶

Ваше Высокопреподобие
глубокоуважаемый отец Антонин

После отъезда Вашего первым и лучшим торжеством было для меня получение двух задушевных писем Ваших, за которые приношу глубочайшую мою благодарность, равно как и за все время, проведенное Вами на

Афоне, и которое навсегда останется в памяти моей одним из утешительных эпизодов жизни.

Но всякая радость не без горести: меня опечалило известие о нездоровье Вашем, которое я предполагаю довольно сильным, когда Вы нашлись в необходимости прибегнуть к лекарствам и лечению продолжительному. Дай Бог Вам скорейшего восстановления сил!

С отбытием Вашим с Афона прекратились и наши ясные дни! Еще с неделю простояла хорошая погода, как будто поджидавшая приезда Вашего в Афины, а потом начались дожди, холода, бури, грозы и снова землетрясения; туманы были так сильны, что даже Серая не было видно из окон. Постоянно мы вспоминали о Вашем путешествии и от души радовались, что погода так очевидно благоприятствовала Вашему плаванию. Это было одним из утешений в страшной пустыне по отъезде Вашем и во всевозможных лишениях, даже элементарных, которые начались с ненастной и дурной погодой и продолжаются до сего времени. Нет ни света, ни сухости, ни теплоты. В три часа мы уже зажигаем лампы, а церковь Протата постоянно освещается рефлекторами в течение всего дня, чтобы не остановить работы. Внешние топографические работы совершенно прекратились и фотографические почти тоже, едва урывками делают по два и по три клише в день. Снимать позитивы тоже нет возможности, и некоторые оставались по два дня на свету и все не выходили; бумага сырая и портила негативы. Я вынужден был вовсе их прекратить до более ясных и сухих дней, и это несколько отдалит и исполнение Вашего поручения. В келиях, в которых нет печей, все портится от сырости; наши рабочие комнаты мы надеялись отопить железными печами, но до сих пор они более дают дыма и чада, нежели теплоты. Термометр в комнатах никогда не доходит до 7 градусов теплоты. Начался пост, и с тем все затруднительнее достать что-либо скоромное для моих иноверцев. Я должен их кормить известной Вам рыбой, вроде щеп, не годных даже на поджог, капустой в редкость и оливками. К счастью, мы вспомнили о гречневых крупах, и теперь каша спасает нас от голода. Все эти лишения произвели простуды, кашель и лихорадочные припадки и имели сильное влияние на моральное состояние нашего общества. Все приуныли, тоскуют и многие просятся на родину. Вот мое положение!..

На другой день по отъезде Вашем явились ко мне Павловцы полным собором. Толковали, говорили, расспрашивали, взяли просьбы для переписки, и все, казалось, уладилось. Но вечером является толмач и передает мне, что по возвращению в кунак они отыскали там новую идею: чтобы действовать на старцев, не соглашающихся на уступку книг, они положили отправить одного из среды своей в Константинополь и просить благословения Патриарха. Я на это согласился. Дня через 4 является снова толмач. Ну что, отправили посланного?—Ах, нет! Все разладилось, и игумен совесть сам явиться, и прислал просить извинения у о. Архимандрита и у

Вас в хлопотах, Вами сделанных. — Что такое? — Вместо отправления в Константинополь, мы, по дружбе нашей к Иверцам, отправились посоветоваться с ними, передали наш план, и они решительно отсоветовали жертвовать книгами, хотя бы и один старец монастыря не был на то согласен. — Не можете ли Вы писать к посланнику? — Не могу, — ответил я. — Да правда и сам игумен без книг ехать в Россию не желает». Этим кончилось дело. У меня остались их хрисовулы и книги, и я более их не видал.

А иверцы нам не доброжелательствуют. Вскоре после этого явился Ананий, их проэстос, по поручению Даниила. «А отец Архимандрит уже уехал? — Да, уехал. — Наши старцы узнали об этом и прислали меня справиться: у Вас ли беседы Фотия?» Я должен был показать ему книгу и тем убедить, что она не в Афинах. Каковы понятия у этих народов? Клагес кончил снимки в Ивере и привез до 40 листов рисунков, планов и разрезов церквей, фиала, полов, дверей, колон и п. Все прекрасно исполнены, с большой верностью и вкусом. Там все заговорили об образе Божией Матери. Я им сказал, что приду снимать тогда, когда они сами меня будут просить об этом.

О. Порфирий испугался наступающей зимы на восточной стороне и переехал в Русик, где живет недели три. Бывши проездом, в Карее, он объяснил моим художникам, что будет у меня, но не был, и таким образом мы с ним не видались. Он совсем, было, собрался уехать в Константинополь, но остался в ожидании из Синода денег. Интересно знать, как распутает Синод эту историю. Мне только одно прискорбно, что о. Порфирий втянул меня в эту кутерьму и грубостью своею поставил меня в необходимость избегать свидания с ним.

Наступают праздники Введения в Хиландаре, Св. Митрофана в Русике и Св. Андрея у нас в скиту. От всех этих искушений я предполагаю удалиться в Лавру, где, по наставлению Вашему, сниму все, что только будет возможно. От о. Мельхиседека была депутация просить меня к себе, и, *sine qua non*,¹⁷ содействия в разрешении сбора в России. Как видите, мы не изменились, и поем все одну и ту же песнь. На днях меня пригласили в Протат, чтобы объяснить новые постановления о кредитных установлениях и совета, как исправить ответ митрополиту. Приглашавший митрополит Каллиник говорил, что большая часть требовала прибавить к бумаге просьбу о присылке русской утвари в Протат! Хорошо, что нашлись отсоветовавшие эту неделикатность и просьбу отложили на время. Греческий конец концов всегда одинаков: подвинуть стул, осмотреться и сказать: а у меня до Вас есть просьба...

Наш содержатель, о. Виссарион, как кажется, тоже отлынивает от праздника и до сих пор не является. Я был уверен, что ему понравится дунайская, запорожская жизнь, и он, клубок набекрень, не скоро откажется от удовольствия гарцевать по лиманам Дуная. Между тем, здесь, в скиту, все приняло вид более пристойный и братия не нарадуется вводящемуся постепенно порядку, спокойствию и тишине. Большая часть из них люди добрые, хотя без сомнения, и не без слабостей.

Приношу Вам чувствительнейшую благодарность и г-ну Константину за присланную кювету.¹⁸ Пред тем получил одну из Константинополя, но и эта была для меня необходима, так как и фотографические разделы у меня между двух соперников.

Все Ваши поручения я с преобладающим удовольствием исполню, но, к большому сожалению, не очень скоро. Погода сырая и туманная мешает снимать позитивы и портит клише. С трудом я спас Ваш от (нрзб.) иметь с него позитивы. К тому же и пароходы нам изменяют и вместо 4 раз будут ходить только два раза, и то не наверное. О бумагах о. Паисия я говорил о. Каллинику, и он сделал распоряжение об отнесении их. Я их жду с минуты на минуту, и если успею послать с этой же почтой, то вышлю.

Все мои сотрудники свидетельствуют Вам глубочайший поклон на четырех языках. Отец Феодорит также. Он так сладко выражался, что по глупости и беспамятству не могу передать всего буквально.

Это почтенный старец тот. Нынче они окончательно закончили безобразия купола. Мои художники собором отказываются от данного им рисунка. Этот приснопамятный тоже и прилагает письмо. Он продолжает писать стихи, петь петухом и постригать в монахи. Рыженький скоромох, который приходил к вам, уже пострижен им в монахи и с большим успехом. Он научился также петь петухом и оговаривается тем, что послушный свет должен идти по стопам голосу и рукам своего отче.

Простите за болтовню! Писавши это письмо, я воображал Вас за убогим нашим чаем, с терпением и кротостью снисходящего к моим блюдам. Впредь не буду!! Испросив Ваших святых молитв и благословений, с неизменным глубоким почтением честь имею быть ...

П. Севастьянов.

П<рошу> п<окорно> расвидетельствуйте мое почтение м<илостивым> г<осударям> Ол<ьге> Ег<оровне>, Ал<ексею> П<петровичу>, Вашей чтимой и любезной братии и всем моим попугаям.

СПб ФА РАН. Ф. 214. Оп. 1. Д. 36. Л. 539–543об.

3.

Серай

21 декабря 1859 г.¹⁹

Глубокоуважаемый отец архимандрит!

Пользуясь оказией, за полчаса до отъезда мне объявленного, чтобы принести Вашему Высокопреподобию мое искреннее поздравление с наступающими праздниками и Новым годом. Вы поверите искренности желания моего в исполнении всего, что Вы желаете.

Препровождаю, с сожалением, Ваш портрет, но с большим удовольствием желаю Вам две микроскопические фотографии. Что же касается до оттисков фотографических, то я их сам не имею. Более месяца Христофоров лежит в постели все позитивы прекращены. Впрочем, со временем я Вам их вышлю.

С легкой руки любезного Константина я получил вдруг шесть капсюлей, поэтому с большой благодарностью возвращаю присланную им.

Со времени Вашего отъезда у нас все по-старому, и нового ничего нет. Ноябрьская погода была ужасная: мы не выходили из облаков, дождя, бурь и холода, но зато теперь — 12 град. Тепла и все окрестности покрыты цветами и луковицами; орешник, на счастье зубов наших старцев, также цветет.

Русик, к сожалению, потерпел небольшое несчастье, но значительное. Их новый каик, о котором они долго не имели никакого известия во время бурь, когда направо и налево гибли суда, невредимо пришел вне опасности и на другой день — разбился в самой пристани Русика. Самый каик и часть пшеницы погибли; люди, благодаря Бога, спаслись.

Испросив благословения и молитв Ваших, с неизменными чувствами почтения и уважения имею честь быть Ваш покорный слуга

П. Севастьянов.

СПб ФА РАН. Ф. 214. Оп. 1. Д. 36. Л. 550–551об.

4.

26 февраля 1860 г.²⁰

Достойнейший и глубокоуважаемый отец архимандрит.

Надеясь на великие дни всепрощения, я начинаю письмо свое просьбою простить меня за мое продолжительное молчание и замедленность в искренней благодарности за ваши отрадные письма. Впрочем, уже и получил наказание — более двух месяцев я не имею от Вас ни малейшего известия и не знаю, какую пользу принесло Вам новое лечение. Дай только Бог, чтобы драгоценное для многих здоровье Ваше восстановилось вполне и на многие годы!

Не знаю, дошли ли до Вас вести о тех искушениях, которые я испытал с началом текущего года. Поверите ли Вы тому, что Водена уже нет при мне, и еще более — поверите ли Вы, что он оказался таким негодяем, каких я еще мало видел, хотя я и знаком с черной стороной человечества по сотням тысяч дел уголовных, проходивших через мои руки во время служения?

Вот как все обнаружилось. В начале января я поручил Водену, Клагесу и Грановскому выезд в Лавру. Сборы были тяжелы и медлительны, я

торопил, но без успеха. Наконец объявляют мне, что с Воденом в Лавру никто не поедет и даже здесь с ним жить не желают, и просили или уволить всех, или его. Начали суд, и открылось. С самого приезда художников Воден с ловкостью и систематически восстанавливал всех против меня, рассказывая обо мне неслыханные гнусности и по очереди — их между собою. Главная его цель была — остаться одному и пользоваться большим жалованием и одному получить награду. Бедного немца Клагеса он убедил в том, что я никому не плачу денег, что у меня их нет и работы его напрасны. Вследствие этого-то убеждения, Клагес еще при Вас просился ехать в Рим и там работать. Над другими художниками — Зуром, Христофоровым и Грановским он издевался иначе; он постоянно оскорблял их тем, что они себе цены не знают, что, вероятно, они найдены мною в грязи, что поехали за такую низкую цену и научал их требовать второе жалование, или платы. Кажется, и Спиро вследствие этого же наставления меня оставил. От всех моих комнат и шкапов он имел двойные ключи, и когда я только отлучался, входил в мои комнаты и рылся в бумагах. Он подозревал, что я имею тайные поручения от правительства, старался отыскать бумаги, захватить и потом через них уже владеть мною вполне!.. Он хвастался, что от всех моих покупок имеет по несколько золотых в месяц и пр. и пр. Во всем этом он явно был уличен в глаза и обстоятельствами, и свидетельствами, особенно Леборна, который приходил в неистовство от негодования, когда обличал своего соотечественника.

Вот каким оказался человек, которому я не находил цены, и которого так отличал от других!

Любопытно знать, не находил ли он дерзости и представиться Вам в проезд свой через Афины.

Отъезд его много повредил успеху моих, но делать нечего. Останусь на Афоне долее, нежели предполагал, сокращу работы Грановского по Протату, и тем заменю недостаток рук; сам же работаю как крепостной.

В это время Клагес и Грановский работают в Хиландаре. Я сам был два раза там. Клагес сделал план церкви, 8 разрезов пола, несколько видов и все замечательные детали. А Грановский снял все чудотворные иконы, Троеручицу красками превосходно и 7 вселенских соборов. Он работает прилежно, но мешкает. Леборн наконец выучился и работа его идет очень удовлетворительно. По совету Вашему я предполагаю всю Библию, или, по крайней мере, несколько книг вполне. Христофоров все еще не совсем поправился; более полутора месяцев он не вставал с постели. Болезнь его серьезная, он страдает желудком, и кашель его очень сомнителен. Его гальванопластика пошла удачно, и у меня есть несколько прекрасных вещей. Зур оканчивает план всей горы, который постепенно пополняем подробностями. Теперь я жду возвращения сотрудников из Хиландаря,

и потом, недели через две, пустимся в Лавру. Там будет по крайней мере на месяц работы.

Бывши в Хиландаре, я воспользовался хорошей погодой и пустился на Ксерксов канал, которого мне хотелось бы составить хорошую карту. Там мы осматривали развалины крепости пиргов, и около одно(го) на мраморе нашли престранную, но красивую надпись, которую сняли с фотографической точностью. Я полагаю, что это надпись грузинская. Вы себе можете представить, как часто, и с каким сожалением я вспоминаю об Вас при подобных поездках! От канала до Ерисо час ходу. Я поехал туда и не напрасно. В одной лачуге я обрел и приобрел необыкновенные сокровища: часть животворящего дерева в серебряном кресте древнейшей работы. Это истинное счастье напасть на такую драгоценность и в таком месте, где не было даже скамьи для сидения. Судите сами по прилагаемому рисунку. Что же касается до действительности Честнаго дерева, то это подтвердили здесь все святые отцы, которым я показывал крест. Мне хотелось бы, чтобы вы внимательно рассмотрели рисунок, составили бы свое заключение, а потом распечатали бы прилагаемую записку, в которой я излагаю свое заключение. Будем ли мы согласны в заключениях? С этого креста снята и гальванопластика.

В прошедшем месяце отсюда уехал о. Порфирий. После отъезда Вашего я с ним более не виделся. Об отъезде своем он уведомил меня письмом, в котором между прочим пишет: «Честь имею уведомить Вас, что я отправляюсь отсюда по болезни, в Константинополь, проведя три последние месяца в Русике бесполезно для нашего общего дела, по затруднениям, встречаемым со стороны Духовного начальства в высылке денег...» Я ему ответил, что и я не совсем благодарен подобным распоряжениям духов<ного> начальства, последствием которого вышло то, что вся энциклопедия трудов по экспедиции пала на меня одного...

О. Порфирий выехал в Константинополь, оттуда приедет в Иерусалим за вещами, и потом в Египет, чтобы видеться, по поручению Синода, с Коптским Патриархом. К 23 апреля ему велено быть в пределах России. Все это я узнал в Русике. Между прочим мне рассказали забавный археологический анекдот. Порфирий хвастался, что приобрел необыкновенно древний образ с годом и даром, — за 8 золотых. Покажите, сказал Иероним. Приносят, и только Иероним взглянул, воскл<икнул> — помилуйте! Этот образ приносили ко мне в прошлом году и просили 3 золотых; я сказал, что дам и 4 золотых, если бы был год, подтверждающий древность живописи, которая теперь сумнительная». Продавец воспользовался замечанием о. Иеронима; взял образ обратно, приписал год и продал о. Порфирию.

Коллекции мои все увеличиваются; у меня оказалось до 200 образов, из коих часть весьма замечательных, и до 150 рукописей. Без Вас я приобрел

очень древнюю, и я полагаю, не позже десятого, а, может быть, и девятого столетия, особенно выписки из Библии в четыре столбца. Мне уже приходило в голову не прислать их к Вам, для развлечения и — хранения? Но меня останавливает какая-то безотчетная надежда увидеться с Вами еще раз здесь, на Афоне. Почему знать? Может быть, после Пасхи Вы вздумаете навестить нас вместе с Александром Петровичем. Парламентские бури в Афинах затихли, министерства переменяли стулья, король говорит прекрасные каламбуры французским гостям (почта 19 февраля). Стало быть, все в порядке, и посторонние надзиратели могли бы предоставить и себе небольшое развлечение. Милости просим! Навещать заключенных — Евангельская добродетель.

Долго ли я здесь пребуду — не знаю. Но, по всей вероятности, придется захватить часть и летних месяцев. Да вдобавок мне сильно хотелось бы побывать, хотя с Клагесом, в Мире Ликийской, и там снять подробный план церкви и все фрески. Об этом жду ответа из Парижа на вопрос мой — не было ли что-нибудь напечатано Зальцманом о поездке своей в Миру. Нет ли в Ваших личных листах чего-либо об этом предмете?

В Скиту у нас все благополучно, только братия немного поуменьшилась. Антоний совсем перешел в Русик, Герасим и с ним человек пять уехали в Иерусалим. Феодорит в Одессе, но ожидают скоро возвращения. По ходатайству моему для скита вышло разрешение ежегодно ездить в Одессу и Ростов на Дону для получения процентов и закупки провизии. Это дозволение вроде банковских билетов с ежегодным доходом. Виссарион стал немного воздержаннее, но характер все тот же.

В Ватопеде предполагают новый корпус на месте сгоревшего; просили составить планы и предлагают все, даже показать ризницу.

Сюда приезжал архимандрит Нил, поверенный всех монастырей Афонских по делу о их владениях в Молдавии. Он убедил все монастыри выдать ему хрисовулы, по которым они владеют землями. Все монастыри поверили ему свои драгоценности, он уехал, и только теперь спохватились, что сделали историческую глупость. Кузе стоит только купить этого отца, и все права монастырей обратятся в прах.

Примите еще раз пожелание всех благ и, испросив святых молитв Ваших с искренними чувствами глубоко уважающий и почитающий Вас, остаюсь

П. Севастьянов.

Фиал совсем готов, остается только хранить. Я забыл написать Вам об этом, почти так же как Вы забыли написать, благополучно ли доехал попугай.

<ЗАКЛЮЧЕНИЕ П. И. СЕВАСТЬЯНОВА ОПРИБРЕТЕННОМ ИМ КРЕСТЕ>.

Работа креста двух разных эпох.

Самый крест, без сомнения, древнейшей работы; доказательство в изображении Крещения Спасителя и других Святых согласно с изображением, помещаемым на древних печатях; рыбы — древнейший символ Христа — употреблявшийся в V—X столетиях, но никогда позднее. Украшения (арабски) древние византийские.

Сияние приделано после и гораздо позднейшей работы, т. е. XVII и XVIII столетий. Этот крест, вероятно, поднесен какой-либо коронованной особе, и потому приделаны короны на всех оконечностях сияния и 2 оконечности креста. Вверху корона отломана, камни с малых корон похищены.

СПб ФА РАН. Ф. 214. Оп. 1. Д. 36. Л. 572–577об.

5.

<Афон>

19 марта 1860 г.²¹

Душевно уважаемый отец архимандрит!

Я с ужасом прочел последнее Ваше письмо и скорблю за Вас всею полнотою сердца! И Вас не пощадила адская злоба и клевета человеческая! Казалось, кто мог более Вас быть обеспеченным от клеветы? Ваша жизнь, Ваши правила, Ваша любовь и снисхождение ко всем—ничто не спасло Вас: Бога ради, храните себя и не предавайтесь огорчению! Люди, Вам подобные, срама не имут, и Вы уже счастливы тем, что кто Вас хоть несколько узнает, питает к Вам неограниченное уважение и останется по гроб поборником Вашим.

Какое сходство случая Вашего и моего. Ближайшие к нам на нас клеветуют и предают нас. Из последнего моего письма от начала февраля Вы узнали подробности с Воденом. Исполняя мои желания и даже прихоти с необыкновенным рвением и даже самопожертвованием, за глаза он выдавал меня за шпиона от правительства, и в отсутствие мое отыскивал тайных бумаг моих. Теперь с каждым днем открываются его новые гнусности. А не с Вами ли мы не переставали им восхищаться! Я еще помню Ваши слова: «Где Вы отыскиали такое золото?» — Вот люди!

Не понимаю, что делает наша интернациональная греко-русско-турецкая почта? Ваше письмо от 14 февраля я получил ровно через месяц и до отправления его Вы должны бы были получить мое. Буду ждать с нетерпением Вашего ответа, а главное известия о хорошем состоянии и духа, и тела. Мы с Вами столкнулись в тех же линиях. Вы зовете меня на Запад, а я зову Вас на Восток, и письма наши сталкиваются на пути. Поторговавшись, куда-нибудь да надо ехать и вместе.

Я еще раз ездил в Хиландарь. И там мне делали препятствие снять ризу с иконы Троеручицы, но мне удалось настоять на своем и кончить копию, прекрасно исполненную Грановским. На беду нашу эклезиярх забыл налить масла в лампадку и стекло три раза треснуло. Суевыры приписали чудо! Божия Матерь не желает, чтобы с Нее снимали копии. А я, с своей стороны подтвердил, что это действительно чудо, и Матерь Божия явно изъявляет свое неудовольствие на старцев, которые препятствуют мне достигнуть цели благочестивой и православной, и если бы Она желала изъявить свой гнев на нас, то имела бы силу выразить его явственнее. К успеху моему помог мне случай. Получено разрешение Хиландарцам ехать в Россию. Я дал несколько рекомендательных писем, и с того времени кредит ко мне неограниченный: на дорогу дали мне 30 хрисовулов славянских и все с золотыми печатями: столько жатвы и для фотографии, и для гальванопластики. А я при всяком случае повторяю свою тему: как жаль, что Вас нет здесь. Одна моя коллекция книг заняла бы Вас на месяц.

Хиландарцам, между прочим, я дал письмо к митрополиту Филарету, в котором прошу Е<го> В<ысоко>п<реосвященство> святейшим словом своим убедить доверителя к преобразованию монастыря в общежительный.

Преподобне! Еще раз желаю Вам сил душевных и телесных и, прося молитв и Вашего благословения, с искренним и глубоким чувством преданности остаюсь Ваш покорнейший слуга

П. Севастьянов.

Р. S. Благодарю Вас за листок фотографический, и г. Константина. Откуда он снял его? Недостаток в его позитиве от <...>²² позы.

Гальванопластики изданы прекрасно. Сейчас вынули щит Меркурия из Пандократора, и тот, несмотря на малую рельефность, вышел прекрасно.

Наскучив за постом и уже более месяца я не видал его.

Я в большом недоумении: надо говеть, а кого избрать духовником? У нас остались только Виссарион, да Феодорит. Феодорит еще не вернулся из России.

СПб ФА РАН. Ф. 214. Оп. 1. Д. 36. Л. 592–595об.

6.

11 апреля 1860 г.²³

Христос Воскресе!

Достопочтеннейший и душевно уважаемый отец архимандрит!

Примите искреннейшее мое поздравление с настоящим праздником и желанием Вам всевозможных благ и скорейший забвений минувших огорчений. Я с нетерпением ожидал этого праздника здесь, на Афоне,

предполагаю посетить все монастыри и в подробности осмотреть все их драгоценности, которые выставляются только в торжественные дни; но успел побывать только в четырех монастырях и там не видал ничего нового. Праздник прошел так скоро, что даже и в Русике не успел быть. Впрочем, там обнаружилось против меня какое-то неблагожелание. В течение трехлетнего моего пребывания на Афоне о. Иероним не был у меня ни одного раза. Зная его слабое здоровье, я и не думал об этом. Но на 6-й неделе поста он приезжал в Карею, чтобы осмотреть вновь строящийся купол, пробыл там два дня, даже успел навестить Макария на горе, там обедать, но у меня не был. Так как в Русике ничего не делается спроста и каждый шаг рассчитан и обдуман, то и с моей стороны было бы преступлением быть невнимательным к очевидной немилости о. духовника, тем более, что этот случай напоминает мне поступок Св. Отца Петра Константинопольского. Кстати, и там предполагали, что злодей Агапий находится здесь, потому что с возвратившимся сюда к празднику Феодоритом ему был прислан поклон от дьякона конст<антинопольской> миссии. Но Агапия положительно на Афоне нет, все монастыри предупреждены о нем Протатом, не знаю вследствие какого распоряжения. Здешние опытные старцы предполагают, что он не осмелится показаться здесь, а останется в Турции и перейдет к католикам.

Каким образом дошло до Вас известие о неудовольствии на меня Е<е> В<ысочества> Марии Николаевны? Я это предвидел, ожидал и частью доволен. Я действительно не писал к ней. Что меня более всего удерживало, так это отказ о. Порфирия. Письмо мое я должен был начать каким-то доносом; — чрезвычайно неприятно! И в самом начале я встретил столько затруднений, что я мог только предполагать и обещать. По крайней мере теперь я в состоянии отдать отчет в трудах уже исполненных, и довольно значительном: до 2000 негативов, до 500 копий с образов и до 300 чертежей архитектурных, кроме топографической карты Афона и разных мелких трудов. Между последними образовались две коллекции весьма замечательные: крестов и рук благословляющих. В Лавре мы еще не были. Много теряем времени на новые постройки в Ватопеде и Зографе. Надпись срисованная разобрана: она грузинская и гласит о возобновлении башни грузинским царем в XIII столетии.

Скажите мне, пожалуйста, куда мне адресовать донесение Е<е> В<ысочеству> Марии Николаевне, в Ниццу, или в Россию; Вам, вероятно, известно, как долго она останется за границей? А Вы мне ничего не пишете о попугае. Если он погиб — это ничего; но если он не принят?

Испрашивая Ваших молитв и благословений, с неизменным чувством глубокого уважения честь имею быть Вашего Высокопреподобия покорнейшим слугою

Петр Севастьянов.

В листке, издаваемом Пароходным обществом, от февраля была напечатана прекурьезная статья об Афоне, которая взволновала весь Русик против отца Порфирия <...>²⁴.

СПб ФА РАН. Ф. 214. Оп. 1. Д. 36. Л. 598–599об.

7.

Русик

15 июля 1860 г.²⁵

Достойнейший и многоуважаемый отец архимандрит.

На прошедшей неделе я имел большое удовольствие получить почтеннейшее письмо Ваше, на которое не мог ответить тотчас же по той же причине — неисправности наших пароходов. Они переменили дни, и по этому случаю не выезжали на Афон целую неделю. Ожидаемые Вами чиновники прибыли сюда 23 июня, пристали к Русику, отдыхали от путешествия, говели, исповедовались у о. Иеронима в день Св. Петра и Павла, приобщились Св. Таин. Потом около 10 дней употребил на поспешный обзор всех монастырей Афона и в каждом монастыре были по недолгу, особенно в штатных, где довольствовались осмотром церквей и глико в архондариках. За что царские монастыри — Ватопед, Ивирон и Лавра остались ими недовольны. В Серае они переночевали и на другой день обедали. На осмотр моих работ употребили около двух часов. Я обоих их знаю по Петербургу и с прекрасной стороны. Они рады, что судьба назначила Вам и мне сношение с цветом нашего чиновничества. По рассказам нашим, они и с Вами познакомились, и явятся к Вам проникнутые тем великим уважением, которое, конечно, к Вам имеют, имеющие счастье лично знать Вас. С ними я мало виделся с глазу на глаз; почти всегда при посторонних, и не имел случая говорить с ними о их поручении. Но оно, кажется, дано не вследствие необходимости, но как приятная и полезная прогулка в награду за службу. Перед отъездом Саломон виделся с государем и имел приказание сманить не только Патриарха в пользу славян, и Ваших афинских греков. Чутье недурное. У нас до того напуганы, что Горчаков и Саломона считал за голову слишком молодую и горячую и делали затруднения для отправки его на Восток. Я пишу к Вам из Русика, куда приехал, чтобы повидаться с нашими гостями, уезжающими завтра к Вам; но они приготавливаются к принятию Св. Таин на завтрашней литургии.

В Лавре я окончил свои занятия. Тамошние монахи-англоманы мне делали многие препятствия, но несмотря на это, я выехал оттуда с порядочным запасом; при мне по необходимости находился отец Анфим и в два часа осмотрели библиотеку. Ему посчастливилось открыть книгу, которую, почти со слезами

отпустил счастливый о. Порфирий. Это книга Пророчеств in 16 на пергамене X или XI столетия. Из Лавры ничего не выпускали за стены монастыря, и я там был с фотографом. С этого манускрипта я снял до 50 страниц, и очень сожалею, что не имею теперь при себе, чтобы познакомить Вас на месте с одним листком. Но, быть может, и Вы отметили у себя эту рукопись.

К концу августа месяца я предполагаю закончить все и с грузом до 30 ящичков отправлюсь в Константинополь. Там я их запечатаю казенною печатью и, вероятно, мне разрешат отправить их с транспортом через Одессу в П<етер>б<ург> в сопровождении отца Феодорита или Паисия, чему очень рады Серайцы. Хотя с большим сожалением, но быть может, из Константинополя я возвращусь в Европу Дунаем для осмотра некоторых монастырей болгарских, где мною обнаружены ценные тома славянских книг. К тому же и Дунай не будет так бурен в дни равноденствия, как море.

О. Порфирий ни слуху, ни духу. Ему дана отсрочка, но Саломон не знает, на сколько. Статью об нем в Листке написал Азарий. Автор очень негодует на редакцию, которая многое не поместила, что было в рукописи. Как досадно за Ваши статьи. Нельзя ли разослать их в П<етер>бург? Или доставить их до меня для печати в частных журналах назло неблагодарному Киеву.

Пересылаемые Вами ноты приняты с благодарностью, но здесь ожидали других, а именно ирмос 7 гласа «Манием твоим».

Сейчас я виделся с Саломоном, он даже не знает, поедет ли теперь прямо в Афины, или прежде в Иерусалим: все будет зависеть от парохода, которого он найдет в Салониках или в Смирне. Он так чувствует себя дурно и до того усталым, что желал бы более всего возвратиться в Россию.

Испрашивая Ваших святых молитв и благословений, с искренним чувством глубокого уважения честь имею быть Вашего преподобия покорный слуга

П. Севастьянов.

СПб ФА РАН. Ф. 214. Оп. 1. Д. 36. Л. 613–616об.

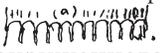
8.

Берлин

21 декабря 1860/2 января 1861 г.²⁶

Ваше Высокопреподобие,
почтеннейший и высокоуважаемый отец архимандрит.

Перед самым отъездом из Парижа я имел большое удовольствие получить почтеннейшее письмо Ваше, за которое приношу величайшую благодарность. Я сам несколько раз принимался писать к Вам, но в Париже я менее имел свободного времени, нежели на Афоне, и потому меньше было

удовольствия отдать Вам отчет в моей поездке. До Триеста наше плавание кончилось благополучно, но только потому, что все остались живы, но море было так бурно, что многие пришли в отчаяние, и я сам не раз думал о трудах своих, которые могли достаться на рекреацию рыбам. В Венеции я остался 10 дней, каждый день был в церкви Св. Марка, и между делом написал бюджет великой княгине, который, несмотря на свою краткость, составляет тетрадь в 10 листов. Оттуда я пробрался сквозь цепь укреплений и армию австрийскую и пьемонтскую и взял приступом Равенну! Там я положил пробыть только день, но остался целых 5: так много предметов великолепнейших и хорошо сохранившихся в течение четырнадцати веков. В церкви Галлы Плакидии это все символическое, в куполе нет Пандократора, как на Афоне, но кресты, но кресты, звезды и символы Евангелистов, на стенах елени, голуби, стремящиеся к источникам, изображение Доброго Пастыря, не держащего на шее овна, но в виде отрока, сидящего на камне между деревьями и окруженного своею паствою. В церкви св. Аполинария две стены над колоннами изображения, на одной Спасителя на троне, окруженного ангелами, и затем ряд двадцати святителей, а на другой Б<ожия> М<атерь> с предвечным младенцем посреди четырех ангелов и затем трех волхвов в испанских костюмах (!!!) и двадцати святых дев в белых одеждах с венцами в руках. Этих венцов в руках я никогда не видал на Востоке, но везде находил в западных церквах. Мозаики превосходны.

В церкви св. Виталия мозаик замечателен в историческом отношении. В церкви Иоанна Предтечи в куполе представлено Крещение, в середине Спаситель, на одной стороне Иоанн, а с другой Гордиан в роде Нептуна!!! Все церкви сохраняют сотню саркофагов первых веков христианства и музеумы, мраморы с крестами, благословляющими руками и символами, открытыми в развалинах Классиса. Туда надо отправить художественную экспедицию, и сам работать в течение по крайней мере полугода. Я предварительно делал расспросы, и мне обещали полное право и свободу снимать кальки со всего, что пожелаю, и устраивать леса и подмости, где только пожелаю. Предвидя недостаточным своего описания и рвение Ваше изучить Равенну в больших подробностях, я пересылаю Вам описание Равенны. Эту книгу доставит Вам продавец фотографических произведений Пеш вместе с объективами и суфле. Я у него взял разных предметов до 1000 франков. По Вашей высылке он мне счета не доставил. Если он пришлет его, по ошибке, к Вам, то, пожалуйста, не платите ему, о расчете с ним уже сделано распоряжение, и сверх того, я еще буду выписывать от него разные вещи: иначе заведется нескончаемая переписка, которая наделает всем нам много хлопот.

Прочитавши путеводитель по Равенне, я уверен, что Вы не выдержите и решитесь сами туда поехать. Но на случай, если Булгарские дела,

которыми страшат нас на Западе, удержат Вас в Константинополе, то передайте мне Ваши заметки, чтобы ничего не упустить из виду, в случае если экспедиция состоится.

Теперь в Италии надо быть на карауле, и в случае изгнания папы завладеть Ватиканом! Если бы мы могли там встретиться!

Мне предстоит теперь два рода труда: или продолжить собрание рисунков на Востоке и Западе, или приступить к изданию того, что уже собрано. Все, с которыми я до сих пор виделся, требуют последнего. Обо всем будет решено в Петербурге. Но если я приступлю к изданию, то начну иллюстрированный литографией в большую 4^о. На одной стороне образ, на другой краткий текст, который будет заключать извлечение малое и из подлинников греческого и древнейшего русского; затем будет показано, где снята копия.

В Париже я сделал опыт фотографии Библии. Вышло довольно хорошо, но снимок уступает в чистоте фотографии. Подобное издание может мне стоить до 20 тыс. франков 500 экземпляров. Это недорого. Я на днях в Париже снял сотни позитивов, но погода так неблагоприятна, что один позитив стоит по два дня на свету. Я вынужден был бросить работу. Поэтому я не был в состоянии исполнить желание добрейшего кн. Лобанова, который просил меня передать мои <...>²⁷ позитивы его комиссионеру. Я их вышлю ему уже из Петербурга. Сделайте одолжение, передайте об этом ему и попросите извинить меня. Если Христофоров выехал в Петербург, то у него будет довольно работы; я много везу с собою альбомной бумаги и <...>²⁸ для позитивов. Клагес при мне и мы вместе сегодня выезжаем в Кенигсберг, а завтра будем на границе России.

Простите меня за беспорядочность моего письма, беспрестанно отрываюсь, и не дают времени закончить письмо. Испросив святых молитв Ваших, остаюсь с неизменным глубочайшим почтением и преданностью Ваш покорнейший слуга

П. Севастьянов.

СПб ФА РАН. Ф. 214. Оп. 1. Д. 36. Л. 678–681об.

9.

Палермо

9/21 декабря 1862 г.²⁹

Многоуважаемый отец архимандрит.

Не могу не написать к Вам несколько строк из моего путешествия. Я желаю, чтобы Вы в них видели изъявление моего чувства искренней дружбы и уважения, которые я питаю к Вам, и в которых, я уверен, Вы не

сомневаются. Перед отъездом моим Вы говорили мне об одном византийском памятнике близ Палермо; таких памятников здесь не один, а десятки, начиная с Мессины, везде встречаются следы византийского владычества и влияния, и, к своему удовольствию, я пришел к заключению, что в Сицилии больше, чем где-либо можно изучать византийскую архитектуру и иконописание. Сколько раз я вспоминал об Вас и желал вместе с Вами осматривать эти драгоценные для каждого православного археолога сокровища!

Представьте себе, что здесь есть церкви, которые, по несомненным документам, построены Велисарием; так, например, теперешний собор в Мессине, который, очевидно, претерпел с того времени много изменений и неудачных исправлений, но главные черты остались неизгладимыми.

В самом Палермо, во внешней стене замечательная дворцовая церковь (Capella Palatina), церковь Божией Матери della Martorana, возобновленная по изгнании арабов адмиралом Георгием de Antiochia, православным греком; церковь Св. Катальда (S. Cataldo) и близ Палермо великолепный храм в Монреале. Алтари этих и многих других древних церквей обращены на Восток, видно место, где должен был быть иконостас, есть амвон, форма церквей либо квадратная, либо крестообразная, куполов несколько, плоские (как в Св. Софии), а не эллиптические и пр.³⁰ Все эти церкви внутри украшены мозаиками, изображающими сцены из Ветхого и Нового Завета, Пророков, Святых и пр. Замечательно, что изображение Спасителя постоянно колоссальное, по крайней мере вдвое против остальных. Я был также поражен тем обстоятельством, что изображения некоторых лиц (в особенности Св. Павла), постоянно то же самое, так что можно с достоверностью полагать, что черты лица его вымышленные. Лица св. Павла весьма характеристические и совершенно соответствуют тому понятию, которое можно составить себе об этом Апостоле из чтения его посланий: высокий и открытый лоб, огромный нос, несколько суровый взгляд, черная как смоль борода, волосы на голове также черные, но редкие. Изображается он без меча, и Апостол Петр (седой) без ключей. Надписи все либо греческие, либо греческие и латинские.

В церкви Мартозана я заказал копию с двух мозаик, одна изображающая короля Рогьера (ΡΟΓΕΡΙΟΥΣΡΗΞ), в византийском облачении императоров восточных, на которого Иисус Христос полагает корону, — а другая адмирала Георгия Антиохийского, в византийском мундире (δουλοῦδεησιςσουεωρυιουανηρ), лежащего ниц перед Богородицей, которая стоит и держит в руке длинный свиток с греческой надписью. Из этой надписи видно, что храм этот посвящен этим Георгием Божией Матери.

Эти мозаики не современны сооружению самих храмов; они относятся к XI и XII векам (адмирал Георгий умер в 1151 году), а некоторые (как, например, большая <часть> из ныне существующих мозаик в Дворцовой церкви) к XIV веку. По всей вероятности, храмы эти издревле были украшены

мозаиками, но они были уничтожены во время мусульманского владычества, когда все храмы обращены были в мечети. Впрочем, и теперешние сделаны греческими художниками, которые во всем следовали преданиям Восточной Церкви, ибо с самого завоевания Сицилии Велисарием (535 год) до владычества норманнов (1071 г.) Сицилия находилась под духовной властью Константинопольского патриарха.

Этот предмет меня так заинтересовал, что я сделал здесь значительный запас книг, — в том числе замечательное и великолепное сочинение аббата Травина о храме в Монреале: все мозаики представлены в огромных хромофотографиях — сочинение стоит 600 франков! Аббат Травина первый возымел добросовестность воздать византийским художникам славу сооружения всех этих церквей. Я с ним познакомился, — он человек весьма ученый и приятный.

Но я, кажется, заболтался, и боюсь, что это письмо бессвязным покажется Вам, может быть, и слишком длинным. Осмотревши Палермо во всей подробности, я на этой неделе в четверг (т. е. 13/25 декабря) отправляюсь в Неаполь; там я мало обещаю себе интересного, но в Риме будет чем полюбоваться.

Поручаю себя Вашим молитвам и доброй памяти преданный Вам

П. Севастьянов.

В Неаполе я остановлюсь в Hotel Vittoria; сообщите этот адрес Тимони, в случае если что понадобится.

СПб ФА РАН. Ф. 214. Оп. 1. Д. 37. Л. 204–205об.

ПИСЬМА АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА К П.И. СЕВАСТЬЯНОВУ

1

Петали

15 июля 1858 г.

Ваше превосходительство,

милостивейший государь, высокопочтеннейший Петр Иванович!

Виноват пред Богом и добрыми людьми, в числе коих первый — Вы. Виноват и перед самим собою. Несмотря на данное Вам обещание и на свое собственное теплейшее желание посетить нынешним летом Святую Гору, изменил своему слову и своему обету и остался жариться на аттическом солнце. Были этому и некоторые причины. Напр., сначала г. посланник наш находил затруднительным дать мне паспорт в чужое государство, не

снесшись предварительно с министерством, потом хотя и находил возможным сделать это, но рекомендовал лучше подождать прибытия в Грецию корвета «Баян»* (*при посольстве здешнем положено всегда быть одному военному судну, как и при цареградском. Доселе стоял у нас фрегат «Полкан»), на котором гораздо удобнее находил сделать предполагаемое путешествие. Корвет этот еще в мае вышел из Кронштадта, а потому можно думать, что прибудет скоро, и тогда надеюсь с Божиею помощью уладить дело.

К великому моему сожалению поручений Ваших не могу исполнить. В Афинах есть два фотографа *ex professo**, или лучше сказать один, потому что другой есть вместе с тем и профессор рисования в Политехнической школе. Ни тот, ни другой из них не согласятся ехать к Вам по причине отчасти уважительной — по крайней мере не для нас, калогеров, — именно той, что оба женаты. Из фотографов *ex amore*** я не осмеливаюсь рекомендовать Вам никого, кроме одного, который рад бы трудиться с Вами безмездно годы и веки, но привязан к Афинам должностию, которая еще сильнее, чем его желание быть с Вами. Этого дилетанта Вы без труда угадаете.

В Афинах кроме альбумины, аммонияка, морской соли, перегонной воды (и то крепко недешевой) да солнышка фотограф не разживется ничем. Аптечный коллодиум без обиды ему можно назвать худым. Соль серебряная чуть не вдвое дороже, чем привозимая из Европы. Спирт в 4% можно доставать, но эфир слишком много содержит в себе серы и по опытам фотографов не годится. Проявляющие кислоты неизбежно нужно доставать из Европы. Мне раз сделали *protosulph te de fer**** такой, что мои чернила перед ним оказались просто водицей...

Благодарю Вас душевно за присланные мне Вами образчики Вашего нового искусства. Оба они привели меня в фотографический экстазис. Говорит правда и Писаревский в своей «Физике» (1856) о способе снимать слой коллодия со стекла прямо на бумагу, но не думаю, чтобы им можно было достичь Ваших результатов. Насчет же орнаментака позвольте усомниться в его всецелой фотогеничности. Мне он представляется снятым рукою простым способом наложения, и рукою же расцветенным. Состав коллодия, который я употреблял при снимке внутренности церкви, я не знаю. Я его покупал тогда готовый у фотографа. При снимке же держал от пяти до двадцати минут, мало думая о том, что он в это время мог высохнуть и пересохнуть. Работы производил впрочем во время зимних холодов. Сзади стекла клал мокрую бумагу. Думал я, что для ускорения действия коллодия прибавляют к нему (пропорцию не знаю) *bromure d'ammoniaque*****, раствор серебра по временам нагревают, чтобы улетала из него оксидация, и вообще как коллодий, так раствор серебра, так и *acide pyrogallique****** держат в воде. Соединяя

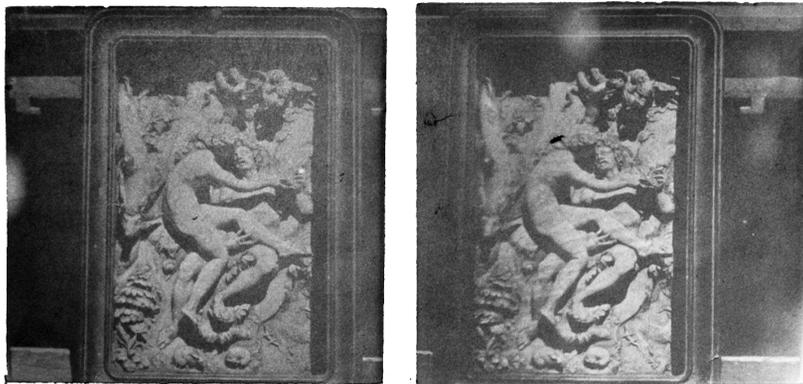
* Профессиональных (*лат.*)

** Любителей (*лат.*)

*** Протосульфат железа (*фр.*)

**** Бромид нашатыря (*фр.*) ???

***** Пирогаллоловая кислота (*фр.*) ???

С одного великолепного барельефа на мраморе, представляющего грехопадение Адама и ценимого в десятки тысяч.

Переведено с позитива на стекле на бумажный негатив и им напечатано.
Грешное дело.

также способ коллодия с способом альбуминным, один из здешних фотографов достиг результатов блестящих. Мне пока это соединение не вельми удалось — по неспособности моей к альбуминным операциям. Но при этом способе едва ли возможно отличить от стекла печатные.

От жаров я бежал из Афин и теперь сижу на Петалийских островах (возле южной оконечности острова Негропонта), где и провожу время в лениости примерной. Взял с собою стереоскопический аппарат, но не нахожу, что снимать им.

Поручая себя Вашей благосклонности, убедительно прошу и впредь не оставлять меня Вашим добрым и любезным словом. Меня же прошу считать совершенно Вашим

арх<имандрит> Антонин.

Сира

24 октября 1859 г.³¹

Почтеннейший, любезнейший и благодетельнейший
Петр Иванович!

Считаю святым долгом изъяснить Вам и заочно свою вседушевную признательность за все неисчетное добро, коим я пользовался, живя у Вас на Св. Горе. Да воздаст Вам за то Господь каким-нибудь особенным утешением, столько нужным в Вашем одиноком положении. Меня же простите, если в чем, яко человек, оказался ниже той идеи, которую Вы имеете о людях моего звания. Ангельское жительство высоко для земли. На него беспрепятственно выходят только избранные, рождающиеся с естественным нерасположением к миру и суете его. Я не из таких. Меня мир и занимает, и утешает, и привязывает. Я как бы случайно обрелся между теми, кои его отреклись, или воображают себя отрекшимися. Да, впрочем, что **(4386)** распространяться об этом? Все это Вы видели сами и поняли давно. Если Бог благословит старостию, может быть изменюсь некогда к лучшему.

Отправляясь от Св. Горы, я до темной ночи смотрел на дивный Афон, воображая и вспоминая. Назавтра ходил по солунским церквам, был в соборной церкви Св. Димитрия, где мощи св. Григория Паламы, в церкви преподобной Феодоры, где также находятся ее мощи, в церкви Богородицы Лаодигитрии. Во всех их интересного чего-нибудь для Вас не видел. Только в Св. Феодоре на полу есть мраморная доска с изображением Адама и Евы нагих по сторонам одного дерева, вокруг коего обвился змей. Потом взбирался в монастырь Чауши, где видел десятка три греческих книг на пергаменте, но без изображений. На куполе есть Пандократор и восемь пророков древней кисти, но не красивой. В церковь Св. Николая с Панселиновыми фресками к сожалению не успел сходить.

Был у архиерея, который управляет Солунскою митрополиею в отсутствие митрополита, и слышал от него странные жалобы на кукушцев, которые, по словам его, сами не знают, чего хотят, именно же хотят не только своего болгарского архиерея (на что Вселенская церковь вполне согласна), но и церковной независимости сего архиерея от Солунского митрополита; как бы образования своей отдельной митрополии, чего поначалу полезнее бы не желать им. На выборе кандидата на архиерейство также не могут согласиться. Одни непременно хотят какого-то Парфения, другие предлагают трех на выбор, Илариона, Софрония хиландарского и еще кого-то. Так что у них бестолковое полное. А между тем папа не дремлет. Портрет его уже висит в кукушском училище на соблазн всем. Что теперь подумает об училище наше правительство? Хорошо бы вразумить каким-нибудь словом кукушских коноводов в нелепости их поступка и в том впечатлении, какое производит он на Россию.

Серайский праздник Ваш мы провели в Смирне. Я чувствовал себя нехорошо. А вчера и прямо был болен. Ночью сегодня при переходе от Хиоса в Сиру голова болела крепко, и все признаки лихорадки были налицо. Часов в шесть утра пароход бросил якорь. На Пирей не пойдет. Вечером в шесть часов отходит туда греческий пароход, на котором и я думаю отправиться.

Осмеливаюсь просить Вас прислать мне по позитиву с двух павловских актов — последнего забора — 6909 г., одного греческого, другого славянского. А есть ли между актами один 6912 года о продаже ксиропотамцами монастыря Павловского славянским монахам Герасиму и Антонию, на который ссылается о. арх<имандрит> Порфирий?

Свидетельствую почтение и благодарность за радушие Вашему монастырю, а также и великому монастырю Серайскому, в частности о. Феодориту. Ваш преданнейший слуга и недостойный богомолец а<рхимандрит> Антонин.

Только что возвратился из Симопетры. В поездку по славянским монастырям еще не пускался. А в Афинах будет уже не до того.

ОР РГБ. Ф. 269. Оп 1. Картон 11. Д. 26. Л. 6–7об.

3

Афины

29 октября 1859 г.³²

Ваше превосходительство, благодетельнейший Петр Иванович!

Вот я и в своих любезных Афинах. Прибыл в воскресенье утром. Нашел в доме все благополучным. Немедленно пошел справляться о капсулах, но таковых не оказалось для продажи в здешних аптеках. Узнав об этом, добрый и почтеннейший фотограф Constantin сейчас предложил от себя Вам услугу, которую Вы и зрите перед собою. Приказал при сем и кланяться Вам низко. Он тоже бывал на Афоне и знает все трудности тамошнего пребывания.

Стеклянные картинки для стереоскопа оказались не те, коих я чаял. Я полагал, что m-г Leboigne всунул мне в руку его воспроизведения с московских видов. А вышло, что это самые виды в оригинале. Жаль очень, что я лишил Вас их. Тем более жаль, что имел в виду просить Вас уступить мне одну микроскопическую фотографию, а так как по пословице: не по два горошка на ложку, то ... и пр. Однако же примите душевную благодарность за терпение, с которым позволяете мне грабить Вас. Все довел благополучно, не потерял ничего, к немалому своему удивлению. Застал здесь погоду сухую и жаркую, немало способствующую болезням. Сегодня,

впрочем, почти целый день дождило. Вот и теперь слышится отдаленный гром, предвещающий на ночь грозу.

Начинаю думать о продолжении своей работы. Из Киева нет никакого отзыва о посланной туда первой статье моей. Я думаю, что она не дошла до своего назначения. То же самое и о известном Вам дафнийском деле.

Сегодня было открытие палат греческих с дождем и пушками.

Сегодня же прибыл в Пирей и фрегат с английским принцем.

Сегодня же я начал лечение головы своей холодною водой и целый день ходил простоволос.

Со мной отправился для посланниковой церкви в Патисии один иеромонах, которого Вы верно видели в Русике; он забыл в Ксиропотаме (в своей келье в шкафу) свои документы, кои желал бы видеть г. посланник. Не употребите ли Вы своего посредства к тому, чтобы документы были отысканы и доставлены Вам? А Вы бы при случае доставили их мне. Всю эту операцию удобно сделать через ксиропотамского представителя в Протате.

Вместе с клише, изображающим святогорца Антонина, не забудьте прислать и обещанный негатив стереоскопического вида св. Афона, а меня если и побраните сначала за попрошайничество, то все же по обычной Вам милости потом простите.

Лихорадка не отстает от меня. Вчера чувствовал себя очень неладно. Завтра принимаю хинину.

Ваш преданнейший слуга и недостойный богомолец

Антонин.

Братству Вашему — поклон, а так же и приснопамятному о. Иосифу.

ОР РГБ. Ф. 269. Оп 1. Картон 11. Д. 26. Л. 8–9об.

4

Афины

6 декабря 1859 г.

Ваше превосходительство
высокопочтеннейший и любезнейший Петр Иванович!

С большим нетерпением ожидал я письма Вашего и получил его с радостью, которую излишне описывать. Благодарю Вас от всей души за Вашу добрую память обо мне, как и за все Ваши ласки ко мне и попечения обо мне — настоящие и прошедшие. Напрасно Вы беспокоились о моем здоровье. Взявши раз небольшой прием хинины, я тем предотвратил дальнейшее развитие лихорадки, и теперь, благодарение Господу, чувствую себя совершенно здоровым. Только в левой ноге от колена и ниже чувствую с некоторого времени тяжесть и неповоротливость — по всей вероятности ревматического свойства. Рано бы

мне дружить с этою старческою немощию, но что делать? Неосторожность, самонадеянность, риск и глупая привычка часто предупреждают дело природы. Все мне здесь советуют взяться за систему холодного водолечения. Я с своей стороны сознаю пользу его не только вообще, но и в частности в отношении к самому себе и к своему теперешнему состоянию, но не могу отказать себе в крепкой привычке пить горячий чай, сидеть в тепле и париться в бане, что все нимало не подходит к означенной системе. Таковы мы, увы!

Рассказ Ваш о Ваших лишениях, затруднениях, тесноте и скуке опечалил меня немало (и не меня только, а и *devant-povara* Вашего*, который при сей okazji патетически скрестил ручки и воскликнул: *Jesus Maria!*, чем и обнаружил свое, едва ли православное, вероисповедание). Здесь тоже дня через три после прибытия моего погода испортилась, повеяло холодом, и поднялись ветры, каких я не видел во время бытности своей на Св. Горе. Дело доходило не раз и до шубы, потому что термометр упал до 8 тепла, а по ночам верно и более. На отсутствие солнышка впрочем нельзя было жаловаться, оно по стародавнему условию с Афинами светит, как известно, всякий день непременно. Об описываемых Вами туманах здесь получают сведения только из физической географии и метеорологии, и, может быть, даже завидуют тем счастливым, которые, подобно Вам, сидят и ходят в облаках. Такова наша благословенная страна! Сегодня, например, целый день стояла погода чисто летняя, на небе ни одного облачка, и солнце было самое фотографическое, только некому было воспользоваться им, потому что все праздновали св. Николаю. Зато, что было третьего дня, и описать невозможно. Дождь, град, ветер, гром, невзгода всякого рода и вида, кончившаяся, к великому моему огорчению, истреблением нашего церковного сада, подаренного нам великодушным Зографом или, правильнее сказать, его почтеннейшим игуменом, и восстановленного нами минувшим летом с большими издержками. Сколько было трудов, забот, предположений, надежд! Все уничтожил один дождь! Те. не все, а весьма многое, но так как испорченного мы не в состоянии поправить, то и выходит почти все равно, что все. Прочее все в нашей афинской России обстоит благополучно, исключая нашего ветхого консула, который вчера и сегодня был так плох, что не подавал надежды жить более.

Работа моя идет так худо, как только может быть. Только что возвратился из поездки в славянские монастыри. И некогда писать, и лень. Визитами хоть и менее прежнего утруждаюсь, по принятой мною системе запирательства, все же не могу их избыть совершенно. Да и упорное молчание редакции того журнала, в который я послал первую свою статью о поездке моей на Афон, отнимает охоту продолжать занятия — в подобном роде. Припадает желание взяться опять за фотографию. Желание очень искусительное. Не знаю, устою ли я против него. Уже купил унций пять коллодия. Хочется попытаться сделать несколько позитивов на стекле для стереоскопа.

* Бывшего повара (*фр.*)

Я нашел, что и с обыкновенной машиной при короткофокусном объективе можно снимать с готовых негативов или и позитивов копии на стекло в их натуральную величину. Попытаюсь. Между тем прибегаю к Вам с покорнейшей просьбою: сообщите мне заглавия 1., того месяцеслова, в котором есть список святых хронологический; 2., той книги французской, в которой говорится об *ὄβν* над главою Иисуса Христа и о том, что древние не признавали Господа красивым; 3., и адрес мастера, у коего бы можно было мне выписать камеру-лючиду, 4., равно как и фабриканта, у которого Вы покупали тонкую бумагу для снятия Ваших клише, если это не составляет секрета Вашего. Желалось бы также иметь хоть один позитив с Ватопедской библии, чтобы сличить ее с печатным. «Constantin» (Вам усердно кланяющийся) сделал для выставки здешней двадцать пять стереоскопических видов афинских на стекле, довольно удачно. Делал также попытки снимать книги и рукописи, в чем также надеется успеть со временем вполне. Вообще в мое отсутствие он сделал большие шаги на пути прогресса фотографического. У него уже прекрасная лаборатория со стеклянным потолком и всякими удобствами. На выставке ему присудили серебряную медаль, но так как таковую же дали и другому новоявленному афинскому фотографу, то он ради сего немного и принадулся. Другой или третий (и старейший) афинский фотограф Маргарити недавно возвратился из Парижа, вооруженный с ног до головы. Еще опытов никаких особенных не произвел. О работах Ваших на Св. Горе здесь никто и не говорит (и едва ли кто помышляет). Такими мелочами МЫ здесь не занимаемся. У НАС заботы об Европе и о мире...

О, как Вы развеселили меня миниатюрами с пандократорской псалтири. Острее их трудно что-нибудь придумать. Собогаволите передать мой сердечный привет чудному певцу, перед которым умолк бы и сам Давид, и уведомить его, что самовар мой уже кипит. Также передайте мое почтение и глубокую благодарность о. Феодориту со всею во Христе братиею, а равно и Вашей мирной обители, память коей доставляет мне несравненное утешение. А Ваш зарок, добрейший Петр Иванович, «не болтать» уже более со мною позвольте считать одною угрозою, которая никогда не сбудется. За что же, после стольких милостей, оказать мне жестокость, которой и сам приснопамятный «Ко-ко» не испытывает от Вас?

Желаю Вам всяких успехов и всего более здоровья и благодушия.

Ваш недостойный богомолец и преданнейший слуга
Антонин.

George целует ручку Вашу и не перестает скорбеть о том, что не произнес перед Вами свое *adieu* на пароходе за хлопотами. Воденово письмо он не нашел кому передать, потому что лицо, к которому оно было адресовано, давно отправилось из Афин в Париж.

А свято-павловцы! Вот удивили! Я опасаюсь, впрочем, чтобы они не воспользовались написанным для них мною прошением и не послали его куда следует, выкинув из него все, что говорится о жертвуемых книгах.

Прилагаемая при сем (к сожалению неудачно снятая) группа лиц в натуре есть живой цветник. Посылается для Вашего наблюдения. Тут есть физиономии всяких возрастов. Самая верхняя принадлежит мне. Средняя не принадлежит никому. Боковые принадлежат одна другой и пр.

ОР РГБ. Ф. 269. Оп 1. Картон 11. Д. 26. Л. 10–11об.

5

Афины

21 декабря 1859 г.

Ваше превосходительство,
любезнейший и всепочтеннейший Петр Иванович!

Получив уведомление из Пирея, что достопочтенная (по старости лет) «Русалка» отправляется сегодня в восемь часов вечера в Смирну, я возымел искусительное желание побеспокоить Вас напоминанием о своем существовании. Приобревши на Св. Горе навязчивую привычку стучать каждое утро в двери Вашей несравненной залы, я так и желал бы постучать иногда еще и теперь, чтобы иметь удовольствие видеть любезный лик Ваш и слышать Ваше дружеское осведомление о моем здоровье и о том, как я почивал в своей уютной келье. Все это теперь уже одни воспоминания, запавшие, по-видимому, глубоко в душу. Теперь я довольствуюсь одним приветом к портрету Вашему, с которым по своей сибирской простоте обращаюсь, как с живым лицом, наговаривая ему всякой всячины, смотря по расположению духа, и всегда — простите — в единственном числе. Так например в хорошую погоду спрашиваю у него: а какова-то теперь погода в Лавре? Ходил ли он гулять кругом монастыря? В дурную погоду приглашаю его посидеть возле печки и послушать моего путешествия по Св. Горе, которое, увы, все еще продолжается, и кончится ли когда, Бог весть. Удивительно, в самом деле, как я мало способен быть господином своего времени! Есть кроме того какая-то враждебная добру страсть делать не то, что нужно, а то, что первое попадет под руку. Впрочем, к чему Вас занимать собою? Еще мало Вы видели и сносили мои немощи. Как-то идут работы Ваши? Мне весьма любопытно знать об успехах Ваших в Лавре и Хиландаре. Слово: подписа в известной хиландарской надписи действительно должно значить: расписал, но теперь вопрос еще в том, осталась ли первоначальная живопись на стенах церкви, или она впоследствии была возобновлена, и может быть не раз? Нет ли где-нибудь в церкви положительного указания на время

возобновления живописи? О. Порфирий молчит об этом. Большое Евангелие Хилендарское должно принадлежать XII веку, потому что имя Завиды, отца Мирослава, и самого Мирослава упоминается в конце этого века. Минея же зографская должна быть решительно конца XIII века, и может быть даже начала XIV-го, это видно из заметки его о св. Иоанне Рыльском под 19 октября.

А у меня не прекращаются докучливые просьбы к Вам, превосходнейший — более же снисходительнейший — Петр Иванович! Не поставьте в труд прислать мне позитивец с листа Ватопедской библии, на коем содержится сделанное о. Порфирием открытие о семидесяти толковниках. А если бы еще по портрету старого игумена Антония и о. Гервасия в их домашних костюмах, и о. Антония с открытой головой, как я привык его видеть. А мои калогеры, благодарящие Вас усерднейше за память Вашу, желали бы весьма иметь по картинке с Русика Нового и Старого. Соблаговолите передать мой дружеский привет доброй братии Вашей честной обители. А о работах Ваших над «источником св. Петра» Вы не написали мне ничего. Обителям русским кланяюсь земно, целую мысленно св. землю их.

Не оставляйте в минуту досужную утешения своей дорогой беседы Вашего нижайшего и преданнейшего слугу и недостойного богомольца

Антонина.

ОР РГБ. Ф. 269. Оп 1. Картон 11. Д. 26. Л. 12–13об.

6

Афины

14 февраля 1860 г.

Ваше превосходительство,

высокопочтеннейший и любезнейший Петр Иванович!

Замолчали Вы. Ни единым словом не почтили наши смиренные, хотя и славные Афины. Мне же приходит на мысль, не прогневались ли Вы за что-нибудь на меня. Горький и еще очень свежий урок жизни заставляет меня на каждом шагу останавливаться и оглядываться, спрашивать себя, не подал ли я кому-нибудь повода к неудовольствию. Спрашиваю потому себя, не согрешил ли в чем-нибудь и перед Вами? Например не вывел ли Вас из Вашего великого терпения своими назойливыми и бесконечными просьбами? Не оскорбил ли Вас какою-нибудь шуточную фразу своих писем или своею мужиковатою фамильярностью — незваную и непрошенную? Если в чем-нибудь оказался виновен, яко человек, простите — яко христианин. Кстати — сегодня день прощенный.

А мне очень бы хотелось получать хоть малые сведения о ходе занятий Ваших. В бытность свою у Вас я так свыкся с ними, что считал их как бы своими. И теперь не могу отстать от подобного взгляда. Все мне видятся и во сне, и наяву старые иконы, старые хрисовулы, старые книги, из коих к последним получил великое пристрастие. Все думается, что на мне лежит долг видеть их, разобрать и оценить. Каждый день хочется спросить Вас: что нового? Что прибыло в драгоценную коллекцию снимков Ваших, и что еще осталось сделать? А вопрос вопросов: когда же Вы попроситесь с Афоном и заедете в Афины наши на перепутье в Европу? Ах, если бы это было летом, чтобы можно было не только съездить вместе в монастырь Св. Луки, но может быть и до Равенны прокатиться. У меня с ума нейдут тамошние мозаики. Иконы VI века, и в таком множестве! Ведь это редкость первой руки. На Св. Горе, кроме св. мощей, нет ничего этой эпохи. И полезнее, и сподручнее видеть вам Равенну, чем Синай, к которому Вы, сколько помню, не были равнодушны.

Мои занятия идут очень вяло. В досужее (весьма нечастое) время переписываю свои статьи об Афоне. До сих пор переписаны только три. Дело пошло в длинный ящик, и боюсь, чтоб не осталось в нем навсегда. Фотографией вовсе не занимаюсь, даже позитивов не печатаю. Другого рода заботы напали на меня неожиданно и непредвиденно. Прошлый месяц был для меня таким искусительным горнилом, что я удивляюсь, как пережил его. Я еще никогда не бывал в такой напасти. Ваше трогательное участие во мне, коему я видел столько доказательств, дает мне дерзновение сказать Вам слова два-три о случившемся. По простоте своей я никогда не обращал внимания на отношения ко мне моих подчиненных, воображая их всегда наилучшими. А между тем уже около года тлела искра вражды в людях, которым я иногда принужден был делать начальнические замечания. В мою бытность на Афоне вражда против меня моих домашних получила характер систематического действия на мою погибель. В течение осени было послано отсюда три или четыре письма в редакцию «Колокола» с самою безбожною клеветою на меня — до того, что сам Искандер не поверил ей. Спасибо ему. Показал черту благородства и человеколюбия, достойную всякой похвалы. Между тем я, ничего не зная, не ведая, продолжал, по возвращении в Афины, вести себя по-прежнему простосердечно и дружески ко всем. Но, наткнувшись раз на вопиющую нравственную несообразность, допущенную диаконом церкви нашей, сделал ему келейный выговор, достойный повода, его вызвавшего. Но увы! Я наткнулся вместе с тем и на главный орган враждебного против меня заговора. Вслед за тем стали расходиться по городу слухи о моей нравственности, удивившие всех. Наконец утром 19 января на нескольких улицах появился прибитый к стенам домов пасквиль на меня, обвиняющий меня в самых гнусных пороках, приглашающий посланника возбранить мне священнодействовать и грозящий в

противном случае произвести в церкви возмущение. Вообразите же — все это безумное и бесстрашное злодейство производилось посреди чужого народа в виду злорадующейся дипломатии и враждебных имени православному пропаганд!! И для чего? Чтобы отместить мне за праведный (и самый умеренный) выговор! Чтобы наказать меня! Чтобы погубить меня с душой и телом, как говорил потом диакон. О, добрейший и почтеннейший Петр Иванович! Пошлите мне вздох сострадания — человеку совершенно невинному и опозоренному бесчеловечно. Благороднейший Александр Петрович оказал мне всякую защиту. Безумца выслали в Россию, но безумное дело его осталось здесь, и еще долго будет печатлеть лицо мое стыдом невыносимым. Вот что такое мы, русские! К сожалению я уверен, что дело еще далеко не кончилось, и везде, где ни появится бесчестный человек, имя мое и честь моя будут преданы на пропятие. Прежде всего он постарается сделать это на Афоне, куда, как слышно, отправился из Смирны. Вот мои дела. Аще благая прияхом от руки Господни, злых ли не стерпим? Буди имя Господне благословенно отныне и до века!

С глубочайшим уважением и преданностью совершенною честь имею быть Вашим покорнейшим слугою и недостойным богомольцем, вечно признательный

арх<имандрит> Антонин.

Новостями Афины небогаты. Есть в газетах (греческих) вести о том, что Россия не приняла предложений Англии касательно умирения Италии, и что государь писал к Наполеону, прося его помириться с папой. Это греческим политикам дает повод к разным суждениям о нас.

Поклоны от меня земные добрым старцам серайским, а также <...>³³ Из семнадцати самоваров пятнадцать <...>³⁴.

ОР РГБ. Ф. 269. Он 1. Картон 11. Д. 26. Л. 14–15об.

7

Афины

17 апреля 1860 г.

Воистину воскрес!
Превосходительнейший,
почтеннейший и любезнейший Петр Иванович!

Оба Ваши дорогие письма от 13 марта и от 11 апреля я получил вместе вчера с «Русалкою», приходящею обыкновенно из Смирны в Пирей (прямо, а не через Сиру) каждую вторую субботу и остающеюся здесь десять дней, следовательно отходящею отсюда каждый второй вторник. До первого

такового вторника остается теперь еще девять дней, а потому я решаюсь послать Вам письмо это по греческой сухопутной почте через Солунь. Не нахожу довольно слов высказать Вам свою глубочайшую признательность за Ваше дружеское сочувствие моему положению. Видя жизнь свою уже много лет в самой лучшей обстановке, я начал уже как бы забываться, верить в счастье, как неотъемлемое достояние земного бытия, и признавать следствием малодушия отовсюду слышимую жалобу на злой и коловратный мир сей. Поверите ли? Слушая ежедневно псалтирь, читаемую для назидания и возбуждения к молитве, я настраивался ею совсем к другим чувствам, мало соответствующим ее умиленному духу.

Встречаемые чуть не в каждом псалме враги священного певца мне казались более вымыслом его страшливого воображения, следствием его раздражительности или малодушия. Я сравнивал свое положение с его положением и не находил ничего общего между тем и другим. У меня не помню, чтобы когда-нибудь был хоть один враг. От всех я видел расположение к себе и, привыкши довольствоваться самым малым, не имел повода обижаться чьим бы то ни было обращением с собою. Мне во всех виделись приветливость, радушие, сочувствие и даже любовь. Всего менее я предполагал что-нибудь противное тому в своих ближних, к коим постоянно питал и высказывал искреннейшее дружелюбие и снисхождение, могу сказать, редкое. Оставлял всякого жить, как ему хочется, и во всяком уважал его нравственную природу, несмотря ни на какое его падение. Я родился с глубокою жалостию ко всему живущему на свете и даже к бездушной природе. Эта жалость есть непрерывная, хотя часто сладкая мука всей моей жизни. Слезы человеческие для меня суть сильнейшая власть на свете, перед ними я уничтожаюсь со всею своею правдою и неправдою. Стократно, имея дело с неисправностию, я начинал выговоры жестокою бранью, но канчивал испрашиванием у нея себе прощения в неумеренной речи даже тогда, когда о слезах и думать нельзя было, а видно было только одно раскаяние, по большей части лицемерное. И, несмотря на то, нашлись люди, коим тяжело показалось мое существование на свете, кои, считая себя теснимыми и преследуемыми мною, положили погубить меня с душой и телом (выражение бывшего моего диакона). Думаю, что нечестивое это желание не сбудется, и что Бог не оставит жезла грешника на жребии праведных, хотя я и далек от мысли считать себя делателем правды Божией верным и неизменным. Признаю все, случившееся в последнее время со мною, очистительным искусом мне и нахожу большое утешение в бесчеловечных издевках надо мною «Колокола». Диакона напрасно искал я на Св. Горе. 23 февраля он был в Мальте, сбросил там с себя духовную одежду и собирался ехать в Лондон оттуда — в сотрудничество к Искандеру. Я ожидаю от него еще тысячи пакостей, а чего он ожидает для себя от себя, право понять не могу. Все

поведение его для меня неразрешимая загадка. Все, что было им сделано, носит на себе печать нечеловеческой рассчитанности. Он писал на меня в Синод и в министерство, здесь распустил устно и письменно — все, чем только можно самым вероподобным образом обесславить другого, во всем метил на верный успех... Посмотрим.

Извините великодушно, что я занимаю Вас своими скучными делами. Не могу надивиться, как из Водена вышел такой бездельник. Мой злорадующийся мсью Жорж говорит, что он видел насквозь этого «Кокена». Не знаю, давно ли в нем открылось такое ясновидение. Радуюсь от всей души, что работы Ваши идут с вожделенным успехом. А все-таки в Лавру-то надобно Вам побывать. Хорошо бы там снять — в миниатюре — Страшный суд при входе в трапезу. Его композиция должна интересовать ученый мир. Коллекции снятых Вами крестов послужит дополнением подобная же коллекция, снимаемая мною теперь (карандашом) с мраморов Акрополя. Наша посланница в марте месяце была в Ницце, где видела великую княгиню. Неудовольствия никакого на Вас ее высочество не выражала, а только удивлялась, что Вы ничего не напишете ей о трудах своих. Теперь она должна быть в Риме. Приглашение меня на Св. Гору, делаемое Вашею любовью, как ни лестно для меня, трудно к выполнению. Легче бы было съехаться с Вами где-нибудь в другом месте, например в Смирне, и оттуда съездить в Миру Ликийскую, посетивши на пути Хиосский монастырь Богоматери с церковью XI века, украшенную мозаиками, подобно дафнийской. Но и это не знаю, как сделать. Рукописи Ваши распалют мое воображение, и мне действительно хотелось бы очень покопаться над ними. Подаренным мне Вами церковным уставом я победоносно заградил не одни уже уста, укорявшие русскую церковь в отступлении от древнего чина богослужения. Окажите мне еще Ваше великодушное содействие в приобретении греческой богослужебной Минеи в двенадцати книжках старого издания (для ученого сличения разных греческих изданий Минеи). Экземпляр ее есть в библиотеке серайской. Если св. отцы не захотят мне ни продать ее, ни променять на какие-нибудь другие книги, полезные обители, хоть бы прислали мне ее на время. Такой же экземпляр есть в той келье, где мы с Вами (приятное воспоминание!) отдыхали, возвращаясь из Русика. Только там, кажется, недостает одного тома. Я не сомневаюсь, что старцы левов за сто отдали бы его. У них есть другой новый экземпляр. Переписка статей моих об Афоне идет медленно. Первая напечатана в каком-то киевском издании. Вторая (Русик) и третья (Ивер) посланы. Четвертая (Ватопед) еще переписывается. Что это вздумалось о Порфирию писать для «Коммерческого Листка»? В каком он духе писал, и за что на него прогневался Русик? Посланник наш плавает по островам архипелага на фрегате «Илья Муромец». Возвратится в начале мая. Попугай Ваш кричит на весь дом посольский, хотя в разговор пока еще ни с кем не вступает от робости или от гордости — неведомо.

От всей души желаю Вам здоровья и мира душевного. Ваш глубоко признательный и преданнейший слуга и читатель и недостойный богомолец Ваш

Антонин.

Прошу покорнейше передать мой послушнический поклон обители Серайской и Вашей, а также отцам свято-пантелеймоновским и великим старцам — игуменам зографскому и ильинскому.

А славный наш архимандрит пандократорский
Упражняет ли свой дар пиито-ораторский?

НВ. Ошибкою приняв два листа за один лист, вследствие чего и вышел пробел сей, удививший меня немало по нечаянном его обретении.

Св. Синод поручил мне приобрести по купку все сочинения святогорского писателя Никодима. Их всех насчитывается до двадцати четырех. Нашел я здесь только одно: «Толкование на послания апостола Павла» в трех томах. Все здесь уверяют, что единственное место на свете, где можно искать их, есть Святая Гора. Нельзя ли войти в переговоры об отыскании их с каким-нибудь греко-россом, напр. о. Амфилохием? Каталог всем им находится в предисловии к изданному Никодимом «Прологу» (по-гречески Синаксаристис). Паче других желательны его «Псалтирь», «Толкование на соборные послания», «Филокалия», «Симеон Новый Богослов», «Кормчая» (Πηδάλιον), «Новый изборник» (Νέον Εκλόγιον), «Христоифия», «Сад благодатей» (Κήπος χαρίταν), «Пролог», «Заметки о святых мужах Святой Горы» (Υπομνήματα Ἀγίων ἀνδρῶν ἀγιορείτων), «Круг праздников» (Εορτοδρόμιον) и «Новая Лествица» (Νέα κλίμαξ).

По Греции путешествует теперь ученый профессор Санкт-Петербургского университета М.С. Куторга — великий эллинист, историк и археолог. Он поедет и на Св. Гору доискиваться Ксерксова канала.

Был здесь недавно «всея Горы Святыя воротило». Афинами нашими не пленился. Дохнув эллинским воздухом, он также упрекал здесь нас, русских, за поддержку болгар. Разумеется по-за глазами — здесь крепко бранят нас за наш любимый панславизм. Просто беда нам. Не знать, что делать. Болгары с своей стороны говорят, что мы соединились с греками и продаем их. Мифологеты здешние рассказывают, что Франция и Россия порешили уже раздел Турции или образование из нее новых царств. Загадкой для всех остается пребывание в Цареграде бельгийского принца, сделавшего предложение султану купить Кипр за 40 миллионов франков, на что Англия не делает никакого возражения — потому, говорят газеты здешние, что сама имеет подобные же виды на соседнюю Кандию. Того и смотри, что кто-нибудь купит вашу Св. Гору и будет продавать потом с молотка святые обители с их старцами. Чего ожидать от положительного века нашего. Недавно отправилось общество

англичан-фотографов на Св. Гору. С одной стороны русские, с другой — английские фотографы. Это недаром!

Под секретом: в миссии здешней получена бумага из министерства от 11 марта о перемещении меня в Константинополь, а о. Петра в Афины. Это крепко меня опечалило. Оно не менее моего печалит, думаю, и константинопольского пастыря. Причина перемещений этих общеизвестна. В сказанной бумаге говорится, что я перевожусь по предложению министерства «не вследствие впрочем нелепого на меня доноса». Остается думать, что константинопольская миссия ищет освободиться от своего настоятеля. Мы писали отсюда, что меня пока нельзя тронуть отсюда, не подавши повода к разным толкам. Может быть вследствие этого и замедлено в Синоде дело, если не прекращено вовсе. Я от 24 марта имел письмо от товарища обер-прокурора, но в нем нет ни малейшего намека на мое перемещение: однакоже в Константинополе считается верным выбытие оттуда в Афины о. Петра. Горько будет расставаться мне с своею церковью. А что делать! Может быть это нужно мне как приготовление к расставанью с землею. У меня замечено пророчество о 47-м годе жизни. Теперь мне идет 44-й. Близка уже и граница.

Католиком мой бывший диакон не будет. А протестантом кажется уже... тайно был. В последнее время он вошел в связи с американским пропагандистом протестантства в Афинах, взял от него рекомендательные к кому-то письма, и я не сомневаюсь, что из Константинополя отправлен Евангелическим обществом, у которого в Мальте есть заведение, чуть ли не центральное на Средиземном море.

«Великая» княгиня Мария Николаевна находится еще в Ницце и должна была остаться там до конца апреля. Во всяком случае письмо, адресованное в Ниццу на ее имя, будет препровождено к ней, где бы она ни находилась.

Успокойте г-на Севастьянова насчет здоровья святогорского попугая: он даже начинает знакомиться с русским языком и выучил уже несколько слов».

Это писала ко мне сегодня Ольга Егоровна.

18 апреля, понедельник.

ОР РГБ. Ф. 269. Оп 1. Картон 11. Д. 26. Л. 16–18 об.

Афины

20 июня 1860 г.

Ваше превосходительство,
высокопочтеннейший и любезнейший Петр Иванович!
Добрая «Русалка» минувшим разом прихворнула и, оставаясь в Смирне

для излечения, пропустила свой рейс, отчего ответ мой на Ваше любезное письмо замедлил целым месяцем. Благодарю Вас за фотографический вид «источника св. Петра». Весьма часто я люблюсь им и воспоминаю прошедшее. По малороссийской пословице «коли мэд, то и ложкою» позвольте изъявить пред Вами желание и еще какой-нибудь видик серайский, или русиковский, или вообще святогорский гулящий, т.е. негодный для Вас получить от Вас в свое утешение и назидание. Ибо приехать мне ныне к Вам и по-прежнему наслаждаться всеми благами приюта Вашего к сожалению решительно невозможно. Мой почтеннейший и добрейший Александр Петрович затрудняется мне доставить возможность оставить Афины даже на краткое время, даже на малое расстояние. Причина же тому та, что все еще мы ждем из Синода бумаги о переводе моем в Константинополь. Ибо никакого контр-ордера на этот счет из министерства не получили. Невозможность вояжа сделалась совершенною после того, как посольство извещено было о скором прибытии в Афины двух чиновников синодских (Саломона и Зедергольма), путешествующих якобы для обозрения духовных училищ Востока, в самом же деле, как мне кажется, для исследования того, что делалось и делается в наших посольских церквях Константинополя и Афин. Афинские дела конечно должны были смутить Синод, да и константинопольская церковь наша тоже, кажется, не в розовом свете должна представляться Святейшему Синоду. Там тоже чуть ли нет войны (тайной) между архимандритом и диаконом или кем-то другим — хорошо не могу понять. Таким образом, превосходительнейший (более добротою души, нежели саном) Петр Иванович, свидание наше на Св. Горе невозможно. Ужели оно невозможно и в Афинах? Нет, Вы верно заедете ко мне, чтобы похвалиться своими успехами и порадовать ими меня, как Вам известно, принимающего в них самое живое участие, сколько по занимательности самого предмета, столько и по привязанности к Вам. Но если решитесь ехать на Афины, заезжайте прежде в Хиос и осмотрите там интересную церковь Константина Мономаха с мозаиками (часа три от города в монастыре), чтобы потом сличить ее с церковью св. Луки, если соблаговолите увидеть эту — царицу церквей элладских. В Афинах же — утешьте — не останавливайтесь в гостинице. Дом мой и с хозяйством его находятся в Вашем полном распоряжении. А каким Вам кажется политический горизонт? Отношение Ваше к любезному аге те же все, или сделались несколько попрохладнее? Здесь в Афинах нам житья нет от газетного остервенения по поводу панславизма, грозящего якобы смерти эллинизму, и между тем поддерживаемого Россиею. Вместо признательности здесь платят нашему Горчакову самую площадную бранью, к чему склонно, как думают, и правительство здешнее, искони придерживающееся политики австрийской.

Прочее все обстоит благополучно. Попугай успеваает медленно в своих филологических занятиях. Мои статьи о Св. Горе как в воду канули. Ни слуху, ни духу. Это просто отбивает охоту писать. Даже мои

иерусалимские заметки вот уже три года пропадают где-то. А ведь это верно Ваша статья в «Одесском Листке» в защиту Русика и всея Святые Горы? Для о. Порфирия это, конечно, пилюля. А где-то он теперь? Прилагаемые ноты соблаговолите передать русиковскому регенту о. Григорию от нашего регента. Червонцы их получены, но вещи до сих пор не доставлены из Германии переплетчику. Итак пусть возымеют терпение.

Ваш преданнейший и нижайший и покорнейший слуга и недостойный богомолец

Антонин.

Почтеннейшим отцам игумену, Феодориту и Паисию свидетельствую благодарность за присланное ими и нижайше кланяюсь. Также и Вашей любезной братии.

ОР РГБ. Ф. 269. Оп 1. Картон 11. Д. 26. Л. 20–21об.
9

Константинополь

22 ноября 1860 г.

Ваше превосходительство
высокопочтеннейший и любезнейший Петр Иванович!

С отъезда Вашего из Константинополя нет о Вас ни слуху, ни духу. Многочисленные Ваши почитатели желают услышать о Вас какое-нибудь слово и напрасно осведомляются о Вас друг у друга. Я было поджидал, что вот Вы мне напишете что-нибудь из Равенны или по крайней мере о Равенне откуда-нибудь из другого места Европы. Но надежде моей еще до сих пор предстоит исполниться. Не случилось ли чего с Вами? Не заболели ли Вы? Точно ли Вас искать нужно в Париже? или может быть Вы прямо проехали из Триеста в Петербург, устранившись дел итальянских?

Как бы то ни было, я пользуюсь Вашим позволением беспокоить Вас своими письмами и Вашим адресом, оставленным мне Вами для Парижа, и исполняю потребность души своей перебросить Вам несколько слов летучей беседы, к которой Ваша доброта приучила меня еще на св. Горе и даже ранее Св. Горы.

Отъезжая, Вы меня утешали тем, что мне скоро понравится в Константинополе, и что я перестану сокрушаться об Афинах. Благодарение Богу, это начинает сбываться. Меня поначалу страшила неизвестность отношений моих к разным лицам здесь, равно как и сложность их, к которой меня не приучили малые и тихие Афины. Но, судя по прожитым мною двум месяцам в Царьграде, думаю, что страхи мои были преувеличены, если не совсем напрасны. Положение дел здешних если и трудно иногда, то оно выше той сферы, в которой вращается моя деятельность, а я не столько нерасчетлив, чтобы сам стал напрашиваться на свое беспокойство.

Общество людей, с которыми привелось служить мне, к счастью моему не только хорошо само в себе, но и хорошо ко мне поставлено. Ваша добрая дружеская рекомендация по-видимому предварительно уже расположила их в пользу мою. Везде Вы да Вы, всепочтеннейший и добрейший Петр Иванович! За то везде, где бы Вы ни были, и что бы Вы ни делали, да встретит Вас на пути милость Божия и, прибавлю, признательность человеческая, которая, по мнению моему, есть лучшая и желательнейшая из наград земных. Оставляю в стороне славу, которую Вы уже стяжали своими несравненными трудами, и которая, впрочем, по выражению одного писателя, есть дым...

Вчера утром прибыл сюда с одесским пароходом о. арх<имандрит> Порфирий, еще раз (уже в последний, по его мнению) делающий кратковременную экскурсию на Восток. Он пробирается сначала в Крит для пополнения своих сведений о «критской школе иконописания», а оттуда съездит в Александрию. На обратном пути еще раз заедет на Св. Гору и месяца через четыре возвратится в Россию. Путешествует теперь совершенно один. Увидев у меня портрет свой, он поскорбел на Вас зело за то, что Вы не оставили ему подобного же на память. Смягчая гнев его, я подарил ему имевшийся у меня, а Вы мне отпечатаете когда-нибудь новый позитивец. Человек этот стоит того, чтоб иметь образ его перед глазами.

О. Феодорит возвратился в Серай. Билеты какие-то на Ваше имя получены были здесь на почте, и Николай Иванович обещался отправить их к Вам в Париж. О. Феодорит был того мнения, что они возвращены Вам неразменными, — на том основании, что в пакете не заметно добавочной мелочи — обстоятельства обыкновенного при предполагаемой мене одних билетов на другие. Так как я совершенный профан, к несчастью, во всем, что касается билетов и вообще всякого рода денег, то и не знаю, какой комментарий сделать на слова о. Феодорита. Впрочем, думаю, что это и не нужно теперь. Пакет, конечно, Вы уже получили и узнали, в чем дело.

Г. Lebogne открыл свое фотографическое заведение и работает, бедный, без отдыха. Снимает портреты на стекле позитивным способом, берет по пять франков с портрета и хвалится своим успехом. Сегодня приходил видаться со мною и рад, как дитя, встрече со старым знакомым. О Вас вспоминает чуть ли не со слезами, равно как и о жизни на Св. Горе. Беспокоится, что о Вас не имеет никакого известия, и в совершенном унынии от того, что не получает писем от своего семейства.

Я до сих пор еще не брал в руки своей машины. Пока не оберусь от работы другого рода. А вот тут и зима уже подоспела. Есть у меня десятка два афинских стереоскопических негативов, которые весьма бы хотелось перевести на стекло для своей панорамы. Не имею времени, да и способа хорошо не знаю, а наконец и тонких матовых стекол не надеюсь сыскать здесь. Как бы желалось

мне обратить свою chambre noir* с выдвижным ящиком в такую же à soufflet**. Так, если не ошибаюсь, называется усовершенствованный прибор, подобный тому, какой Вы имели на Св. Горе. Не продают ли в Париже отдельно этих мехов? Приспособить один таковой к своей машине для меня ничего бы не стоило. Внутренний диаметр моей камеры есть 22,5 и 17 сотых фр. метра.

В одной греческой газете прочитал я корреспонденцию чью-то из Серр (города в Македонии) от 28 октября, в коей говорится, что Хусни-паша был на Св. Горе и вмешивался не в свои дела. Так, например, сменил игумена Русского монастыря и поставил на его место другого с Семи островов, запретил русскому пароходу приставать, где он доселе приставал, и пр. Еще я не виделся ни с кем с Св. Горы, чтобы узнать, на сколько во всем этом есть правды.

Простите, мой добрейший и любезнейший Петр Иванович. Напишите нам словечко.

Преданный Вам всею душою Ваш усерднейший слуга и богомолец

Антонин.

О. арх<имандрит> Порфирий не приписывает кресту Вашему глубокой древности — на том основании, что работа его очень плохая. Рыбки же, по его мнению, могут означать даже и то простое обстоятельство, что мастер его или тот, для кого этот мастерил крест, были рыбаки. Вот как мы Вас отделяем!

ОР РГБ. Ф. 269. Оп 1. Картон 11. Д. 26. Л. 22–24об.

10

Константинополь. 1 мая 1861 г.

Ваше превосходительство,
всепочтеннейший и любезнейший Петр Иванович!

Христос воскрес.

Поздравляю Вас с светлым праздником и не перестаю молить Бога, чтобы он хранил Вас в нерушимом здравии и благодушии на честь и пользу отечества и на радость стольких любящих Вас, из числа коих един есмь аз, как Вам известно.

Повадился я беспокоить Вас. Не так давно засыпал Вас поручениями, а вот и опять тревожу покой Ваш. Впрочем, какой же у Вас покой? Ведь все равно Вы трудитесь же с утра до ночи каждый день. Итак приложите труды к трудам и обяжите снова преданнейшего слугу Вашего. Дело в следующем. Прочитал я в одном духовном журнале киевском статью некоего г. Пономарева в роде отчета о занятии и успехах иконописного класса при киевской семинарии. Сочинитель поразил меня своим фанфаронством и своим ложным

* Фотографическая камера, камера обскура (*фр.*)

** С мехом (*фр.*)

пониманием или, лучше, непониманием духа иконописи. Кстати у меня было к чему придрасться. Перед глазами был образ Покрова Божией Матери, присланный кем-то из России для Влахернской часовни (в которой, помните, мы были с Вами), один из лучших в этом роде, какой только мне случалось видеть. Отыскав в нем неизбежные наши русские промахи, я вышел из них и добрался до киевского фразера. Давно хотелось высказать две-три задушевные мысли. Я их и сказал. Теперь желалось бы оду свою тисненую предать. Путей к этому есть немало, но наиболее нравится мне из них тот, который статье моей даст большую известность, а переписчику ее что-нибудь «на чай» за утруждение руки и истомление глаз. Не откажите в содействии Вашем, любезнейший Петр Иванович — перешлите надежным образом статью в редакцию петербургского журнала «Странник» с истребованием от нее расписки в получении. Почтеннейший о. Гречулевич (издатель журнала), как слышно, охотно печатает все, что приходит к нему из дальних стран. Надеюсь, что и моей страннице найдется у него место.

Живу здесь, благодарение Господу, хорошо. В среду миссия перебирается в Буюкдере. Я же хочу на май остаться в городе и позаняться фотографией. Пожелайте мне успехов.

Низложенных архиереев болгарских Великой церкви удалось наконец в минувшую субботу заточить пока в Никомидию. Теперь, слышно, составится смешанная комиссия из греков и болгар для улажения дел. Других новостей, интересных для Вас, не знаю. Бумажки здешние падают страшно. Целковый идет уже в 31 бумажный пиастр.

Утешьте письмецом Вашего нижайшего и преданнейшего слугу и недостойного богомольца

Антонина.

Хотелось бы на минуту взглянуть на Русь нашу.

George просил засвидетельствовать Вам его глубокие *révérenc'ы*.

ОР РГБ. Ф. 269. Оп 1. Картон 11. Д. 26. Л. 25–26об.

<Афины>

<Март 1860г.>³⁵

Ваше Превосходительство,
всепочтеннейший и любезнейший Петр Иванович!

Великое утешение Вы доставили мне письмом своим. Благодарю Вас от всей души за продолжающуюся Вашу добрую память обо мне. Пусть в

наших шумных своею историею и своими непорядками Афинах происходят искушения и соблазны... Как они забрались к Вам в Ваше внемирное уединение? Поистине меня это удивляет. Мосью Ёжель³⁶ казался совершенством в своем роде. Только один, похожий на него, Жорж разумел, по-видимому, тайну сердца его, потому что отзывался о нем, помню, с самым эмпатическим негодованием. Жаль. А какой способный человек!

Приношу Вам глубокую благодарность за фотографические снимки с Ватопедской Библии и за выписки из французской книги. Теперь речь о кресте.³⁷ Я поступил согласно с Вашим наставлением, рассмотрел его в подробности, прежде чем прочел Ваше о нем мнение. Рыбки его прежде всего озадачили меня. Это действительно древний или, лучше, древнейший символ Иисуса Христа первого, второго и частью третьего века. Изображение с задней стороны херувима — блюстителя древа жизни также могло указывать на эпоху древнейших воззрений христианских. Но уже самое древо, вставленное в крест, относит его к IV веку, т.е. веку, когда вместо символического представления Иисуса Христа вошло в употребление историческое его изображение. Это первое, что удержало меня от восторга при предполагаемой глубочайшей древности креста. Потом — поверх животворящего древа ясно различается изображение Иисуса Христа, крещающегося в Иордане. Значение рыб таким образом изменяется совершенно. Иорданские рыбки видятся в памятниках X, XI и дальнейших веков и суть или игра фантазии живописцев, или обозначают языческие народы, или что-нибудь другое в этом роде. Третье: украшение задней стороны креста вдоль его по линии лица херувима по-видимому того же стиля, что нынешние украшения с коронами. Четвертое: карниз уже так нов, что даже византийскую эпоху не напоминает. Впрочем, последнее это возражение не имеет абсолютной силы. Карниз точно прошлого столетия, но он достался сему столетию по страсти его к классицизму, из памятников греческих. Крест этот мне кажется весьма похожим на наши архимандричьи кресты прошлого столетия, а именно кабинетные, т.е. дарствуемые государем, чем и изъясняются его многочисленные короны. Но тут возражение, весьма важное, то, что в него вложена частица животворящего древа, и кроме того, все его изображения так грубы, что напоминают собою XIV или XV век. Вот мои соображения. Ни к чему определенному они не ведут. Жаль, что подпись ЯМД НГ не дает никакого смысла. Любопытная надпись на мраморе также составляет предмет моей думы, не ведущей пока ни к чему.

Я написал по благодарственному письму отцам Иерониму и Виссариону. Немножко поздно собрался, но нечего делать. Не поставьте в труд передать их по адресу.

Злой клеветник мой диакон (Агапий), отправленный отсюда в Константинополь, бежал оттуда и теперь неизвестно где находится. Полагать надобно, что пробрался на Св. Гору. Если Вы, добрейший Петр Иванович, осведомитесь о том, не преминьте сообщить сведения и в Русик, и Серай,

и Пророка Илии, что это за птица. Пусть никто не имеет сомнений, что он опозорит всякого, кто к нему волей или неволей прикоснется, и Св. Гора составит новый отдел известий «Колокола». Это человек, рожденный на зло. Он клялся погубить меня с душой и телом, в то время, как наделал пакостей, о коих срамно есть изглаголати.

Нет надежды быть мне на Св. Горе в грядущее лето. Александр Петрович также не может выехать за пределы Греции. Я жду Вас сюда с отверстыми объятиями. В.к. Мария Николаевна удивляется, отчего Вы ей не напишете ничего о себе и о трудах Ваших. Ей весьма хочется достать рукописную литургию св. апостола Иакова. Если бы Вы нашли ее на Св. Горе и сфотографировали?

Простите за скудное писание. Нездоров сегодня. Ваш преданнейший и покорнейший слуга

Антонин.

Кланяюсь низжайше Вашим добрым сотрудникам. Водена видела мадам Озерова на пароходе. Он уверял ее, что кончил все свои работы при Вас, и что вскоре и Вы оставите Св. Гору. Bien de plus.³⁸

ОР РГБ. Ф. 269. Оп 1. Картон 11. Д. 26. Л. 27–28об.

¹ Исследование и публикация документов подготовлены в рамках гранта РФФИ № 17-04-00555

² П.И. Севастьянов совершил несколько поездок на Афон (в 1851, 1852, 1857, 1858 и 1859–1860 гг.), но наиболее плодотворной явилась масштабная историко-художественная экспедиция 1859–1860 гг. Афонские экспедиции П. И. Севастьянова неоднократно привлекали внимание исследователей. См.: *Довгалло Г. И. СобираТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П. И. СЕВАСТЬЯНОВА (по материалам его личного архива) // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995. С. 242–255; Кызласова И.Л. Коллекция икон П.И. Севастьянова в собрании ГИМ. // ГИМ. Научные чтения. М., 1980–1981. Тезисы докладов и сообщений. М., 1981, с.66; Кызласова И. Л. Новое о коллекции П. И. Севастьянова // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфике. М., 1987. С. 71–76; Пятницкий Ю. А. Происхождение икон с Афона из собрания П. И. Севастьянова // СГЭ. 1988. Т. LII. С. 42–44; *Он же*. Византийские и поствизантийские иконы в России. Часть 2 // Византийский временник. 1996. Т. 56(81). С. 247–251; *Он же*. Отечества и дым нам сладок и приятен/ Эпизоды из истории византийской коллекции Государственного Эрмитажа // Наше наследие, № 111, 2014 г.; № 112, 2015 г. <http://www.nasledie-rus.ru/podshivka/11115.php>; Papoulidis C. P. I. Sevast'janov (1811-1867) etsescollections // *Αφιέρωμα στη μνήμη του Σωτήρη Κίτσα. Θεσσαλονίκη*, 2001. Σ. 407-420; *Пивоварова Н. В.* Еще раз об афонских экспедициях П. И. Севастьянова // *Spicilegium Byzantino-Rossicum. Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента РАН И. П. Медведева. М., 2015. С. 231–245. Смирнова В.Б.* Странствия Петра Севастьянова. http://www.strannik-lit.ru/59924_76567_07_4_2015.html*

- ³ Муравьев А.Н. Записка об иконописании Афонском / Публ. К.А. Ваха и И.Ю. Смирновой // Православный Палестинский Сборник. Вып 112. М., 2016. С. 387–394.
- ⁴ Смирнова В.Б. Странствия Петра Севастьянова. http://www.strannik-lit.ru/59924_76567_07_4_2015.html. Дата обращения 01.09.2017.
- ⁵ Буслаев Ф.И. Новости русской литературы по церковному искусству и археологии // «Современная летопись» (Воскресные прибавления к Московским ведомостям). 1863. № 9. — С. 11.
- ⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 27 (I отд., 2 стол). Д. 207. Л. 2–2 об. Здесь и далее архивные документы РГИА цитируются по: Пивоварова Н. В. Еще раз об афонских экспедициях П. И. Севастьянова. Указ соч.
- ⁷ ОР РГБ. Ф. 269. Оп 1. Картон 32. Д. 24. В настоящее время рукопись готовится к публикации.
- ⁸ Смирнова В.Б. Странствия Петра Севастьянова. http://www.strannik-lit.ru/59924_76567_07_4_2015.html. Дата обращения 01.09.2017.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ РГИА. Ф. 797. Оп. 29 (I отд., 2 стол). Д. 189. Л. 22–23 (из отношения секретаря императрицы Марии Александровны П. А. Морица обер-прокурору графу А. П. Толстому от 25 февраля 1859 г.).
- ¹¹ Там же. Л. 35–36.
- ¹² Смирнова В.Б. Странствия Петра Севастьянова. http://www.strannik-lit.ru/59924_76567_07_4_2015.html. Дата обращения 01.09.2017.
- ¹³ О переписке Порфирия и Севастьянова во время их нахождения на Афоне см.: Герд Л.А. Еп. Порфирий Успенский: из эпистолярного наследия // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге/Под ред И. П. Медведева. СПб., 1995. С. 18–19. См. также публикации об экспедиции Севастьянова и ее результатах, сделанные по следам доклада, читанного Севастьяновым в Париже: Didron, aîné. Expédition archéologique au Mont Athos // Annales Archéologiques. 1861. Vol. 21. P. 173-183; Langlois V. Histoire du Mont Athos et de ses monasteries, d'après des documents rassemblés par le Conceiller d'État actuel de Sévastiannoff // Annales de philosophie chrétienne. 1866. Vol. 13. P. 165–181.
- ¹⁴ Архимандрит Антонин (Капустин). Заметки поклонника Святой Горы. Киев, 1864; 2-е изд. М., 2015.
- ¹⁵ Письма П.И. Севастьянова хранятся в архиве: СПб ФА РАН. Ф. 214. Оп. 1. Д. 36–37. Письма о. Антонина публикуются по подлинникам: ОР РГБ. Ф. 269. Оп 1. Картон 11. Д. 26.
- ¹⁶ Помета о. Антонина: Получено Афины 4 декабря 1859 г. Копия этого письма ОР РГБ. Ф. 269. Оп. 1. Картон 9. Д. 7. Л. 9–12 об.
- ¹⁷ То, без чего невозможно — (лат.).
- ¹⁸ Кювета — плоская ванночка с ребристым дном для химической обработки фотопластин и фотобумаги.
- ¹⁹ Помета о. Антонина: Получено Афины 27 декабря 1859 г.
- ²⁰ Помета о. Антонина: Получено Афины 5 марта 1860. Черновик письма см: ОР РГБ. Ф. 269. Оп. 1. Картон 9. Д. 7. Л. 1–2 об.
- ²¹ Помета о. Антонина: Получено Афины 16 апреля 1860.

- 22 Слово неразборчиво.
- 23 Помета о. Антонина: Получено 16 апреля 1860 г. Афины.
- 24 Окончание фразы неразборчиво, обрыв листа.
- 25 Помета о. Антонина: Получено Порос, 5 августа 1860 г.
- 26 Помета о. Антонина: Получено 31 декабря 1860 Константинополь
- 27 Слово неразборчиво.
- 28 Слово неразборчиво.
- 29 Помета о. Антонина: Получено 22 декабря.
- 30 Фраза дописана П.И. Севастьяновым на полях.
- 31 Помета: *Получено 12 ноября на Афоне.*
- 32 Помета: *Получено 12 ноября на Афоне.*
- 33 Профессиональных (лат.)
- 34 Слово неразборчиво.
- 35 Датировка основана на данных Дневника о. Антонина за 1860 г. 5 марта он получил письмо то П.И. Севастьянова со Святой Горы с рассказом о предательстве своего сотрудника Водена (П. И. Севастьянов-о. Антонину. 26 февраля 1860 г. Афон. СПбФА РАН. Ф. 214. Оп. 1. Д. 36. Л. 572–577об.) и в тот же день он получает известие что диакон Агапий сбежал из под стражи в Константинополе. В дневнике также есть запись от 9 марта о «писании писем на Святую Гору».
- 36 Вероятно прозвище Водена.
- 37 См. письмо П.И. Севастьянова к о. Антонину от 26 февраля 1860 г. № 4.
- 38 Гораздо больше (фр.).

О ПРОВЕДЕНИИ ГОДА АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА (КАПУСТИНА) В КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

А. А. Брюханов

Имя нашего замечательного земляка, выдающегося русского церковного деятеля, создателя Русской Палестины, начальника Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, археолога, историка значимо и почитаемо не только у нас в Зауралье, на его родине, но и далеко за пределами нашей страны. По инициативе Губернатора Курганской области Кокорина Алексея Геннадьевича, 2017 г. был объявлен в Курганской области годом архимандрита Антонина (Капустина), в связи с 200-летием со дня рождения нашего выдающегося земляка. Объявление Года в честь знаменитых людей нашей области — это давняя хорошая традиция. В области были проведены: Год Терентия Семеновича Мальцева, Гавриила Абрамовича Илизарова. И этот год не стал исключением. Торжественное открытие Года архимандрита Антонина (Капустина) состоялось 27 января 2017 г. в правительстве Курганской области, в котором приняли участие губернатор, главы районов, члены правительства Курганской области, депутаты областной Думы, общественные организации, предприниматели и бизнесмены.

Историческим событием Года нашего великого земляка стал визит в день празднования юбилея 25 августа этого года в с. Батурино, на малую родину Антонина (Капустина) Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, Председателя Императорского Православного Палестинского Общества Сергея Вадимовича Степашина, министра культуры Российской Федерации Владимира Ростиславовича Мединского.

Курганское региональное отделение ИППО выступило инициатором и организатором проведения 200-летнего юбилея архимандрита Антонина (Капустина), что способствовало привлечению внимания общественности, желанию многих людей сотрудничать с нашим отделением ИППО, вступить и стать членами Общества. За этот период мы приняли 15 человек. Курганское отделение ИППО было создано в 2016 г. В настоящее время в

обществе состоят 33 действительных членов. В январе 2017 г. было подписано соглашение о сотрудничестве Московского и Курганского отделений ИППО. Сегодня наше Общество следует целям, провозглашенными в далеком 1882 г. В связи с юбилеем нашего выдающегося земляка архимандрита Антонина (Капустина), мы поставили задачу объединить и консолидировать все силы Зауралья на многоуровневую и многоплановую работу по подготовке юбилейных торжеств. При правительстве Курганской области для проведения юбилейных мероприятий был создан оргкомитет, который возглавил губернатор Курганской области Кокорин А.Г. Был составлен план работ совместно с Курганским отделением ИППО, правительством Курганской области, администрацией Шадринского района и благотворительным фондом «Батуриная святыня», который возглавляет Харлов Михаил Аркадьевич, директор Шадринского политехнического колледжа, доктор педагогических наук, член ИППО.

В этой большой, многоплановой работе главным объектом стал Спасо-Преображенский храм в с. Батурино. Были проведены топографические съемки территории и геологические изыскания, на основании которых планировались и проводились дальнейшие работы по строительству, газификации, озеленению территории храма и села. В настоящее время завершена работа над проектом реставрации храма, получено положительное заключение экспертизы и согласование по охране памятников архитектуры. Проект представлен в Министерство культуры и заявлен в Федеральную программу «Культура России (2012–2018 гг.)»

В Спасо-Преображенском храме проведены ремонтно-строительные работы на первом этаже. В леса одета колокольня храма, прообраз «Русской свечи» на Елеонской горе в Иерусалиме. Открыт, по благословению Святейшего Патриарха Кирилла, памятник архимандриту Антонину, который изготовил скульптор Станислав Голощапов на территории храма. Большая работа проведена на территории вокруг храма: установлена парадная изгородь, на территории высажены деревья, разбиты цветники. В центре села разбит парк, посвященный 200-летию архимандрита Антонина, установлена стела, заложена капсула с землей из Иерусалима, посажена аллея из елей, а также высажен саженец молодого дуба, напоминающий о Мамврийском дубе, положившем начало созданию «Русской Палестины» на Святой Земле. На территории школы в селе Батурино заложена дубовая аллея, в школьном музее работает постоянно действующая экспозиция о жизни и делах архимандрита Антонина (Капустина).

Оргкомитет Правительства Курганской области проводил выездные планерки, совместно с депутатами Курганской областной Думы и Курганским отделением ИППО, привлекались известные меценаты Уральского Федерального округа, Курганской области и Шадринского района. В апреле 2017 г. был проведен выездной день СМИ областной Думы в с. Батурино.

В январе 2017 г. по поручению С.В. Степашина с рабочим визитом в Курган прибыл заместитель председателя ИППО по работе с региональными отделениями, председатель Московского отделения С.Л. Байдаков. В ходе встречи с губернатором Курганской области А.Г. Кокориным были обсуждены вопросы восстановления Спасо-Преображенского храма в селе Батурино. А в ходе встречи с митрополитом Курганской и Белозерской митрополии Иосифом, был рассмотрен вопрос о возможности разработки православного туристского маршрута: Свято-Успенский Далматовский мужской монастырь, храм Иоанна-Предтечи в селе Крестовском, Шадринского района, Казанский Чимеевский мужской монастырь Белозерского района, Введенский женский монастырь Катайского района. Все это православные святыни Зауралья.

По инициативе нашего регионального отделения ИППО, совместно с советом «Ассамблеи народов Зауралья», в апреле этого года в Кургане и Шадринске прошли благотворительные концерты русской духовной и народной музыки, посвященные памяти нашего великого земляка архимандрита Антонина, средства от которых пошли на изготовление памятника.

Курганское региональное отделение ИППО принимало участие в работе Всероссийской научно-практической конференции «Зырянские чтения» в Курганском государственном университете и на съезде народов Зауралья, где были представлены доклады об историческом вкладе в мировую культуру и дипломатию труды архимандрита Антонина (Капустина).

Знаковым событием в ряду юбилейных мероприятий стала Всероссийская научная конференция «От Зауралья до Иерусалима: личность, труды и эпоха архимандрита Антонина (Капустина)», которая прошла в г. Далматово Курганской области, в мае 2017 г. По материалам этой конференции издан сборник, раскрывающий современникам величие нашего земляка. Участники конференции посетили Спасо-Преображенский храм в селе Батурино.

Делегаты Курганского регионального ИППО приняли участие в работе IV отчетно-выборной конференции Императорского Православного Палестинского общества в г. Москве, на которой я рассказал о работе, планах и об основных направлениях практической реализации этих планов, о ходе подготовки к юбилею архимандрита Антонина (Капустина).

Сплочению и консолидации всех сил способствовала грамотно выстроенная информационная поддержка Года архимандрита Антонина (Капустина) и визита Святейшего Патриарха Кирилла в Курганскую область. Отделение ИППО, совместно с Курганской Государственной теле-радио компанией, запустили проект «Батури́нская святыня». В течение всего года по областному радио два раза в месяц звучали передачи о жизни и деятельности отца Антонина. В областной газете осуществлен проект «России верный сын», где освещалось о проведении мероприятий

Года архимандрита Антонина и о предстоящем визите Патриарха Кирилла. В районной газете «Шадринский курьер» была введена постоянная рубрика «Батуриная святыня». Газета освещала работу регионального общества ИППО.

Членами ИППО была совершена поездка на Святой Афон, которая получила мощное информационное освещение в СМИ. Это так же способствовало возрастанию авторитета нашего Общества в регионе.

К юбилею Антонина (Капустина) изданы книги «России верные сыны» Анатолия Пашкова, «Стопами отца Антонина: от Батурино до Перми. Путешествия и приключения семинариста Андрея Капустина во время его жительства в Сибири (1817–1836 гг.)» Эта книга рекомендована к печати издательским советом Русской Православной Церкви.

По решению собрания Курганского регионального отделения ИППО и совместно с благотворительным фондом «Батуриная святыня» созданы фильмы о жизненном подвиге архимандрита Антонина, а также о ходе восстановительных работ в Спасо-Преображенском храме в с. Батурино.

Неоценимо участие и работа в подготовке и организации юбилейных мероприятий и исторического визита Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла представителей духовенства Курганской области. Под их председательством проходили встречи, беседы, благотворительные акции, конференции.

Началом открытия и проведения юбилейных мероприятий стал первый фестиваль православной культуры «Батуриная святыня», который прошел в 2016 г. на малой родине отца Антонина и продолжил свою эстафету 25 августа 2017 г., в день юбилея архимандрита Антонина (Капустина). Венцом второго фестиваля православной культуры стал визит Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, где состоялось освящение памятника, открытие сквера, гашение конверта и марки, выпущенных Почтой России к юбилею нашего великого земляка. Фестиваль собрал более 6 тысяч участников и гостей праздника, делегации паломников из районов области, Екатеринбург, Перми, Челябинска, Тюмени.

Особенно радует большое число молодежи, что стало практическим результатом работы молодежной секции Курганского отделения ИППО. Вся наша работа нацелена на воспитание подрастающего поколения, на формирование любви к малой родине, чувства гордости за великих земляков, на желание у молодежи хранить российские духовно-нравственные ценности.

Юбилейные торжества, посвященные 200-летию архимандрита Антонина (Капустина) прошли. Подготовка к этому мероприятию потребовала консолидации сил огромного количества людей и организаций, работа проведена колоссальная. Год 200-летия архимандрита Антонина (Капустина) продолжается. Впереди у нас ещё много дел:

- готовится проект на внутренние работы храма;
- продолжаем обустраивать при храмовую территорию;
- продолжаются работы по газификации храма и всего села;
- обеспечиваются святой водой прихожане и паломники;
- обустраиваются купели на берегу реки Солодянка;
- и много другое.

Первостепенный завет отца Антонина нам и, соответственно, наше дело по отношению к его памяти, есть попечение о святых местах. Я надеюсь, что совместно с правительством Курганской области и нашей сплочённой командой, мы завершим ремонт храма, он будет сиять первозданной красотой и станет центром паломничества в нашем регионе.

Неоценимую помощь, поддержку Императорского Православного Палестинского общества мы ощущали на протяжении всего периода подготовки организации и проведения торжественных мероприятий, посвящённых 200-летию архимандрита Антонина (Капустина).

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ОБЩЕСТВЕННАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ ИППО
«ВЕЧНО-ВЕЩИЙ ОБРАЗ ПАЛЕСТИНЫ»:
200-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
АРХИМАНДРИТА АНТОНИНА (КАПУСТИНА)»**

С. Ю. Житенёв

17 октября 2017 г. в Москве в Центре ИППО состоялась Всероссийская научно-общественная конференция ИППО «Вечно-вещий образ Палестины: 200-летию со дня рождения архимандрита Антонина (Капустина)». Её предварила книжная выставка из фондов Государственной публичной исторической библиотеки (ГПИБ), на которой были представлены уникальные прижизненные книги отца Антонина, дающие представление о трудах выдающегося учёного — археографа, археолога, византиниста, а кроме того, нумизмата, писателя, выдающегося церковного деятеля. На выставке, которую представил учёный секретарь ГПИБ А.В. Сазанов, были продемонстрированы также современные издания о личности и деятельности архимандрита Антонина, подготовленные, в том числе, силами членов Научной секции Общества. На открытии выставки также выступил заместитель Председателя ИППО Н.Н. Лисовой, рассказавший о некоторых редких изданиях отца Антонина.

Конференцию вела секретарь Научной секции ИППО Р.Б. Бутова, которая много лет отдала изучению наследия архимандрита Антонина. Конференцию открыл своим выступлением Председатель ИППО С.В. Степашин. «Я рад, что мы собрались здесь по очень важному, можно сказать, историческому событию, — сказал он. — Сегодня вместе с нами вся страна. Весь Православный мир отмечает юбилей выдающегося человека, который создал Русскую Палестину, руководил Русской Духовной Миссией, но и много лет работал в Константинополе и Афинах. Он был не только духовным человеком, но и блестящим учёным, исследователем. Он не только и не просто приобрёл в собственность земельные участки. Те раскопки, которые были организованы им и его сподвижниками, вызывают восхищение.

Он нашёл одну из святынь христианского мира — Порог Судных Врат, и по его просьбе император Александр III приобрёл сей клад в собственность

Российского государства. Там находится Александровское подворье в Иерусалиме, пока ещё не оформленное в нашу собственность. Там находится храм во имя святого князя Александра Невского. Мы были со Святейшим Патриархом Кириллом в Курганской области, где проводили «Батуриные чтения», там и он, и я в своих выступлениях сказали, что Александровское подворье — это главная заслуга архимандрита Антонина (Капустина)». Мы сегодня, можно сказать, смело сделали огромное количество шагов, чтобы это подворье вернулось в лоно Российского государства. Это был бы лучший подарок к юбилею отца Антонина — возвращение Александровского подворья.

Большая работа была проделана архимандритом Антонином по созданию Музея христианских древностей при Миссии, я побывал там летом, когда мы открывали Сергиевское подворье в Иерусалиме. На встрече с представителями Русской Православной Церкви Заграницей они обратились к нам с просьбой оказать содействие и помощь в исследовании имеющихся там уникальных артефактов. Такую работу, как вы знаете, наше Общество в своё время провело в Иерихоне. И я думаю, что следующим нашим шагом будет направление туда наших учёных, специалистов, археологов. Это тоже будет конкретный шаг нашего Общества по увековечиванию памяти об архимандрите Антонине (Капустине).

Не могу не сказать и о том, что было сделано за это время, кроме мероприятий в Батурине, о которых я уже сказал, и в Иерусалиме, которые были проведены в тот же день, 24 августа, с участием представителей Русской Духовной Миссии РПЦ и Зарубежной Православной Церкви. Были проведены серьёзные конференции и чтения практически во всех отделениях ИППО. Написаны книги, и не одна, посвящённые юбилею архимандрита Антонина (Капустина). Выпущена юбилейная медаль в его память. Хочется поблагодарить наших коллег из Государственной исторической библиотеки за прекрасную книжную выставку.

Мы можем смело сказать, что имя архимандрита Антонина (Капустина) не только не забыто, а сегодня мы продолжаем его дело, в первую очередь, на Святой Земле. Своё краткое приветствие я бы хотел закончить словами Василия Николаевича Хитрово о том, как он оценивал деятельность Антонина Капустина, лучше, пожалуй, не скажешь: «Только ему одному, его твёрдости, его настойчивости Православная Русь обязана тем, что стала твёрдой ногою у Гроба Господнего».

Затем С.В. Степашин огласил приветствие председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Волоколамского Илариона: «Сердечно приветствую организаторов и участников нынешнего мероприятия, организованного Императорским Православным Палестинским Обществом по случаю двухсотлетия со дня рождения архимандрита Антонина (Капустина). Настоящая конференция продолжает

череду праздничных событий в рамках юбилейного Года архимандрита Антонина. В минувшем августе Святейший Патриарх Кирилл посетил родину отца Антонина в селе Батурино, где совершил открытие памятника видному уроженцу Курганской земли. На месте упокоения архимандрита Антонина в Иерусалимском Елеонском монастыре состоялось поминовение его Русской Православной Церковью Заграницей, а через несколько дней на Святой Земле пройдут торжества по случаю 170-летия основания Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, расцвет которой во второй половине XIX века связан с именем её самого знаменитого Начальника.

Отрадно, что в наше время отдают дань памяти выдающемуся отечественному церковному деятелю, внёсшему неопределимый вклад в укрепление связей Русской Православной Церкви с Православным Востоком. Трудно перечислить все направления деятельности, в которых проявил себя многогранный талант архимандрита Антонина. В первую очередь известны его труды по собиранию Русской Палестины, укреплению Духовной Миссии в Иерусалиме, его заботы по сохранению христианских святынь. Но не менее важным представляется и его вклад в развитие духовных связей Русской Православной Церкви с Поместными Православными Церквями, в особенности с Иерусалимским Патриархатом.

До своего назначения в Иерусалим отец Антонин проходил служение в Афинах, где восстановил находившийся в руинах древний храм Святой Троицы, ставший затем Русской посольской церковью. Позднее архимандрит Антонин был настоятелем храма при Российском Посольстве в Константинополе, сыграл важную роль в поддержании добрых отношений с Константинопольским Патриархатом.

Деятельность архимандрита Антонина в должности настоятеля посольских храмов естественным образом была сопряжена с дипломатическими функциями. На всех местах служения его отличала способность устанавливать близкие отношения с научной и творческой интеллигенцией, находить общий язык, как с местными властями, так и с простым народом.

Светлый образ архимандрита Антонина (Капустина) олицетворяет сопряжённую с творческой активностью открытость Русской Церкви к внешнему миру, её особое отношение и интерес к Православному Востоку, её заботу о сохранении общего христианского наследия. Пример подвижнической жизни этого выдающегося церковного деятеля служит источником вдохновения для продолжателей его трудов на ниве укрепления православного единства и в наше время.

Желаю участникам конференции плодотворной работы и помощи Божией в трудах».

Далее на конференции выступил заместитель министра иностранных дел России, заместитель Председателя ИППО М.Л. Богданов:

«Уважаемый Сергей Вадимович! Дорогие друзья!

Прежде всего, хотел бы поздравить всех нас со знаменательной датой — 200-летием со дня рождения архимандрита Антонина (Капустина), выдающегося церковного деятеля, учёного-византиниста, археолога, писателя. Пожалуй, сегодня нет такого человека, который, хоть раз побывав на Святой Земле в качестве паломника или туриста, не знал бы имя архимандрита Антонина. Его наследие огромно, а его влияние на историю русского присутствия на Святой Земле во второй половине XIX века ещё предстоит в полной мере изучить и осветить.

Именно благодаря этому удивительному человеку, его неутомимой деятельности по собиранию буквально по крупичкам и приобретению имущественных и земельных владений на Святых местах мы обязаны созданию уникального явления «Русской Палестины» — храмов, монастырей, паломнических приютов и участков. За 29 лет пребывания на Святой Земле архимандрит Антонин приобрёл порядка 28 участков, на которых по его собственным проектам были воздвигнуты три храма, построены шесть странноприимных домов, основаны женские монастыри в Эйн-Кереме и на Елеоне.

Отрадно, что при активном участии ИППО удалось вернуть в собственность Российской Федерации многие объекты, которые были проданы или сданы в долгосрочную аренду в советское время. Сегодня России принадлежат 12 земельных участков на Святой Земле, в том числе Сергиевское подворье в Иерусалиме. В Иерихоне был освоен принадлежащий России участок с произрастающей на нём Библейской смоковницей — живым свидетелем Иисуса Христа. В городе Рождества Христова, Вифлееме, возведён Центр ИППО, на площадке которого функционирует Российский центр науки и культуры. Оказывается посильная помощь построенной Россией в 2014 году общеобразовательной школе для мальчиков в Вифлееме.

При этом ИППО не собирается останавливаться на достигнутом. У Общества есть планы строительства русской школы в Дамаске. Принимаются меры по восстановлению имущественных прав на Александровское подворье, расположенное в непосредственной близости от Храма Гроба Господня, а также земельный участок «Вири Галилея» на Масличной горе в Иерусалиме.

Перечисленное — лишь малая часть предпринимаемых усилий. Работа по восстановлению исторического российского присутствия на Святой Земле будет продолжена и, я уверен, ознаменуется реализацией новых важных проектов. Министерство иностранных дел Российской Федерации всегда высоко оценивало деятельность ИППО, направленную на укрепление влияния и авторитета нашей страны в ключевом с геополитической, культурной и религиозной

точек зрения регионе Ближнего Востока и Северной Африки, и готово и далее поддерживать Общество во всех его начинаниях. Особо отмечаем весомый вклад и активное личное участие Председателя ИППО Сергея Вадимовича Степашина.

В заключение, возвращаясь к теме сегодняшней конференции, хотел бы отметить, что невозможно переоценить значение и роль, которую архимандрит Антонин сыграл в деле развития русско-палестинских духовных и культурных связей, установления и укрепления русского присутствия на Святой Земле и на христианском Востоке. Уважение к его памяти и наследию соединяет светских и церковных людей, представителей различных наций и религий. Выходец из сельского духовенства, он стал одним из главных действующих лиц русской церковной дипломатии на Ближнем Востоке, отцом-основателем уникального феномена «Русской Палестины».

С приветствием к участникам конференции обратилась заместитель Председателя ИППО, руководитель Фонда «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество», А.В. Громова, которая сказала:

«2017-й год ознаменован для Императорского Православного Палестинского Общества четырьмя славными памятливыми датами. Все они непосредственно связаны с личностью архимандрита Антонина (Капустина), благодаря которому укрепилась и обрела свой особый статус Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, в переговорах с Василием Николаевичем Хитрово оформилась идея основания будущего Императорского Православного Палестинского Общества. По молитвам архимандрита Антонина, после своего первого паломничества в Иерусалим, вышел на тернистый путь служения русскому присутствию в Святой Земле первый Председатель ИППО Великий Князь Сергей Александрович.

Богословские, литературные, публицистические, археологические и храмоздательские труды архимандрита Антонина и многие другие направления его деятельности широко обсуждались на разных площадках в Москве, Екатеринбурге и Зауралье во время празднований этого года. 28 участков, связанных с земной жизнью Спасителя, за 29 лет руководства Русской Духовной Миссией, по образному выражению заместителя Председателя ИППО Н.Н. Лисового, крестом осеняют Русскую Палестину — Кана Галилейская и Тивериада на севере, Хеврон с дубом Мамврийским на юге, Яффа с храмом апостола Петра на западе, Иерихон с Галгалским камнем и приютом Закхей на востоке, в средокрестии — Иерусалим с Порогом Судных Врат. Жизнь как миссионерский подвиг — самоотверженное служение Церкви Христовой, постоянная забота о духовном окормлении русских паломников — отличают архимандрита Антонина.

Радостно видеть, как на его родине возрождается храм Преображения Господня. Широкое общественное движение земляков под руководством Фонда «Батуриная святыня» стало центром торжеств и народного почитания архимандрита Антонина. Обещание, данное губернатору Курганской области Алексею Кокорину заместителем Председателя ИППО по работе с региональными отделениями С.Л. Байдаковым «...будем Вам помогать, поддерживать», Императорским Православным Палестинским Обществом выполнено. Благодаря трудам Председателя ИППО С.В. Степашина, заместителя Председателя ИППО Н.Н. Лисового, возглавляющего работу Научной секции, удалось объединить усилия представителей центральных и местных органов власти Русской Православной Церкви, столичных и региональных общественных организаций и тем самым достичь небывалого по географическому размаху и содержательной научной глубине уровня проведения торжеств. Эти празднования могут служить примером организации общенациональных юбилеев.

Хочу пожелать всем дальнейших успехов в освоении поистине энциклопедического наследия архимандрита Антонина, следования его высокому патриотическому духу, твёрдой вере и самоотверженному служению России».

С большим интересом был заслушан концептуальный и содержательный доклад заместителя Председателя ИППО Николая Лисового «Архимандрит Антонин (Капустин): наследство и наследие». Николай Николаевич отметил, что это по-своему уникальный юбилей, который отмечается в национальном масштабе. Ведь архимандрит Антонин не был церковным иерархом, а всего лишь простым русским священником, архимандритом. Да, он был и молитвенником, и учёным, и подвижником, и дипломатом, и монахом. Но в каком чине чувствует его вся страна? И учёный приходит к выводу, что как миссионера. Не миссионера в привычном смысле этого слова, несущего свет Православия народам, которым это внове, — своё служение Антонин Капустин воспринимал как миссию Православной России в мире. И в этом его величие. Доклад Н.Н. Лисового публикуется в настоящем Православном Палестинском Сборнике.

На научно-общественной конференции ИППО далее выступил с докладом наместник Успенского Далматовского монастыря игумен Варнавы (Аверьянова) был посвящён вехам формирования духовного облика архимандрита Антонина (Капустина). Он также представил участникам конференции свою монографию «Духовный облик архимандрита Антонина (Капустина). По материалам его литературного наследия», которая была издана ИППО в издательстве «Индрик». Выступление члена Совета Московского отделения ИППО К.А. Ваха

«Еще раз о монашестве отца Антонина (Капустина)» было нацелено на раскрытие неполно изученных аспектов монашества архимандрита Антонина (Капустина). Интересную попытку систематизации огромного эпистолярного наследия Антонина предприняла секретарь Научной секции ИППО Р.Б. Бутова в докладе «Из переписки архимандрита Антонина (Капустина): адресаты и корреспонденты». В выступлении председателя Курганского отделения ИППО А.А. Брюханова «Год архимандрита Антонина (Капустина) в Курганской области» было подробно рассказано, что сделано и будет делаться для увековечения памяти выдающегося земляка.

На конференции также прозвучали выступления: протоиерея Олега Беляева, члена Ульяновского отделения ИППО «История открытия Симбирского отдела ИППО»; председателя Калужского отделения ИППО В.Н. Гороховатского и директора Ассоциации «Калужский областной исследовательский и культурно-просветительский центр «ГАРАЛЬ» И.Е. Горолевича «Вероятная связь образа Пресвятой Богородицы «Калужская» с образом Богоматери, явленному в 1897 году на выставке в Москве «Изображения Богородицы», прошедшей под покровительством Императорского Православного Палестинского Общества»; ведущего научного сотрудника Института российской истории РАН В.Б. Перхавко «Памятники старины Палестины и Синая в описаниях русских купцов»; заведующей отделом русской классической литературы ИМЛИ РАН М.И. Щербаковой «Летопись Русской Духовной Миссии в Иерусалиме»; заместителя руководителя Научной секции ИППО С.Ю. Житенёва «Путешествия и паломничества архимандрита Антонина (Капустина)».

Особую праздничность конференции придал подарок Императорскому Православному Палестинскому Обществу от Ульяновского (Симбирского) отделения ИППО и генерального директора группы компаний «Дворцовый ряд» М.Н. Урясова — портрет архимандрита Антонина (Капустина) работы художника Николая Антонова. Эту картину представили председатель Отделения Н.С. Гудень и М.Н. Урясов, выступивший в роли благотворителя.

К 170-ЛЕТИЮ
РУССКОЙ ДУХОВНОЙ
МИССИИ В ИЕРУСАЛИМЕ

ПРАЗДНОВАНИЕ 170-ЛЕТИЯ РУССКОЙ ДУХОВНОЙ МИССИИ В ИЕРУСАЛИМЕ В ОКТЯБРЕ 2017 г.

С. Ю. Житенёв

Праздничные мероприятия, посвящённые 170-летию основания Русской Духовной Миссии, прошли в Иерусалиме и на подворьях Миссии в Святой Земле с 20 по 23 октября 2017 г.

Накануне торжеств, главный соборный храм русского присутствия в Святой Земле, Троицкий собор в Иерусалиме, украсили девять новых икон, специально написанных к юбилею и доставленных из России в Иерусалим. Центральное место среди новых икон занимают образ Сошествия Святого Духа на апостолов и Иерусалимский образ Пресвятой Богородицы. На других иконах — образы святителя Николая, архиепископа Мир Ликийских Чудотворца, преподобного Сергия, игумена Радонежского Чудотворца, святителя Феофана, затворника Вышенского, страстотерпца Царя Николая, праведной Анны, матери Пресвятой Богородицы, преподобной Евфросинии, игумении Полоцкой, и преподобномученицы Великой Княгини Елисаветы Феодоровны.

Для участия в праздновании юбилея РДМ прибыла делегация Русской Православной Церкви во главе с митрополитом Крутицким и Коломенским Ювеналием, почётным членом ИППО. В составе делегации: Патриарший экзарх всея Беларуси митрополит Минский и Заславский Павел; митрополит Ярославский и Ростовский Пантелеимон; архиепископ Сурожский Елисей; vicарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси епископ Подольский Тихон; игумен Феофан (Лукьянов) и сопровождающие их лица. Кроме того, в состав делегации Русской Православной Церкви также вошли: руководитель Управления Московской Патриархии по зарубежным учреждениям, член Совета ИППО, епископ Звенигородский Антоний и архиепископ Берлинский и Германский Марк (Русская Православная Церковь Заграницей).

В праздновании 170-летия Русской Духовной Миссии в Иерусалиме приняли участие представители Императорского Православного

Палестинского Общества: Директор ИППО в Государстве Израиль Игорь Ашурбейли, делегация Вифлиемского отделения ИППО во главе с её председателем Даудом Матаром и паломническая группа Московского отделения ИППО, которую возглавлял иеромонах Никон (Белавенец).

20 октября 2017 г. в Малом тронном зале Иерусалимской Патриархии состоялась встреча членов делегации Русской Православной Церкви с Патриархом Святого града Иерусалима и всей Палестины Феофилом III. Первым слово взял глава делегации митрополит Ювеналий. Он передал Его Блаженству самые тёплые братские приветствия и благопожелания от Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла. «Его Святейшество благословил нас прибыть в Святую Землю на празднование 170-летия Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, — сказал митрополит Ювеналий. — Главное для нас — молитва, и поэтому мы, как и подобает паломникам, прямо из аэропорта направились к Вашему Блаженству, чтобы получить Ваше благословение совершить здесь, в Святом граде Иерусалиме, Божественную литургию на Гробе Господнем и в Троицком соборе Русской Духовной Миссии. Мы также надеемся на то, что все праздничные мероприятия, связанные с празднованием юбилея Миссии, пройдут под Вашим председательством, в особенности же Божественная литургия в воскресенье, 22 октября, которая имеет быть совершена в Троицком соборе. В этом году Русская Православная Церковь празднует 100-летие восстановления Патриаршества, и в связи с этим позвольте передать Вашему Блаженству наше горячее желание видеть и приветствовать Вас в России, в Москве, на этих знаковых торжествах. Русский народ всегда испытывал самые тёплые чувства к Матери Церквей, Церкви Иерусалимской, и поверьте, люди в России будут встречать Вас как Христа, входящего в Иерусалим». Затем, поблагодарив Патриарха Феофила за отеческую заботу о Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, в память об этой встрече митрополит Ювеналий передал Его Блаженству Казанский образ Пресвятой Богородицы, шитый бисером.

В ответном слове Патриарх Феофил поблагодарил высоких гостей за посещение и выразил искреннюю надежду на то, что и в дальнейшем братское сотрудничество Русской и Иерусалимской Церквей будет развиваться и укрепляться. Затем Его Блаженство вручил членам делегации РПЦ искусно изготовленные перламутровые кресты и панагии. Во встрече приняла также участие паломническая группа Московского отделения ИППО, которая преподнесла Патриарху Феофилу от имени Председателя ИППО С.В. Степашина гжельское блюдо с символикой Общества.

В тот же день делегация Русской Православной Церкви посетила русский на Елеоне Спасо-Вознесенский женский монастырь. У ворот обители делегацию встречали архиепископ Берлинский и Германский Марк (Русская Православная Церковь Заграницей), Начальник РДМ Русской

Православной Церкви Заграницей архимандрит Роман (Красовский), настоятельница обители игуменья Варвара (Новикова), духовенство и сёстры обители. В главном храме обители иерархи Русской Православной Церкви МП и Русской Православной Церкви Заграницей совместно совершили панихиду на могиле приснопамятного собирателя русских земель в Святой Земле, создателя «Русской Палестины» архимандрита Антонина (Капустина). Затем с приветственной речью к высоким гостям обратился архиепископ Берлинский и Германский Марк, который поблагодарил митрополита Ювеналия и членов делегации за тёплую память об отце Антонине и вручил иерархам Русской Православной Церкви памятные медали в честь 200-летия со дня рождения архимандрита Антонина (Капустина). В ответном слове митрополит Ювеналий подчеркнул радость и ценность совместной молитвы, плодами которой после объединения двух ветвей Русской Церкви могут пользоваться все православные люди, и подчеркнул, что основания Русской Палестины, которые положил архимандрит Антонин в Святой Земле, являются основаниями прочными, незбылемыми, на которых будущие и настоящие труженики Русской Духовной Миссии в Иерусалиме могут безбоязненно строить будущее русского присутствия на Ближнем Востоке.

Утром 21 октября делегация иерархов Русской Православной Церкви посетила участок РДМ в Хевроне. Здесь у главной святыни этих мест — Мамврийского дуба — глава делегации митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий совершил краткий молебен. Затем митрополит Ювеналий совершил чин освящения обновлённой часовни в честь Святой Троицы, расположенной поблизости от алтаря храма. Во время посещения паломнической группой МО ИППО русского православного мужского монастыря во имя Святой Троицы в Хевроне, подворья Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, были в торжественной обстановке вручены членский билет ИППО и знак Общества иеромонаху Парфению (Шапанову), настоятелю обители.

Затем делегация РПЦ посетила базилику Рождества Христова в Вифлееме. У входа в храм главу делегации и её членов встречал Патриарший местоблюститель Патриарха Святого града и всей Палестины в Вифлееме архиепископ Иорданский Феофилакт и духовенство храма. Члены делегации проследовали в пещеру Рождества и с пением рождественских песнопений поклонились Великой христианской святыне — месту Рождества Христова. Далее члены делегации посетили паломнический дом Русской Духовной Миссии «Pilgrim Residence», расположенный поблизости от базилики Рождества Христова. Здесь в честь высоких гостей из России был дан торжественный приём, на котором присутствовали мэр Вифлеема Антон Салман, представитель Российской Федерации при Палестинской Национальной Администрации А.Р. Аганин, представители администрации,

силовых структур и христианских общин Вифлеема. Во время посещения паломнической группы Московского отделения ИППО Вифлеема, прошла встреча руководителя группы иеромонаха Никона и заместителя председателя МО ИППО С.Ю. Житенёва с председателем Вифлеемского отделения Общества Даудом Матаром.

22 октября 2017 г. Божественную литургию в Троицком соборе Русской Духовной Миссии в Иерусалиме возглавил Патриарх Иерусалимский Феофил III. Его Блаженству сослужили члены делегации Русской Православной Церкви, прибывшие на торжества, и иерархи Иерусалимского Патриархата: митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий, Патриарший экзарх всея Беларуси митрополит Минский и Заславский Павел, митрополит Ярославский и Ростовский Пантелеимон, митрополит Еленопольский Иоаким (Иерусалимский Патриархат), генеральный секретарь Иерусалимской Патриархии архиепископ Константинский Аристарх (Иерусалимский Патриархат), архиепископ Берлинский и Германский Марк (Русская Православная Церковь Заграницей), архиепископ Сурожский Елисей, викарий Патриарха Московского и всея Руси епископ Подольский Тихон, руководитель Управления Московской Патриархии по зарубежным учреждениям епископ Звенигородский Антоний, Начальник Русской Духовной Миссии в Иерусалиме архимандрит Александр (Елисов), начальник сектора протокола ОВЦС игумен Феофан (Лукьянов), клирики Миссии и многочисленное духовенство.

По окончании богослужения делегация иерархов Русской Православной Церкви в сопровождении Иерусалимского Патриарха Феофила и всего сонма духовенства направилась крестным ходом в Сергиевское подворье в Иерусалиме, где их ждало знакомство с фотовыставкой «Русское присутствие в Святой Земле», подготовленной при содействии Благотворительного фонда имени святителя Григория Богослова, Издательства Московской Патриархии и Государственного музея истории религии.

Патриарх Святого града Иерусалима и всей Палестины Феофил, делегация РПЦ и почётные гости приняли участие в торжественной трапезе на территории Сергиевского подворья. На трапезе с приветственной речью от имени Императорского Православного Палестинского Общества и его Председателя С.В. Степашина выступил Директор ИППО в Государстве Израиль И.Р. Ашурбейли. Он поздравил Русскую Духовную Миссию в Иерусалиме с юбилеем и вручил начальнику миссии архимандриту Александру (Елисову) ценный подарок.

В канун 170-летия Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Председатель Императорского Православного Палестинского Общества С.В. Степашин направил поздравление архимандриту Александру (Елисову), начальнику Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, члену Совета ИППО:

«Ваше Высокопреподобие!

От имени Императорского Православного Палестинского Общества от всей души приветствую и с радостью поздравляю со 170-летием основания Русской Духовной Миссии в Иерусалиме Вас и всех членов РДМ! Учреждение в 1847 году Русской Духовной Миссии в Иерусалиме стало первым и важнейшим шагом Российской империи по поддержанию Православия на Святой Земле, развитию братских отношений с Иерусалимской Православной Церковью, а также по оказанию помощи русским паломникам.

Среди начальников Миссии, созидателей Русской Палестины в XIX веке, мы видим величественные фигуры епископа Порфирия (Успенского), святителя Феофана Затворника, епископа Кирилла (Наумова), архимандрита Антонина (Капустина) и многих других замечательных церковных людей, потрудившихся в Святой Земле.

В 1860–1864 гг. было построено здание Русской Духовной Миссии в Иерусалиме, в котором 28 июня 1864 года был освящён первый русский храм в Святой Земле во имя святой мученицы царицы Александры. В 1863 году был построен, а в 1870 году освящён Свято-Троицкий храм в Иерусалиме, соборный храм Русской Духовной Миссии. Наибольшего расцвета своей деятельности Миссия получила в период, когда её начальником был архимандрит Антонин (Капустин) (1869–1894), чьё 200-летие со дня рождения мы отмечаем в этом году. При нём были приобретены многочисленные участки, на которых впоследствии возникли русские монастыри и храмы на Святой Земле.

В 1882 году было создано Императорское Православное Палестинское Общество по монаршей воле Императора Александра III и общественной инициативе выдающихся русских людей того времени, в том числе Начальника РДМ в Иерусалиме архимандрита Антонина (Капустина). С того времени совместная деятельность ИППО и Русской Духовной Миссии в Святой Земле плодотворно развивалась. Благодаря этому десятки и сотни тысяч русских богомольцев смогли поклониться святым местам Вселенского Православия во второй половине XIX — начале XX вв. Почётными членами ИППО состояли в разное время почти все начальники РДМ, в том числе епископ Порфирий (Успенский), архимандрит Леонид (Кавелин), архимандрит Антонин (Капустин), архимандрит Леонид (Сенцов). К 1914 году Русская Духовная Миссия в Иерусалиме владела 37 участками, восемью храмами и несколькими часовнями, двумя женскими монастырями.

После окончания Первой мировой войны Русская Духовная Миссия в Иерусалиме, благодаря невероятным усилиям русского

монашества, была сохранена, правда, с большими потерями. В настоящее время Миссия переживает расцвет своей деятельности, она представляет Русскую Православную Церковь при Патриархе Иерусалимском, а также перед государственными структурами Израиля, Палестинской Автономии и Иордании. Кроме этого, Миссия — это центр пастырского попечения о русскоговорящих православных верующих, проживающих на территории этих трёх государств. РДМ принимает и окормляет русских православных паломников, прибывающих в Иерусалим.

Мы уверены, что Русская Духовная Миссия в Иерусалиме вместе с ИППО будут и в дальнейшем совместно отстаивать интересы русского духовного присутствия на Святой Земле, собирая по крупицам когда-то утраченное наследие Русской Палестины».

Вечером того же дня состоялся торжественный вечер в честь 170-летия основания Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. В его рамках была показана премьера документального фильма «170 лет служения в Святой Земле» и выступление хора сестёр Горненского женского монастыря.

23 октября 2017 г. в рамках юбилейных торжеств состоялось заседание Иерусалимского православного семинара, которое прошло в помещении Сергиевского подворья в Иерусалиме. Семинар возглавили: диакон Роман Гультяев и директор Научно-издательского центра «Индрик» К.А. Вах. С докладами выступили: Л.А. Беляев, известный российский археолог и историк искусства, член-корреспондент РАН, действительный член ИППО, и член Совета Московского отделения ИППО К.А. Вах. В ходе работы семинара прошла интересная научная дискуссия, в которой приняли участие члены паломнической группы Московского отделения ИППО и сёстры Горненского монастыря.

ИСТОРИЯ и СОВРЕМЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИППО

IV ОТЧЁТНО-ВЫБОРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ИППО И ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ В ЧЕСТЬ 135-ЛЕТИЯ ОБЩЕСТВА

С. Ю. Житенёв

02 июня 2017 г., в Москве в Храме Христа Спасителя прошла IV отчётно-выборная Конференция Императорского Православного Палестинского Общества, приуроченная к 135-летию ИППО. По данным Мандатной комиссии, на Конференцию было избрано 190 делегатов от 41 регионального отделения в Российской Федерации и 30 делегатов из 14 зарубежных отделений Общества. На конференцию прибыл 161 делегат от 38 региональных отделений из России и 27 делегатов от 28 зарубежных отделений, в том числе из стран ближнего зарубежья, государств Ближнего Востока, стран Средиземноморья и Европейского Союза. В работе Конференции приняли участие в качестве делегатов и гостей руководители и сотрудники Министерства иностранных дел РФ, Министерства юстиции РФ, Министерства внутренних дел РФ, депутаты Государственной думы России, Священноначалие Русской Православной Церкви, представители научной, образовательной и культурно-просветительской общественности. После избрания рабочих органов IV отчётно-выборная конференция ИППО, слово было представлено митрополиту Крутицкому и Коломенскому Ювеналию, почётному члену ИППО.

Открывая Конференцию как старейший член ИППО митрополит Ювеналий, сказал: «Мы собрались сегодня на Конференцию, которой предстоит, окинув мысленным взором историю Императорского Православного Палестинского Общества в связи с его 135-летием, подвести итоги его недавней деятельности, а также провести выборы Председателя нашей организации. На Руси издревле сформировалась традиция, выражавшаяся в устремлённости православной души к Святой Земле. В начале XII века игумен Даниил, совершивший паломничество в Палестину, писал: «Испытывает всякий христианин огромную радость, видя святой город Иерусалим, и слёзы льются тут у верных людей. Никто ведь не может не прослезиться, увидев

эту желанную землю и видя святые места, где Христос Бог наш претерпел страсти ради нас, грешных». Поэтому без преувеличения можно сказать, что чаяниям русских паломников соответствовали создание Русской Духовной Миссии в Иерусалиме и образование в 1882 году Императорского Православного Палестинского Общества. Его история столь же драматична, как и история нашего Отечества. После начала гонений на веру и Церковь деятельность Общества была в значительной степени парализована, а само оно расколото на отечественную и зарубежную части. В Советском Союзе Общество перешло в ведение Академии наук, что позволило в определённой мере продолжить исследовательские изыскания и не допустить полного прерывания исторической преемственности. С наступлением в России религиозной свободы произошли перемены и в деятельности нашего Общества, которому в 1992 году были возвращены как его историческое наименование, так и имевшиеся до 1917 года права. С тех пор минуло 25 лет, в течение которых ИППО была проделана огромная работа в самых разных областях. Это касается возвращения и реставрации Сергиевского подворья в Иерусалиме, разнообразных издательских проектов, в рамках которых увидели свет, как научные публикации, так и паломническая литература...

Сегодня Общество работает в весьма сложных условиях, когда христиане являются на Ближнем Востоке жертвами фактического геноцида, мирные жители региона страдают от ожесточённых военных действий и террористических актов. Остаётся неурегулированным и израильско-палестинский конфликт. Все эти обстоятельства требуют большого такта и мудрости, необходимых для того, чтобы внести вклад в снижение напряжённости и укрепления дружественных отношений между народами. С этой задачей с успехом справляется обладающий выдающимися организаторскими способностями Сергей Вадимович Степашин, который на протяжении последних десяти лет является Председателем нашего Общества. Он известен также как человек верующий, радеющий о возрождении порушенных святынь и стремящийся всемерно содействовать возрождению церковной жизни и духовному оздоровлению народа. Мне как представителю Русской Православной Церкви дорого то, что, благодаря усилиям Сергея Вадимовича, Императорское Православное Палестинское Общество стало добрым помощником Церкви не только в Палестине, но и на Родине. Палестинским Обществом пройден длительный и многопользительный путь. Хочу выразить надежду, что труды наши будут продолжаться и впредь, содействуя всестороннему укреплению духовных связей России со Святой Землёй».

Затем с докладом об итогах работы Общества за пятилетний отчётный период выступил Председатель ИППО С.В. Степашин. Он отметил, что конференция проходит в год, связанный с целым рядом знаменательных дат в жизни Общества, и подробно остановился на всех аспектах его

деятельности. В частности, он отметил, что деятельность ИППО с момента его создания в 1882 г. в известном смысле ориентирована на ближневосточное зарубежье — Палестину, Израиль, Ливан, Сирию, Иордан, и это вполне объяснимо. ИППО исторически связано с Ближним Востоком, с народами, населяющими этот важный для судеб мира регион, называемый ещё землёй трёх религий. ИППО всегда служило благородным целям, реализуемым на Святой Земле, утверждая исключительно мирную созидательную позицию России в Библейском регионе. Сегодня Россия полноценно вернулась на Святую Землю. За последние годы Президент России В.В. Путин подписал два поручения, касающиеся присутствия России на Святой Земле. В результате Сергиевское подворье в Иерусалиме возвращено России. Сейчас ведётся работа по возвращению других объектов, ранее принадлежавших Обществу. Построена русская школа в Вифлееме, открыт Российской центр науки и культуры, оказана помощь в ремонте больницы, отреставрированы две улицы, названные именами российских президентов, действует музейно-парковый комплекс в Иерихоне. «Важно ещё заметить, — подчеркнул С.В. Степашин, — что ИППО изначально осуществляло образовательные, гуманитарные и просветительские миссии, тем самым завоевала в регионе высокий авторитет и исключительно надёжную репутацию. Восстанавливая позиции ИППО в регионе, мы опираемся на этот богатый опыт, на наши традиции. Не случайно у Общества высокая степень доверия на Ближнем Востоке и сейчас.

За десять лет работы в качестве Председателя ИППО у меня сложились очень хорошие контакты с лидерами ближневосточных государств, с их послами в нашей стране. «Домом Палестины» называет Махмуд Аббас, руководитель Государства Палестины, наш Центр ИППО в Москве, он бывал здесь. В мае этого года состоялась очередная встреча с ним в Москве. Мне приходилось встречаться также с премьер-министром Израиля Биньямином Нетаньяху, а также с президентом Сирийской Арабской Республики Башаром Асадом. У нас состоялись встречи с папой Римским Франциском ещё в 2014 г., постоянны контакты с Патриархами восточных Церквей, лидерами мусульманских и христианских общин».

Далее он отметил, что Общество как неправительственная старейшая в России международная организация в качестве «мягкой силы», проводника общественной дипломатии набирается опыта и уже добивается значимых результатов. ИППО возвышает свой голос на международных площадках — в Совете ООН по правам человека, ОБСЕ, Совете Европы, участвует в конференциях и других мероприятиях, привлекая внимание мировой общественности к трагическому положению христиан не только на Ближнем Востоке, но и в Европе. С марта 2013 г. по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла ИППО оказывает гуманитарную помощь страдающему народу Сирии. Не только

христианам, но и мусульманскому населению через духовных лидеров этой страны. На сегодня туда доставлено пятнадцать партий гуманитарных грузов. С.В. Степашин в своём выступлении подробно рассказал поездке в Сирию и Ливан в апреле 2017 г. В правительственном комплексе в Дамаске прошла встреча делегации ИППО с председателем Совета министров Сирии Имраном Хамисом, в ходе которой обсуждались гуманитарные вопросы, задачи по улучшению социальной жизни сирийского народа. Премьер САР выразил признательность ИППО за оказываемую гуманитарную помощь населению, поддержку образовательной системы в Сирии. Делегация ИППО побывала в районе «Новый Дамаск», где осмотрела участок, выделенный сирийским руководством под строительство русской общеобразовательной школы.

В Ливанской Республике состоялась встреча с Президентом Ливанской Республики Мишелем Ауном. В Баламандской резиденции членов делегации принял Патриарх Антиохийский и всего Востока Иоанн X. Это не первый визит и не первые встречи с Патриархом Антиохии и всего Востока Иоанном X, который был удостоен высшей почётным знаком ИППО — орденом «Вифлеемская Звезда». В ходе встречи Антиохийскому Патриархату был передан денежный благотворительный взнос ИППО для поддержки сирийских беженцев-христиан.

По итогам поездки было принято решение о создании в Ливане отделения Общества. Войти в состав отделения старейшей международной организации изъявляли желание многие члены ливанского парламента, известные общественные деятели этой страны, которые высоко оценивают роль России на Ближнем Востоке, историческую и современную деятельность ИППО в этом регионе и стремятся укреплять дружественные связи между нашими странами и народами.

«Эти яркие примеры, — сказал в своём докладе С.В. Степашин, — как нельзя лучше подтверждают правило: чтобы успешно работать за рубежом, нужно уверенно опираться на поддержку общественных и государственных организаций, передовую интеллигенцию, прогрессивных политиков и, конечно же, отделений и представительств ИППО как внутри страны, так за её пределами. Сейчас у нас более 20 представительств и отделений за рубежом. При поддержке министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова мы открыли отделение ИППО в Иордании, в Бари (Италия). В Сербии мы открыли совместно с отделением Общества русскую школу имени Валентины Терешковой, приурочив это событие к юбилею великой гражданки России, первой в мире женщины-космонавта».

В конце марта нынешнего года, рассказал докладчик, в резиденции Чрезвычайного и Полномочного посла Федеративной Республики Германия в Российской Федерации Рюдигера фон Фрича прошла встреча, посвящённая Великой Княгине Елизавете Фёдоровне. Цель подобных вечеров,

уже ставших визитной карточкой посольства Германии, — обсудить роль и восприятие выдающихся исторических личностей германо-российских отношений сегодня, а также побеседовать об их наследии для будущего.

«Как видите, мы уже вышли сегодня за пределы нашего исторического ареала — Ближнего Востока. Наши новые представительства налаживают диалог в таких важных регионах, как страны СНГ и Балканы. Особенно ярко это проявляется в дружественной нам Армении, — отметил Председатель ИППО. — Опираясь на этот крепкий фундамент, мы сможем в ближайшее время значительно нарастить наши возможности и стать проводником российской культуры в этих регионах».

В своём докладе С.В. Степашин также подробно остановился на паломнической деятельности, которая ведётся Обществом. Заключено и действует соглашение по паломнической деятельности с Министерством культуры Российской Федерации. В июле 2016 г. начал работать Паломнический центр ИППО «Святая Земля», а в конце ноября в Калуге на семинаре руководителей региональных отделений ИППО были обсуждены основные направления паломнической деятельности Общества. С.В. Степашин подчеркнул необходимость развития внутреннего туризма и паломничества и сообщил, что в настоящее время разработаны программы по приёму паломнических групп в Москве и Санкт-Петербурге. Ведутся переговоры о приёме групп из Ливана, Греции, Палестины. За отчётный период было организовано пребывание и проведена экскурсионно-паломническая недельная программа делегации Болгарского ИППО в Москве, двухдневная специальная паломническая поездка для членов Нижегородского отделения ИППО и врачей городской больницы по местам Москвы и Подмосковья, связанным с именем второго Председателя ИППО Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны, много других мероприятий.

Председатель ИППО также отметил, что учёные и специалисты, члены Общества активно принимали участие в научной и просветительской деятельности, как в России, так и за рубежом. Научная секция Общества работает достаточно активно, то, что подготовлено и что готовится, заслуживает большого одобрения. В 2014 г. было торжественно отмечено 150-летие со дня рождения Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны. Были подготовлены и проведены выставки, конференции, состоялась поездка в Дармштадт, на её родину. В рамках подготовки этих мероприятий Научная секция Общества подготовила большое количество интересной литературы, которая доступна в Научной библиотеке ИППО.

1 ноября 2016 г., в день рождения Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны, прошли ежегодные XIX Елисаветинско-Сергиевские чтения, которые были посвящены увековечению памяти царской семьи. Они были организованы А.В. Громовой, членом Совета ИППО, председателем Наблюдательного совета фонда содействия возрождению традиций милосердия

и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество». Совсем недавно по инициативе того же фонда и Военно-исторического общества в Кремле был возвращён на своё историческое место в том виде, в каком он когда-то существовал, памятный крест Великому Князю Сергию Александровичу, уничтоженный в 1918 г. Освящение его произвёл Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, на открытии выступил Президент России В.В. Путин. Работа по увековечению памяти Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны будет продолжена.

В марте 2016 г., в день рождения секретаря ИППО, выдающегося церковного учёного А.А. Дмитриевского, в Астраханском государственном университете состоялась научно-практическая конференция, в которой приняли участие члены Астраханского и Московского отделений ИППО. В конце марта 2016 г. в Институте востоковедения РАН прошла конференция «Научное наследие академика Е.М. Примакова и проблемы современного Востока». Евгений Максимович, который был одним из самых блестящих и образованных востоковедов, многие годы являлся почётным членом Императорского Православного Палестинского Общества. В сентябре 2016 г. в рамках торжеств, приуроченных к празднованию 1000-летия присутствия русских монахов на Афоне, состоялась по благословению Святейшего Патриарха Кирилла Международная научная конференция «Русь — Святая Гора Афон: тысяча лет духовного и культурного единства», в которой активное участие приняли члены ИППО.

В декабре 2016 г. на телевизионном канале «Культура» прошёл премьерный показ документального фильма «Сирия: здесь был рай», снятого членом ИППО кинорежиссёром И.И. Калядиным при поддержке Общества и вызвавшего огромный общественный резонанс. В 2015 г. был издан православный путеводитель «Святая Земля: история и наследие», написанный заместителем Председателя ИППО Н.Н. Лисовым. В начале апреля 2017 г. вышло его второе издание, потому что путеводитель пользуется большой популярностью у православных паломников.

В настоящее время Н.Н. Лисовой готовит 6-томное издание, посвящённое Святой Земле, при поддержке И.Р. Ашурбейли два тома уже вышли, и мы планируем презентацию третьего тома в 2018 г. В отчётный период ежегодно выходил Православный Палестинский Сборник — старейшее отечественное издание. Все эти годы работала группа учёных ИППО во главе с Н.Н. Лисовым над научной монографией «ИППО в Москве», которая увидела свет накануне конференции. В преддверии 135-летия ИППО издан также уникальный альбом старинных фотографий из собрания Общества, которые в настоящее время хранятся в Государственном музее истории религии в Санкт-Петербурге.

«В прошлом году в Москве, в Центре ИППО, открылась научная библиотека Общества, основу которой составила личная библиотека Ярослава

Николаевича Шапова, — сказал в своём докладе С.В. Степашин. — Мы расширяем нашу библиотеку, расширяем архивы. В этом году открываем библиотеку в Сергиевском подворье в Иерусалиме. Сохранился уникальный архив, который был в Сергиевском подворье до 1964 г., до так называемой «апельсиновой сделки», когда Хрущёв за бесценно отдал эту собственность. Я думаю, что есть и другие варианты воссоздания этой одной из лучших научных библиотек. Бывший министр связи, член ИППО Леонид Рейман взялся за то, чтобы создать на Сергиевском подворье в Иерусалиме уникальный интерактивный музей».

Председатель ИППО отметил, что в отчётный период была создана Культурно-просветительская секция, которую возглавил О.Г. Пересыпкин, старейший член Общества, которым он руководил более десяти лет и при котором ИППО вернуло себе своё историческое название. Члены секции с большим вниманием относятся к работе российско-крымской археологической экспедиции, которая работает в Керчи. Руководит экспедицией профессор Винокуров, заведующий кафедрой древнего мира и средних веков Московского государственного педагогического университета. Очень активно в этой работе помогают молодёжные экспедиции. Члены и руководство секции с большим вниманием относятся к работе творческой молодёжью из института имени Сурикова. Группа студентов посетила Святую Землю, молодые художники подготовили выставку картин о Ближнем Востоке. К 90-летию английской Королевы Елизаветы II от ИППО был отправлен подарок — набор марок об ИППО и знак Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны, которая состояла в ближайшем родстве с английской королевской династией. Королева получила этот подарок и с благодарностью нам ответила.

Действительные члены ИППО в регионах России изучают историю отделов Палестинского Общества и судьбы его членов. На это направлен совместный проект ИППО и благотворительного фонда «Возрождение культурного наследия», возглавляемого А.Н. Паниным и С.Я. Ваксманом под названием «Возвращение памяти». Большое участие принимает в проекте наместник Вознесенского Печерского мужского монастыря архимандрит Тихон (Затекин). Этот проект открывает нам не только забытые имена и судьбы дореволюционных членов, но и места их последнего пристанища, способствует увековечению их памяти путём установки мемориальных досок, издания книг (к примеру, памятные доски на могилах Хитрово и Тураева). В Нижнем Новгороде в упомянутом мужском монастыре, в собственном музее, открыта экспозиция, посвящённая Обществу.

В Николо-Берлюковской обители под Москвой игумен Евмений открыл Церковно-исторический кабинет, где читают лекции о членах ИППО, активно работают с архивами. В монастыре открыта первая в России Романовская аллея, и 8 июня 2017 г. состоится открытие памятника Великому

Князю Сергию Александровичу. С.В. Степашин пригласил участников конференции принять участие в этом мероприятии. В Нижнем Новгороде и Николо-Берлюковском монастырях установлены бюсты Российским Императорам и Великим Князьям. Таким образом, появились две Романовских аллеи славы. Стало традиционным вручение премий имени Великого Князя Сергия Александровича и Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны, инициатором учреждения и проведения которых стало Московское областное отделение ИППО, возглавляемое Ю.П. Смирновым.

Далее С.В. Степашин остановился на важном мероприятии, которое прошло в феврале 2017 г. в Зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя по благословению Святейшего Патриарха Кирилла, — конференции «Февраль. Трагедия. Уроки истории. 1917 год», организованная ИППО совместно с Фондом Людвига Нобеля. «По сути дела, мы начали рассказ, дискуссии о трагических событиях февраля 1917 года, — сказал он. — Выступали выдающиеся учёные, представители общественности, зарубежья, Это было одно из самых сильных и в эмоциональном, и в содержательном плане мероприятий, посвящённых 100-летней дате».

С.В. Степашин также остановился на работе Молодёжной секции ИППО, которая создана полтора года назад. Она активно сотрудничает с Синодальным отделом религиозного образования и катехизации, Отделом по делам молодёжи Московской городской епархии, общественной организации Парламентская лига, Общественным центром ИППО по защите христиан на Ближнем Востоке. Молодёжные программы и мероприятия осуществлялись за отчётный период в Калужском, Московском, Московском областном, Новгородском, Ростовском, Тверском и Ульяновском отделениях Общества. Нижегородское отделение ИППО вот уже несколько лет ежегодно проводит Межрегиональный молодёжный конкурс творческих и исследовательских работ «Ветка Палестины» для студентов и школьников, посвящённый русскому присутствию на Святой Земле. «Перспективы работы Молодёжной секции, — отметил С.В. Степашин, — должны быть одной из главных, а может быть, и главной задачей на предстоящие несколько лет. Мне бы хотелось, чтобы наше Общество было молодым. Кто-то мне говорил в ходе дискуссий: зачем нам студенты, у нас не было таких традиций. Великому Князю Сергию Александровичу, когда он возглавил Общество, было 25 лет. Я выступал в этом году в пяти вузах, и везде молодёжь проявляет огромный интерес к истории, к истокам, к вере. Я обращаюсь к региональным отделениям Общества, к представителям Русской Православной Церкви, к себе самому: давайте все вместе обратим внимание на молодёжь. Я знаю, что у Святейшего Патриарха такая же точка зрения».

С.В. Степашин отдельно остановился на работе региональных отделений Общества. Он отметил, что активную деятельность за последние три года вели: Московское, Нижегородское, Башкирское и Калужское, Московское

областное, Екатеринбургское, Курганское отделения Общества. В частности он отметил, что в Калуге проводится много мероприятий, связанных с развитием религиозного туризма. Одним из начинаний Московского отделения Общества в отчётный период стали первые шаги в деле социального паломничества. Большую благотворительную деятельность за отчётный период вели Московское областное, Пермское, Псковское и Ростовское отделения ИППО. По инициативе Московского отделения ИППО и при поддержке московских храмов и монастырей в Москве состоялся сбор православной литературы для жителей Донбасса. Было собрано и отправлено в ДНР большое количество книг, среди которых русская классическая литература, учебники, богословские и научные труды. Московское отделение ИППО совместно с другими российскими организациями уже несколько лет осуществляет сбор и поставку гуманитарной помощи в Палестину и Сирию. В Псковском отделении члены Общества собрали деньги, на которые отлили колокол и воздвигли его на колокольню храма во имя Святителя Николая Чудотворца, построенного в XIV в. в Изборской крепости. Этот факт благотворительности во имя сохранения культурного наследия заслуживает большого уважения. Разностороннюю научную и издательскую деятельность за отчётный период вели: Астраханское, Ивановское, Московское, Московское областное, Костромское, Калужское, Новгородское, Новосибирское, Орловское, Петербургское, Пермское и Ростовское отделения. Активная научная деятельность Пермского отделения проявилась в подготовке и публикации многочисленных монографий и научных статей об Обществе, большую работу в этом направлении ведут Екатеринбургское и Курганское отделение ИППО в рамках юбилейных мероприятий, отмечаемых в этом году. Губернатор Курганской области объявил этот год годом Антонина (Капустина), и в конце августа этого года планируются мероприятия на родине основателя Русской Палестины с участием Святейшего Патриархе Кирилла. С.В. Степашин поблагодарил региональные отделения за проводимую работу, но вместе с тем отметил, что некоторые из них ещё не наладили свою работу.

В заключение своего доклада С.В. Степашин сформулировал задачи Императорского Православного Палестинского Общества на ближайшие пять лет, на которых уже останавливался в ходе своего выступления: просвещение, возвращение российской собственности за рубежом, работа с молодёжью, защита христианства и христианских ценностей не только на Ближнем Востоке, но и в Европе, в том числе в России. Все эти задачи подробно изложены в Резолюции конференции.

Затем с докладом выступила заместитель Председателя ИППО Е.А. Агапова, которая остановилась на важнейших аспектах международной деятельности ИППО, в том числе теме защиты христиан на Ближнем Востоке. Она отметила, что многие страны не только на Ближнем Востоке

хотят сегодня сотрудничать с ИППО в этом направлении. Она сказала, что С.В. Степашин имеет прямые контакты с лидерами многих ближневосточных государств, которые высоко оценивают усилия ИППО на гуманитарном направлении и поддержке деятельности по защите христиан. Е.А. Агапова подчеркнула, что для Общества стал принципиальным вопрос оказания гуманитарной помощи страдающему народу Сирии.

Выступившая затем член Совета ИППО, президент Фонда исторической перспективы, Н.А. Нарочницкая, остановилась на крупнейших цивилизационных проблемах, с которыми столкнулось человечество в последние годы и которые, так или иначе, оказываются в сфере деятельности ИППО. В частности, проблема защиты христианских ценностей, православной веры не только на Ближнем Востоке, но и во всём мире. Она отметила, что поступательное выдавливание христианской морали и традиций из общественного сознания приводит не только к ускоренной дехристианизации социума и образованию духовно-религиозного вакуума, но также готовит почву для глубокого цивилизационного кризиса. Утраченный смысл исторического бытия для России и для Европы, отметила Н.А. Нарочницкая, можно обрести лишь на пути объединения усилий христиан Запада и Востока Европы и ИППО с его огромным кадровым профессиональным потенциалом.

На работе региональных отделений Общества подробно остановился заместитель Председателя ИППО С.Л. Байдаков. В частности, он отметил, что большинство отделений Общества имеют содержательные программы своей деятельности, несмотря на то, что все они разные и по численному составу, и по времени работы. Так, активно включилось в работу созданное всего год назад Курганское отделение. Он рассказал о примерах интересных начинаний на местах. К примеру, в результате сотрудничества Пермского отделения ИППО с Пермской государственной краевой библиотекой имени А.М. Горького было возобновлено издание «Пермского сборника», который в XIX веке издавал Д.Д. Смышляев. Московское областное отделение ИППО продолжило реализацию программы «Возвращение памяти: история ИППО в регионах». На сегодняшний день выявлено, обследовано, описано более 117 погребений членов Императорского Православного Палестинского Общества. Все эти погребения внесены в базу данных, которая предусматривает составление карточки на каждое погребение с описанием надгробной плиты, самой могилы, фотографий и подробной географической привязки на местности. Программой предусмотрено и установление памятных досок, повествующих о делах почивших людей на благо Родины. С.Л. Байдаков особо отметил работу Ульяновского, Нижегородского, Екатеринбургского, Ростовского и других отделений Общества. Вместе с тем сказал, что содержательная работа не ведётся в таких отделениях, как Белгородское, Оренбургское, Томское, Иркутское, Коми и ряде других.

В каждом из этих отделений есть свои причины остановки деятельности, которые связаны с разными обстоятельствами. «Тем, у кого обстоятельства объективные, будем помогать, — сказал он, — а в отношении тех, кто самоустранился от активной деятельности, будем использовать все меры, определённые Уставом ИППО, для исправления положения».

Председатель Нижегородского отделения ИППО, член Совета МОО ИППО О.А. Колобов отметил в своём выступлении, что Отделение в настоящее время насчитывает 120 человек, оно второе по численности в Обществе и имеет самое большое представительство священства Русской Православной Церкви. Отделение работает в рамках триады Государство — Церковь — Общество, и это позволяет добиваться хороших результатов. Он сказал, что в последнее время приобретает всё большее значение усилия научного сообщества, которое всегда работало активно. Он отметил уникальную атмосферу, которая сложилась в ИППО, и которая помогает в деятельности.

В своём выступлении председатель Ульяновского отделения ИППО Н.С. Гудень поддержала изменения, вносимые в Устав ИППО. Она также подробно остановилась на культурно-патриотических, культурно-исторических проектах, реализуемых Отделением. Так, Международный культурно-исторический цикл «Православная Россия–2017», который проходит в этом году, посвящён жизни и подвигу Великого Князя Сергия Александровича. В Ульяновской области прошло уже четыре презентации этого проекта, в который входит выставка «Православная Россия — 2017 глазами современника».

На подготовке к празднованию юбилея архимандрита Антонина (Капустина), которое состоится на его родине в Курганской области, подробно рассказал в своём выступлении председатель Курганского отделения ИППО А.А. Брюханов. Он поблагодарил Председателя ИППО за поддержку в подготовке к проведению масштабных мероприятий, которые пройдут в год архимандрита Антонина (Капустина) в Курганской области. В апреле 2017 г. по инициативе отделения ИППО и Ассамблеи народов Зауралья состоялись благотворительные концерты русской духовной и народной музыки, посвящённой памяти архимандрита Антонина (Капустина). Во многих учебных заведениях Курганской области совместными усилиями Курганской и Шадринской епархий и членов ИППО проводятся образовательные программы. А.А. Брюханов подчеркнул, что курганцам предстоит ещё огромная работа по увековечению памяти выдающегося земляка.

Делегаты конференции заслушала отчёт Ревизионной комиссии ИППО, который представил её руководитель В.А. Двуреченских. Он сообщил, что деятельность Общества ведётся в соответствии с Уставом и законодательством, ведущаяся бухгалтерско-финансовая отчётность в целом даёт

адекватное представление о доходах и расходах. Он отметил значительный рост доходов Общества за последние пять лет, что объясняется не только поступившими крупными благотворительными вкладами, но и ростом членских взносов за счёт заметного роста численности организации. Вместе с тем, значительно улучшилась структура расходов: 95 процентов средств направляется на решение уставных задач и только 5 процентов на содержание аппарата. В ходе ревизии были проверены все крупные проекты, реализуемые ИППО, нарушения не выявлены. Замечания по текущей деятельности были исправлены в ходе проверки.

По итогам голосования работа Совета ИППО была признана удовлетворительной. Делегаты единогласно проголосовали за переизбрание С.В. Степашина на должность Председателя Императорского Православного Палестинского Общества. Заместителями Председателя были избраны Е.А. Агапова, С.Л. Байдаков, М.Л. Богданов, А.В. Громова, Н.Н. Лисовой, митрополит Рязанский и Михайловский Марк, П.В. Стегний. Руководителями секций ИППО утверждены следующие члены Совета:

Международная секция — А.Н. Рудаков;

Научно-издательской секция — А.В. Назаренко;

Паломническая секция — О.А. Колобов;

Молодёжная секция — М.Е. Коровина;

Культурно-просветительская секция — О.Г. Пересыпкин.

На Конференции были избраны члены Совета ИППО и Попечительского совета ИППО, утверждён состав Ревизионной комиссии ИППО, приняты Положение о размере и порядке уплаты членами ИППО членских и иных имущественных взносов, Положение о порядке приёма в состав членов ИППО и исключения из состава его членов. Принят ряд изменений в Устав ИППО, связанных с необходимостью приведения его в соответствие с изменениями законодательства. С учётом необходимой редакционной доработки после состоявшегося обсуждения утверждена резолюция IV отчётно-выборной Конференции.

После небольшого перерыва в зале церковных соборов Храма Христа Спасителя состоялось Торжественное заседание в честь 135-летия ИППО. В торжественном заседании принял участие Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, возглавляющий Комитет почётных членов ИППО.

В президиуме заседания также присутствовали: Патриарший наместник Московской епархии митрополит Крутицкий и Коломенский Ювеналий; министр культуры Российской Федерации В.Р. Мединский; Председатель Императорского Православного Палестинского Общества С.В. Степашин; председатель Попечительского совета ИППО, председатель правления и президент ПАО «Транснефть» Н.П. Токарев.

С.В. Степашин приветствовал участников и огласил приветствие Президента Российской Федерации В.В. Путина.

«Дорогие друзья!

Сердечно поздравляю вас со 135-летием Императорского Православного Палестинского Общества — старейшей в нашей стране международной общественной организации.

С момента своего создания Общество играло особую роль в укреплении духовных связей России с государствами Ближнего Востока, в сбережении присущих Православию непреходящих исторических, культурных, нравственных ценностей, в поддержке паломничества к христианским святыням.

Для достижения этих высоких целей ИППО осуществляло серьёзную просветительскую, научную, благотворительную деятельность. Усилиями Общества на Святой Земле построены православные храмы и обители, десятки школ и больниц, организованы археологические и археографические экспедиции, выпуск уникальных книг и периодических изданий.

Отрадно, что сегодня эти подвижнические традиции получили дальнейшее развитие. Стараниями ИППО ведётся активная работа по расширению присутствия России на Святой Земле, возвращению принадлежащих Обществу объектов недвижимости, реализуются масштабные гуманитарные проекты.

И, конечно, самого глубокого признания заслуживает деятельное участие Императорского Православного Палестинского Общества в защите прав ближневосточных христиан, оказании действенной помощи народу Сирии.

Желаю вам успехов в востребованной и благородной миссии.

Владимир Путин».

Председатель Правительства Российской Федерации Д.А. Медведев направил приветствие в адрес участников торжественного юбилейного заседания по случаю 135-летия ИППО, который огласил Председатель ИППО С.В. Степашин.

Со словом к участникам заседания обратился Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. В дар Императорскому Палестинскому Обществу Святейший Владыка передал копию картины Г.И. Семирадского «Христос у Марфы и Марии». С.В. Степашин поблагодарил Святейшего Патриарха за участие в церемонии и преподнёс Его Святейшеству картину «Храм Гроба Господня», созданную Анастасией Артемовой, студенткой Московского академического художественного института имени В.И. Сурикова.

На торжественном заседании, посвящённом 135-летию ИППО, выступили:

- министр культуры России В.Р. Мединский;
- заместитель министра иностранных дел РФ М.Л. Богданов, который огласил текст приветствия министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова;

- министр туризма и исторического наследия Государства Палестина Рула Маайя, которая огласила приветствие Президента Государства Палестина Махмуда Аббаса;

- глава Российской и Ново-Нахичеванской епархии Армянской Апостольской Церкви архиепископ Езрас Нерсисян, который огласил приветствие Верховного Патриарха и Католикоса всех армян Гарегина II;

- представитель Патриарха Антиохийского и всего Востока при Патриархе Московском и всея Руси митрополит Филиппопольский Нифон;

- председатель Попечительского совета ИППО Н. П. Токарев;

- заместитель руководителя Департамента национальной политики и межрегиональных связей г. Москвы К.Л. Блаженков, который огласил приветствие мэра г. Москвы С.С. Собянина;

- председатель Санкт-Петербургского отделения ИППО, генеральный директор Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровский;

- Герой России космонавт С. А. Волков.

Также было показано видео-приветствие министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова.

Заместитель Председателя ИППО, представитель ИППО в Святой Земле И.Р. Ашурбейли передал в дар Императорскому Православному Палестинскому Обществу частицу мощей святой равноапостольной царицы Елены.

На заседании присутствовали председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион, председатель Финансово-хозяйственного управления Московского Патриархата митрополит Рязанский и Михайловский Марк, председатель Синодального комитета по взаимодействию с казачеством митрополит Ставропольский и Невинномысский Кирилл, митрополит Барнаульский и Алтайский Сергей, епископ Подольский Тихон, руководитель Управления Московской Патриархии по зарубежным учреждениям епископ Богородский Антоний, заместитель председателя ОВЦС МП протоиерей Николай Балашов, иерархи и духовенство Русской Православной Церкви. В заседании также приняли участие государственные и общественные деятели, друзья и партнёры ИППО, делегаты и гости из более, чем 40 российских отделений и зарубежных представительств ИППО.

По окончании Торжественного заседания состоялись концерт и приём в честь 135-летия ИППО.

**СПИСОК ЧЛЕНОВ СОВЕТА И ЗАМЕСТИТЕЛЕЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
«ИМПЕРАТОРСКОЕ ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ
ОБЩЕСТВО», ИЗБРАННЫХ НА IV ОТЧЁТНО-ВЫБОРНОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ ОБЩЕСТВА 2 ИЮНЯ 2017 г.**

1. Агапова Елена Александровна — заместитель Председателя ИППО, руководитель Общественного центра ИППО по защите христиан на Ближнем Востоке и в Северной Африке, общественный деятель.

2. Александр (Агейкин), протоиерей — настоятель Богоявленского кафедрального собора в Елохове г. Москвы, председатель Церковно-общественного Совета при Патриархе Московском и всея Руси по развитию церковного пения.

3. Александр (Елисов), архимандрит — начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме.

4. Антоний, епископ Богородский — викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, управляющий приходами Московского Патриархата в Италии, руководитель Управления по зарубежным учреждениям Московской Патриархии, член Высшего Церковного совета Русской Православной Церкви.

5. Ашурбейли Игорь Рауфович — ктитор храма Святой преподобномученицы Елисаветы в Покровском-Стрешневе, директор ИППО в Государстве Израиль, меценат, благотворитель, доктор технических наук.

6. Байдаков Сергей Львович — заместитель Председателя ИППО, председатель Московского отделения ИППО, доктор экономических наук, кандидат юридических наук.

7. Белоглазов Владимир Алексеевич — директор по общим вопросам Уральской горно-металлургической компании, кандидат технических наук.

8. Бибииков Михаил Вадимович — историк-византинист, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИВИ РАН, вице-президент Российского национального комитета византинистов, действительный член РАЕН, заведующий кафедрами византийской и новогреческой филологии МГУ имени М. В. Ломоносова.

9. Богданов Михаил Леонидович — заместитель Председателя ИППО, специальный представитель Президента России по Ближнему Востоку и странам Африки, заместитель министра иностранных дел Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный посол.

10. Веренич Георгий Владимирович — первый помощник Председателя ИППО.

11. Гаврилов Сергей Анатольевич — председатель Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по

развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений, координатор межфракционной депутатской группы по защите христианских ценностей.

12. Гагарин Григорий Григорьевич — член Совета объединённого дворянства Общероссийской общественной организации «Российское дворянское собрание».

13. Громова Анна Витальевна — заместитель Председателя ИППО, председатель Наблюдательного совета Фонда содействия возрождению традиций милосердия и благотворительности «Елисаветинско-Сергиевское просветительское общество», старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, кандидат исторических наук.

14. Дауд Матар — председатель Вифлеемского отделения ИППО.

15. Димитрий (Рощин), протоиерей — настоятель храма Святителя Николая Мирликийского в Новом Ваганьково на Трёх горах г. Москвы, руководитель Управления по работе с общественными организациями Синодального отдела по взаимоотношениям церкви с обществом и СМИ Московской Патриархии.

16. Карпов Сергей Павлович — историк, доктор исторических наук, профессор, действительный член (академик) РАН, действительный член РАЕН.

17. Колобов Олег Алексеевич — председатель Нижегородского отделения ИППО, доктор исторических наук, профессор.

18. Коровина Мария Евгеньевна — сотрудник пресс-службы Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, руководитель Молодёжной секции ИППО.

19. Курочкин Дмитрий Николаевич — вице-президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации.

20. Лисовой Николай Николаевич — заместитель Председателя ИППО, историк Церкви, исследователь, писатель, доктор исторических наук, кандидат философских наук.

21. Марк (Головков), митрополит Михайловский и Рязанский — заместитель Председателя ИППО, председатель Финансово-хозяйственного управления Московского Патриархата, глава митрополии, член Высшего Церковного Совета Русской Православной Церкви, кандидат богословия.

22. Маргелов Михаил Витальевич — вице-президент ПАО «Транснефть», кандидат политических наук.

23. Назаренко Александр Васильевич — руководитель научной секции ИППО, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук.

24. Нарочницкая Наталия Алексеевна — президент Фонда исторической перспективы, старший научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, доктор исторических наук.

25. Пересыпкин Олег Герасимович — руководитель культурно-просветительской секции ИППО, Чрезвычайный и Полномочный посол, доктор

исторических наук, кандидат экономических наук, профессор, писатель.

26. Пиотровский Михаил Борисович — историк-востоковед, арабист, исламовед, организатор музейного дела, генеральный директор Государственного Эрмитажа, декан восточного факультета СПбГУ, член президиума РАН, доктор исторических наук.

27. Примаков Евгений Александрович — российский журналист, теле- и радиоведущий, историк, член Общественной палаты Российской Федерации, генеральный директор Автономной некоммерческой организации «Русская гуманитарная миссия».

28. Рябухин Сергей Николаевич — председатель Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по бюджету и финансовым рынкам, доктор экономических наук.

29. Рудаков Александр Николаевич — заместитель директора Департамента Ближнего Востока и Северной Африки Министерства иностранных дел Российской Федерации, Чрезвычайный и Полномочный посланник 2 класса.

30. Серафим (Кравченко), игумен — ответственный секретарь Синодального отдела по церковной благотворительности и социальному служению Московского Патриархата.

31. Стегний Пётр Владимирович — заместитель Председателя ИППО, Чрезвычайный и Полномочный посол, доктор исторических наук.

32. Степашин Сергей Вадимович — Председатель ИППО, российский государственный, политический и общественный деятель, доктор юридических наук, кандидат исторических наук.

33. Тихон (Зайцев), епископ Подольский — викарий Святейшего Патриарха Московского и всея Руси, управляющий Венско-Австрийской и Венгерской епархиями, член Высшего Церковного Совета Русской Православной Церкви, кандидат богословия.

34. Филарет (Булеков), архимандрит — заместитель Председателя Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, секретарь комиссии Межсоборного присутствия по вопросам отношения к инославию и другим религиям, кандидат богословия.

35. Фомин Олег Иванович — сопредседатель Российского комитета солидарности с народами Ливии и Сирии, президент благотворительного фонда «РУССАР».

ВОЗВРАЩЕНИЕ. СЕРГИЕВСКОЕ ПОДВОРЬЕ КАК СИМВОЛ РУССКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПРИСУТСТВИЯ В СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

И. Р. Ашурбейли

18 июля 2017 года в Иерусалиме прошла торжественная церемония открытия исторического Сергиевского подворья — символа русского православного присутствия в Святой Земле. Отныне над угловой башней Сергиевского подворья, как и в царские времена, развевается флаг Императорского Православного Палестинского Общества.

Это событие поистине общенационального звучания свершилось в особое время — в год 135-летия Императорского Православного Палестинского Общества, на средства которого было построено подворье, в день памяти великого чудотворца Земли Русской преподобного Сергия Радонежского, небесного покровителя первого Председателя ИППО Великого князя Сергия Александровича, имя которого носит этот уникальный комплекс. Столь знаменательное событие произошло также в преддверии 200-летия со дня рождения архимандрита Антонина Капустина, выдающегося собирателя Русской Палестины, много потрудившегося на ниве создания в ближневосточном регионе уникальной инфраструктуры русских храмов, монастырей, подворий и земельных участков на земле, где буквально каждый камень дышит великой библейской историей.

Сергиевское подворье начинает отсчет нового времени в год столетия революции. По прошествии времени мы призваны извлечь уроки истории 1917 года — драматического раскола общества на противоборствующие стороны, повлекшего трагическую гибель многих наших сограждан и изменившего исторический путь развития России. Для Императорского Православного Палестинского Общества особо чувствительно воспринимается гибель Царской семьи, страстотерпцев, основателей Общества, Великой княгини Елизаветы Федоровны, поистине ангела во плоти...Все эти люди, безмерно любившие свое Отечество, как известно, были перемолоты адской машиной идеологического фанатизма и жестокостью того

смутного времени. В том числе священнослужители, пострадавшие за Веру, убитые, замученные или морально надломленные.

Совершенно очевидно, что для Императорского Православного Палестинского Общества юбилейные события 2017 года — это не случайное переплетение исторических дат, событий и имен, которые имеют особое значение в истории Отечества, национальной культуры, в духовном развитии и самосознании нашего народа, в утверждении позиций России в библейском регионе. Мы воздаем дань памяти и уважения нашим великим соотечественникам, отцам-основателям Общества, восстанавливаем историческую справедливость и, наконец, начинаем долгожданный процесс возвращения старейшего Общества в исторический формат своей традиционной гуманитарной деятельности на Ближнем Востоке — на земле, которая является колыбелью трех авраамических религий и одним из подлинно узловых регионов мира в контексте всей системы международных отношений.

Уверен, что открытие Сергиевского подворья будет служить расширению гуманитарного присутствия ИППО в Святой Земле, продвижению нравственные идеалов и подходов, которые отражают толерантность, стремление жить в мире, искать гармонию между всеми религиями и народами. Феномен Сергиевского — в его истории, вместившей различные периоды в жизни государства Российского, его продвижения на Ближнем Востоке. Сегодня, пожалуй, нет на Ближнем Востоке подобного исторического места, которое бы столь ярко и убедительно соединило бы в себе восточную красоту с русской духовностью, с историей русского православного присутствия в регионе. Следует особо отметить, что сам акт возвращения Государством Израиль России Сергиевского подворья — свидетельство признания культурно-цивилизационного многообразия современного мира, стремление России и Израиля урегулировать исключительно сложные дипломатические и имущественные вопросы, связанные с возвращением некогда несправедливо утраченной российской исторической собственности, что возможно только при взаимном уважении государств и опоре на международное право.

Собственно, это было продемонстрировано в ходе многосложных переговоров по возвращению Сергиевского подворья, в которых непосредственное участие принимал Председатель ИППО Сергей Вадимович Степашин, известный государственный и общественный деятель, в то время Председатель Счетной палаты Российской Федерации. Он лично передавал послания Президента России премьер-министру Израиля, вел переговоры с главой внешнеполитического ведомства этого государства, другими израильскими официальными лицами. В целом Общество внесло значительный вклад в процесс возвращения Сергиевского подворья, а в настоящий период — в развертывание его полномасштабной деятельности.

Принципиально важным и определяющим стало участие в переговорном процессе Президента России Владимира Путина, который в 2005 году во время своего первого официального визита в Государство Израиль поднял вопрос о Сергиевском подворье.

Значительный вклад в переговорный процесс внес министр иностранных дел России Сергей Викторович Лавров, Почетный член ИППО, многие его коллеги, дипломаты-ближневосточники, а также Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, Председатель Комитета Почетных членов ИППО, другие государственные, общественные и церковные деятели.

Вопросы обустройства, реставрации и дальнейшего функционирования Сергиевского подворья рассматривались в Администрации Президента Российской Федерации, в Управлении делами Президента Российской Федерации, Госзагрансобственности.

Как известно, в декабре 2008 года были подписаны документы о безвозмездной передаче Сергиевского подворья Российской Федерации, что ознаменовало прорыв на дипломатическом фронте. Особый вклад в этот процесс внес премьер-министр Израиля Биньямин Нетаньяху, который поставил финальную точку в решении данного вопроса.

В целом хроника возвращения Сергиевского подворья отражает многогранную деятельность ИППО как неправительственной организации, всех, кто по линии Общества, на протяжении многих лет был вовлечен в этот деликатный и сложный процесс, содействовал сохранению культурного и исторического наследия.

Так, в марте 2009 года заместитель Председателя ИППО, известный ученый, историк Николай Николаевич Лисовой принимал участие в описи сохранившихся архива и библиотеки Сергиевского подворья. В частности, в ходе проведенной исследовательской работы на подворье им были описаны «Сообщения ИППО» за 1900–1910 г.г., «Учреждения ИППО в 1895 и 1896 годах в отчете по командировке Д.В. Истомина 1897 г.», труд заместителя председателя ИППО Н.М. Аничкова «Учебные и врачебные заведения ИППО в Сирии и Палестине 1901 г.», некролог секретаря ИППО В.Н. Хитрово, написанный его преемником А.П. Беляевым (СПб. 18903 г.), с памятной фотографией В.Н. Хитрово. Были обнаружены номера «Православного Палестинского сборника» — №47 за 1896 г., №52 за 1900 г., а также №42, адресованный русскому консулу в Дамаске Леониду Петровичу Беляеву, под названием «Житие преп. Ивера, епископа Маййумского V века». Издание, перевод и предисловие осуществлены профессором Н.Я. Марром, известным востоковедом того времени, позже в 1928–1934 годах вставшим во главе Палестинского Общества.

Накануне торжественного открытия Сергиевского подворья в Иерусалиме вышла в свет новая научная монография заместителя Председателя ИППО Николая Николаевича Лисового «Сергиевское подворье. Судьба, история, перспективы».

Материалы архива и библиотеки Сергиевского подворья составят часть наследия ИППО в Святой Земле и станут весомым подспорьем для дальнейшей научной, исследовательской, культурной деятельности Общества, разворачиваемой сегодня на современной базе Сергиевского подворья. В стенах подворья уже развернута музейная экспозиция, отражающая уникальные страницы истории русского присутствия в Святой Земле, русского православного паломничества, которое активно развивалось при поддержке ИППО вплоть до 1914 года. Тогда только на Пасху здесь было шесть тысяч паломников, а за год в Палестину приходило десять тысяч паломников из разных уголков России.

Как известно, до революции Сергиевское подворье было центром русской жизни в Иерусалиме, своеобразными воротами на Ближний Восток. Здесь находилось Управление всеми подворьями, школами и больницами ИППО в Сирии и Палестине. Также действовали русская баня, через которую ежедневно проходило до несколько сот человек, прачечная для паломников, хлебопекарня, кухня. На подворье также находились сувенирная и продовольственная лавки ИППО, комнаты паломнической гостиницы ИППО, неуступавшие европейским отелям того времени. На подворье располагалась контора ИППО, где принимали новых гостей, проверяли паспорта, забирали багаж на хранение, выдавали талоны на питание, распределяли по комнатам. Комнаты имелись первого, второго и третьего классов, были общая столовая — трапезная, буфет и столовая. Простой богомольный народ за 5–10 копеек получал сытный обед из одного-двух блюд, хлеб и чай. Библиотекой подворья пользовались не только паломники, но и учителя многочисленных школ ИППО, открытых в Иерусалиме и на территории всей Палестины. Кроме того, на Сергиевском подворье осуществлялось всё делопроизводство Императорского Православного Палестинского Общества, находились архивы Общества, часть из которых сохранилась понынешний день. Здесь проживали уполномоченные ИППО и управляющие подворьями.

В настоящий период идет подготовка к полноценному функционированию Сергиевского подворья, которая, как ожидается, завершится к началу будущего года. Но уже первые паломники, прибывшие на официальную церемонию открытия подворья, имели возможность оценить комфортные условия и возможности для пребывания на этом островке русской земли в Иерусалиме. Они делились своими эмоциями и впечатлениями от пребывания в этих исторических стенах, через которые прошли тысячи и тысячи русских паломников, простых русских мужиков и баб, считавших своим долгом совершить паломничество в Святую Землю и поклониться святыням Православия, а также известные деятели 19-го — начала 20 веков. Среди паломников, побывавших на Сергиевском подворье, были команды российских крейсеров, студенты и гимназисты, делегации семинарий и духовных

академий. В книге гостей, которая называлась ещё домовою книгою, можно увидеть имена русских дипломатов, князей, графов, купцов, художников, священников, преподавателей, инженеров. Здесь жили профессора живописи И.Е. Репин и Н.А. Кошелев, ректор Московской духовной академии архимандрит Арсений (Стадницкий), профессора Киевской академии А.А. Олесницкий и А.А. Дмитриевский, профессор Санкт-Петербургского университета Н. П. Кондаков...

Для меня как Управляющего Сергиевским подворьем сегодня важно создать несколько «кластеров», воссоздать исторический дух подворья, но уже с современными коммуникациями и возможностями. В одном из кластеров расположится паломнический центр — странноприимный дом на 23 номера. Как и в былые времена, здесь будет открыта трапезная для паломников, способная вместить одновременно до 200 человек. В другом «кластере», как и более ста лет назад, будет действовать штаб-квартира Императорского Православного Палестинского Общества. Третий «кластер» составит офисный центр, включающий в себя консульский отдел Посольства Российской Федерации. Наконец, четвертая и, пожалуй, самая значимая часть подворья — это культурно-исторический и деловой центр, где будут проходить лекции, выставки с постоянно меняющимися экспозициями, кинопоказы, откроются музей, о котором я говорил выше, а также воскресная школа.

18 июля 2017 года главные участники и организаторы торжественной церемонии открытия рассказали о планах развития Сергиевского подворья, ответили на вопросы прессы в своих интервью многочисленным российским и израильским СМИ, приглашенным на открытие комплекса. Историческое по сути событие было максимально открытым для прессы и имело широкое международное медийное освещение. В праздничной церемонии приняли участие более 150 приглашенных гостей — православные иерархи, представители других конфессий, российские и израильские дипломаты, министры израильского правительства, депутаты Кнессета, представители культурной общественности и деловых кругов, а также представители ИППО. Среди почетных гостей вечера были: Председатель ИППО Сергей Степашин, делегация клириков Иерусалимской Патриархии во главе с главным секретарем Патриархии архиепископом Константином Аристархом, Кустод Святой Земли Франческо Паттон с сопровождающими лицами, Министр по делам Иерусалима и национального наследия Государства Израиль Зеэв Элькин, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Государстве Израиль А.П. Шейн, руководитель Представительства Российской Федерации при Палестинской национальной администрации Х.Р. Аганин, вице-президент ПАО «Транснефть» Михаил Маргелов, исполняющий обязанности начальника Главного управления Международного сотрудничества Управления делами Президента Российской Федерации

Н.Н. Сердитов, директор Евроазиатского департамента МИД Израиля Яков Ливне, заместитель мэра Иерусалима Мэир Турджеман, советник Мэра Иерусалима по делам христианских общин Давид Корэн, российские, государственные и общественные деятели и другие официальные лица.

По благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла для участия в торжествах в Иерусалим прибыл Руководитель Управления Московской Патриархии по зарубежным учреждениям епископ Богородский Антоний, член Совета ИППО.

Перед началом церемонии Владыка в сослужении Начальника Русской духовной миссии архимандрита Александра (Елисова), члена Совета ИППО, совершил чин освящения Подворья и окропил святой водой народную трапезную, другие его помещения.

«Это удивительно красивое место, куда еще в далеком XIX веке приезжали паломники из России», — сказал на церемонии открытия Председатель Императорского Православного Палестинского общества Сергей Степашин. Сергиевское подворье, отметил он, будет служить тем же целям, которым оно служило в XIX — начале XX в.в.: «Здесь будет музей, прекрасная библиотека, здесь будет воскресная школа. Интересную выставку предлагает сделать Русская Духовная Миссия».

Руководитель Управления Московской Патриархии по зарубежным учреждениям епископ Богородский Антоний передал всем участникам вечера приветствие и поздравления от Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, Председателя Комитета Почетных членов Императорского Православного Палестинского Общества.

От израильской стороны на церемонии открытия выступил министр по делам Иерусалима и национального наследия Зеэв Элькин, который подчеркнул, что возвращение Сергиевского подворья Российской Федерации и Русской Православной Церкви — это «дополнительный знак тех особых, доверительных отношений, которые есть сегодня между Россией и Израилем, которые есть между руководством наших стран».

Вес выступившие на церемонии открытия отмечали значимость и символичность происходящего события, его значительный вклад в укрепление российско-израильских отношений и дело мира на Ближнем Востоке.

Гости почувствовали атмосферу праздника, русское радушие и гостеприимство. В этот вечер под звездным иерусалимским небом звучали переливающиеся звуки арфы, внутренний двор подворья был украшен гирляндами из живых цветов и подсвечен разноцветными лампами, праздничный фуршет венчал торт в виде здания Сергиевского подворья.

По окончании церемонии каждый из гостей получил специальную памятную медаль, изготовленную по предложенному мною эскизу. На медали — лик преподобного Сергия Радонежского, исходящие лучи от которого освещают и освящают от реставрированное Сергиевское подворье.

Возвращение состоялось. Сергиевское подворье вновь будет служить укреплению православного присутствия на Ближнем Востоке, обеспечивать многовекторные интересы России в сфере гуманитарных, культурных, научных и многоконфессиональных контактов. ИППО предстоит сделать все, чтобы эффективно распорядиться этим уникальным историческим объектом, создать на базе подворья влиятельный российский научный, культурный, духовный и информационный центр.

Дирекция ИППО в Государстве Израиль, которую я имею честь возглавлять, намерена содействовать укреплению дружественных связей между представителями всех религий, быть мостом сотрудничества между народами России и Израиля, нести дух миротворчества, защищать интересы христианского населения и достойно представлять Россию в ближневосточном регионе на гуманитарном треке. Это чрезвычайно важно в условиях происходящих межцивилизационных разломов, кризисов, роста межконфессиональной и межэтнической розни, усиления террористической угрозы в мире и в целом нестабильности на Ближнем Востоке, который в результате «арабской весны» был превращен в гигантскую пороховую бочку.

Сергиевское подворье под флагом Императорского Православного Палестинского Общества будет надежно служить делу мира, равноправного сотрудничества и взаимоуважения между народами и религиями. Как истинный посол России, его гражданского общества.

Хотел бы еще раз сердечно поздравить всех с новым этапом в жизни Сергиевского подворья. Прежде всего, своего товарища Сергея Вадимовича Степашина, коллег по Императорскому Православному Палестинскому Обществу, друзей и партнеров Общества, дипломатов, церковных деятелей, всех православных верующих. Открытие вновь отреставрированного исторического Сергиевского подворья — свидетельство того, что с нами Бог. Времена вынужденного безвластия и богоборчества ушли в прошлое. Справедливость восторжествовала. На меня возложена ответственная миссия по управлению этой русской жемчужиной в Иерусалиме, возрождению ее высокого статуса и духа под историческим девизом отцов-основателей Императорского Православного Палестинского Общества: «Не умолкну ради Сиона, и ради Иерусалима не успокоюсь, доколе не взойдет как свет, правда его и спасение его — как горящий светильник».

На камне наших предков и будем стоять.

История создания Симбирского Отделения ИППО

Протоиерей Олег Беляев

«Надеющиеся на Господа, яко гора Сион:
не подвижется в век живый во Иерусалиме

Перевод на русский язык:

Надеющиеся на Господа, как гора Сион,
не подвигнется: пребывает вовек»

Псалом 124, стих 1.

Уважаемые друзья!

В этом году мы отмечаем 200-летний юбилей великого сына земли русской, священника-дипломата, ученого-византолога, археолога, астронома и нумизмата отца архимандрита Антонина (Капустина), человека, который по словам Святейшего Патриарха Кирилла: «без года 30 лет служил на Святой Земле и трудами своими создал «Русскую Палестину», который открыл двери для тысяч и тысяч паломников и оставил нам в наследие замечательные памятники русского духа, веры православной, усвоенной нашим народом на Святой Земле». Наследие отца Антонина настолько велико, что нам его потомкам еще многое придется изучить, переосмыслить и постараться вернуть то, что по праву остается русским, то, что так бездарно было растрчено во время правления советской власти.

В прошедшем 2016 году мы отмечали 115-летие со дня основания Симбирского Отделения Императорского Православного Палестинского Общества. Дата, которая связывает нас словно мост с великим прошлым великой России через советскую историю нашей многострадальной страны с настоящим нашей Родины. Нам, живущим в 21 веке, когда с трудом восстанавливаются порушенные святыни, когда мы по крупичкам собираем то, что совсем недавно считалось непрогрессивным и невежественным, непросто

оценивать благотворительность и жертвенность нашего народа. Но мы должны это сделать и для того, чтобы понять всю широту русской души и самое главное последовать доброму примеру наших предков.

Разнообразна и многоплодна была деятельность Русского Императорского Православного Палестинского Общества. Начиная с 1847 года, Святая Земля увидела попечение и заботу русских императоров, великих князей, священников, дворян, купцов, врачей, учителей и обычного народа. Заклучалась эта забота прежде всего в восстановлении древних порушенных святынь, связанных с жизнью Спасителя, Матери Божией, апостолов, ветхозаветных и новозаветных святых. Вместе с этим строились новые храмы, школы, больницы, приобретались новые участки земли. Местные жители разной веры и национальности, видя заботу Русского государства и ее народа, охотно шли в русские школы и больницы, некоторые принимали православие или постригались в монашество при русских монастырях.

Великий князь
Сергей Александрович

Созданию Симбирского Отделения предшествовало одобрение Председателя Императорского Православного Палестинского Общества, Его Императорского Высочества, великого князя Сергея Александровича. 9 декабря 1900 года был получен рескрипт Августейшего Председателя на имя Его Преосвященства, Преосвященнейшего Никандра, Епископа Симбирского и Сызранского в котором говорилось: «Преосвященнейший Владыко. Усматривая из предоставленного Мне отчета о поступлении вербного сбора 1900 года некоторое увеличение его по Симбирской Епархии, считаю долгом своим выразить Вам, Преосвященнейший Владыко, мою искреннюю признательность, но вместе с тем не могу

не высказать мою надежду, что Ваше Преосвященство найдете возможным в будущем году открыть во вверенной Вам епархии местный Отдел Общества. Одновременно с сим, по примеру прежних лет сделав распоряжение о своевременном доставлении из канцелярии общества в Симбирскую духовную консисторию одобренных Мною правил для производства в неделю Ваий 1901 разрешенного Святейшим Синодом сбора в пользу православных Иерусалима и Святой Земли, прошу Ваше Преосвященство не отказать в зависящих от Вас распоряжений к точному их исполнению и наибольшему распространению. Испрашивая Вашего Архипастырского благословения и поручая Себя и Общество заступничеству Ваших священных молитв, остаюсь искренно расположенный (подпись) *Сергий*».

На следующий 1901 год, 25 марта в час дня в зале архиерейского дома по благословию Преосвященнейшего Никандра, Епископа Симбирского и Сызранского было объявлено об открытии Симбирского Отделения ИППО.

На открытии Отделения присутствовали вице-губернатор Симбирской губернии Наумов Александр Петрович, инспектор чувашских школ Яковлев Иван Яковлевич, множество чиновников разных ведомств, духовенство Симбирской Епархии, представители дворянства и купечества.

В своем вступительном слове Владыка Никандр отметил: «Как девиз своей деятельности, Православное Палестинское Общество начертало на своем знамени слова пророка Божия «Не умолкну ради Сиона, и ради Иерусалима не успокоюсь» (Исаия, 62, 1). В этих знаменательных словах пророческих кратко выразился, для своего времени, можно сказать, весь смысл религиозной и гражданской жизни ветхозаветного Израиля. К Иерусалиму, как известно, всегда были устремлены верующие взоры Израильянина: там, в его храме, — и нигде более, — неотлучно пребывала и ощутительно являлась слава Божия; с целостью и неприкосновенностью Иерусалима связано было политическое бытие и самостоятельность Израильского народа, как царства Божия на земле. Словом Иерусалим был средоточием всей жизни и всех интересов Израиля: в нем было сердце народа, иначе сказать — в нем было все для Израиля. Но Израиль ветхозаветный, за его неверие Мессии, как известно, был отвергнут Богом. На его место в царствие Божие призваны язычники и благодатью Христовой усыновлены Богом. И мы теперь, как христиане, по милости Божией, имеем счастье принадлежать к этому новозаветному Израилю — чадам Божиим во Христе. Для нас, теперь, священный город Иерусалим, с его храмом Воскресения Христова, и вся Святая Земля с ее священными достопримечательностями, в духовно-религиозном отношении, можно сказать составляет все. Там наша духовная родина, там — колыбель и источник христианской веры; там купель нашего крещения — в Иордане; там, на Голгофе принесена за нас, раз навсегда, вседовлеющая, искупительная жертва; на Тайной вечери даны нам хлеб и питье жизни — в Теле и Крови Христовых; там указано нам новое райское древо жизни в Животворящем Кресте Христовом; там — Живоносный Гроб Господень, дающий нам жизнь и воскресение из мертвых; там — священный Елеон, указывающий нам путь на небо, в след за вознесшимся Христом, в царствие небесное... Словом в Иерусалиме находится «Святая святых» для всего христианского мира. Потщимся отныне и мы не забывать об Иерусалиме; вступим и мы в него духовно через живое и непосредственное участие в действиях Православного Палестинского Общества, в достижении его святых целей, на правах его членов; окажем и мы свое нравственное и материальное содействие благочестивым русским паломникам во Святую Землю нести свое усердие, свои трудовыя лепты

Епископ Никандр
(Молчанов)

и молитвы к Живоносному Гробу Господню. Если нам самим, по разным обстоятельствам, не приходится сделать того же самолично, то пусть эти русские паломники несут туда же и наши лепты, молитвы и молитвенные вздохи; пусть там заменяют нас собою и восполняют наше там отсутствие своим личным присутствием; пусть ходатайствуют о нас пред Господом на месте Его крестной смерти и славного Воскресения. Итак, объявляю теперь местный Отдел Православного Палестинского Общества открытым».

После вступительной речи Владыки Никандра слово было предоставлено инспектору Симбирской Духовной Семинарии Соловьеву Алексею Ивановичу, который познакомил честное собрание с целями и задачами Общества, сделал сообщение о Святой Земле с географической и исторической точек зрения. Затем было произведено избрание должностных лиц Отдела: председателя, товарища председателя, казначея, помощника казначея и делопроизводителя. Председателем Общества был единогласно избран Преосвященнейший Никандр, Епископ Симбирский и Сызранский.

По предложению Его Преосвященства была составлена на имя Августейшего Председателя Общества, Великого Князя Сергея Александровича, следующая телеграмма: «Имею счастье известить Ваше Императорское Высочество, что сегодня, с Божиюпомощию, при многолюдном собрании духовенства, представителей всех ведомств и граждан Симбирска, открыт Симбирский Отдел, председательствуемого Вашим Высочеством Императорского Православного Палестинского Общества. *Никандр, Епископ Симбирский и Сызранский*».

Вечером 25 марта Его Преосвященство получил от Его Императорского Высочества следующую ответную телеграмму: «Очень утешен известием Вашего Преосвященства об открытии Отдела Палестинского Общества. Бог помощь благому начинанию в Симбирске дела, направленного для славы нашей Церкви. *Сергий*».

С самого первого года своего существования Симбирское Отделение показало себя активным участником Палестинского Общества. Основной задачей местного Отделения считалось ознакомление жителей Симбирской губернии со святынями Палестины и ее историей в первую очередь, во вторых помощь в организации паломничества на Святую Землю. Если в первые годы членами Симбирского Отделения было десять человек, то к началу 1917 года численность Отделения превышало несколько сотен. Традиционно председателями Отделения были правящие архиереи Симбирской Епархии и первым ее председателем был избран Преосвященнейший Никандр (Молчанов), Епископ Симбирский и Сызранский. Преосвященный Никандр особо заботился об образовании простого народа. При нем было построено свыше 150 церковно-приходских школ, помимо Симбирского Отдела ИППО, открыто Кирилло-Мефодиевское братство при Симбирском Духовном Училище. Сам владыка обладал кротким и невозмутимым нравом, был твердым

Дом Дворянского собрания

Дом Городской управы

в своих убеждениях и политических воззрениях. Его перу принадлежит довольно большое число сочинений. Помощниками председателя были обычно его единомышленники из числа духовенства и первых лиц губернии. Среди членов Общества были пожизненные и с ежегодным взносом. Состав канцелярии, казначея, ревизионной комиссии ежегодно переизбирался. Источником распространения новостей и информации Отдела всегда были Епархиальные и Губернские Ведомости. В Симбирской Духовной Семинарии, в Симбирском Епархиальном Училище, в залах Дворянского Собрания () и Городской Управы, в храмах и монастырях Симбирска в праздничные и воскресные дни Великого Поста ежегодно проходили Палестинские чтения (). Впоследствии эти чтения распространились во все города, уездные центры и села Симбирской губернии. На таких чтениях, обычно, рассказывалось о жизни Господа Иисуса Христа, Матери Божией, апостолов, ветхозаветных святых и об истории Палестины. Непременно звучали духовные песнопения, распространялись газеты и брошюры, производился кружечный сбор, который отправлялся на нужды Русской Духовной Миссии в Святой Земле. Неизгладимое впечатление на Палестинских чтениях люди получали от лицезрения картин и рисунков связанных с жизнью Спасителя из истории Нового Завета. Такие выставки всегда проходили при большом стечении духовенства и верующего народа. Во время чтений духовенству и лекторам удобнее всего было говорить с народом о вреде пьянства, прочих вредных привычек и распространении суеверий. На таких чтениях принимали участие и обычные ученики земских и церковно-приходских школ, которые показывали своим родственникам спектакли и сцены из жизни Спасителя и о Святой Земле с применением разных световых картин. Во время чтений обычно распространялись и святыни, привезенные со Святой Земли. Во время боевых действий Русско-японской войны (1904–1905 гг.) и во время Первой мировой войны (1914–1918 гг.) Отделом активно собирались денежные средства для нужд солдат и офицеров. Духовное попечение и сбор пожертвований для нуждающихся были основной задачей на протяжении всей истории Симбирского Отделения ИППО.

В целом, Симбирское Палестинское Общество достигло своей цели и имело колоссальное миссионерское влияние на всех людей, которые были связаны с деятельностью Общества. С помощью местного отделения проснулся живой интерес к православной вере и Новозаветной истории, обычным людям стала доступна информация о Святой Земле. Эта организация послужила бы важным подспорьем для Русской Православной Церкви, если бы не революционная буря 1917 года, столетний юбилей, которой мы отмечаем в этом году. Слава Богу, что мы имеем продолжение нашего Симбирского Отделения Императорского Православного Палестинского Общества уже в 21 веке и перед нами стоят не менее важные задачи по распространению любви, веры и благочестия среди нашего многострадального народа.

СЛУЖЕНИЕ ОТЕЧЕСТВУ В ИНТЕРЕСАХ ПРАВОСЛАВИЯ И РУССКОГО ПРИСУТСТВИЯ ВО СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ (к 120-летию Нижегородского регионального отделения ИППО)

О. А. Колобов

Императорское Православное Палестинское общество (ИППО) — старейшая общественная организация России, основанная в 1882 году. Она исторически связана со Святой Землей и Православием. Обеспечение русского присутствия на Ближнем Востоке в целом всегда выступало и выступает до сих пор первостепенной задачей особой стратегической важности.

«Палестинское общество, — справедливо отметил почетный член ИППО, министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров, выступая по случаю 135-летия данного общественного объединения, ассоциированного с ООН, — было нацелено на продвижение дружественных связей с народами этого региона с акцентом на создание оптимальных условий с народами этого региона, с акцентом на создание оптимальных условий для паломничества. Однако оно было учреждено не только для того, чтобы россияне ездили к святым местам, но и в интересах присутствия на Святой Земле той самой «Русской Палестины». (Православный палестинский сборник, вып. 113. — М.: Индрик, 2017, с. 11).

ИППО располагало и продолжает располагать множеством региональных отделов (отделений), которые осуществляли и продолжают осуществлять всевозможные гуманитарные и просветительские проекты в полном соответствии с Уставом данной организации. Одним из таковых является Нижегородский отдел (отделение), которому осенью 2017 года исполнилось 120 лет. До 1918 года он действовал достаточно масштабно, объединив многих выдающихся деятелей государства, Православия, ученых, прилагавших потрясающее рвение в организации паломнических поездок в Иерусалим с Земли Нижегородской, осуществлении просветительской и благотворительной деятельности, публикации научных книг по Святому Православию и сопредельным сюжетам¹.

С 1918 года ИППО в целом стало работать в новом формате и претерпело организации всей своей деятельности существенные изменения. Формально и фактически оно перестало именоваться «Православным», сосредоточив все свои усилия исключительно на науке познания Святой Земли. Оно стало называться Российским палестинским обществом. В данном качестве данное объединение успешно работало при АН СССР вплоть до 1991 года, преимущественно в Ленинграде и в Москве. Его отделы на местах продолжали действовать, полагаясь на энтузиазм отдельных советских ученых. В г. Горьком/Нижем Новгороде отделение вновь сформировалось лишь к середине 70-х годов XX века. Оно консолидировало научные изыскания ученых, работавших в то время в Горьковском/Нижегородском государственном университете и действующих как исследователи исключительно на инициативной основе. С начала 90-х годов XX века ситуация, впрочем, сильно изменилась. Новый устав ИППО, принятый в декабре 1992 г., реконструировал само наименование общественного объединения. Это дало возможность Нижегородскому региональному отделению активизировать в его рамках всю свою подвижническую работу. В его состав вошли, как и прежде, лучшие представители науки, просвещения, Русской Православной Церкви и общественной дипломатии. Постепенно число действительных членов ИППО, входящих в состав отделения, возросло. Сейчас оно насчитывает 97 человек по списку.

Особое внимание в деятельности Нижегородского отделения ИППО уделяется проведению тех мероприятий, которые имеют непосредственное отношение к изучению истории Святой Земли, опубликованию соответствующих научных трудов, проведению два раза в год Елизаветинских и Серафимовских чтений и всевозможных семинаров по основной тематике организации с неременной поддержкой Центрального Совета и региональных отделений ИППО, активно действующих по всей стране. Много внимания уделяется организации паломнических акций на Святой Земле, сопряженных с осуществлением проектов МИД России по обеспечению на Большом Ближнем Востоке русского присутствия сегодня и в ближайшей перспективе. При этом достигнут аккорд тех инновационных усилий, которые прилагают РПЦ, МИД РФ, научное общество. Отделение ИППО в Нижнем Новгороде всю деятельность осуществляет в строгом соответствии с Уставом организации и неременном взаимодействии с Центральным советом и региональными структурами данной влиятельной международной организации. Результатом всех действий является сохранение традиций подвижничества применительно ко Святой Земле, интенсивные научные штудии членов НО ИППО, создание музея ИППО в Печерском мужском монастыре, проведение паломнических акций непосредственно в Иерусалиме, а также в Бейруте, Дамаске, Стамбуле.

Нельзя не отметить проведение тех мероприятий, которые способствуют укреплению позиций ИППО на российском региональном уровне в системе международных координат, разработке новых паломнических маршрутов в расширенном толковании Святых Земель, укрепления союзничества с Русской Православной Церковью и, конечно же, координация общественных действий с МИД РФ во многих измерениях публичной дипломатии и миссионерства.

Региональное отделение ИППО располагает собственной долгосрочной программой деятельности, привлекая к ее реализации на практике настоящих энтузиастов (священнослужителей, ученых, представителей региональной власти и других). В данном ценностном измерении НО ИППО является надежной опорой Общества при выполнении им благородной подвижнической миссии на Ближнем Востоке и в других святых местах, представляющих особый интерес для государства Российского. На межрегиональном уровне Нижегородское отделение ИППО успешно реализует молодежный патриотический проект «Александр Невский — дух, слава и имя России», который объединил 19 регионов РФ в целях формирования патриотических качеств личности молодежи на примере Великих русских святых, воинов, политиков и дипломатов. Данный проект реализуется при поддержке Представительства Президента РФ в Приволжском федеральном округе, Законодательного собрания Нижегородской области, Нижегородского института развития образования, Администраций северных районов Нижегородской области.

Особое внимание в рамках деятельности региональной организации уделяется взаимодействию с представителями молодежных объединений, студентами и школьниками Нижегородской области. Развивается традиционный интеллектуальный молодежный конкурс «Ветка Палестины», организованный при поддержке Нижегородской Епархии РПЦ, который приобрел не только региональный, но и международный характер. Конкурс объединил нижегородских школьников и школьников Приднестровской народной республики.

Вся информация о деятельности Нижегородского отделения ИППО систематизирована на официальном сайте организации, в книгах и даже диссертациях по истории нашего регионального отделения, опубликованных значительным тиражом в различных отечественных и зарубежных изданиях, и представлена конкретными делами, осуществленными в полном соответствии с «законами жанра». Так говорил пророк Исайя: «Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь».

¹ См. Подробнее Н.Н. Лисовой Императорское Православное Палестинское общество в новой исторической реальности: 1917, первый акт. Православный Палестинский Сборник. Вып. 113. М.: Индрик, 2017. С. 34–43.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СМОЛЕНСКОГО ОТДЕЛА ИМПЕРАТОРСКОГО ПРАВОСЛАВНОГО ПАЛЕСТИНСКОГО ОБЩЕСТВА: ИЗ ОПЫТА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СМОЛЕНСКОЙ ЕПАРХИИ И ПРАВОСЛАВНО-ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВВ.

Иеромонах Рафаил (Ивочкин)

В 2017 г. исполнилось 135 лет со дня учреждения в России Императорского Православного Палестинского Общества (ИППО). Кроме того, в этом же году в Смоленске было возрождено отделение ИППО. Цель данной статьи — проанализировать деятельность указанной организации на территории Смоленской епархии во второй половине XIX — начале XX вв.

Императорское Православное Палестинское Общество было одной из общественных инициатив выдающихся русских людей второй половины XIX в. Оно создано указом императора Александра III в 1882 г. Устав Общества был утвержден 8 мая 1882 г., а официальное открытие произошло в Санкт-Петербурге 21 мая того же года, приуроченное к празднованию дня памяти равноапостольных Константина и Елены, воздвигших первые христианские храмы в Святой Земле.¹

В качестве девиза Общества была принята цитата из книги пророка Исаяи: «Не умолкну ради Сиона и ради Иерусалима не успокоюсь». Основными целями Общества являлись: а) поддержание духовных связей России со Святой Землей; б) сохранение культурного и исторического наследия; в) развитие дружественных связей России со странами и народами Ближнего Востока; г) гуманитарные и просветительские миссии в ближневосточном регионе; д) содействие православному паломничеству и е) поддержание Православия на Святой Земле. Эти цели были тесно связаны с проводимой Российской империей внешней политикой и традиционными духовно-нравственными приоритетами русского народа.²

Первым председателем Общества был Великий князь Сергей Александрович Романов, а после его трагической смерти Общество возглавила Великая княгиня Елизавета Федоровна.

Первоначально Общество называлось «Православным Палестинским», а с 24 марта 1889 г. получило почетное наименование «Императорское».

18 октября 1884 г. общее собрание Общества приняло решение об открытии отделов в разных городах империи. Первым отделом стал Якутский, а затем, с января 1894 по апрель 1895 г., в России было открыто еще 16 отделов Общества. Главной целью деятельности региональных отделов являлась пропагандистская и научно-популярная работа среди местного населения для ознакомления с историей Святой Земли и значением русского присутствия на Востоке. Кроме того, региональные отделения Православного Палестинского Общества были призваны активизировать сбор пожертвований в пользу Русской Палестины.³

Смоленский отдел Императорского Православного Палестинского Общества стал действовать в 1895 г. Его появлению в Смоленской епархии предшествовали следующие события.

20 декабря 1894 г. на имя епископа Гурия поступил рескрипт председателя Общества Великого князя Сергея Александровича. В документе подчеркивалось, что правление Общества считает желательным открыть отделение в пределах Смоленской епархии. Сергей Александрович просил архиерея рассмотреть его просьбу в духовной консистории и выразил надежду, что епископ сделает все от него зависящее к появлению во вверенной ему епархии отделения ИППО.⁴

После получения рескрипта епископ Гурий активно принялся воплощать в жизнь предложение Великого князя. По благословению владыки рескрипт был опубликован в «Смоленских епархиальных ведомостях». В дополнение к документу архиерей изложил цели работы Общества с разъяснением его значения в общественно-церковной жизни. Епископ Гурий просил духовенство епархии сочувственно отнестись к принятию на себя звания членов указанной организации и призывал привлекать в состав отделения лиц, известных своей приверженностью к Святой Земле. Членами Общества могли стать православные верующие обою пола. Лица, внесшие ежегодный взнос в размере 25 рублей или единовременно 500 рублей, становились действительными членами; пожертвовавшие по 10 рублей или 200 рублей — членами-сотрудниками, а почетными становились люди, внесшие не менее 5000 рублей. Все почетные члены, а также внесшие единовременно по 200 и 500 рублей, получали дипломы Общества, а также установленный для каждой категории членства нагрудный знак.⁵

На призыв епископа Гурия откликнулись духовенство и миряне епархии. В их числе, кроме архиерея, были: губернатор В.О. Сосновский, управляющий акцизными сборами В.Л. Озмидов, ректор семинарии протоиерей Петр Черепнин, настоятели и настоятельницы монастырей, купцы и мещане, всего 50 человек.⁶

После того, как изъявивших желание стать членами Палестинского Общества собралось достаточное количество, епископ Гурий принял решение немедленно открыть местный отдел. Днем открытия архиерей назначил 19 марта 1895 г., о чем было объявлено в газете «Смоленский вестник», а наиболее уважаемым лицам разосланы специальные приглашения. Так как 19 марта выпало на воскресенье, владыка совершил литургию в Малом Богоявленском кафедральном соборе в сослужении двух архимандритов, ректора семинарии, кафедрального протоиерея, эконома архиерейского дома и соборного ключаря. По завершении богослужения епископ с духовенством отслужили молебен перед чудотворной Смоленской иконой Божией Матери «Одигитрии».⁷

Открытие отдела последовало в покоях архиерейского дома, куда к 13 часам прибыли губернатор и другие светские лица, собралось духовенство. После пения молитвы «Царю Небесный» епископ Гурий огласил рескрипт Великого князя, а затем ректор-протоиерей П. Черепнин прочитал составленную им записку о целях и деятельности ИППО и о состоянии Православия на Святой Земле. По окончании чтения записки владыка разъяснил присутствовавшим параграфы устава Общества, касающиеся работы отделов и предложил избрать председателя, товарища председателя, казначея и его заместителя (кандидата) Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества. Председателем был избран епископ Петр, товарищем председателя — губернатор В.О. Сосновский, казначеем — эконом архиерейского дома иеромонах Петр, его заместителем — начальник Смоленской тюрьмы Н.Н. Ерыхайлов.⁸

В тот же день епископ Гурий телеграммой сообщил Великому князю об открытии в Смоленске отдела Палестинского Общества, на что получил ответ следующего содержания: «С душевной радостью получил Ваше любезное сообщение, сердечно радуюсь открытию отдела».⁹

23 марта владыка направил в Совет ИППО рапорт об открытии в Смоленске его отдела и приложил к нему список лиц, изъявивших желание быть членами этой организации. Совет своим постановлением признал открытие епархиального отдела и утвердил его должностных лиц, причем удостоил епископа Гурия звания почетного члена, а В.О. Сосновского — пожизненного действительного члена Общества.¹⁰

В феврале 1896 г. епископ Гурий, при назначении его на другую архиерейскую кафедру, получил от Великого князя Сергея Александровича рескрипт со словами благодарности за открытие Смоленского отдела.

«Получив известие о призыве Вас на новое место архипастырского служения, мне приятно вспомнить, что Вашему сочувственному почину обязан Смоленский отдел Императорского Православного Палестинского Общества своим открытием и выразить Вашему Преосвященству мою искреннюю благодарность за труды Ваши при его образовании и дальнейшей деятельности».¹¹

В декабре того же года Сергей Александрович направил рескрипт новому архиерею, епископу Никанору, с просьбой приложить все силы к исполнению в епархии задач ИППО.¹²

Анализ документов Смоленского отдела позволяет выделить основные виды его деятельности. Их четыре: 1) привлечение в состав отдела новых членов; 2) чтения и собеседования о Святой Земле и Палестинском Обществе; 3) распространение изданий Общества; 4) сбор пожертвований на нужды православных, живущих на Святой Земле и в Палестине.¹³ Рассмотрим каждое из этих направлений.

1. Ежегодно члены отдела старались привлекать к его деятельности как можно больше светских и духовных лиц. Это было связано со сбором средств, перечисляемых на нужды ИППО. Чем больше было собрано пожертвований, тем выше становился процент помощи христианам Палестины. Отчеты Смоленского отдела за конец XIX — начало XX вв. показывают, что с каждым годом, хоть и незначительно, увеличивалось число членов-сопратователей. Количество же почетных, пожизненных и действительных членов практически не изменялось.

2. Важным направлением в работе отдела являлось проведение чтений и собеседований. Главными темами встреч были сведения о Святой Земле, христианских святынях и предметах религиозного поклонения, там находящихся. Для охвата как можно большего количества участников чтений, в уездные города отдел разослал правила ведения чтений, книги и брошюры, монографии, изданные Палестинским Обществом. При этом многие картины и брошюры предназначались для бесплатной раздачи народу.

Первоначально чтения проходили в Смоленске в Надвратной Одигитриевской церкви с периодичностью каждый воскресный день. Они собирали иногда более 100 человек, а иногда и несколько сотен. Большой резонанс в обществе вызвала платная беседа епископа Никанора, состоявшаяся 19 марта 1898 г. За несколько дней до встречи жители Смоленска были оповещены об ее проведении через объявления, опубликованные в местной прессе и расклеенные по городским киоскам. Беседа состоялась в зале дворянского собрания при большом стечении народа. Интерес к рассказу о Святой Земле был вызван тем, что архиерей сам совершил паломничество к великим христианским святыням Палестины.

«В назначенный день Преосвященный паломник сам лично изволил вести беседу собравшимся многочисленным слушателям о своем паломническом «Путешествии к Мамврийскому дубу, в Вифлеем и окрестности его». Живая беседа владыки, сопровождавшаяся пением архиерейского хора, была выслушана с глубоким вниманием и живейшим интересом».

После беседы епископ Никанор раздал всем присутствовавшим виды Святой Земли и других священных мест Востока.¹⁴

Как уже было сказано, беседа архиерея произвела большое впечатление на слушателей. Она также способствовала увеличению количества посетителей на чтениях о Святой Земле. К 1900 г. встречи проходили уже в двух храмах Смоленска — Надвратной Одигитриевской и Петропавловских церквях. Кроме того, когда по просьбе отдела 13 декабря 1899 г. ему прислали световой фонарь с картинами, чтения стали проходить не только в храмах. Так, до 1 марта 1900 г. было проведено 6 встреч. Первое чтение было организовано в помещении церковно-приходской школы при Свято-Успенском кафедральном соборе, где присутствовали преподаватели, ученики и их родители, соборное духовенство, почетные гости. Дети сопровождали показ картин пением тропарей праздникам, которые совпадали с сюжетом изображений. По замечанию очевидцев, «не только на детей, но и на взрослых, никогда не видавших ничего подобного», чтение произвело глубокое впечатление.¹⁵

Второе чтение происходило в зале Смоленской общины Красного Креста, и было посвящено празднику Крещения Господня. Третье чтение состоялось в казармах Копорского полка. Здесь лектор рассказал об Иерусалиме и его окрестностях. Для четвертого чтения была выбрана Смоленская Мариинская женская гимназия. Ее воспитанницы, знакомые по урокам географии с местами Святой Земли, «в особенности с наслаждением любовались видами городов и святых мест, известных им из разного рода учебников».¹⁶

Пятое и шестое чтения проходили в помещении «Народного дома». Количество слушателей достигало до 200 человек, среди них было много уважаемых смолян и людей с высшим образованием. Большое впечатление на присутствовавших оказала демонстрация картин.

«Глубокое впечатление, произведенное картинами на зрителей, еще более усиливалось тем, что фонарь во время этого чтения был освещаем сильным светом кислородно-эфирного газа, от чего прекрасные туманные картины получали на экране наибольшую ясность и отчетливость, увеличивавших собою столь свойственную этим картинам эффектность. «Точно сами мы побывали во святых местах Востока», говорили после этого чтения слушатели».¹⁷

Кроме чтений в Смоленске, беседы собирали людей и в уездных городах. Первоначально встречи проходили в Белом, Гжатске, Духовщине, Красном и Юхнове.¹⁸ К 1907 г. чтения велись во всех уездных городах Смоленской губернии и крупных селах. Количество посетителей на них варьировалось от 20 до 300 человек.¹⁹ Всего же по уездам в разные годы производилось от 252 до 560 чтений, количество слушателей достигало от 27 000 до 72 000 человек.²⁰ Это свидетельствовало о распространении интереса в провинциальном обществе к историческому прошлому и современному состоянию палестинских святынь. По замечанию совета Смоленского отдела, проведение чтений по палестиноведению год от года приобретало устойчивую

организацию, и труды его членов в деле религиозно-нравственного просвещения народа если и не «принесли плод мног», то, во всяком случае, не пропали без пользы.²¹

3. Кроме чтений и беседований Смоленский отдел Императорского Православного Палестинского Общества занимался распространением литературы, изданной Обществом. Для наибольшего ознакомления православных с задачами и деятельностью Палестинского Общества, а также с положением Православия на Святой Земле смоленские архиереи во время обзора приходов епархии лично раздавали издания Общества. Распространение литературы осуществляли и члены отдела в своих храмах.²²

Организуя бесплатную раздачу книг, листов и изображений святых мест, члены отдела, в первую очередь, содействовали просвещению низших слоев населения. Но, работая в этом направлении, отдел придавал значение распространению известий о научных трудах, издаваемых Палестинским Обществом и среди «образованного класса». Для этого на страницах губернской и епархиальной прессы регулярно публиковались объявления о вышедших в свет новых изданиях Общества. Кроме того, списки изданий периодически направлялись во все уездные отделения Епархиального Училищного совета с рекомендацией местным священникам, чтобы они знакомили грамотных прихожан с каталогом изданий. Для этой же цели один экземпляр полного каталога отсылался в братство преподобного Авраамия Смоленского.²³ Так как научные исследования имели высокую стоимость и не были предназначены к бесплатной раздаче, при отделе существовала небольшая библиотека. Она комплектовалась из изданий, пожертвованных архиереями, и хранилась у делопроизводителя отдела вместе с делами канцелярии. Пользовался книгами ограниченный круг читателей, в основном члены совета, что, по замечанию епископа Петра, было одним из недостатков в деятельности отдела. Он считал, что библиотеку «желательно бы пополнить всеми ценными изданиями отдела, хотя бы по одному экземпляру, дабы ими можно было бесплатно на время снабжать всех лиц, имеющих нужду в них и интересующихся этими изданиями, но не могущими приобрести их в собственность покупкою».²⁴

4. Как и в других православно-общественных организациях, в ИППО существовал сбор пожертвований на осуществление его уставной деятельности. В Смоленской епархии на нужды Палестинского Общества деньги поступали по нескольким статьям.

Во-первых, членские взносы от действительных членов и членов-соревнователей.²⁵

Во-вторых, кружечные сборы. Для этого при церквях и часовнях, а также в губернском и уездных казначействах, почтово-телеграфных конторах и железнодорожных вокзалах, других общественных зданиях были установлены так называемые «палестинские кружки». Они впервые

появились в 1902 г. Согласно анализу отчетов Смоленского отдела за 1902–1907 гг., количество кружек в разные годы составляло от 14 до 59 штук. Это увеличение было связано с большими суммами, собранными в кружки и, как сказано в одном из отчетов, «неожиданным успехом кружечного сбора».²⁶

В-третьих, тарелочные сборы в Неделю Ваий (Вербное воскресенье). За две недели до праздника духовная консистория рассылала по епархии 100 пакетов с воззваниями к пожертвованиям на нужды Императорского Православного Палестинского Общества. Сбор в Вербное воскресенье ежегодно приносил крупные суммы, за что Смоленский отдел регулярно получал благодарственные рескрипты председателя Общества.²⁷

В-четвертых, сбор по подписным листам и квитанционным книжкам, которые благочинные в своих округах предлагали всем желающим оказать помощь Православному Востоку.²⁸ Иногда пожертвования по подписным листам достигали крупных сумм. Так, в 1902 г. вдова коллежского секретаря Матрена Климентьевна Синицкая передала Палестинскому Обществу 100 рублей.²⁹

Кроме денежных сборов устав позволял принимать пожертвования вещами. Однако в документах Смоленского отдела не зафиксировано сведений о таких поступлениях за исключением случая, когда в 1902 г. в «палестинской кружке» Благовещенского собора г. Рославля был обнаружен орден святого Станислава 2-й степени, опущенный туда неизвестным лицом.³⁰

Денежные пожертвования и членские взносы, поступавшие в Смоленский отдел, в основной своей массе переводились на счет Палестинского Общества. Небольшая сумма тратилась на нужды отдела: печать объявлений, отчетов, бланков, почтовые расходы и т.д.³¹

В заключение анализа деятельности Смоленского отдела ИППО необходимо сказать об его общих ежегодных собраниях. Эти собрания проходили в Вербное воскресенье и предварялись, исходя из места их проведения, либо литургией, либо кратким молебном. Если члены отдела собирались в архиерейских покоях, то сначала они молились на службе в Успенском кафедральном соборе. К определенному часу (обыкновенно к 12.30) в архиерейский дом прибывали высокопоставленные светские чиновники. Здесь собрание проходило по утвержденной советом повестке. Из документов Смоленского отдела следует, что за время его существования общие собрания проходили в основном в архиерейских покоях.³² Несколько раз члены отдела собирались в зданиях Дворянского собрания и Городской думы. Перед заседанием здесь совершался краткий молебен.³³

На общих собраниях, кроме ознакомления членов с работой отдела, оглашались рескрипты председателя Императорского Православного Палестинского Общества, зачитывались доклады. Главной темой докладов были сведения о паломничествах известных людей в Святую Землю. Так,

в 1901 г. преподаватель духовной семинарии Д.К. Вишневский произнес речь «О паломничестве русских во Святую Землю, его причинах и условиях путешествий в минувшее и нынешнее время»,³⁴ в 1902 г. преподаватель семинарии Ф.В. Воронин вниманию собрания предложил «обширный и прекрасный реферат» об одном из важных событий в жизни Н.В. Гоголя — его путешествии к святыням Палестины. Как отметил лектор, «мысль Гоголя о поездке во Святую Землю и ее осуществление стоят в неразрывной связи с общим ходом развития великого поэта и характером его религиозно-нравственного мировоззрения. В нем, т.е. путешествии, обнаруживается высоконравственная жизнь поэта, его усиленные стремления к нравственному самосовершенствованию, его религиозность, которой сам Гоголь сообщил высокое значение чисто народной, русской черты. С другой стороны, паломничество Гоголя, помимо частного биографического интереса имеет общенародный смысл: оно открывает нам большое значение Палестины для русского православного человека, так идеально выразившееся в Гоголе».³⁵

Не оставались в стороне от внимания докладчиков и злободневные вопросы общественно-политической жизни. В 1904 г. помощник инспектора семинарии Н.К. Казанцев произнес речь на тему «Социализм и христианство». Рассмотрев идеи родственных связей, семейной этики и индивидуализма религий, лектор пришел к выводу, что жизнь человечества может быть оздоровлена через подчинение интересов отдельного человека общечеловеческим идеям. Основополагающим принципом единения Н.К. Казанцев признал христианские нравственные ценности, свойственные русскому обществу, объединявшие всех, начиная от простого «сибирского колониста» и завершая носителем высшей власти — императором.

«Пусть утверждается общество на основах истинно христианского социализма. Пусть оно докажет, какое громадное значение для человечества имеют национализм, социализм и личность, если они действуют, утверждаясь на единстве человечества и горят любовью к нему».³⁶

В 1906 г. преподаватель семинарии Самецкий прочел доклад «Сионизм», в котором были «приведены те принципы, кои положены в основу этого движения, раскрыты явные и тайные задачи сионизма и на основании имеющихся в литературе, преимущественно западной, данных и цифровых вычислений представлен дальнейший ход развития сионизма в среде евреев».³⁷

На наш взгляд, доклад «Сионизм» был написан под впечатлением принятого в 1906 г. устава общества «Союз русского народа», в котором «еврейскому вопросу» было уделено особое внимание.³⁸

Подводя итог сказанному необходимо подчеркнуть следующее. Анализ деятельности Смоленского отдела ИППО позволяет утверждать, что его взаимодействие с представителями Смоленской епархии осуществлялась, прежде всего, в просветительской плоскости. Проведение чтений,

собеседований, открытие доступных библиотек позволяло приобщить разные слои провинциального общества к образованию и культуре. Кроме того, сбор пожертвований на нужды Православного Востока являлся одной из разновидностей социального служения, как епархиального духовенства, так и православной пасты Смоленщины. Таким образом, можно утверждать, что Императорское Православное Палестинское Общество было одной из православно-общественных организаций, действовавших на территории Смоленской епархии, с которой у представителей духовного ведомства сложились плодотворные взаимоотношения. На наш взгляд возрожденное Смоленское отделение ИППО продолжит осуществлять накопленный дореволюционный опыт работы в современных исторических реалиях.

- ¹ <http://www.ippo.ru/historyippo/> (дата доступа 7 мая 2017 г.).
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ Рескрипт Председателя Императорского Православного Палестинского Общества — Его Императорского Высочества, Благоверного Государя и Великого Князя Сергея Александровича на имя Преосвященного Гурия, епископа Смоленского, от 20 декабря 1894 г. за №37 // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1895. №1. Отдел официальный. С. 2–5
- ⁵ Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1895. №1. Отдел официальный. С. 3–4.
- ⁶ Список лиц, изъявивших желание поступить в число членов Императорского Православного Палестинского Общества и открыть отдел одного в Смоленске // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1895. №7. Отдел официальный. С. 274–276.
- ⁷ Открытие в г. Смоленске Отдела Императорского Православного Палестинского Общества // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1895. №7. Отдел официальный. С. 270.
- ⁸ Там же. С.271.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ Там же. С.272.
- ¹¹ Рескрипт Его императорского Высочества, Великого Князя Сергея Александровича, Председателя Императорского Православного Палестинского Общества на имя Председателя Училищного Совета при Св. Синоде Преосвященного епископа Гурия (бывшего Смоленского) // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1896. №4. Отдел официальный. С. 133.
- ¹² Рескрипт Его императорского Высочества, Великого Князя Сергея Александровича на имя Преосвященнейшего Никанора, от 8 декабря 1896 г. за №55 // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1897. №2. Отдел официальный. С. 65–66.
- ¹³ Отчеты Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1898–1907 гг. // Смоленские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1898–1907.

- 14 Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за четвертый год существования, с 1 марта 1898 г. по 1 марта 1899 г. // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1899. №11. Отдел официальный. С. 588.
- 15 Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за пятый год существования, с 1 марта 1899 г. по 1 марта 1900 г. // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1900. №16. Отдел официальный — С. 802–810; №17. Отдел официальный. С. 809.
- 16 Там же. С. 810.
- 17 Там же.
- 18 Там же. С. 808.
- 19 Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за двенадцатый год существования, с 1-го марта 1906 года по 1-е марта 1907 года // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1907. №17. Отдел официальный. С. 395–400.
- 20 Отчеты Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1898–1907 гг. // Смоленские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1898–1907.
- 21 Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за седьмой год существования, с 1-го марта 1901 г. по 1-е марта 1902 г. // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1902. №11–12. Отдел официальный. С. 583.
- 22 Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за четвертый год существования, с 1 марта 1898 г. по 1 марта 1899 г. // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1899. №11. Отдел официальный. С. 589.
- 23 Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за седьмой год существования, с 1-го марта 1901 г. по 1-е марта 1902 г. // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1902. №11–12. Отдел официальный. С. 585.
- 24 Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за пятый год существования, с 1 марта 1899 г. по 1 марта 1900 г. // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1900. №16. Отдел официальный — С. 802–810; №17. Отдел официальный. С. 864, 867.
- 25 Отчеты Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1898–1907 гг. // Смоленские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1898–1907.
- 26 Там же.
- 27 Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за девятый год существования, с 1 марта 1903 г. по 1 марта 1904 г. // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1904. №19. Отдел официальный. С. 1106.
- 28 Отчеты Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1898–1907 гг. // Смоленские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1898–1907.
- 29 Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за восьмой год существования, с 1 марта 1902 г. по 1 марта 1903 г. // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1903. №14. Отдел официальный. С. 819.

- ³⁰ Там же.
- ³¹ Отчеты Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за 1898–1907 гг. // Смоленские епархиальные ведомости. Отдел официальный. 1898–1907.
- ³² Там же.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за седьмой год существования, с 1-го марта 1901 г. по 1-е марта 1902 г. // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1902. №11–12. Отдел официальный. С. 525
- ³⁵ Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за восьмой год существования, с 1 марта 1902 г. по 1 марта 1903 г. // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1903. №14. Отдел официальный. С. 804–805.
- ³⁶ Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за одиннадцатый год существования, с 1-го марта 1905 года по 1-е марта 1906 года // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1907. №6. Отдел официальный. С. 152–153.
- ³⁷ Отчет Смоленского отдела Императорского Православного Палестинского Общества за двенадцатый год существования, с 1-го марта 1906 года по 1-е марта 1907 года // Смоленские епархиальные ведомости. Смоленск, 1907. №17. Отдел официальный. С. 395.
- ³⁸ Устав «Союза русского народа». СПб., 1907. С. 8.

ИЗ ИСТОРИИ
ПРАВОСЛАВНОГО
ПАЛОМНИЧЕСТВА

НА ПУТИ В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ: МЕМУАРЫ РУССКИХ ПАЛОМНИКОВ О ПУТЕШЕСТВИИ ИЗ РОССИИ В ПАЛЕСТИНУ (2-я половина XIX — начало XX в.)

К. Е. Балдин

На рубеже XIX и XX вв. наблюдается впечатляющий рост православного русского паломничества на Ближний Восток. Это явление было связано с деятельностью Императорского Православного Палестинского Общества, которое взяло на себя доставку паломников в Святую Землю и обратно, их размещение на своих специально построенных подворьях, а также организационное сопровождение богомольцев во время их передвижений по Палестине. Активизация паломнического движения стала главной причиной того, что заметно возросло число паломнических мемуаров, публиковавшихся как отдельными изданиями, так и в периодической печати. В этой связи отметим, что в отечественной историографии сих пор практически не вводились в научный оборот довольно многочисленные источники личного происхождения, которые рассыпаны по страницам «Епархиальных ведомостей».

Авторами большинства паломнических воспоминаний и дневников в рассматриваемый нами период становились представители провинциального духовенства. Естественно, что восприятие действительности в каждом отдельном случае было индивидуальным. В зависимости от уровня образования авторов, их литературных задатков, эмоциональности и степени самоцензуры стиль текстов был литературным или просторечным, изложение — эмоциональным или суховатым; также оно представлялось безыскусственным или же, напротив, выдавало через сноски и аллюзии богословскую и общенаучную начитанность автора. Редакторы провинциальных церковных официозов, т.е. «Епархиальных ведомостей», охотно предоставляли побывавшим в Палестине священникам и мирянам возможность поделиться своими впечатлениями от увиденного.

В некоторых воспоминаниях авторы сразу «берут быка за рога» и приступают к описанию своих путешествий по Святой Земле, начиная с высадки в Яффе. Однако большинство мемуаристов все же не обошли своим

вниманием тему дороги к святыням вселенского христианства и рассказывают о своих путешествиях по Черному, Эгейскому и Средиземному морю. Одни уделяют дороге в Святую Землю весьма пристальное внимание, отводя этой теме несколько десятков страниц. Другие ограничиваются довольно беглым описанием путешествия. Авторы, путевые записки которых мы использовали в нашем исследовании, являлись представителями самых различных регионов страны: русского севера (Архангельская, Вятская и Олонецкая губернии), Центрального промышленного района (Костромская), Украины (Волинская) и юга страны (Астраханская).

Абсолютное большинство паломников отправлялось в Палестину морским путем из Одессы. Порой здесь им приходилось дожидаться очередного парохода два-три дня, а то и дольше. Первоначально с временным пристанищем возникали проблемы, богомольцы были в большинстве своем бедными, поэтому им приходилось останавливаться на местных постоянных дворах, не отличавшихся безопасностью и чистотой. Протоиерею Никанору Карашевичу, путешествовавшему в первой половине 1870-х гг., в этом отношении повезло. Он, будучи священником, расположился в «гостеприимце» при архиерейском доме, где встретился с другими паломниками, ехавшими в Палестину или возвращавшимися оттуда¹.

На рубеже XIX–XX в. большинство транзитных путешественников останавливалось на устроенных в Одессе подворьях русских афонских монастырей — Пантелеймоновского, Андреевского и Ильинского. Никакой официально назначенной платы за проживание здесь не было, паломники оставляли монахам кто сколько мог: богатые — рубли, а бедные — всего лишь по несколько копеек.

Эта структура афонских подворий была очень важной для паломников не только как временное пристанище. На каждом подворье были, по выражению мемуариста В. Крючкова, «монахи-паспортисты»². Они на основе привезенных паломниками документов выправляли им заграничные паспорта у местного начальства и покупали билеты на пароход. Они же провожали очередную группу паломников на пароход и следили, чтобы богомольцы, благополучно пройдя таможенные процедуры, поднялись на борт. Таким образом, эти монахи осуществляли пошаговое организационное сопровождение российских богомольцев.

О том, как работала эта монашеская паспортная служба, свидетельствует паломник из Олонецкой губернии о. Евгений Мерцалов: «Вскоре после вечерни ко мне в номер зашел о. гостинник и не один, а с послушником о. Ипполитом, на обязанности которого лежат хлопоты по прописке паспортов, ходатайства о выдаче заграничного паспорта и приобретение пароходных билетов на проезд в Иерусалим или Афон. Последний, получив от меня вид на жительство и свидетельство полиции, а также паломническую книжку с четырьмя рублями денег на расходы и приняв благословение, немедленно удалился...»³

Для оформления в Одессе заграничного паспорта необходимо было запастись по месту жительства рядом документов, без которых выезд за границу был невозможен. Малограмотность и слабая информированность многих паломников приводила к тому, что они прибывали в черноморский портовый город, не имея на руках полного комплекта необходимых бумаг со всеми печатями и подписями. Например, у священника В. Крючкова не было документа от местных властей его родной Олонецкой губернии о том, что он не имеет препятствий для выезда за пределы территории России. К счастью монах-паспортист Пантелеймоновского подворья помог ему оперативно выправить этот документ⁴.

Как сообщал уполномоченный ИППО в Одессе М.И. Осипов, нередко местные чиновники, оформлявшие свидетельства о неимении препятствий для выезда за границу для замужних женщин, забывали упомянуть в них о том, что мужья не возражают против паломничества своих супругов. Без таких отметок канцелярия одесского градоначальства заграничных паспортов не выдавала. Поэтому приходилось делать запросы по телеграфу или письмами, и до получения ответов незадачливые паломницы коротали время в Одессе. Некоторым богомольцам приходилось из черноморского порта возвращаться на родину, так и не съездив на Ближний Восток. Тот же М.И. Осипов в своем отчете за 1898–1899 г. приводил несколько таких примеров. Мещанка из г. Сызрани П. Силантьева взяла в паломничество свою 8-летнюю дочь, которая не была записана в ее паспорте. Жители г. Саратова супруги Т. и С. Прокофьевы имели при себе внучку без всяких документов на нее. Естественно, что заграничные паспорта перечисленным лицам не были выданы, и их паломнические поездки не состоялись⁵.

Несколько дней, которые богомольцы проводили в портовом городе, они использовали для осмотра достопримечательной Одессы. Как это ни странно, но в большинстве мемуаров их авторы подробно повествуют о своих путешествиях по чисто мирским, а не духовным объектам. Возможно, это связано с тем, что в большом южном приморском городе было чему удивляться обитателям северных губерний. В концентрированном виде эти коллективные впечатления паломников отразилось в воспоминаниях вятского священника А. Трапицына. Он упоминает в мемуарах одесский театр, памятник Ришелье, потемкинскую лестницу, порт. Ему удалось поездить и по предместьям города, побывав на фонтанах и лиманах, о целебных свойствах которых он упоминает особо. При этом автор признается, что здесь он первый раз в жизни выкупался в море. Только в конце раздела об Одессе он говорит о своем посещении местного собора⁶.

Абсолютное большинство паломников, направлявшихся в Палестину, было людьми совершенно сухопутными, некоторые из них до своего путешествия ни разу не видели моря. Новизна морского путешествия порождала у паломников вполне естественные страхи, которые отразились на

страницах мемуаров или дневников. У паломника из Вятской губернии А. Трапицына после того, как российский берег исчез из вида, «стало жутко на сердце»⁷. Священника Н. Карашевича с Волыни страх перед плаванием преследовал еще на суше, поэтому он в Одессе перед отходом судна помолится в местном храме св. угоднику Николаю и на этом успокоился⁸. Таким образом, возникавшие у паломников страхи купировались либо молитвой, чаще всего покровителю путешествующих «по водам» св. Николаю, либо сознанием того, что страх надо обязательно преодолеть для того, чтобы реализовать давнее стремление — достичь святых мест.

Степень комфорта, которую могли позволить себе авторы паломнических мемуаров, была различной, хотя все они принадлежали не к крестьянской среде. Законоучитель реального училища в Вятке А. Трапицын сумел накопить деньги на поездку во втором классе, поэтому он коротал время в отдельной каюте, а питание получал с пароходного камбуза. Соловецкий монах Никандр, хотя и имевший звание игумена, не мог позволить себе такой роскоши. Он ехал третьим классом в трюме, помещаясь на нарах, но при этом был доволен: «...мне было хорошо, хотя пароход был набит еврейскими семьями, ехавшими на житье в Палестину. Кипяток отпускался из куба даром и еды можно достать»⁹.

Вместе со всеми остановками морское путешествие от Одессы до Яффы продолжалось 10–12 дней. Судя по воспоминаниям, за это время морской пейзаж, казавшийся сухопутным людям крайне однообразным, успевал им наскучить. Выросший в Поволжье костромич А.П. Касторский отмечал, что «пустое море» без клочка суши ему надоело и что «по Волге плыть интереснее»¹⁰.

Однако различные развлечения во время длительного пребывания в море все же находились. Путешественников, по свидетельству А. Вендеревского, очень интересовали черноморские дельфины, которые часто сопровождали суда, выпрыгивая из воды¹¹. Очень был увлечен ими сугубо сухопутный Н. Гусев из Вятки, при этом он ошибочно называет дельфинов рыбами по внешнему их сходству¹². В отличие от богомольцев, предававшихся таким мирским развлечениям, настроенный более серьезно А. Трапицын больше коротал время за чтением духовной литературы, уединившись в каюте¹³.

Любопытное описание времяпрепровождения паломников на борту судна дал Д.А. Скалон, путешествовавший вместе с Великим Князем Николаем Николаевичем в Святую Землю в 1872 г.: «Русские женщины-богомолки на пароходной палубе не сидят празднo. Они обыкновенно вяжут чулки, либо чинят свою одежду, а то, усевшись особыми кружками, читают молитвенники и душеспасительные книжечки; это последнее чтение прерывается иногда разговорами и рассказами бывалых людей о прежних «хождениях», о разных приключениях во время оных, о своих русских святынях...»¹⁴

Суровым и часто совершенно неожиданным испытанием для людей, ни разу не бывавших в море, становилась морская болезнь. Ее симптомы и последствия паломники описывали в самых мрачных красках. Люди испытывали головную

боль, пот и жар, затем они на день или два полностью лишались аппетита. Хорошо, если рядом с ними оказывались сердобольные попутчики, не испытывавшие всех «прелестей» морской болезни. За простым волынским протоиереем Никанором Карашевичем море целый день заботливо как нянька ухаживал ехавший с ним наместник Андреевского русского скита на Афоне — отнюдь не последний человек в православной монашеской иерархии Святой Горы¹⁵.

В рассматриваемый нами период паломников перевозили в Палестину и на Афон пароходы Русского общества пароходства и торговли (РОПИТ). Эта частная компания, созданная в 1856 г., в 1910 г. располагала 76 пароходами, которые курсировали по морям Атлантического, Индийского и Тихого океана. Доставка паломников являлась только одной из функций этого общества, в основном оно перевозило по морям коммерческие грузы. Первоначально богомольцы становились пассажирами пароходов «Азов», «Ростов», «Одесса», «Лазарев», «Нахимов», которые были не очень удобны для путешествия. Здесь даже в шторм они вынуждены были находиться на палубе под открытым небом. В паломническом сезоне 1898–1899 г. по инициативе ИППО вместо этих судов для паломников были выделены пароходы «Царь», «Цесаревич», «Россия» и другие, которые выглядели более благоустроенными: их палубы были крытыми, верхние части трюмов специально для паломников приспособили в качестве кубриков¹⁶.

На средиземноморских линиях курсировали далеко не новые суда, поэтому они нередко ломались. А. Трапицын, севший на пароход «Одесса», заметил, что судно «старое и дырявое», и его нехорошие предчувствия оправдались почти у цели паломников — вблизи Яффы. У парохода сломался вал с винтом, он потерял ход и его начало относить ветром к берегу. К счастью, волнения на море почти не было, и вблизи берега удалось бросить якорь. Затем судно на буксире отвели в Бейрут, откуда на попутном французском судне паломники, наконец, попали в Яффу. Паломники с «Одессы» узнали, что в эту же ночь потерпел крушение и затонул другой пароход РОПИТ «Владимир», столкнувшийся с итальянским судном. При высадке на берег в Яффе паломники видели выглядывавший из воды корпус парохода «Чихачев», который затонул здесь за год до этого, в 1894 г.¹⁷ В связи с этим сквозившие в текстах А. Трапицына и другого вятского паломника Н. Гусева страхи были не случайными, тем более что среди погибших пассажиров «Владимира» были их знакомые¹⁸.

Обычно пароходы с паломниками отправлялись из Одессы во второй половине дня и, проведя в открытом море более суток, богомольцы на второе утро своего путешествия видели с борта берега Босфора. Предстояла более или менее длительная стоянка в Константинополе, которая обычно продолжалась от полутора до трех дней. На страницах почти всех мемуаров этот город именуется Константинополем, а паломник с севера игумен Никандр называет его даже Царьградом. Только А. Трапицын, имевший академическое образование, решил один раз употребить его точное турецкое название — Стамбул¹⁹. Упорное повторение христианских имен турецкой

столицы связано было, как нам представляется, с двумя обстоятельствами. Во-первых, русские богомольцы воспринимали этот город как колыбель Православия, откуда оно пришло в X веке на Русь. Во-вторых, они надеялись, что со временем Константинополь станет российским и, соответственно, православным городом. Не случайно в начале XX в. стал популярным лозунг: «Крест на святую Софию».

Высадка на берег в Константинополе сопровождалась совершенно неожиданными для паломников эксцессами. Как только русское судно вставало на рейде, к нему подплывали десятки лодок с турками, которые наперебой предлагали свои услуги по перевозке пассажиров на берег. Они против воли хватили самих пассажиров и их багаж, так паломники впервые знакомились с типичным для Востока агрессивным маркетингом. Несмотря на то, что матросы сталкивали навязчивых лодочников за борт, они все равно лезли на пароход. Дело почти всегда заканчивалось тем, что пассажиры пользовались лодками, присланными монахами местных афонских подворий²⁰.

«Стамбул — город контрастов», эта крылатая фраза из культовой советской кинокомедии в полной мере могла бы передать ощущения паломников в турецкой столице. Причем диссонанс между общим видом на город с Босфора и крупным планом стамбульских улиц отмечался далеко не в одном источнике личного происхождения. А. Вендеревский писал, что «если смотреть на город издали, не вступив в него, то он представляет одну из восхитительнейших картин». Его рассуждения как бы продолжает А. Трапицын, посетивший столицу Османской империи на восемь лет позже Вендеревского: «Едва только мы вышли на берег и вошли в город, как очарование наше Константинополем с Босфора сразу исчезло». Далее он поясняет свое разочарование: улицы, даже главные, были очень узкими; из-за выброшенных на проезжую часть отбросов в воздухе постоянно чувствовалось зловоние; по улицам бродили сотни бездомных собак и т.п.²¹

Большое значение имело то, что в турецкой столице русские богомольцы жили, как и в Одессе, на подворьях тех же афонских монастырей — Пантелеимоновского, Ильинского и Андреевского. Их монахи помогали российским паломникам пройти таможенный контроль, уладить паспортные формальности. Паломники в своих мемуарах дружно хвалят афонских монахов. Игумен Никандр говорит, что «келья — великолепная, радушие — безмерное». Ему вторит А. Вендеревский, вспоминая, что управляющий Пантелеймоновским подворьем о. Паисий встретил их «с великим радушием». А. Трапицын и другие богомольцы свидетельствуют, что к группе паломников прикреплялся монах, который показывал им главные достопримечательности города и старался их уберечь от нежелательных контактов с местными жителями. Известный российский путешественник А.В. Елисеев вспоминает, что о. Паисий не только сопровождал россиян в их прогулках по Царьграду, но и устраивал им посещение священных

и мирских достопримечательностей «подешевле» и «поспособнее», т.е. на наиболее выгодных условиях, когда за минимальную плату можно было осмотреть максимум объектов²².

Достопримечательностей, как мирских, так и священных в одном из крупнейших городов Востока было много. «Воистину, есть, что посмотреть!» — восклицал по этому игумен Никандр из Соловецкого монастыря²³. В отличие от Одессы, где паломников больше манили мирские достопримечательности, в Царьграде русские богомольцы отправлялись в первую очередь к православным святыням. Среди них первой был храм святой Софии, превращенный турками в мечеть после захвата Константинополя в XV в. «Величественность и изящество храма поразили наши взоры», — пишет А. Вендеревский. Он же отмечал, что именно в этот собор пришли на службу послы Киевского Великого Князя Владимира Святославовича и именно здесь их поразило величие православного богослужения. Их впечатления сыграли значительную роль при выборе князем Владимиром Православия среди других религий²⁴.

Еще один священный объект для поклонения в Царьграде, куда обязательно приходили паломники — храм Влахернской Божией Матери. В нем в X в. во время осады города перед варварами явилась молящимся Богородица и простерла над городом свой омофор в знак защиты. Впоследствии в память этого события стал отмечаться церковный праздник Покрова Пресвятой Богородицы. А. Вендеревский упоминает о том, что в упомянутом храме хранился омофор Богородицы²⁵. Также русские паломники посещали Константинопольскую Патриархию. Для них она имела большое значение, т.к. в ней святительствовали в свое время Григорий Богослов и Иоанн Златоуст; богомольцам показывали кафедру, с которой выступал последний из этих двух великих отцов Церкви²⁶. Некоторым паломникам удавалось встретиться с Константинопольским Патриархом, эта встреча была очень значимой для российских богомольцев, т.к. в отечественной церковной структуре уже около двух веков не существовало иерарха такого уровня.

Путешествие российских паломников на Ближний Восток было по меркам того времени длительным. Трудности, которые стояли на их пути, нельзя назвать непреодолимыми, но они были совершенно реальными, вызывая страхи у путешественников. Вместе с тем, препятствия, возникавшие перед паломниками, воспринимались ими без негативных эмоций. Богомольцы были убеждены, что для того, чтобы увидеть вселенские христианские святыни, надо если не «пострадать», то, по крайней мере, испытать различные дорожные передраги; поэтому последние воспринимались с покорностью.

Особенностями паломничества в Палестину, впрочем, как и на Афон, был отчетливо его коллективный характер. В путешествие отправлялись большими или малыми группами, во-первых, потому что, по народной поговорке, «намиру и смерть красна» и, во-вторых, коллективное переживание встреч со святынями ощущается более остро, глубоко.

Во время путешествия паломники делали остановки для осмотра святых мест. В нашей статье речь шла только о Константинополе, но российские богомольцы высаживались на берег (в зависимости от маршрутов пароходов) в Смирне, Салониках, на островах Родос и Кипр, в Бейруте и Триполи, где находились святыни греческой Православной Церкви. Во время длительного путешествия русский человек чувствовал себя гораздо комфортнее, если, по его убеждению, он почти постоянно находился под покровительством святынь его родной религии, которые как бы передавали его «из рук в руки».

- ¹ Волынские епархиальные ведомости (далее — Волынские ЕВ). 1874. № 20. С. 724.
- ² Олонецкие епархиальные ведомости (далее — Олонецкие ЕВ), 1912. № 3. С. 75.
- ³ Мерцалов Евгений, священник. От Петрозаводска до Иерусалима: Путевые заметки и впечатления паломника. М.: «Индрик», 2014. С.45.
- ⁴ Олонецкие ЕВ. 1912. № 3. С.75.
- ⁵ Отчет уполномоченного Императорского Православного Палестинского общества в Одессе М.И. Осипова за 1898/9 г. // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. Март-апрель 1899 г. М.,1899 (далее — Отчет...). С. 203–204.
- ⁶ Вятские епархиальные ведомости (далее — Вятские ЕВ). 1895. № 4. С. 126–128.
- ⁷ Там же. С. 129.
- ⁸ Волынские ЕВ. 1874. № 20. С. 724.
- ⁹ Архангельские епархиальные ведомости (далее — Архангельские ЕВ). 1913. № 13–14. С. 375.
- ¹⁰ Костромские епархиальные ведомости, 1909. № 4. С.97.
- ¹¹ Астраханские епархиальные ведомости (далее — Астраханские ЕВ). 1887. № 14. С.563
- ¹² Вятские ЕВ. 1900. № 7. С. 281–282.
- ¹³ Там же. 1895. № 4. С.129.
- ¹⁴ Скалон Д.А. Путешествие по Востоку и Святой Земле в свите великого князя Николая Николаевича в 1872 году. М.: «Индрик», 2007. С.55.
- ¹⁵ Волынские ЕВ. 1874. № 20. С. 725; Вятские ЕВ. 1900. № 8. С.340, 342.
- ¹⁶ Отчет... С. 197–202, 205, 208, 209.
- ¹⁷ Вятские ЕВ. 1895. № 11. С. 422; № 17. С. 713.
- ¹⁸ Там же. 1900 № 7. С. 281.
- ¹⁹ Архангельские ЕВ, 1913. № 13 — 14. С. 378; Вятские ЕВ. 1895. № 5. С. 142.
- ²⁰ Вятские ЕВ. 1895. № 5. С.140; 1900. № 7. С.285.
- ²¹ Астраханские ЕВ. 1887. № 14. С.564; Вятские ЕВ. 1895. № 5. С.140–141.
- ²² Елисеев А.В. По белу-свету. Очерки и картины из путешествий по трем частям старого света. В 4-х т. Т. II. СПб., 1904; Вятские ЕВ. 1895. № 5. С. 141, 146.
- ²³ Архангельские ЕВ. 1913. № 13 — 14. С. 378.
- ²⁴ Астраханские ЕВ. 1887. № 14. С. 565.
- ²⁵ Там же. С. 567.
- ²⁶ Архангельские ЕВ. 1913. № 13–14. С. 378.

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПРАВОСЛАВНЫЙ ВОСТОК ПЕТРА ИВАНОВИЧА СЕВАСТЬЯНОВА*

О. Л. Соломина

Среди многочисленных путешественников и коллекционеров XIX века выделяется яркая фигура Петра Ивановича Севастьянова, фотографа-новатора, более 20-лет собиравшего коллекцию христианских древностей, как в Европе, так и на Ближнем Востоке. В коллекцию Севастьянова входило более 20 тысяч разнообразных предметов — рукописи, иконы, церковная утварь, слепки, рисунки, фотографии, планы и карты Палестины и Афона, старопечатные книги, гравюры, монеты и др. В деятельности П.И. Севастьянова можно выделить два основных направления — коллекционирование подлинных христианских древностей и фотографирование их. П.И. Севастьянов был активным популяризатором использования фотографии при изучении и публикации рукописей.

В начале 60-х годов XIX века о его собраниях выходили многочисленные публикации; выставки, проходившие в Москве и С-Петербурге с привлечением его собрания, пользовались большим успехом¹. Г. Филимонов, заведующий отделением христианских древностей в Московском Публичном и Румянцевском музее после смерти собирателя в 1867 году, так оценил его вклад в развитие отечественной культуры: «Если бы деятельность покойного П.И. Севастьянова ограничилась одним только основанием двух собраний христианских древностей, одного в Москве, другого в Петербурге, то и тогда бы он имел полное право на признательность от соотечественников. Петр Иванович, кроме того, открыл нам неведомые до него сокровища православного востока, перенес их, частью в точных воспроизведениях, частью в подлинниках в Россию, сделал их доступными для изучения, систематизировал их, и, наконец, предпринял, поистине, громадный труд — составление иконографического ключа христианской археологии»². Тогда же на

* Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ № 17-04-00555

заседании Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее видный историк Ф. И. Буслаев призывал: «Основание христианского музея в Москве принадлежит Петру Ивановичу Севастьянову, и этот отдел Публичного музея по всей справедливости должен быть наименован Севастьяновским: вот ... единственно достойный надгробный монумент таким деятелям, имена которых начертываются на страницах истории, несравненно более твердые и нетленные, нежели гранит и мрамор»³.

К сожалению, этот призыв не был реализован. Московский публичный и Румянцевский музей — организм живой и динамичный, — коллекции его постоянно пополнялись, менялись экспозиции, и постепенно Севастьяновское собрание растворилось в его все возрастающих фондах. К тому же, пущенная еще при жизни собирателя клевета, что он «без разбора знатока пользовался афонскими древностями: собирал все, что попадалось ему под руку», тоже не способствовала сохранению доброй памяти о Севастьянове⁴. К началу XXI века как таковой коллекции Севастьянова не существует — она рассредоточена между музеями и архивохранилищами Москвы и Санкт-Петербурга. В Эрмитаже хранятся древнейшие византийские иконы из коллекции Севастьянова. В Российском государственном историческом архиве в составе фонда Академии художеств находятся документы Музея христианских древностей со сведениями о судьбе материалов собирательской деятельности П.И. Севастьянова. В отделе рукописей Русского географического общества (Санкт-Петербург) хранятся четыре альбома рисунков Севастьянова, сделанных им во время путешествия в Италию, Палестину, Турцию, Северную Африку. В Российской национальной библиотеке находится архив Севастьянова. В нем — многочисленные фотографические снимки с рукописных книг и древних актов, хранившихся на Афоне, славянские, греческие, молдавоязычные, турецкие. Там же хранится уникальное глаголическое Зографское Евангелие конца IX — начала X века, привезенное с Афона в 1860 году Севастьяновым в подарок императору Александру II. В Государственном Русском музее в Отделе древнерусского искусства хранятся произведения прикладного искусства, из коллекции Севастьянова, а также кальки с афонских стенописей, исполненные в размер оригиналов, и уменьшенные зарисовки с чудотворных и особо чтимых афонских икон. В Российской государственной библиотеке в отделе рукописей хранятся два фонда: — Ф.270: собрание рукописных книг П.И. Севастьянова и Ф.269: его личный архив.

В настоящее время к собранию П.И. Севастьянова обозначился интерес специалистов, занимающимся греческими и старославянскими рукописями и византийским искусством, историков и музееведов⁵. Следует отметить, что возвращению своего честного имени Севастьянов должен быть благодарен хранителю Эрмитажа Юрию Александровичу Пятницкому, который с 80-х годов прошлого столетия опубликовал несколько работ, посвященных византийским иконам из собрания П.И. Севастьянова и истории жизни самого коллекционера⁶.

Личный архив фонд Петра Ивановича поступил в отдел рукописей РГБ, уже после смерти собирателя и содержит различные документы, характеризующие его собирательскую деятельность. Прежде всего это его письма к родным, многочисленные записные книжки, переписка с историками и искусствоведами, монахами афонских монастырей, рисунки и газетные вырезки. Имеются сдаточные описи, привезенных с Афона раритетов, переданных в Московский публичный и Румянцевский музей. В фонде хранятся материалы его афонских экспедиций — фотографии афонских древностей, рукописных книг, документов. Пользуясь документами архива Севастьянова, хранящимися в отделе рукописей РГБ, попытаемся проследить его путь к собиранию христианских древностей.

Родился Петр Иванович Севастьянов 4 августа 1811 года в небольшом городке Красная Слобода Пензенской губернии в семье купца 1-й гильдии Ивана Михайловича Савостьянова. (К написанию своей фамилии, как Севастьянов, Петр Иванович пришел в конце 1850-х годов, и под такой фамилией остался в истории). Отец занимался винными откупам и, по отзывам современников, был одним из богатейших людей в губернии. В многодетной семье — девять сыновей и две дочери, Петр был пятым ребенком. Семья была дружная, то, что называется патриархальная; мальчики получали домашнее начальное образование, после чего отправлялись в Москву для получения высшего образования. Уже тогда Петр отличался своей аккуратностью, вьедливостью, любознательностью. В доме была хорошая библиотека, из столиц регулярно поступали газеты и журналы. Получив неплохое домашнее воспитание, и благословение отца и матери иконой Божией Матери Одигитрия⁷, летом 1822 года он был отправлен в Москву в пансион штабс-капитана И.И. Галушки, находившийся рядом с университетом⁸. В этом пансионе учились старшие братья Петра, а позднее и младшие. Судя по отпускному листу с отметками об успеваемости в те годы будущий собиратель учился довольно ровно, но не блестяще. В это время проявились у него художественные способности — Петр увлекся рисованием. Его рисунки — это документальная фиксация места, в котором он находится, юмористические зарисовки, иногда — средство общения. В дальнейшем, все события в жизни Севастьянова, также, как и путешествия найдут отражение в зарисовках, сохранившихся в его многочисленных записных книжках. Первое путешествие Петра в Москву — остался его карандашный рисунок с подписью «Дом Кологривова на набережной Москвы-реки. 1822 июнь»⁹. После окончания пансиона в 1826 году, он готовится к поступлению в Московский университет у ректора университета, ботаника и естествоиспытателя, профессора И.А. Двигубского, у которого и жил во время учения в 1826–1830 гг. Несмотря на близкие контакты с Двигубским¹⁰, Петр не проявил интереса ни к ботанике, ни к филологии; при выборе профессии он пошел по стопам старшего брата Константина,

и получил юридическое образование. 4 июля 1830 г. П.И. Севастьянову выдан аттестат об окончании юридического факультета Московского университета со степенью кандидата¹¹.

Служебная деятельность будущего собирателя началась в августе 1831 года в министерстве юстиции, и проходила в постоянных разъездах. Первое место службы — Пермь, комиссия по делу о бывшем приставе соляных магазинов, в которой он прослужил полтора года, с мая 1833 года — по март 1837 года — Кавказ, Тифлис, в котором он довольно быстро идет по служебной лестнице¹². Служебные заботы заставляли Севастьянова много ездить, его впечатления от природы Кавказа, памятники архитектуры остались в записных книжках и зарисовках¹³. Это улицы Тифлиса в ущелье реки Куры, виды горных перевалов, грузинские праздники. На Кавказе он мечтает о путешествиях, а пока — едет на Кавказские минеральные воды, поправить здоровье. Служба Петра Ивановича проходила в сыром подвальном помещении, там он заработал болезнь сердца. На Кавказе ему тесно, очень хочется оставить службу и путешествовать. Но где взять деньги? Несмотря на то, что у Ивана Михайловича Савостьянова был накоплен большой капитал, его сыновья не имели права пользоваться им без разрешения отца. Поэтому Петр Иванович продолжает службу, с марта 1837 года уже в Петербурге, получает повышения по службе и награды: в 1838 г. ему «пожалован бриллиантовый перстень», в 1839 — «произведен за выслугу лет в коллежские советники», приобретает дом на ул. Гороховой в Адмиралтейской части, становится активным членом Дворянского собрания и т.д. В архиве Петра Ивановича сохранилось большое количество документов, характеризующих его время препровождения — это членские билеты Дворянского собрания, билеты на балы, маскарады, домашние спектакли и др.¹⁴ В эти же годы Севастьянов начинает составлять свою библиотеку, книги из которой позволяют заниматься самообразованием, подготовить планы будущих путешествий¹⁵.

Свое первое путешествие за границу он совершает в мае 1840 года, получив отпуск по болезни на четыре месяца, из-за границы присылает рапорт о втором отпуске, после чего увольняется со службы¹⁶. Маршрут его первой поездки — Германия, Франция, Англия, Швейцария, Италия. Это путешествие определило всю его дальнейшую жизнь. Встреча с подлинным христианским искусством потрясла его. В архиве хранится его альбом документов и изобразительных материалов, собранных во время путешествия по странам Европы в 1840–1841 годах¹⁷, а также его письма родителям с впечатлениями от поездки. Описывая свою светскую жизнь и достопримечательности Европы, в письме из Парижа Петр Иванович писал: «... Но жить единственно для удовольствия невозможно, мне кажется, что я не мог бы выдержать и двух месяцев...». Путешествуя, он искал точки соприкосновения западной культуры с русской, отмечая моменты понятные и близкие России. В письме из Рима он пишет: «За два часа езды мы увидели

Рим, или правильнее купол церкви Св. Петра, в котором заключается вся слава нынешнего Рима. Исполненный воспоминаний, с особенным чувством благоговения я въезжал в этот город, некогда столицу вселенной... В пребывании моем здесь, я усердно осматривал римские знаменитости; утром выходил в 6 часов, возвращался в 12 и после обеда от 3 до 8; в это время я осмотрел более 50 церквей, 25 дворцов и ежедневно был в церкви Св. Петра и в Ватикане. Из вещей священных я удостоился видеть вывезенную из Иерусалима часть стола, из кипарисного дерева, на котором была совершена Тайная Вечеря; столп, к которому был привязан Спаситель во время страстей; мраморную лестницу (из 28 ступеней) из дворца Пилата, по которой проходил Спаситель на суд его; эта лестница теперь ведет к чудотворному образу Распятия и по ней не иначе поднимаются, как на коленях, чтобы сохранить мрамор от совершенного истребления, который коленями поклонников протерт более чем на , с недавнего времени его покрыли досками; наконец, небольшой портик, поддерживаемый 4 колоннами, которые показывают высоту роста Спасителя. Я подходил под эти колонны — они были четвертью выше меня; и еще колодец из мрамора, у которого Спаситель встретился с самаритянкой. Церковь Святого Петра так обширна и величественна в отдельных своих частях, что с первого вида она не поражает своей величиной, после, чем более всматриваешься, тем более им удивляешься, в особенности колоннадой и бессмертным куполом... Ватикан — огромное здание, заключает в себе 12 дворов, 120 лестниц и 12 тысяч комнат... На днях я был в яблоке под крестом церкви Св. Петра, где в русских буквах блестит имя нашего наследника престола; прежде похода я побился об заклад об четвертаке с одним из русских, что найду там духовных [лиц] и выиграл пари: я нашел там двух монахов, которые спорили с провожавшим их мальчишкой и вместо денег предлагали ему изображения Св. Антония»¹⁸. Путешественник испытывал денежные затруднения, и в эту первую заграничную поездку о коллекционировании не было и речи. Среди 18 писем Севастьянова за время поездки сохранилось письмо к отцу, в котором он просит прощения за деньги, израсходованные сверх положенных ему на путешествие¹⁹.

По возвращении домой Петр Иванович не торопится вновь на службу. Внезапно 11 декабря в 1841 г. умирает мать — Анфиса Михайловна. Смерть матери изменила Петра Ивановича. Он пишет воспоминания о ее последних днях болезни, смерти и погребении, подчеркивая ее христианский уход из жизни: «... страдавшая беспрестанно осеняла себя крестным знамением и, казалось, читала молитвы. Начала отходить и без малейших обыкновенных признаков кончины ... больная вздохнула раз десять и отлетела в другой мир. Батюшка закрыл ей глаза. Все мы окружали ее и не могли уловить последнего вдоха, так кончина праведной была тиха и незаметна!»²⁰. Среди рисунков Севастьянова есть вид московского Донского кладбища с могилой

матери²¹, в альбоме рисунков 1854 года есть рисунок, датированный декабрем с подписью: «Вид дома, в котором скончалась матушка в 1841 году в 1841 году на Никитской и флигель... Из дома Азанчевского»²².

После смерти жены, Иван Михайлович постепенно стал отходить от дел, передавая дела сыновьям, выбрав в помощники сына Петра, который с 1840-х годов ведет отцовские дела, связанные с винными откупам. Но денег на увлечения — коллекционирование, путешествия отец не дает, поэтому неизбежное возвращение на службу. С 1843 г. — работа в комиссариатском департаменте военного министерства, в Балтской комиссии, требующей выезда на юг — в Одессу и Херсон. Мечта о путешествиях не оставляет его, в 1846 он пишет прошение на четырехмесячный отпуск для поездки во Францию для оказания помощи овдовевшей сестре М.И. Кологривовой²³. С 1846 г. Севастьянов ежегодно выезжает за границу в отпускное время. Уже в то время у Петра Ивановича появилась идея организовать поездку на Восток.

В ноябре 1850 года умирает Иван Михайлович Севастьянов, оставляя все наследство сыновьям. После раздела имущества с братьями, на руках у Петра Ивановича оказывается довольно внушительная сумма денег. Он подает в отставку, оставляет службу и решает посветить свою жизнь путешествиям и собиранию коллекций древностей. Остановимся на путешествиях 1851–1853 годов, которые обратили внимание Севастьянова на уникальные памятники, сохранившиеся на Востоке. В 1851 году он посетил Германию, Францию, Хорватию, Афон, Англию, Финляндию, в 1852 г. — Италию, Испанию, Грецию, Афон, Египет, Палестину; в 1853 г. — Турцию, Грецию (Ионические острова), Италию, Сицилию, Англию, Шотландию, Ирландию. Все маршруты тщательно занесены в записные книжки и педантично описаны. Записные книжки, как правило представляют записи о маршрутах, пройденных за день, состояние пути, достопримечательностей, особенностями быта. Отдельно Петр Иванович зарисовывал пройденный путь, записывал его краткую характеристику, упоминая события дня. Во время путешествий, Севастьянов не расставался со своими альбомами, в которых заносил впечатления от дороги; подробно изображал памятники архитектуры, национальные типы, встреченные им, планы городов и местностей. И наконец — приходорасходные книжки, в которых этот путь тщательно обсчитывался — сколько дали проводнику, сколько заплатили за ночлег и др. По окончании путешествия Севастьянов на основе дневников пытался дать его литературную запись. К сожалению, эта его работа не была доведена до конца.

Большое путешествие по Европе, Малой Азии и Африке потребовало от Петра Ивановича тщательной подготовки. Места, которые он планирует посетить, связаны с историей христианства и паломничеством на Святую Землю. Интерес в русском обществе к посещению Палестины был связан с изданием литературных описаний паломнических поездок: А.Н. Муравьева

«Путешествие ко Святым местам в 1830 году» и А.С. Норова «Путешествие по Святой Земле в 1835 Авраама Норова». Через несколько лет Норов выпускает «Путешествие по Египту и Нумбии в 1834–1835 года, Авраама Норова, служащие дополнением к путешествию по Святой Земле». В книгах этих авторов соединены подробные географические, исторические, статистические, археологические характеристики местности, путеводитель по Ветхому и Новому Заветам, путевой дневник, описание личных впечатлений. Выход книг Муравьева и Норова обратил внимание на ветхозаветные и христианские древности, находящиеся на Ближнем Востоке. В 1850 году выходит книга еще одного паломника — Алексея Алексеевича Уманца — «Поездка на Синай: с приобщением отрывков о Египте и Святой Земле», о путешествиях 1842 и 1843 годов. При составлении маршрута Севастьянов пользуется изданными книгами, и повторяет путь Муравьева и Норова — он отправляется в Палестину через Египет и Синай. О знакомстве с книгами этих авторов можно судить по «Каталогу книг библиотеки Петра Ивановича Севастьянова с особым каталогом географических карт, планов, атласов, глобусов». В библиотеке П.И. Севастьянова были: «Норов А.С. Путешествия по Египту и Нубии в 1834–1835 гг., чч.1 и 2, СПб, 1840; Уманец А. А. Поездка на Синай с приобщением отрывков о Египте и Святой Земле. В 2-х частях с приобщением карты Синайского полуострова, карты Синай и карты расстояний между Каиром, Суэцом и озером Мензоле, 8 литографюр, 1850; А.Н. Муравьев. Письма с Востока в 1849 и 1850 г. в 2-х томах, СПб, 1851. и его же Путешествия ко святым местам в 1830 г., СПб, 1832; А.Н. Муравьев. История Иерусалима в двух томах, СПб, [1844]; «Путешествия русских людей по Святой земле»; Хождение Трифона Коробейникова в Иерусалим («Сказание о святем граде Иеросалиме...» М., 1826)»²⁴.

Остановимся на путешествиях Петра Ивановича 1851–1852–1853 годов, которое можно проследить по записной книжке «Маршрут заграничной поездки 1851–1852–1853 годов»²⁵. Итак, 29 ноября / 10 декабря 1851 года Севастьянов выехал в большое путешествие. Первоначальный проехал через Варшаву (7/18 декабря), затем Честохов (7/19 декабря), где состоялась его встреча со знаменитой иконой Ченстоховская Божья Матерь, далее Берлин (2 дня) и Прага (2 недели), где встречает Рождество. Новый 1852 год (по старому стилю) встретил в дороге от Лиона до Авиньона, местом, где около 70-ти лет пребывал папский престол в XIV веке, далее Марсель, Генуя, через Итальянский сапожок в Неаполь (провел 11 дней). Оттуда на Мальту. С Мальты в Александрию (31 января / 12 февраля). С 1/13 февраля в глубь Египта — из Александрии по каналу Мерюдов и по Нилу до Каира. В Каире проживет более 10 дней, посетит долину Царей и увидит знаменитые пирамиды и долину сфинксов. В долине Нила ознакомится с Фивами и Асуаном, 25 февраля / 8 марта посещает храмы Луксора, далее возвращение в Каир и путь в Святую Землю к Палестине. Переход к Иерусалиму занял 2 недели.

Шли через пустыню. Сохранились почасовые записи Петра Ивановича об этом путешествии: «Альханке — 6 часов, Бельбек — 10, Легрен — 9 1/2, Сальхие — 11, Эль-Ганатр — 11, Камиа — 2 дня, Бир иль Гаш — 11, Эшех — 10, Элварим — 11, Шех Суэт — 10, Ханбениш — 11, Газа — 11, Рамли — 2 дня, Иерусалим — 1 день»²⁶. Дальнейшее путешествие по Святой Земле тоже занесено и расписано: «Из Иерусалима до Наблуза — 2 дня. Назарет — 2 дня. Монт Кармей и Назарет — 2 дня. Тиберия — 2 дня. Баниан — 2 дня. Беджан — 1 день. Дамаск — 1 день. Зубейд — 1 день. Балбек — 1 день. Энати — 1 день. Горы Моталибан и Эхдем — 1 день. Труболи — 1 день. Нахри Эбрагим — 2 дня 2 дня, Бейрут — 2 дня»²⁷. Итак, к 30 апреля / 12 мая из Бейрута Севастьянов возвращается в Европу на Кипр. (Записная книжка Севастьянова П.И. с многочисленными карандашными рисунками, сделанными во время путешествия по Палестине с примечаниями и альбом рисунков, публикуется ниже).

А маршрут продолжается. По морю он отправляется в Смирну, в которой проводит 3 дня, а к 11/23 мая прибывает в Константинополь. Неделя в Константинополе, затем Галиполли и Дарданеллы, оттуда в Солоники. С 23 мая / 9 июня — через Метоху, станцию на горе Афон в монастырь Хиландар, пробыв на Афоне неделю, возвращается в Солоники. Посещение Афона потрясло Петра Ивановича. В дальнейшем основная его деятельность будет направлена на сохранение и собирание афонских памятников. Лишь его склонность к завершению начатого дела, в данном случае намеченного маршрута путешествия, заставила его отправиться в путь. Далее изучение античных памятников Греции — Афины, Нимея, Коринф, о. Корфу. Оттуда 27 июня / 9 июля на Мальту. С Мальты — возвращение в Италию — Палермо, Неаполь, к 29 июля / 10 августа прибытие в Рим. Оттуда во Флоренцию, Марсель, рывок в Испанию — Барселона, Валенсия, Малага, Гренада, Альгамбра, и вновь Малага. Особенное впечатление на путешественника произвел проезд через Гибралтарский пролив 14/28 сентября. Далее — Кадикс, Сивилла, Кордова, Мадрид, Толедо. Октябрь он проводит в Мадриде, откуда направляется в Париж через Тулузу. С 19/31 октября — Париж. До марта 1853 г. приходит в себя и готовится к новым путешествиям. 6/18 марта начало путешествия — Лион, Авиньон, Марсель. С 13/25 марта — путешествие в Тунис морем на пароходе «Филипп Август». В Тунисе осмотрел Карфаген, побережье и оттуда морем 27 марта / 8 апреля прибывает в Константинополь, четыре дня в Константинополе, вновь путешествие на Африканский берег — Алжир. До 13/ 25 апреля он осматривает достопримечательности Алжира, оттуда отправляется во Францию в Бордо, Марсель, Лион и вновь Париж. Из Парижа 11/24 мая в Лондон, путешествие по Ирландии и Шотландии и возвращение в Париж 24 июня / 6 июля. С 7 / 19 июля путешествие по Европе — Германия — Гамбург, Франкфурт, Баден (лечение водами — Гейдельберг, Мюнхен, Линц, Вена, Дрезден, Кельн, и снова

Париж. 30 октября 1853 года Россия вступает в войну с коалицией — Турции, Англии, Франции, и Петр Иванович вынужден был вернуться домой.

Именно это путешествие дало начало собирательской деятельности П.И. Севастьянова. Первоначально он собирает раритеты стран, в которых он находится. Так в Египте были приобретены 25 предметов, которые впоследствии поступили в Московский публичный и Румянцевский музей. Согласно сдаточной описи, среди них: «1. Бронзовая фигура демона. 2. Глиняная зеленая статуя. ... 5. Скарабей желтого камня. 6. То же каменная. 7. Две сандалии из гробницы», несколько фрагментов мумий, глиняные фигуры, стеклянные флаконы²⁸. Попав в Палестину Петр Иванович начинает обращать внимание на иконы, предметы церковной утвари, затем — рукописи и разнообразные копии с рукописей, фресок, скульптурных памятников. Знакомство с православным Востоком натолкнуло его на сбор памятников, относящихся к истории византийской и славянской культуры, к истории стран христианского Востока.

Иерусалим поразил воображение Севастьянова — в нем чувствовалась живая связь с библейской историей. У Петра Ивановича возникает план создания топографического описания Иерусалима и Палестины. В основу он берет события из Ветхого и Нового Завета и отмечает их на плане современного ему Иерусалима, на основе собственных обмеров и уже существующих планов Иерусалима. В 1854 году им был составлен труд «Материалы для топографического описания Иерусалима», в котором он указал на карте Иерусалима 280 объектов библейской истории, описав их состояние в начало 1850-х годов и подобрав соответствующие цитаты из Ветхого и Нового Заветов²⁹.

В это же время он заказывает топографу Составову макет Иерусалима и его окрестностей в масштабе³⁰. Макет был изготовлен и демонстрировался на выставке в Синоде в 1859 году. В дальнейшем макет перешёл в собственность Палестинского комитета. В 1864 Петр Иванович хотел передать макет в Московский публичный и Румянцевский музей, но, получает ответ от Комитета, что «в ответ на письмо вашего превосходительства о присланной из Иерусалима в Палестинский комитет модели храма Гроба Господня, имею честь сообщить, что я полагаю предоставить статс-секретарю Мансурову, по возвращению его из Иерусалима, представить означенную модель государю императору и что передача оной в то время в Московский музей или в другое учреждение будет зависеть от воли его императорского величества»³¹. В 1867 году, по сведениям исследователя П.А. Бессонова, макет «случайно погиб»³². Сохранилась только работа Севастьянова «Объяснение рельефного плана Иерусалима, составленное в 1859 г.»³³.

После окончания Крымской войны в 1856 году П.И. Севастьянов продолжит исследовательскую и собирательскую деятельность уже на Афоне. Именно там, он применит новый способ копирования — фотографирование,

снимая уникальные памятники Афона — фрески, иконы, рукописи, внешние виды монастырей. На Афоне Петр Иванович проведет 3 экспедиции, привезет оттуда многочисленные памятники византийского искусства, древнеславянского — среди которых знаменитое Зографское Евангелие. По возвращении домой, наиболее ценная часть собрания Севастьянова была у него изъята и поступает Музей христианских древностей Академии Художеств в Петербурге, а оставшуюся часть он передает в Московский публичный и Румянцевский музей.

Последний год тяжело больной Севастьянов прожил в Петербурге. Привычка трудиться и обилие нереализованных планов заставили его взяться за работу, названную им «Ключ к христианской иконографии». Это собрание рисунков христианской иконографии в хронологическом порядке с самых ранних времён до середины XIX века. Было составлено 28 томов из рисунков, систематизированных по темам. Среди них — иконография; таинства, обряды, исторические события, символы, поверья; церковная утварь; зодчество; топография святых мест России, Греции, Константинополя, Запада, Палестины; палеография. К сожалению, в архиве Севастьянова сохранились лишь фрагменты этой работы.

Умер Пётр Иванович в январе 1867 года в Мариинской больнице Петербурга. Похоронен в Александро-Невской лавре, рядом с могилами полководца А.В. Суворова и знаменитого государственного деятеля Н.И. Панина.

**ЗАПИСНАЯ КНИЖКА СЕВАСТЬЯНОВА П.И.
С МНОГОЧИСЛЕННЫМИ КАРАНДАШНЫМИ РИСУНКАМИ,
СДЕЛАННЫМИ ВО ВРЕМЯ ПУТЕШЕСТВИЯ ПО ПАЛЕСТИНЕ
С ПРИМЕЧАНИЯМИ. 1852 г.**

Рисунок — фигура полулежащего человека, курящего кальян на фоне степи. Надпись: «Степь. Палестина. Привал в степи».

Изображение мужчины, едущего на осле (муле) со спины. Текст: «Показалась луна и мы попали на след. Наконец прогляд[ели] огонь; пришли в 4 часов; следовательно, мы были в пути 11 часов. Холод, ноги окоченели, по термометру 7 градусов. Обедали. Ночью был дождь.

14/26 [февраля]. Эльвари. Драгоман отправился с паспортами. Возвратил[ся] с известием, что паспорт неисправен. У нас нет визы правительства Египта. Спор. Мы задержаны. Крытый колодезь. 2 старых колонны. Высота в 2 египетские ступени. 2 человека, которые мы связали и отправили вниз. Вышли. Ноги качаются»

Рисунок — четырехугольный обелиск среди деревьев. Текст: «Илиополис 11/23 февраля 1852 г. 11 градусов тепла.», далее описание обелиска.

Рисунок — шатры, здания, деревья. Надпись: «Грен. 19 марта».

Л «Грен. 8/20 марта. Ночью была стрельба. Эта деревня знаменита воровством. Вышли в 8 часов. Напротив степь. Налево пальмовая роща. Раль, Хеврин верхом впереди. В степи увидели несущуюся лошадь. Раль ее привязал, остановились. Умная лошадь тотчас далась. Берблюд [верблюд] мой ужасно прожорлив и часто заставляет меня делать фальшивые движения. Лошадь поймана. Драгоман и Раль догнали нас. Началась ссора. Драгоман объявил, что не хочет более нас провожать, потому что Раль его ударил и грозил убить. Раль оправдался. Много толку. Двинулись. Все казалось уладили, но по приходе в Сакахие началась снова ссора. Драгоман не хотел снимать палатки.

9/21 марта. Встали до свету. Ночь теплая. 7 градусов. Лагерь отправили охотно с сопутниками. Двинулись в 9. Дорога покойная по сухупотку, болота везде и песок с кочками, травой или тернием. В час завтрак походом — утки, сыр и апельсины. Несколько капель дождя. День странный — сначала сильный жар, потом нашли тучи и опалил холод. В 3 часа. Только руки пропылили мимо бывшей станции, теперь совсем разрушенной бедуинами Ибрагим Паша. В 5 ч. остановились опять по Бекшим

Рисунок лагеря в степи и человека в восточной одежде. подпись: «Mareo! Date lo pirru».

«12/24. В граду. В 5 ч. еще не рассвело. Наш лагерь не просыпался. Сопутники встали, развели большой огонь. Заря занималась. Лошади у лагеря, верблюды в пустыне. Светало. Вдали над озером поднимался небольшой пар. Рисую лагерь. Вышли по обыкновению в 8 часов. День жаркий, ни одного деревца. В 12 часов море. В 4 остановились в пустыне недалеко от разрушенных могил. Вблизи небольшое озеро, пошли с ружьем, дичи нет. В это время догнал нас англичанин. С ним драгоман, араб, повар и 6 верблюдов. [неразб.] выходяв на 40 дней. Пил у нас кофе. Обед, вечером в 9 часов дождь небольшой, но сильнейший, который мы имели в пустыне.

13/25. Ночью разбудил сильный ветер. 9 градусов тепла, похолодало. Все ковыль и колючки. Горизонт ограничен. Сильный ветер, начался дождь, который шел в течении 3 или 5 часов. Подобный дождь мы не видали с Пестума. Константин ушел вперед. Стадо верблюдов с маленькими. В 5 часов увидели большое стадо и показались вдали 2 женщины».

Рисунок — группа женщин сидит на корточках, на заднем плане одноэтажные строения. Подпись: «Привал в Эль-Арише».

«15/27. Эль-Хан. Встали все очень рано. Торопились попасть в Газу. Драгоман заверял, но мелек не обнадежил. Выехали в 7 ч. 20. Через час озеро, о котором говорил Норов. Могила Шелка с разрушенным постоем» — ниже миниатюрный рисунком, может быть этой могилы с указанием кустов и другой растительности. «12 часов в Реортию. Пустыня, лишь 2 коровы. Тотчас от Реорты арабское кочевье, первое, которое мы видели. Жарко, но сносно. Солнце печет в сапоги. Через часа начались пески и горы, попадались

бедуины. 2-е пешком с ружьями. Птиляр мало в число . Обнаружен Хан Ют в час и 35 мин. Вступили в Хан-Ют. Идем дорогой, огороженной колючкой, а за ней арабскими фигами. Сад на большом пространстве».

До деревни идем прекрасным полем. Море слева, справа по степи. Вот шелковицы. Падение осла. В 7 ч. 20 прибыли к зданию. Отворил ворота о. Мидин. 4 угольная дверь, впереди колодец. Встретили сторожа с палками. Недопустили приза. Между тем разбирали наши вещи.»

Хроника путешествия: «17 — Матис, 18 — Бельбеки, 19 — Грен, 20 — Сасах, 21 — Канатир, 22 — Камие, 23 — Бенеляш, 24 — Мизар, 25 — Эль-Ариш, 26 — Экол-Шейк, 27 — Газа, 28. [Далее без даты] «Рамли, Иерусалим».

Ниже план и рисунок помещения с подписью «Комната в карир [?] Газы».

Рисунок с подписью «Карантин в Эль-Арише».

«16/28. Проснулись рано. Полезли за водой в колодец, но немного достали. Принесли воды. В 9 часов все проснулись. Завтракали на воздухе! Нам объявили, что лучшие комнаты освободились, мы рассмотрели их и решили перейти.

17/29. Встали рано. Пришлось [неразб.]. Утром возвратил нам приезд директор. Прием был на дворе. Директор в одном бордовом сюртуке, бельмане и фреске. Он хорошо говорит по-итальянски. ... В 2 часа были в бане. ... Мустафа Абдул бросал копыя. Лег в 10 часов.

«18/30. Встал в 5 часов. Через 2 минуты показалось солнце. Чувствую головную боль — это недостатки моциона. Перед явлением доктора.

19/31. В 5 солнце не видно. Конь Константина. Оправдания. Укладка лошади. Бакшиш. Камни. Дома. Базар. Поля.

Бед Ханула.

Мы идем вперед. Подтягиваемся, выючим лошадей. Поля роскошные, везде зелень. На полях большие [неразб.]. В час завтрака под сикомором, который не был еще покрыт зеленью. В 2 часа догнал нас Константин с предложением поехать вперед, согласились, погнали лошадей. Необозримые поля раскинулись вдаль. Константин, не зная дороги, и спрашивал на каждом шагу, заверял, что спрашивал воду. Смеркалось, а мы еще не в городе. Наконец, я увидел огонек вспыхивал в саду..... В городе было уже мало народа. Сойдя с лошади, я чувствовал большую усталость. Я был доволен своим ковром, но на 4-х он оказал большую пользу. Едва сняли ..., как принялись муравьи и блохи, укрывшиеся в подводе, где было теплее. Наконец, неугомонный посланник и объявил [неразб.]

20 воскресенья. Дверь была открыта на ночь.

20/1 апреля. Явился Константин. Вышли на террасу. Вид привлекательный на город и Иудейскую гору. Снял вид. Явился Ховрин. ... Пошли по городу.»

Вид города Рамли. Подпись: «Рамли с кровли греческого монастыря по направлению к Иерусалиму»

21/2 апреля. [неразб.].

Пейзаж с фрагментами крепостной башни. Надпись: «Бабель эль вас ночлег под Иерусалимом». Тот же пейзаж с увеличением изображения крепостной башни.

Пейзаж и подпись «2-й вид на Иерусалим от Яфской дороги.

Пейзаж и подпись «Первый вид на Иерусалим».

Два рисунка с датой «5 апреля». 1-й — «Фонтан апостолов», 2-й — «Яфские ворота».

Два рисунка с датой «5 апреля». 1-й «Гробница Лазаря», 2-й «Дом Марфы».

Два рисунка. Первый изображает часовню с памятником, который будет представлен в увеличенном виде на следующем с подписью: «Кесма у которого Марфа нашла Спасителя». Изображение помещения с указаниями.

ОР РГБ. Ф.269/1, к.3, ед.хр.2. Автограф. Примечания и подписи, сделаны чернилами, поверх примечаний карандашных.

Альбом Севастьянова П.И. карандашных рисунков, сделанных во время путешествия по Палестине с примечаниями. 1852 г.

Л.2 — рисунок с подписью «Бейрут».

Л.3 — угасающий рисунок с подписью «Элеонские горы».

Л.5 — угасающий рисунок с подписью «Фавор с дороги в Назарет».

Л.6 — в центре утраты рисунок из-за разрыва листа, отсутствует фрагмент листа. На рисунке подписи: «Подворье Гефсимании», «Терраса Иакова Брата Божия», «Омовение. Ночь».

Л.7 — рисунок с подписью «Дом Вероники».

Л.8 — рисунок с подписью «Первое падение Спасителя».

Л.8об. текст с описанием местности, изображенной на л.9 и евангельских событий, происходивших там.

Л.9 — рисунок ворот в стене с подписью: «Се человек!»

Л.10 — набросок людей в храме.

Л.11 — изображение женщины в национальном костюме. В тексте объяснения костюма: «Белое покрывало, руло серебряных монет, синяя рубаха, открытая грудь».

Л.12 — рисунок с подписью «храм Иерусалима» и две фигуры — священника и турка. На полях описания одежды. К турку: «Красная феска, синяя кисть, плат серый, был с ...» и описание священнических одежд.

Л.13 — рисунок мужчины со спины.

Л.14 — фигуры, сидящие на корточках на фоне арочных ворот.

Л.14об. — фигура стоящего со спины и описание его одежды в цвете.

Л.15 — Рисунок с текстом: «Деревянные и чугунные доски, заменяющие колокола в храме Воскресения в Иерусалиме». Далее часть молитвы: «Благодарствую земля радос велию; хвалит небеса Божию славу». Даны размеры досок в аршинах и вершках.

Л.16 — набросок плана, под ним надпись: «План дома Тайной вечери».

Л.17 — набросок и текст: «Окно гарема турецкого дома в храме Воскресения».

Л.18 — набросок местности с подписью: «Гроб Александрийский», «зелень, «желт. скала».

Л.19 рисунок с надписью: «пещера Иеремии».

Л.20 — фигура со спины на фоне местности и надпись: «Пояс Фомы».

Л.21 фигура со спины смотрит вниз на горы и долину, подпись: «Отдаю все Апостол».

Л.22 — женская фигура на фоне местности и подпись: «Место Божией Матери во время побиения Стефана».

Л.23 — на фоне горной цепи шатры и подпись: «Гора искушения сорокодневного поста Сына Божия».

Л.24 — рисунок шатров с людьми, подпись: «Лагерь на поле Иерихонском».

Л.25 — шатер и подпись: «Палатка помощника Иерусалимского Муренима в лагере под Иерихоном. Апреля 19».

Л.26 — рисунок — горы за заднем плане: «Мертвое море», подпись: «Лавра Саввы новг. На пути из лавры в Вифлеем».

Л.27 — горы, подпись: «Вид Вифлеема с лошади».

Л.28 — горы и строения: «Вид в Савином монастыре»

Л.29 — вид с пальмой на первом плане: «Мон. Св. Саввы с восточной террасы».

Л.30 — изображение раки [Св. Саввы] — без подписи.

Л.31 — записи: «Акты», «Дом Пилата крыльцо», «Часовня истязания», «Арка», «Дворец царей Крестоносцев».

Ф.269/1, к.5, ед.хр.12. Автограф. Примечания и подписи, сделаны чернилами, поверх примечаний карандашных.

- ¹ Срезневский И.И. Записки о фотографических снимках П.И. Севастьянова // Известия Императорской Академии наук по Отделению русского языка и словесности. СПб, 1858. Т.7, вып.1; Поленов Д.В. Снимки с икон и других древностей святой горы Афонской из собрания Петра Ивановича Севастьянова. СПб, 1859; Шевырев С.П. Афонские иконы византийского стиля в живописных снимках, привезённых в Санкт-Петербург П.И. Севастьяновым. СПб, 1859; Русский художественный листок № 8, 8 февраля 1859 г.; Бессонов П.А. П.И. Севастьянов и очерк его собрания. // Современная летопись, воскресное прибавление к «Московским ведомостям». 1867. № 14, с.609; Филимонов Г.Д. Характеристика археологической деятельности П.И. Севастьянова // Вестник общества древнерусского искусства. 1874. №1-3; Флоринский Т.Д. Афонские акты и фотографические снимки с них в собраниях П.И. Севастьянова: библиографическое разыскание. СПб, 1880
- ² Г.Ф[илимонов]. Характеристика археологической деятельности П.И. Севастьянова. // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском пу-

- бличном музее, издаваемый под ред. Г. Филимонова. 1874, М., № 1–3. Смес. С.17.
- ³ Ф. Буслаев. О заслугах покойного П.И. Севастьянова. // Вестник Общества древнерусского искусства при Московском публичном музее, издаваемый под ред. Г. Филимонова. 1874, М., № 4–5. с.42. К протоколу 18 § 10 2 апреля 1867 г.
- ⁴ Христианские древности и археологи. По журналу г. Прохорова. «Ежемесячный журнал, издаваемый В. Прохоровым. 2 тома, по 12 книг в каждом, СПб, 1862–1865 г. С.38 // Сборник на 1866 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М., 1866. Отд. 2. Критика и библиография. От редакции.
- ⁵ Кызласова И.Л. Новое о коллекции П.И. Севастьянова. // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987; Довгалло Г.И. Собирательская деятельность П.И. Севастьянова (по материалам его личного архива). // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб, 1995; Смирнова В.Б. Странствия Петра Ивановича Севастьянова // Странник, 1997, №№2 — №, 4; Смирнова В.Б. Афонские встречи Петра Севастьянова: ученые архимандриты П. Успенский и А. капустин. Странник, 2000, № 3–4; Тезисы докладов на Румянцевских чтениях 2012 г. М., 2013; Важкая М.А. Иконы из коллекции П.И. Севастьянова в ГМИИ им. А.С. Пушкина; Дергачева И.В. Рукописное «Житие Василия Нового» по списку РГБ Севастьянов № 39; Добрынина Э.Н. Фрагмент греческих рукописей в коллекции П.И. Севастьянова; Ларина А.Н. П.И. Севастьянов и искусство светописи в 1850-х годах; Михайлова З.В. Коллекция Петра Ивановича Севастьянова в собрании Отдела дерева и мебели Государственного Исторического музея; Пивоварова Н.В. Документы фонда № 269 как источник для изучения деятельности художественно-археологических экспедиций на Афон и реконструкции состава афонской коллекции П.И. Севастьянова; Родионова А.Е. Обзор изобразительных материалов архива П. И. Севастьянова (ф.269, НИОР РГБ); Фокич Б.Л. Коллекция греческих рукописей П.И. Севастьянова.
- ⁶ Пятницкий Ю.А. Происхождение икон с Афона из собрания П.И. Севастьянова. С.42–44 // Сообщения Государственного Эрмитажа, т.ЛIII, Л., 1988; Пятницкий Ю.А. Памятники с Афона в собрании Эрмитажа. С.17–22 // Афонские древности. Каталог выставки из фондов Эрмитажа. СПб, 1992; Пятницкий Ю.А. Почему большинство византийских икон хранится в фондах Эрмитажа. С.56–62 // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского; Пятницкий Ю. А. «Отечества и дым нам сладок и приятен». Эпизоды из истории византийской коллекции Государственного Эрмитажа // Наше наследие, 2014, № 11–112.
- ⁷ В записной книжке Севастьянова имеется изображение этой иконы с подписью: «Благословение батюшки и матушки июня 11 1822 года» и более поздней припиской «Этот образ украден в Назарете» — см. ОР РГБ. Ф.269, р/1, к.5. ед. хр.3, л.53.
- ⁸ ОР РГБ, Ф.269, р/II, к.24. ед. хр. 1. Севастьянов П.И. Отпускной из пансиона с отметками об успеваемости. 1822–1826 гг. Позднее в записной книжке 1854 года Петр Иванович нарисует доску с объявлением о пансионе и входные ворота — см. ОР РГБ.

- Ф. 269, р/1, к.5. ед. хр.3, л.87, а также дом Яковлева в Университетском переулке, где находился пансион Галушки — там же, л.101; владельца пансиона — штабс-капитана и кавалера Ивана Ивановича Галушку — там же л.119.
- ⁹ ОР РГБ. Ф.269, р/1, к.4. ед. хр.24, л.8. В 1854 г. Петр Иванович приедет в Москву, пройдет по местам учебы, и на листах его записной книжки появится портрет Веры Григорьевны Двигубской, жены И.А. Двигубского, и сценки из студенческой жизни — см. ОР РГБ. Ф.269, р/1, к.5. ед. хр.3, л.94, 83, 86.
- ¹⁰ Иван Алексеевич Двигубский разработал русскую ботаническую номенклатуру и ввел ряд новых ботанических терминов; в 1830–1833 гг. — председатель Общества любителей российской словесности.
- ¹¹ Довгалло Г.И. СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность П.И. Севастьянова (по материалам его личного архива). // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб, 1995. С.243.
- ¹² За эти годы он был грузинским губернским казенных дел стряпчим, исправлял должность губернского прокурора, а также губернских уголовных дел стряпчего, получил чин надворного советника. — См. — Формулярный список Севастьянова П.И., выданный комиссариатским департаментом Военного министерства. 1844 г. ОР РГБ. Ф.269/1, к.1, ед.хр.17.
- ¹³ ОР РГБ. Ф.269/1, к.5. ед. хр.4.
- ¹⁴ ОР РГБ. Ф.269/II, к.24. ед. хр. 17.
- ¹⁵ ОР РГБ. Ф.269/II, к.6, ед. хр. 2,3 — см. счета за переплет и покупку книг за 1838 год.
- ¹⁶ ОР РГБ. Ф.269/1, к.1, ед.хр.17.
- ¹⁷ ОР РГБ. Ф.269/II, к.25, ед.хр.1.
- ¹⁸ ОР РГБ. Ф.269/1, к.10, ед.хр.8, л.36, 37–38об.
- ¹⁹ Там же, л.50.
- ²⁰ ОР РГБ. Ф.269/1, к.4, ед.хр.23.
- ²¹ ОР РГБ. Ф.269/1, к.4, ед.хр.24, л.6.
- ²² ОР РГБ. Ф.269/1, к.5, ед.хр.3, л.91.
- ²³ ОР РГБ. Ф.269/1, к.1, ед.хр.18. — прошение датировано мартом 1846 года, было удовлетворено. 20 апреля Севастьянов выехал из Петербурга в Париж — см. ОР РГБ. Ф.269/1, к.9, ед.хр.21, л.3
- ²⁴ ОР РГБ. Ф.269/1, к.15. ед. хр.4.
- ²⁵ ОР РГБ. Ф.29/ I, к.2, ед.хр.19
- ²⁶ ОР РГБ. Ф.269/1, к.2, ед.хр.22, л.71
- ²⁷ ОР РГБ. Ф.269/1, к.2, ед.хр.22, л.71об.
- ²⁸ ОР РГБ. Ф.269/II, к.15. ед. хр.3.
- ²⁹ ОР РГБ. Ф.269/1, к.8, ед.хр.9
- ³⁰ ОР РГБ. Ф.269/1, к.32. ед. хр.26.
- ³¹ ОР РГБ. Ф.269/1, к.26. ед. хр.58, л.1
- ³² Бессонов П.А. Указ. соч., с.9
- ³³ ОР РГБ. Ф.269/1, к.8, ед.хр.10

ПУТЕШЕСТВИЕ ВОЕННОГО ТОПОГРАФА И ВОСТОКОВЕДА П.П. ЛЬВОВА ПО БЛИЖНЕМУ ВОСТОКУ В 1830 И 1833–1835 ГГ.

С.Ю. Житенёв,

В 1833 г. подполковник Генерального штаба Российской империи Пётр Петрович Львов¹ был командирован «по высочайшему повелению» на Ближний Восток, в Сирию и Палестину, с целью сбора топографических, географических и военно-статистических сведений этой части Османской империи, которую тогда называли «Азиатской Турцией». По мнению современного исследователя М.Р. Рыженкова, П.П. Львов «должен был представить в Департамент Генерального штаба подробное описание области, которая могла стать театром военных действий в случае возобновления войны между Турцией и Египтом с участием русского экспедиционного корпуса»². Дело в том, что территория Сирии и Палестины в это время только формально принадлежала Османской империи, так как эти земли захватили и контролировали войска паши Мохаммеда Али³, правителя Египта, который в 1831 г. начал военный поход против султана Махмуда II. Султанские войска не смогли оказать сопротивление египетской армии, и только вмешательство в этот конфликт Российской империи остановило полный разгром Османской Порты. Однако хрупкое равновесие в любой момент могло нарушено, так как «египетская армия оставалась на занятых позициях в готовности для нового решительного броска. <...> В таких условиях Махмуд II обратился к России за обещанной военной помощью. В феврале 1833 г. в Босфор прибыли русская эскадра под командованием контр-адмирала М.П. Лазарева⁴, а затем еще один отряд кораблей с десантом на борту. Русские полки расположились лагерем недалеко от Стамбула, в местечке Ункяр-Искелеси, где в том же году был подписан договор о военном союзе двух империй. <...> Ункяр-Искелесийский договор⁵ справедливо рассматривается как триумф русской дипломатии на Ближнем Востоке. В результате египетские войска отступили из Анатолии, а русский десант покинул берега Босфора. Согласно турецко-египетскому соглашению, за

Мохаммедом Али осталась Сирия, которую султан формально передавал в управление египетскому паше»⁶.

Достигнутые соглашения были неустойчивым равновесием в сложившейся ситуации и в любой момент могли быть нарушены с обеих сторон. Таким образом, территории Сирии и Палестины могли стать местом военных действий не только для турецких и египетских войск, но и для русской армии, которая, согласно договора, должна была выполнять свои обязательства. Пожалуй, в русской истории это единственный факт, когда русское высшее командование рассматривало ближневосточные территории как место проведения возможных военных операций. В этой связи реальные цели командировки П.П. Львова, опытного офицера русского Генерального штаба, имеющего военный опыт, в Сирию и Палестину не вызывают сомнений. «Он должен был представить в Департамент Генерального штаба подробное описание вероятного театра военных действий»⁷. Русской дипломатии и, в первую очередь, специальному посланнику генерал-майору Н.Н. Муравьёву удалось наладить нормальные отношения с пашой Мохаммедом Али, поэтому разведывательное по существу путешествие П.П. Львова по территориям, находившимся под контролем египетских войск, смогло быть реализовано. При этом уместно будет заметить, что свою поездку по Ближнему Востоку П.П. Львов совершал совершенно открыто и не прикрывал её паломническими и другими целями. Однако как православный человек, посещая Святую Землю, он не мог не поклониться местам земной жизни Спасителя и Пресвятой Богородицы.

Предваряя рассказ Петра Петровича о Святом Граде Иерусалиме, необходимо заметить, что он в 1830 г., будучи поручиком Гвардейского Генерального штаба, совершил удачное путешествие с разведывательными целями по Анатолии и Кавказу. Он проехал «через Стамбул, Ангору, Сивас и Эрзерум в Тифлис. Формулярный список не уточняет цель поездки, но совершенно очевидно, что она носила разведывательный характер. За эту командировку Львов был награжден перстнем с алмазными украшениями и «во внимание к особенным трудам в течение войны с Оттоманскою Портою 1828 и 1829 годов» годовым окладом жалованья»⁸. Таким образом, молодой русский офицер имел удачный опыт разведывательных путешествий по территории Османской империи.

Итак, в 1834 г. П.П. Львов посетил Иерусалим и описал его в своём отчёте, который он назвал «Описание Сирии». Он явно был знаком с литературой, написанной писателями-паломниками, о Святой Земле, поэтому отказался от подробного описания святых мест и достопримечательностей Святого Града. «Описание Иерусалима в отношении исторических воспоминаний и в смысле церковных достопримечательностей уже столько раз повторялось, что оно было бы совершенно излишним, и подробности выходили бы из настоящей цели географического и статистического описания края»⁹. Таким образом,

он объяснил отсутствие описания святых мест и достопримечательностей Иерусалима целями своего путешествия и, можно добавить, особым жанром своего повествования. При этом Пётр Петрович как православный человек понимал сакральное значение Иерусалима и, безусловно, поклонился Гробу Господню в храме Воскресения Христова.

В целом Иерусалим как населённый пункт П.П. Львову не понравился, но будучи профессионалом, он представил объективное географическое описание города. «Дурно построенный, грязный и небольшой город составляет настоящий Иерусалим, в котором считают от 5 до 8 тысяч домов. Расположенный на плоских высотах значительной возвышенности, Иерусалим ограничивается с восточной стороны глубоким каменистым оврагом¹⁰, на дне которого находится Гробница Богородицы, с полуденной стороны¹¹ — стремнина городской стены также примыкает к глубокому и каменистому оврагу¹², идущему от монастыря с движением Честного Креста. И, наконец, к северу и к стороне запада тянутся гряды плоских высот, покрытые округлыми холмами»¹³. Непривычная характеристика Иерусалима, данная русским офицером-топографом, делает его отчёт особенно интересным именно потому, что он не укладывается в привычный формат, существовавших в то время произведений писателей-паломников.

Далее автор представляет описание архитектуры и инфраструктуры города: «Крепостная стена с башнями, окружая город, отделяет крайний рубеж строений, и на западной оконечности особый замок составляет цитадель Иерусалима. Ну, кстати, та самая Давидова башня¹⁴, о которой писал Даниил¹⁵, строения храма¹⁶, расположенные почти в середине города, занимают как бы особый квартал, обнесённый каменной стеной. Здания эти, без сомнения, могут считаться лучшими, и кроме них особой замечательности заслуживает только мечеть¹⁷, построенная из остатков храма Соломона¹⁸. Другие же строения вообще чрезвычайно дурны, и они прорезаны тесными и грязными улицами. <...> Вода находится только в небольшом подземном проводнике и подземных же яминах¹⁹ в каменистых оврагах»²⁰. Картина города, представленная русским офицером, совершенно безрадостная и реалистично отражающая захолустное состояние Иерусалима в тот период. Османская администрация, проводившая, по сути, оккупационную политику по отношению к местному населению и святым местам, превратила когда-то цветущий и прекрасный Иерусалим в глухой провинциальный городок. Пётр Петрович смог посмотреть на Иерусалим глазами трезвого аналитика, которого не охватил естественный восторг паломника при посещении Святого Града.

После описания Иерусалима, П.П. Львов переходит к характеристике его населения: «Народонаселение незначительно. И ничтожная деятельность жителей, живущих в этом краю, можно сказать, теряется в обширных пространствах и немой бездеятельности. <...> Торговля Иерусалима

заключается единственно в собственном потреблении города, особенно важного по многочисленности ежегодно приходящих богомольцев. Сверх того, разные изделия перламутровых, роговых и кипарисовых образов, чёток, небольших моделей и другого рода памятников Святой Земли составляет также прибыльный и весьма значительный промысел»²¹. Здесь автор описания, на мой взгляд, явно впадает в противоречие, так как сначала он укоряет местное население в полной бездеятельности, после чего рассказывает о существовании разветвлённого и сложного традиционного промысла и развитой городской торговле паломническими сувенирами. В этом месте Пётр Петрович упоминает единственный раз о многочисленных христианах-богомольцах, которые прибывали в Иерусалим, как правило, на Рождество Христово и Пасху.

Русский военный топограф в своём отчёте представляет небольшой анализ религиозного состава населения в Иерусалиме. «Иерусалимское народонаселение также состоит большей частью из христиан. В числе 20 тысяч жителей, исповедующих ислам, едва считают до 6 или 7 тысяч. То есть, несколько сложный состав христиан насчитывает 20 тысяч, и исповедующих исламизм едва считают до 6 или 7 тысяч <...>. Жидов — около трёх тысяч. Остальные же принадлежат к различным сектам христианской Церкви. И православные греки по всей справедливости могут считаться первенствующими и сильнейшими из всех поколений»²². Попробуем, на основе представленных П.П. Львовым данных, понять состав населения Иерусалима по религиозному признаку. По его мнению, в Иерусалиме в 1834 г. проживало 20 тыс. христиан разных конфессий, 6 или 7 тыс. мусульман, 3 тыс. евреев. Таким образом, общее количество жителей города должно составить около 30 тыс. человек, хотя подполковник П.П. Львов указывает только 20 тыс. жителей. Для нас является важной информацией то, что большую часть жителей Иерусалима в середине 1830-х гг. составляли христиане, из которых самая сплочённая и авторитетная была, безусловно, немногочисленная православная греческая община, которая составляла основу Святогробского братства²³.

В своём отчёте П.П. Львов описал природу всей Палестины, а также её жителей. «Самая природа выражается свойствами каменистой пустыни. <...> Таким образом, обнажённые скалы известковых пород и возвышения, засыпанные теми же камнями, удерживают самую унылую наружность жизненного края. Со всех сторон, в особенности к Мёртвому морю и Вмфлеему, горы лежат громадами зубчатых утёсов. Страна представляет остатки как бы недавнего землетрясения, которое взволновало всю наружную поверхность, и только рощи маслин с их грустною зеленью служат почти единственным признаком вековой растительности. Кажется, что здесь погребена не только деятельность природы, но самое изящество её обыкновенных красивых оттенков. Там и воздух или движется для непогоды, или лежит густым и знойным слоем красно-жёлтого цвета»²⁴.

Однако не всё так грустно и безжизненно в Палестине и Пётр Петрович отмечает в своём отчёте также совсем другие картины. «Настоящее же богатство, в особенности окрестных монастырских земель, принадлежащих Храму Спасителя, заключается в значительных сборах хлебных урожаев, деревянного масла, оливок, сухого винограда и виноградного же вина. Из числа главнейших монастырей, расположенных в окрестностях Иерусалима, в географическом смысле заслуживает особенного внимания Вифлеем, названный по-арабски Битлием, ибо здесь, кроме монастыря, находится небольшой городок, расположенный на крутизнах каменных стремнин глубокого оврага. Местность эта может считаться лучшею из всех окрестностей Иерусалима. Она богата садами. И значительный проводник воды, идущий от бассейнов Соломона²⁵, доставляет средства к изобильному орошению полей и виноградников, которые по этой причине принимают цветущее положение»²⁶. Таким образом, кроме Иерусалима П.П. Львов посетил Вифлеем и Мёртвое море, которые описал в своём отчёте.

Командировка на Ближний Восток для подполковника П.П. Львова закончилась в 1835 г. По результатам своего путешествия он представил весьма важное военно-географическое описание Сирии и Палестины, а также топографические материалы для составления более точной карты Азиатской Турции. В награду он был пожалован пожизненной пенсией в 2 тыс. руб. в год. Рукописный отчёт Петра Петровича, отделанный в красивый переплёт с тиснением и золотым обрезом, штампами на бумаге с императорским вензелем, был предназначен для ознакомления Императора Николая I Павловича и руководства Генерального штаба Российской империи. Однако, после ознакомления с ним, отчёт был положен в архив и в последствие не был опубликован. Возможно, это было связано с ранней смертью нашего героя, о замечательной работе которого просто забыли, как это часто случается в России.

¹ Львов Пётр Петрович (1802 — после 1840), полковник Генерального штаба Российской империи, военный востоковед, паломник в Святую Землю. Происходил из дворян Тверской губернии. Воспитанник Московского училища колонновожатых (1820). Участник русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и Польской кампании 1831 г.; адъютант генерал-фельдмаршала И.И. Дибича, а затем генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича. В марте 1830 г. совершил поездку по Азиатской Турции из Константинополя в Тифлис, за представленные материалы награжден алмазным перстнем. В 1833–1835 гг. он был командирован на Ближний Восток, по результатам путешествия представил ценное военно-географическое описание Сирии и Палестины и топографические материалы для составления более точной карты Азиатской Турции. В награду он был пожалован пожизненной пенсией в 2 тыс. руб. в год. В 1838 г. уволен со службы «по болезни и домашним обстоятельствам». Витебский гражданский губернатор в 1839–1840 гг.

- ² *Рыженков М.Р.* Русский офицер в Сирии. // Сирия, Ливан и Палестина в описаниях российских путешественников, консульских и военных обзорах первой половины XIX века. М., 1991. С. 173.
- ³ Мохаммед Али-паша (1769–1849), паша Египта в 1805–1848 гг., вассал турецкого султана Махмуда II, провёл успешные реформы в Египте, восстал против султанской власти в 1831 г. с целью получения независимости от Порты. В 1833 г. султан практически признал автономию Египта и передал паше власть над Палестиной и Сирией. В 1839 г. он второй раз начал войну с Портой и снова победа была на его стороне, но европейские страны ввели объединённый флот в Александрии и вынудили его отказаться от победы. Однако он продолжал владеть Египтом, власть над которым он наследственно передал своим потомкам.
- ⁴ Лазарев Михаил Петрович (1788–1851), русский знаменитый адмирал, флотоводец и мореплаватель, командующий Черноморским флотом и первооткрыватель Антарктиды, совершил кругосветное путешествие.
- ⁵ Ункяр-Искелесийский договор, договор о мире, дружбе и оборонительном союзе между Российской империей и Османской Портой. Подписан 26 июня 1833 г. в местечке Ункяр-Искелеси близ Стамбула, после того как Россия оказала военную поддержку Турции в борьбе с его непокорным вассалом пашой Мохаммедом Али. Договор предусматривал военный союз между двумя странами в случае, если одна из них подвергалась нападению. Секретная дополнительная статья договора разрешала Турции не посылать войска, но требовала закрытия Босфора для кораблей любых стран, кроме России.
- ⁶ *Рыженков М.Р.* Иерусалим в 1834 г. глазами русского офицера. // Православный Палестинский Сборник. Вып. 106. М., 2008. С. 99.
- ⁷ Там же. С. 99.
- ⁸ Там же. С. 100.
- ⁹ Там же. С. 103.
- ¹⁰ Речь идёт о долине Кедрон в Иерусалиме.
- ¹¹ Полуденная сторона, имеется ввиду южная часть Иерусалима.
- ¹² Речь идёт о долине Еннома (Хинома) в Иерусалиме.
- ¹³ *Рыженков М.Р.* Там же. С. 101.
- ¹⁴ Давидова башня, является древней цитаделью, расположенной рядом с Яффскими воротами у входа в Старый город в Иерусалиме. Крепость была построена во II веке до Р.Х. как фортификационное сооружение, неоднократно перестраивалась.
- ¹⁵ Даниил (XI–XII вв.), русский игумен, паломник, всемирно известный писатель, родоначальник жанра хождений в древнерусской литературе. Паломническое путешествие в Святую Землю игумен Даниил совершил между 1106–1107/1108 гг. Это путешествие он сам описал в замечательном произведении «Житие и хождение Даниила Русской земли игумена». Многие исследователи полагают, что игумен Даниил был родом из Черниговского княжества.
- ¹⁶ Строения храма, речь идёт о храме Воскресения Христова в Иерусалиме.
- ¹⁷ Речь идёт о мусульманском архитектурном комплексе Аль-Харамаль-Шариф на Храмовой горе в Иерусалиме, где расположены две главные исламские святыни: мечеть Купол Скалы (Масджид Куббат ас-Сахра) и мечеть Аль-Акса (Масджид аль-Акса) или мечеть Омара.

- ¹⁸ Храм Соломона, главный иудейский храм в Израиле, построенный во времена царя Соломона в 950 г. до Р.Х.
- ¹⁹ Подземные ямины, речь идёт о подземных цистернах, в которых жители Иерусалима традиционно собирали дождевую и талую воду.
- ²⁰ *Рыженков М.Р.* Иерусалим в 1834 г. глазами русского офицера. // Православный Палестинский Сборник. Вып. 106. М., 2008. С. 102.
- ²¹ Там же. С. 102.
- ²² Там же. С. 103.
- ²³ Святогробское братство (Братство Святого Гроба Господня, Хранители Святого Гроба), древнее православное общество, объединяющее монашествующих Иерусалимской Православной Церкви, создано в 313 г. Резиденция братства располагается в монастыре святых равноапостольных Константина и Елены в старом городе Иерусалима. Главой братства является Иерусалимский Патриарх.
- ²⁴ *Рыженков М.Р.* Иерусалим в 1834 г. глазами русского офицера. // Православный Палестинский Сборник. Вып. 106. М., 2008. С. 102.
- ²⁵ Бассейны Соломона, расположены в центральной части Западного берега реки Иордан, в 5 км от города Вифлеем. Бассейны состоят из трех открытых ёмкостей прямоугольной формы, откуда поступала вода из подземных вод в весеннее время. Каждая емкость имеет 100 м в длину, 65 м в ширину и 10 м в глубину. Бассейны играли значительную роль в водоснабжении на протяжении многих веков. Они названы в честь царя Соломона, т.к. в книге Екклесиаста упоминается, что он сделал бассейны, из которых поил лес и деревья. Однако известно, что самый нижний бассейн был, скорее всего, построен во время правления Маккавеев во II веке до Р.Х. Из бассейнов Соломона были протянуты пять акведуков, в общей сложности 60 км в длину, для обеспечения водой Вифлеема и Иерусалима. Во времена Ирода Великого был протянут акведук в Иродион.
- ²⁶ *Рыженков М.Р.* Иерусалим в 1834 г. глазами русского офицера. // Православный Палестинский Сборник. Вып. 106. М., 2008. С. 102.

ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА В ОПИСАНИЯХ РУССКИХ ПАЛОМНИКОВ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

М. М. Якушев

С начала XVIII в. значительно увеличился поток русских православных паломников-писателей на Святую Землю.

Почти все известные богомольцы, посетившие Иерусалим в XVIII в., были представителями духовного сословия, однако встречались выходцы из мещанского и купеческого сословий. Следует упомянуть описания путешествий на Святую Землю русских паломников-писателей этого периода: московского священника-старообрядца Иоанна Лукьянова¹, иеромонахов Новгород-Северского Спасо-Преображенского монастыря Черниговской епархии Макария и Селиверста², иеромонаха Иерофея Рачанинского³, священника при посланнике в Константинополе П.А. Толстом Андрея Игнатьева и его брата Стефана⁴, иеромонаха Черниговского Борисо-Глебского монастыря Черниговской епархии Ипполита Вишенского⁵, иеромонаха при посла в Константинополе М.Б. Шереметеве и П.П. Шафирове Варлаама Леницкого⁶, ярославского купца-откупщика, «посадского человека» Толчковской слободы М.Г. Нечаева⁷, иеромонахов Свято-Николаевского Пустынно-Рыхловского монастыря Черниговской епархии Сильвестра и Никодима⁸, монаха Василия Григоровича-Барского⁹, иеромонаха Свято-Троицкого Матронинского монастыря Полтавской епархии Серапиона Множинского¹⁰, иеромонаха Полтавского Крестовоздвиженского монастыря Полтавской епархии Леонтия Зеленского¹¹, иеромонаха Свято-Успенской Саровской пустыни Тамбовской епархии Игнатия Деншина¹², нижегородского мещанина В.Я. Баранщикова¹³, иеромонаха Свято-Успенской Саровской пустыни Тамбовской епархии Мелетия¹⁴, иеромонаха Курской Коренной Рождества Пресвятой Богородицы пустыни Курской епархии Никанора Москвитина¹⁵.

Писатели-паломники, посетившие Иерусалим в первой половине XIX в., были представителями дворянского, крестьянского и духовного сословий. Следует упомянуть описания путешествий богомольцев этого периода:

калужских дворян братьев Ивана и Василия Вешняковых¹⁶; крепостного крестьянина П.М. Ласунского села Ловцы Зарайского уезда Рязанской губернии Д.И. Цикулина¹⁷; писателя и дипломата Д.В. Дашкова¹⁸; крепостного крестьянина графа Д.Н. Шереметева села Павлова Горбатовского уезда Нижегородской губернии К.И. Бронникова¹⁹; незамужней девушки села Лежнева Ковровского уезда Владимирской губернии Анны Алексеевны и вдовы Прасковьи Степановны²⁰; церковного писателя и дипломата А.Н. Муравьева²¹; иеромонаха Серапиона (в миру Стефана Агеева)²²; церковного писателя и ученого А.С. Норова²³; духовного писателя иеромонаха Аникиты (в миру князя С.А. Ширинского-Шихматова)²⁴; церковного писателя архимандрита Порфирия Успенского²⁵; писателя графа Н.В. Адлерберга²⁶; духовного писателя иеромонаха Парфения (в миру Петра Агеева)²⁷; поэта и ученого князя П.А. Вяземского²⁸. Также следует выделить описания странствий поклонников в Святой Град в 50-е годы XIX в. — иеромонаха Киево-Печерской лавры Иерофея²⁹, церковного писателя архимандрита Леонида Кавелина³⁰ и иеромонаха Николо-Пешношского монастыря Иеронима Суханова³¹.

В описаниях своих паломничеств все вышеперечисленные богомольцы тем или иным образом в большей или меньшей степени описывали гастрономическую культуру Ближнего Востока.

Прибыв на Святую Землю, русские православные паломники, как правило, останавливались на иерусалимских патриарших подворьях в Яффе и Рамле, а в Иерусалиме — в святогробских странноприимных монастырях, причем, монашествующие богомольцы, как правило, ночевали в Архангельском монастыре.

В этих же монастырях паломники принимали пищу. В монастырских трапезных поклонников угощали различными церемониальными напитками: кофе, водкой и вином. Среди яств русские паломники особо отмечали рис, который они называли «сорочинским пшеном», или «сорочинской крупой» и оливковое масло, называемое ими «деревянным маслом». Паломническая трапеза в святогробских обителях включала в себя хлеб, сыр, яйца, маслины, плов с оливковым и сливочным маслом и приправами; пшеничную, манную и рисовую кашу с оливковым или сливочным маслом; рисовую похлебку или овощной суп с душистыми травами и другими приправами; различные блюда из бобовых: гороха, чечевицы и фасоли, иногда рыбные блюда³². Некоторых немонашествующих поклонников кормили мясными блюдами, в частности, пловом из баранины. По словам Никанора Москвитина, на греческом патриаршем подворье в Яффе «изготовлена была для приходящих трапеза из сыра и яиц, для мирских же предлагающе и из мяса»³³.

Паломники-писатели рассказывали о церемониальных напитках и угощениях в трапезной Патриаршего монастыря Иерусалима. Мелетию, Никанору Москвитину и другим русским монахам-паломникам подносили церемониальные напитки: чашку кофе, чарку или рюмку виноградной

водки, шербет, лимонад, а также церемониальные угощения: сладкие закуски («сладкие заедки»): варенье, мед, сухофрукты («сухие плоды»), сухари, булочки («пряженные пышки») и фрукты: финики, виноград и др.³⁴.

Посетившие вскоре после иеромонахов Мелетия и Никанора Москвитинова русские богомольцы Кир Бронников и братья Вешняковы описали не только угощения, но и медную посуду и серебряные столовые приборы, разложенные на столах из белого мрамора в трапезной Патриаршего монастыря³⁵. В Бронников заметил, что за столом ели «на тарелках серебряными российской работы ложками, со скатертями и салфетками, в разные времена российскими поклонниками привезенными»³⁶. Вешняковы отметили, что «посуда вся из красной меди, кругом полуженная»³⁷. Поклонники рассказывали об угощении после литургий. Блюда с едой расставлялись в трапезных, оборудованных на плоских монастырских крышах или раскладывались на монастырских площадках на длинных и узких скатертях и рогожках, расстеленных на коврах³⁸.

Многие паломники ночевали или проводили время в кофейных домах, в которых богомольцы впервые пробовали кофе и табак. По словам братьев Вешняковых, «в турецких кофейнях, в коих по всеместному в Турции обыкновению должно непременно дать места для ночевания всякому без различия веры, но и безденежно; деньги же берут за табак и кофе, есть ли кому угодно»³⁹. По сведениям иеромонаха Мелетия, в кофейных домах Османской империи подносится чашка кофе «за одну пару с выкурением трубки табаку»⁴⁰.

Кофе играл важную роль в повседневной жизни арабского и турецкого населения Османской империи и являлся главным ближневосточным церемониальным напитком, удостоенным внимания многих русских паломников-писателей XVIII–XIX вв. Арабский и турецкий кофе приходились по вкусу большинству попробовавших его впервые богомольцев, они описывали его вкусовые качества и ароматические свойства, особо отмечая тот факт, что кофе подавался гостям горячим в маленьких чашечках без сахара, молока и сливок.

Русский священник-старообрядец Иван Лукьянов, посетивший Святую Землю в начале XVIII в., упомянул о том, что «турки пьют только воду да кагве, черную воду гретую»⁴¹. Иеромонах Леонтий, побывавший в Святом Граде в 60-х годах XVIII в., назвал кофе «левандским» или «ориентальным», отметив, что в Палестине его угощали «полумаленькой чашкой кофе, по своему обычаю, сиречь без сахара», а в Каире его потчивали «чашками кофе втрое больших»⁴². Иеромонах Мелетий, посетивший Иерусалим в 90-х годах XVIII в., заметил, что «турки кофе употребляют без сахару и молока и то по одной чашке»⁴³. Н.В. Адлерберг, посетивший Святую Землю в 40-х годах XIX в., отметил, что «кофе наливают в маленькие чашечки и разносят совершенно горячий, обыкновенно без сахара». По его наблюдениям, «10 турецких чашек равняется одной европейской чашке большого размера»⁴⁴.

Центром притяжения русских паломников был Воскресенский собор Иерусалима, или храм Гроба Господня. Бронников не ожидал увидеть, что внутри храма Воскресения Христова «торговцы продавали маслины, разные фрукты, кофе, шербет и хлеб, и все разместились в левой стороне церкви... в одном церковном отделении торговцы для продажи нанесли хлеба, фруктов, шербету и варили кофе, а сие весьма походило на рынок»⁴⁵. Вешняковы также удивились, что внутрь храма Гроба Господня торговцы принесли «для продажи разные съестные припасы, и составили близ Святой кувуклии настоящий рынок; желающие покупали и ели; а в особом отделении варили кофе и продавали оной»⁴⁶. Паломники Стефан, А.Н. Муравьев и А.С. Норов также описали торговлю продуктами питания в храме Гроба Господня. Так, Стефан сообщил, что «арабы христиане вносили в оный (Воскресенский собор — М.Я.) разные съестные припасы для продажи»⁴⁷. А.Н. Муравьев заметил, что собор «превратился в обширный базар... корзины плодов и припасов лежали посреди толпы поклонников, разбитой по семьям»⁴⁸. А.С. Норов отметил, что вся галерея за греческим соборным алтарем до католической церкви «делается торжищем съестных и питейных припасов, где с трубками и с кофеем в руках расхаживают... стражи мусульманские, но даже и некоторые христиане»⁴⁹.

Мусульманская стража, сидевшая у входа в храм Гроба Господня на мягком диване и выполнявшая функции охранников и мытарей, вызывала особое удивление русских паломников, называвших их «арабами» и «турками». По большим праздникам, во время церковных процессий мусульманская стража следила за обеспечением безопасности и порядка в Воскресенском соборе, а в обычное время от нечего делать ограничивалась курением кальяна, игрой в шахматы, питьем кофе, приготовляемого на жаровне в дверях храма. Братья Вешняковы неоднократно упоминали о них. По их словам, арабы сидели «на диване с левой стороны близ оных врат», «подле врат на мягком диване», курили табак, варили на жаровнях кофе и пили⁵⁰; по сведениям К.И. Бронникова, турки сидели «внутри церкви близ дверей на мягких диванах»⁵¹; Стефан пишет, что турки сидели «внутри церкви подле двери на диванах»⁵²; А.Н. Муравьев отмечает, что турки сидели «с трубками в преддверии» и пили кофе⁵³; А.С. Норов сообщает, что турки сидели «при входе, в ложе привратника с трубками во рту» и играли в шахматы⁵⁴; Н.В. Адлерберг замечает, что турки сидели «на диванах и в самой церкви», пили кофе, курили трубки, разговаривали и считали деньги⁵⁵. Леонид Кавелин отмечает, что турки сидели «в самой церкви, по левую сторону двери, на диване, покрытом богатым ковром» и занимались «курением наргиле»⁵⁶, запивая его кофе, который готовился на жаровне «в дверях самого храма»⁵⁷.

Подводя итоги, следует отметить, что русские паломники-писатели второй половины XVIII в. — первой половины XIX в. уделяли внимание не только богатой духовной культуре Святой Земли, но и подробным образом описывали гастрономическую культуру Ближнего Востока.

- ¹ *Лукьянов И.* Путешествие в Святую землю старообрядца Московского священника Иоанна Лукьянова 1701–1703 гг. // Русский архив. Вып. 1–5. М., 1864.
- ² *Макарий и Селиверст.* Путь иеромонахов Макария и Селиверста до Святого града Иерусалима, в 1704 г. // Чтение в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском Университете / Под ред. архимандрита Леонида. Кн. 3. М., 1873.
- ³ *Иерофей (Рачанинский).* Путешествие к граду Иерусалиму Иерофея иеромонаха Рачанинского в лето от бытия 7212, а от Р. Х. 1704, месяца Июлиа 6, с предисловием О.М. Бодянского // Чтение в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском Университете. Кн. 4. М., 1861.
- ⁴ *Игнатъев А., Игнатъев С.* Путешествие в Иерусалим и Синайскую гору священника Андрея Игнатъева и брата его Стефана, в 1707 г. // Чтение в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском Университете / Под ред. архимандрита Леонида. Кн. 3. М., 1873.
- ⁵ *Ипполит (Вишеский).* Пелгримация или путешествие честного иеромонаха Ипполита Вишенского во Святой Град Иерусалим, в 1707–1708 гг. // Чтение в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском Университете / Под ред. архимандрита Леонида. Кн. 3., М., 1876; Православный палестинский сборник. Вып. 61. СПб.: типография Кирилла Баршбаума, 1914.
- ⁶ *Варлаам (Леницкий).* Перегримация и путь иеромонаха Варлаама до Святого града Иерусалима и вся святая места Палестинская, в 1712 г. // Чтение в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском Университете / Под ред. архимандрита Леонида. Кн. 3. М., 1873.
- ⁷ *Нечаев М.Г.* Путешествие посадского человека Матвея Гаврилова Нечаева в Иерусалим 1719–1720 гг. / Изд. под ред. Н.П. Барсова в Варшавском Университете. Кн. 1. Варшава, 1875.
- ⁸ *Сильвестр и Никодим.* Описание путешествия иеромонахов Рыхловского Николаевского монастыря Сильвестра и Никодима в Царьград и Иерусалим, в 1722 г. // Труды Киевской духовной академии / Под ред. архимандрита Леонида. Киев, 1883.
- ⁹ *Василий (Григорович-Барский).* Странствования Василия Григоровича-Барского по Святым местам Востока с 1723 по 1747 г. // Православный палестинский сборник / Под ред. Н.П. Барсукова. Ч. I–II, СПб., 1885–1886.
- ¹⁰ *Серапион (Множинский).* Путник или путешествия во Святую Землю Матронинского монастыря инока Серапиона, в 1749 г. // Чтение в Императорском обществе истории и древностей Российских при Московском Университете / Под ред. архимандрита Леонида. Кн. 3. М., 1873.
- ¹¹ *Леонтий (Зеленский).* История жизни младшего Григоровича. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Библиотека Азиатского департамента (Ф. 152). Оп. 505. Д. 4. Т. 1–9.
- ¹² *Игнатий (Деншин).* Описание путешествия отца Игнатия в Царьград, Афонскую гору, Святую Землю и Египет 1766–1776 гг. // Православный палестинский сборник. СПб., 1891. Т. XII. Вып. 3 (36).
- ¹³ *Баранщиков В.Я.* Несчастные приключения Василия Баранщикова, мещанина Нижнего Новгорода, в трёх частях света: в Америке, Азии и Европе, с 1780 по 1787 год. СПб., 1787.

- ¹⁴ *Мелетий*. Рукопись путешествия в Иерусалим в 1793 году («черновой оригинал») / Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Рукопись собрания Саровской пустыни (Ф. 357). Оп. 1. Д. 305. Л. 1–350; Путешествие во Иерусалим Саровския Общежительная Пустыни иеромонаха Мелетия в 1793–1794 годах. М., 1800.
- ¹⁵ *Никанор (Москвитин)*. Рукопись путешествия в Иерусалим в 1796 году / Рукопись собрания Валаамского Спасо-Преображенского монастыря. Отдел рукописей. XII. Д. 167. Л. 1–44; Путешествие во Иерусалим монаха Никанора Москвитина в 1794–1795 годах. СПб., 1796; Святая Земля в записках русского паломника конца XVIII в. / Опубликовала Л.И. Алехина // Православный палестинский сборник. М., 2011. Вып. 107. С. 222–248.
- ¹⁶ *Вешняков И.И., Вешняков В.И.* Рукопись путешествия в Иерусалим в 1804–1805 годах / Отдел рукописной и редкой книги Зональной научной библиотеки имени В.А. Артисевич Саратовского государственного университета. Д. 221; Путевые записки во Святой Град Иерусалим и окрестности оного Калужской губернии дворян Вешняковых и медынского купца Новикова в 1804–1805 гг. М., 1813.
- ¹⁷ *Цикулин Д.И.* Необыкновенные похождения и путешествия русского крестьянина Дементия Иванова Цикулина в Азии, Египте, Восточной Индии с 1808 по 1821 г., им самим описанные // Северный архив. № 8, апрель; № 9, май. СПб., 1825.
- ¹⁸ *Дашков Д.В.* Русские поклонники в Иерусалиме (Отрывок из путешествия по Греции и Палестине) // Северные цветы на 1826 год. СПб., 1826.
- ¹⁹ *Бронников К.И.* Путешествие к Святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820–1821 гг. села Павлова жителем Кириллом Бронниковым. М., 1824.
- ²⁰ *Анна и Прасковья*. Рукопись путешествия Анны Алексеевны в Иерусалим, нач. XIX в. / Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Каталог российских рукописных книг, находящихся в библиотеке Новгородского Софийского собора. Рукопись собрания А.А. Титова. № 1307; Путешествие в Иерусалим села Лежнева девицы Анны Алексеевны и вдовы Прасковьи Степановны в 1819 году. М., 1885.
- ²¹ *Муравьев А.Н.* Путешествие ко Святым местам в 1830 году. СПб., 1832; М., 2006.
- ²² *Стефан-Серапион (Агеев)*. Рукопись путешествия в Иерусалим в 1830–1831 годах / ОР РНБ. Каталог российских рукописных книг, находящихся в библиотеке Новгородского Софийского собора. Рукопись собрания Н.П. Тиханова. № 511. Л. 1–32; Путешествие во Святой Град Иерусалим Патриаршего Иерусалимского монастыря монаха Серапиона, именовавшегося прежде пострижения Стефаном 1830 и 1831 годов // Два путешествия в Иерусалим в 1830 и 1831 и в 1861 годах / Составила Е.Л. Румановская. М., 2006. С. 44–61.
- ²³ *Норов А.С.* Путешествие по Святой земле в 1835 году. СПб., 1838; М., 2008.
- ²⁴ *Аникита (кн. Ширинский-Шихматов)*. Путешествие иеромонаха Аникиты по святым местам Востока в 1834–1836 годах. СПб., 1838; М., 2009.
- ²⁵ *Порфирий (Успенский)*. Книга бытия моего. Дневники и автобиографические записки. Т. I. 1841–1844. СПб., 1894.
- ²⁶ *Адлерберг Н.В.* Из Рима в Иерусалим. Сочинение графа Николая Адлерберга. СПб., 1853; М., 2008.

- ²⁷ *Парфений (Агеев)*. Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле инока Парфения. Ч. I-IV. СПб., 1856; М., 2012.
- ²⁸ *Вяземский П.А.* Путешествие на Восток князя П.А. Вяземского (1849–1850 гг.). Изд. гр. С.Д.Шереметева. СПб., 1883.
- ²⁹ *Иерофей*. Дневные записки во время путешествия по святым местам Востока Киево-Печерской лавры иеромонаха Иерофея в 1857–1858 гг. Киев, 1863.
- ³⁰ *Леонид (Кавелин)*. Старый Иерусалим и его окрестности. Из записок инока-паломника. М., 2008.
- ³¹ *Иероним (Суханов)*. Книга странствий иеромонаха Николо-Пешношского монастыря Иеронима Суханова в 1858–1859 гг. в Иерусалим и гору Афонскую. М., 2014.
- ³² *Якушев М.М.* Путешествие русских паломников дворян братьев Вешняковых и крестьянина Кира Бронникова на Святую Землю в первой четверти XIX в. // Восток (Orient). 2014. № 5. С. 36–42.
- ³³ *Никанор (Москвитин)*. Путешествие в Иерусалим... С. 223.
- ³⁴ *Мелетий*. Путешествие в Иерусалим... С. 83, 85, 90, 97.
- ³⁵ *Вах К.А.* Заповедный Иерусалим: из повествования братьев Вешняковых о путешествии в 1805 г. // Иерусалимский православный семинар. М., 2012. Вып. 3. С. 201–212; *Якушев М.М.* Паломничество русского крестьянина Кира Бронникова в Святой град Иерусалим в 1820–1821 гг. // Иерусалимский православный семинар. М., 2015. Вып. 5. С. 27–58.
- ³⁶ *Бронников К.И.* Путешествие к Святым местам... С. 81.
- ³⁷ *Вешняков И.И., Вешняков В.И.* Путевые записки в Святой Град Иерусалим... С. 74–75.
- ³⁸ *Вешняков И.И., Вешняков В.И.* Путевые записки в Святой Град Иерусалим... С. 136, 153; *Бронников К.И.* Путешествие к Святым местам... С. 160.
- ³⁹ *Вешняков И.И., Вешняков В.И.* Путевые записки в Святой Град Иерусалим... С. 28.
- ⁴⁰ *Мелетий*. Путешествие в Иерусалим... С. 45, 95.
- ⁴¹ *Лукьянов И.* Путешествие в Святую землю... С. 192.
- ⁴² *Леонтий (Зеленский)*. История жизни младшего Григоровича. Л. 61–62.
- ⁴³ *Мелетий*. Путешествие в Иерусалим... С. 45, 95.
- ⁴⁴ *Адлерберг Н.В.* Из Рима в Иерусалим... С. 83–85.
- ⁴⁵ *Бронников К.И.* Путешествие к Святым местам... С. 166, 172.
- ⁴⁶ *Вешняков И.И., Вешняков В.И.* Путевые записки в Святой Град Иерусалим... С. 134.
- ⁴⁷ *Стефан-Серапион (Агеев)*. Путешествие в Святой Град Иерусалим... С. 60–61.
- ⁴⁸ *Муравьев А.Н.* Путешествие к Святым местам... С. 197.
- ⁴⁹ *Норов А.С.* Путешествие по Святой земле... С. 67.
- ⁵⁰ *Вешняков И.И., Вешняков В.И.* Путевые записки в Святой Град Иерусалим... С. 81–90.
- ⁵¹ *Бронников К.И.* Путешествие к Святым местам... С. 40.
- ⁵² *Стефан-Серапион (Агеев)*. Путешествие в Святой Град Иерусалим... С. 49.
- ⁵³ *Муравьев А.Н.* Путешествие к Святым местам... С. 175.
- ⁵⁴ *Норов А.С.* Путешествие по Святой земле... С. 44.
- ⁵⁵ *Адлерберг Н.В.* Из Рима в Иерусалим... С. 122.
- ⁵⁶ Наргиле, или кальян — прибор, или приспособление для курения табака через воду» (прим. — М.Я).
- ⁵⁷ *Леонид (Кавелин)*. Старый Иерусалим и его окрестности... С. 64–65.

К ВОПРОСУ ИЗУЧЕНИЯ ФИНАНСОВО-ХОЗЯЙСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПАНТЕЛЕИМОНОВА МОНАСТЫРЯ НА СВЯТОЙ ГОРЕ АФОН И ЕГО КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО ПОДВОРЬЯ

Е. В. Ванькин

Комплексный подход к изучению духовного наследия Пантелеимонова монастыря настоятельно требует необходимости активного исследования финансово-хозяйственной деятельности обители по сохранившимся редчайшим архивам, включающим финансовые балансы, различные счета и отчеты. Только первоначальный анализ имеющихся документов, переданных монастырем для исследования, отчетов обители за период 1863–1893 гг. и его Константинопольского подворья за период 1863–1925 гг. выявил значительный исторический материал, который настоятельно необходим для научного освещения малоизвестных страниц становления русского монастыря на Афоне.

Общеизвестно, в каких сложных исторических условиях и перипетиях с греками шло становление русской обители в XIX в. В конце 1850-х начале 1860-х гг. правительство Российской империи предпринимает ряд мер и попыток сгладить возникавшие противоречия в русско-греческих светских и церковных отношениях. Еще с 1840-х гг. в Пантелеимоновом монастыре стало постепенно возрождаться русское монашество, которое к середине века достигало уже 80 человек братии, а к 1861 г. — 200 человек,¹ сравнявшись в нем с греческим присутствием. С 1858 г. русские пароходы с поклонниками² стали останавливаться около монастыря, а на трапезах в отдельные дни молитвы читаться по-славянски. Лишь с 1866 г. был установлен порядок, когда на трапезе тексты читались поочередно: один день по-гречески, другой по-славянски. Появились значительные пожертвования от русских паломников, которые помогали возрождаться обители, и в тоже время увеличивали русское влияние в нем. Это во многом приводило к общеизвестным противоречиям с греческой братией, несмотря на миротворчество игумена Герасима, также грека по национальности. Общеизвестно, что в 1863 г., с которого начинаются исследуемые нами отчеты, 26 наиболее активных

греческих монаха покинули даже в знак несогласия братию Пантелеимонова монастыря, чем «помогли водворить по крайней мере на время, мир и согласие в обители», как упоминает об этом исследователь Афона А.А. Дмитриевский.³ Но нам важно отметить, что имеющиеся у нас монастырские отчеты уже в 1863 г. составлялись на русском языке экономом иеродьяконом Павлом. Возможно, что дальнейшая систематизация монастырских архивов позволит выявить более ранние отчеты, которые смогут ответить на вопрос, с какого года стали вестись на русском языке отчеты монастыря или с какого года экономом обители стал русский. Ведь общеизвестно, что духовником русской братии уже с 1840 г. стал о. Иероним (Соломенцев), сыгравший огромнейшую роль в духовном и материальном возрождении обители, рассылавший в Россию просьбы о милостыне, а также ставший позднее наставником и духовным учителем будущего первого русского игумена Свято-Пантелеимонова монастыря о. Макария (Сушкина).

Интересную информацию о русском присутствии в обители дают нам сведения о шитье одежд для греческой и русской братии, разделявшиеся одно время в учете. Они явно свидетельствуют о незримом противостоянии и скоропалительном возрастании русских в Пантелеимоновом монастыре, хотя в 1872 г. по документам зафиксировано и принятие греков в монастырскую общину.

Стоимость шитья одежд для монастырской братии

Таблица №1

Годы	Стоимость шитья (в турецких пиастрах ⁴)	
	для греческой братии	для русской братии
1869	4.379	8.614
1870	5.268	20.078
1871	4.149	12.751
1872	5.435	10.586
1873	5.590	23.676
1874	нет сведений	нет сведений
1875	19.399 (без подразделения на братию)	

С приходом на настоятельскую кафедру о. Макария (Сушкина) отдельное подразделение в учете, как указывается иногда в документах — на «греческое и русское общество» прекращается. Но в том же 1875 г. в отчете фигурируют выплаты «...своим отцам грекам кои вышли из обители», но сумма размыта в общей огромной статье расходов. Это ярко свидетельствует об очередном исходе многих греков из монастыря и в год начала русского игуменства. А также свидетельствует об определенных денежных средствах, принадлежащих греческой братии.

Анализ документов свидетельствует об одной интересной и важной стороне финансовой деятельности обители, еще мало освещенной в литературе. Находясь в стороне от финансовых потоков и возможностей брать займы для обеспечения своей хозяйственной деятельности, афонские монастыри давно ввели в практику взаимные кредиты. Так, по Афонскому Уставу от 1783 г. (статья 13), утвержденного константинопольским патриархом Гавриилом, и действовавшем в XIX в., рекомендованный процент ставки дачи в долг монастырям «внутри горы», составлял до 8%. Пантелеимонов монастырь также, за исследуемый период, неоднократно брал и давал в долг значительные суммы. Обитель привлекала, почти ежегодно, также значительные средства, как «полученные на хранение суммы от разных лиц», в т.ч. от работающих в монастыре строительных мастеров и рабочих.

Интересно, что в XIX в. в монастыре существовал особый «каталог», в котором велся учет личных денежных сумм, принадлежащих монашеской братии, причем исключительно «греческой стороны». Так, например, в 1872 году фигурирует приход «от ... греческого братства... принятых в общежитие» (36 257 пиастров). Данных о приеме средств от русского «общества», как иногда фигурирует в документах определение общин по национальному составу, отсутствует. В русской культуре наличие личных средств у монашествующих давно было изжито утвердившимся общежительным уставом. У греков, несмотря на принятие уставов общежительной киновии, сохранялись остатки идиоритмии.⁵ Да и афонская практика, частого выхода монахов на отдельные келии, вынуждала братию часто иметь собственные средства. Она продолжалась на протяжении всего исследуемого периода. Так, запись за 1892 г. вновь свидетельствует: «монаху Леониду выплачено при выходе из обители» — 6480 пиастров. Таким образом, монастырь оказывал финансовые услуги различным лицам, выступая в качестве аналога «финансового учреждения», о чем говорят и многочисленные упоминания об омологиях, о которых будет сказано ниже.⁶

О. Макарий (не будем пересказывать его биографию, освещенную во многих источниках), поступил в монастырь в 1851 г., быстро завоевав авторитет среди братии. И скоро в 1856 г. о. Иероним назначает его вторым духовником для русской братии, что отражается в документах за 1863 г. Большинство значительных пожертвований поступало в кассу монастыря по установленной традиции именно через духовника, игравшего важнейшую роль в духовном окормлении наставничестве братии и паломников, а в данный год его обязанности исполнял о. Макарий, о чем и свидетельствует отчет. Документы ярко свидетельствуют о том, что не только финансовая отчетность находилась в русском ведении, но и монастырские финансы находились уже под русским влиянием. В дальнейшем пожертвования поступают через духовника о. Иеронима, вплоть до его смерти в 1882 г. В кратковременный период 1884–1887 гг. в монастырскую кассу пожертвованные

средства благотворителей поступают через нового духовника, а уже в период 1889–1893 гг., прерывая традицию, через самого игумена о. Макария, игравшего исключительную роль в духовной жизни монастыря. Необходимо отметить, что суммы пожертвований, поступавших через духовника, составляют в среднем 50–60% от общего размера монастырского дохода, что свидетельствует об авторитете духовников не только в повседневной жизни обители, но и среди паломников-благотворителей. В то же время необходимо констатировать, что эти средства, вероятно, не состояли исключительно из пожертвований, а включали в себя и часть средств, поступавших из Константинопольского подворья и, возможно, других источников.

Доходы Пантелеимонова монастыря до начала игуменства о. Макария в 1875 г. составляли от 80 тыс. руб. до максимальных 227 тыс. руб. в переводе на русскую валюту для лучшего восприятия читателем (см. курс валют в приложении). Также важно отметить, что начиная с исследуемого периода 1863 г. монастырское судно ежегодно двумя рейсами привозит товары из России в среднем на 10–30 тыс. руб. (см. график), которые зачислялись в доход обители. Эти разнообразные товары (железо, пшеница, рыба, икра,⁷ сельдь, чай и пр.) уже из России вывозились оплаченными из неизвестных источников. Кто оплачивал приобретаемые товары — вопрос остается открытым, хотя Афон во все времена являлся важнейшим духовным центром для всех православных в империи. Общеизвестны сборщики милостыни от монастыря в России, один из них иеромонах Арсений (Минин), выехавший с Афона в 1862 г. С ним вывозились в Россию святыни: крест с частью Животворящего Древа, часть от камня Живоносного Гроба Господня, часть мощей св. вмч. Пантелеимона, Тихвинская икона Божьей Матери и др., которые возились по многим российским городам. Он собирал значительные пожертвования до 1868 г., и, по его свидетельствам, отсылал их в монастырь, но «приход» этих средств в имеющихся монастырских документах отсутствует. Связаны ли оплаченные товары в России с данными собранными средствами, вопрос остается открытым.

Поступают оплаченные товары ежегодно в этот период в монастырь и из Константинопольского подворья в среднем на 12–14 тыс. руб. Ассортимент товаров в разные годы был достаточно разнообразным, доставлялись лекарства, хинин, бумага, марки, конверты, бытовые предметы, сыр, масло, банки молока, яблоки, апельсины, груши, арбузы, смоквы, финики, ладан, пряности, халва, сахар, рис, спирт, ром, железо, сталь, свинцовые трубы и пр. Подворье выполняло многие финансовые операции по поручению монастыря, имела свою бухгалтерию, и отчитывалось перед монастырем. Через подворье, к которому вернемся позднее, проходили порой объемы финансовых средств сопоставимых с объемами доходов самого монастыря, а иногда и превышали, как в 1876 и 1885 гг. Интересно сравнить в дальнейшем исследовании доходы Пантелеимонова монастыря за рассматриваемый период с доходами других афонских греческих монастырей и даже с доходами

крупных монастырей в России, чтобы выявить финансовые возможности обители того времени. После длительных в греко-русской братии перипетий, хорошо описанных в литературе, в 1875 г. игуменом Свято-Пантелеимонова монастыря утверждается о. Макарий. Доходы монастыря в этот год молниеносно увеличиваются сразу в 1,5–2 раза, достигнув 337 тыс. руб., благодаря щедрым пожертвованиям, присылаемым и привозимым поклонниками из России. Не остаются в это время в стороне от проблем обители братья о. Макария — Василий Иванович и Иван Иванович Сушкины, приславшие, согласно отчетов, только в 1875–1876 гг. более 40 тыс. руб. В дальнейшем имена братьев больше не встречаются в отчетах,⁸ лишь в 1878 г. еще раз встречается данная фамилия — Анна Сушкина через русское консульство пересылает в обитель 15 руб.

Краткосрочное благополучие монастыря скоро властно прерывается русско-турецкой войной, начавшейся в апреле 1877 г. Пароход с русскими паломниками в начале апреля турецкие власти возвращают обратно в Россию. Пролиты закрываются для русского судоходства, и монастырь в этот год больше не отправляет свои суда за товарами в Россию. Хотя и остается сообщение с Константинопольским подворьем, откуда своим судном доставляются отдельные товары, как в 1878 г. Архивные документы дают уникальные сведения о финансовом состоянии монастыря в этот период. Доходы монастыря в 1877 г. катастрофически резко падают до 43 тыс. руб. и обитель вынуждена брать займы «от разных монастырей и келеотов по омологиям» (*авт. — какие конкретно не указаны*) на сумму 49 тыс. руб. (618.200 пиастров). Но ведущееся строительство в обители не прерывается, т.к. идут выплаты мастерам и строителям (на 9,1 тыс. руб.). Взятие монастырями друг у друга займов и выплата процентов по ним, полноценное освещение омологий, требует в будущем отдельного вдумчивого исследования.

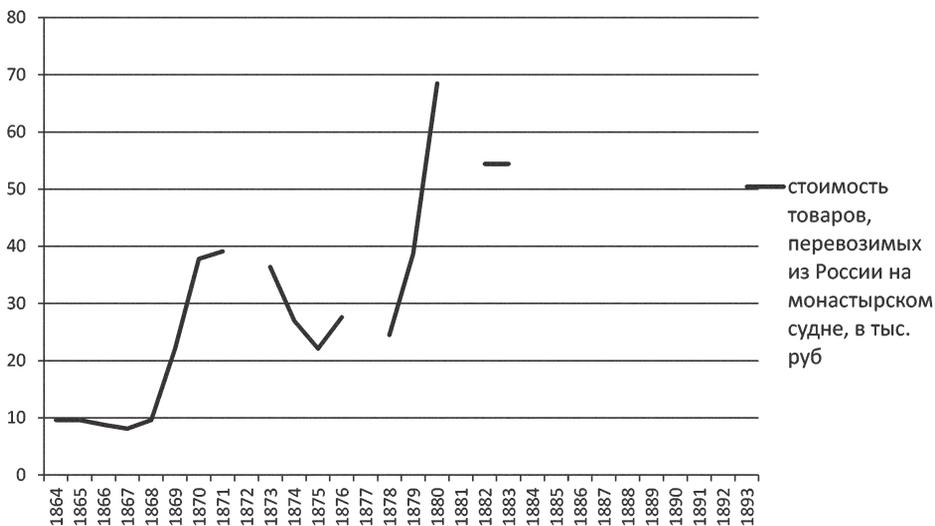
Лишь к лету 1878 г. связь Пантелеимонова монастыря с Россией постепенно восстанавливается. В марте, в окрестностях Константинополя, заключается Сан-Стефанский мирный договор, сыгравший значительную роль в освобождении балканских народов от османского ига. Вновь обитель вывозит монастырскими судами из России двумя рейсами различные товары (рыба, сельдь, пшеница, сахар и пр.) на 24,5 тыс. руб. В это время осуществляется и ремонт монастырского судна, где капитаном указан о. Мефодий.⁹ Именно после войны активно входит в обращение золотая турецкая лира, введенная в обращение еще в 1844 г. и, на которую исчисляются теперь поступления всех финансовых средств монастыря. Турция берет в это время очередные займы, а в стране хозяйничает англо-французский капитал. Но в монастыре покупки и многие расходные статьи по-прежнему еще долго исчисляются по привычной старой монетной системе — в пиастрах. Интересен в официальных отчетах порой старый дореволюционный сленг, который еще сохраняется в нашей разговорной речи. Например,

размер дохода исчисляется «звонкою монетою» — конечно, речь здесь идет о золотых монетах, как русских, так и турецких. Или употребляемое наименование русский золотой, относимое к пятирублевой золотой монете — полуимпериалу, но к концу XIX в. золотым стали уже называть десятирублевую золотую монету.

Монастырь ежегодно отправляет свои суда за товарами в Россию лишь до 1882 г., после чего дальнейшие плаванья прекращаются. (Причем, еще раз укажем, что эти товары уже были оплачены в России). Это связано, вероятно, с укреплением международной банковской системы, когда передачу финансовых средств стало легко осуществлять через банковские переводы, а затем покупать товары на месте. Следует указать, что до этого, осуществлялись денежные переводы по почте, называемые в документах как «денежные письма», которые и в дальнейшем изредка фигурируют в отчетах. В документах мы видим, что, начиная с 1881 г., значительное поступление средств осуществляется именно через банковские перечисления. Они идут через Константинополь, где было окончательно сформировано монастырское подворье, осуществлявшее не только прием паломников, но и огромные закупки товаров для монастыря, и через важный финансовый центр Салоники (Солунь), где создаются многие отделения зарубежных банков, и где было расположено российское консульство, и имелся монастырский дом.

Монастырские суда плавают за товарами в Россию, но иногда и доставляют туда и свои определенные товары. Так, в отчете за 1873 г. указано, что на судно было взято «орехов, масла, маслин и пр.» (без указания сумм).

Перевозка оплаченных товаров из России монастырскими судами

Интересен вопрос, в какие российские порты плавали монастырские суда, и откуда вывозились товары? Мы видим лишь два упоминания городов за почти 20-летний период в отчетах монастыря: отдельное упоминание товаров из Одессы (1863 г.) и плавание в Ростов-на-Дону (1880 г.). В остальных случаях место назначения не указывалось. В то же время за 1864 г. в отчетах Константинопольского подворья встречается запись «*для судна в Таганрог*», с перечнем закупленных для отправки туда товаров (печка, железо, кипарис, сахар и пр.). Да и глядя на железнодорожную карту Российской империи за 1870-е гг., склоняешься к мысли, что возможно это и был Таганрог, развитый в тот период портовый город с огромным оборотом торговых капиталов.¹⁰ Прямая железная дорога из центральной полосы России, удобное снабжение, и к тому же, в пользу этой версии, говорит тот факт, что монастырь в 1882 г. покупает именно там дом за 8,9 тыс. руб. Вероятнее всего, для организации своего хозяйственного центра и подворья. К этому времени уже были созданы подворья в Москве и Одессе,¹¹ но к сожалению, в исследуемых документах их организация не находит отражения. Хотя налаженные взаимоотношения с Одесским подворьем не раз отражаются в документах (Как, например, получение через о. Пиора книг Киево-Печерской Лавры в 1897 г. и пр.) Позднее, напротив Таганрога, в Чумбуре организуется рыбный завод, который начнет заготавливать рыбу для Пантелеимонова монастыря,

Интересен и предполагаемый маршрут плаваний монастырских судов в Россию, возможный в двух вариантах. Это были каботажные плавания вдоль берега или, как плавали уже в античные времена суда эллинов, в Крым от Византия — сначала до Синопы, расположенной на южном берегу Черного моря, а затем, пользуясь сильным попутным морским течением, идущим оттуда прямо через море до Херсонеса, достигали значительно быстрее Таврики.

Флот монастыря состоял из немалого количества судов, перечень которых до настоящего времени окончательно не определен. В 1869 г. значатся расходы на «*строительство нового судна в Сире*». Это было, вероятно, большое судно, на которое затрачено 270.000 пиастров (21.600 руб.). В 1873 г. в отчете указана перевозка товаров из России «*...на своем брике...*». Возникает вопрос, это является местным наименованием судна или это грамматическая ошибка, и здесь имеется в виду большой двухмачтовый бриг, имевший, согласно морской классификации судов, прямое парусное вооружение, и достаточно сложный соответственно в управлении? Для него тогда требовалась достаточно профессиональная команда, способная подниматься по вантам и управлять парусами. Монахи вряд ли были способны это осуществлять, и требовалась наемная команда, которой бы выплачивалось жалование. Да и для управления шхунами требовались профессиональные моряки. Лишь раз за 1880 г. упоминается жалование моряков в общей сумме.

За 1888 г. мы встречаем в документах строительство новой шхуны, новых брадер и магуны, переделку корабля (*авт. —какого?*), лодок рыболовных и баркасов на корабли, а в 1890 г. строится новое «морское трехмачтовое судно во имя Покрова Пресвятой Богородицы» за 30,4 тыс. рублей (*авт.- вероятно шхуна, имевшая косые паруса на всех мачтах и потому более легкая в управлении*).¹² Имелся и собственный пароход, т.к. в документах 1888 г. встречаем «исправление парохода, шхуны и брадеры после морского крушения». Именно на него, вероятно, продавались монастырем «пароходные билеты» и, вероятно, пароход курсировал до Константинополя. На суда монастырем получались султанские фирманы (1870 г. — 12.05 отдано бакшиша 22 лева), платились таможенные пошлины за товары, провозимые на них и пр.

В исследуемых документах много разрозненной информации, которая больше задает вопросов, чем ответов. Один из них — какие налоги платил Пантелеимонов монастырь Оттоманской Порте? Подобные сведения четко не отражаются по финансовым отчетам. Лишь в отдельные годы есть расходы, чаще связанные с пошлиной извоза: «истрачено разных долгов пошлины и за извоз товару» — 4752 руб. (1864 г.), «истрачено разных долгов (податей) и за извоз товару» — 3446 руб. (1865 г.), «истрачено за извоз бакшиш туркам таможенным за десятину» (1875 г.) и пр., фигурирует перевод в Протат 968 руб. (1887 г.) и значатся малочисленные долги, скорее всего не относящиеся к этому вопросу. Известно, что налог в Порту и выплаты на содержание представителя султана в Карее, за все монастыри вносил Протат, но ежегодные отчисления туда в монастырских документах отсутствуют. Возможно, они входят в общие статьи долговых расходов, но это отчетливо не выражено. Так, архимандрит Порфирий (Успенский) в своей известной книге «История Афона» указывает, что общая сумма податей со всего Афона в 1834 г. составляла 315.00 пиастров (около 25,2 тыс. руб.). Также он указывает, что бедные монастыри платили податей значительно меньше, чем богатые, как Лавра Св. Афанасия и Ватопед. И упоминает, что с Филофейского монастыря всех податей взималось «от 7 до 8000 пиастров; Ксиропотам податей вносит иногда 12000, иногда 15000 пиастров»¹³. Если применить имеющийся у нас курс соотношения российского рубля к пиастрам на начало 60-х годов, то Филофеев монастырь платил около 600 руб., а Ксиропотамский чуть более 1000 рублей. Подобные суммы вполне вписываются в имеющиеся общие статьи расходов Пантелеимонова монастыря, относимого к небогатым монастырям тогдашнего времени. В 1873 г. значится и получение Пантелеимоновым монастырем отдельных сумм от Протата (4.886 пиастров = 390 руб.). А в 1874 г. значится целевое получение и расход средств «на уплату долгов разных лиц и выдачу милостыни» в размере 1.013.000 пиастров (81.040 руб.). Возникает вопрос, от кого получены подобные значительные целевые средства?

Многие общеизвестные по дореволюционной литературе события и мероприятия, осуществлявшиеся монастырем за исследуемый 30-летний период, слабо отражаются в финансовых документах. Они проходят часто по закрытым статьям или вовсе не упоминаются. Но и среди этой разрозненной информации попадаются значимые статьи доходов и расходов, освещающие повседневные будни обители.

Доходы монастыря ежегодно складывались в основном из сумм, как указывалось выше, передаваемых духовниками, поступлений из Константинопольского подворья, различных денежных переводов от благодетелей, небольших средств, поступавших от собственных метохов, и выручек с них от мелких продаж свиней, быков и пр. Почти ежегодный небольшой доход монастыря составляла статья по продаже каштанового леса (от 20 до 400 руб.), продажи рыбы, икры и пр. через Дохиара от 20 до 30 тыс. пиастров (1864–1870-е гг.). Небольшие поступления были из хлебного магазина (1881).

Расходы монастыря складывались, в свою очередь, ежегодно из различных затрат на закупаемую провизию для братии (которая в среднем составляла 20–30% от общего расхода), жалование строительным рабочим и мастерам, сапожникам и портным, затрат на покупку сукна, чулок, овчины, строительных материалов, уплату долгов, фрахта, извоза, пошлин, содержание своих метохов, уборку урожаев, покупки в отдельные годы пшеницы и пр. Ежегодно статьи расходов обители изменяются. Но их состав отражает исключительно собственное жизнеобеспечение монастыря и его метохов.

Обителью ежегодно раздавалась милостыня, в монастырских отчетах почти всегда отражавшаяся в общих статьях расходов. Следует отметить, что в отчетах Константинопольского подворья она также ежегодно фигурирует как «*выплаты на порту*» т.е. «раздачу милостыни у ворот», составляя ежегодно в среднем чуть более 500 рублей. Также раздавались нищим дополнительно и хлеба.

Интересную информацию к размышлению дает факт покупок монастырем в 1864 г. «портрета султанского» (28 пиастров) и в 1883 г. «портрета султана в краске» (20 лев). Можно ясно представить висящим его где-нибудь в официальной монастырской зале для приемов на почетном месте. Значимую краску о состоянии духовной атмосферы в монастыре вносит и факт изготовления в октябре 1902 г. отдельной печати для монастырской библиотеки (15 пиастров).

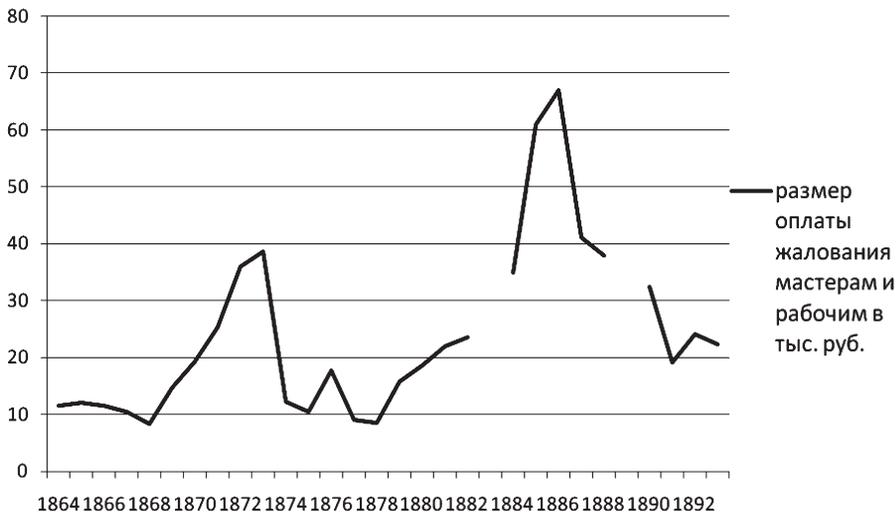
По исследуемым документам монастыря и подворья имеется значимая информация, связанная с учреждением Ново-Афонского Симоно-Канонитского монастыря, основанного в 1875 г. еще при жизни старца о. Иеронима, и куда неоднократно отправляются отдельные материалы (свинцовые трубы, кипарисовые доски и пр.) и св. отцы.

Также монастырь, через свое Константинопольское подворье, не раз отправлял средства на поддержку образования в имевшиеся школы в Константинополе (по отчетам подворья). В связи с краткостью статьи не имеется возможности привести таблицы и графики с анализом размеров доходов монастыря и сумм монастырских расходов.

Финансовые отчеты дают также редкую возможность осветить ведущуюся в обители строительную деятельность за многие годы. А также соотнести выплаты жалования мастерам и рабочим в отдельные периоды с возведением известных отдельных объектов и их росписей. Наибольшие объемы строительства в монастыре, согласно размеров жалования мастерам и рабочим, велось в 1872–1873 гг. и в 1884–1890 гг.; а пик строительства составили 1885–1886 гг. Именно последний период подробно освещен в документах, когда было возведено несколько десятков объектов, полный список которых невозможно поместить в данную статью. Приведем лишь краткий график размеров жалования рабочих.

Размеры жалования мастеров и рабочих
при строительстве Свято-Пантелеимоновом монастыре
в период 1863–1893 гг.

График №2

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЕ ПОДВОРЬЕ

К сожалению, многие материалы по подворью разрозненны, и во многих случаях отсутствуют суммы полученных доходов по годам, а лишь присутствуют в основном расходные документы, а иногда только по отдельным месяцам. Но и имеющиеся данные ярко свидетельствуют о различных сторонах финансово-хозяйственной деятельности монастырского подворья в Царьграде и его роли в жизнеобеспечении обители.

Доходы подворья за исследуемый период 1864–1925 гг. складывались из различных денежных переводов и поступлений, а также небольших доходов собственной лавки и церковных доходов (всего от 58 до 342 т. руб.: в среднем до 250 т. руб.). Большая часть переводов поступала из Одессы, которые составляли в среднем 60–80% от общей суммы доходов подворья. Поступления из других городов (выделяемых в отчетах), как из Москвы и Петербурга составляли от менее 1% доходов до 3%. По наблюдаемым отчетам с данной информацией даже не для всех лет наглядно выделяются суммы поступлений именно из Одессы, которые даже по имеющимся материалам подчеркивают сложившуюся определенную тенденцию. Поступали ли данные деньги из самого одесского подворья, и как формировались такие большие объемы финансовых средств, имеющиеся отчеты на эти вопросы ответа не дают.

При сопоставлении доходов Пантелеимонова монастыря и его Константинопольского подворья, к сожалению, возможных для сравнения по имеющимся документам лишь за период за 1874–1880 гг., показывает значительность финансовых оборотов подворья, а в иных случаях и его превышение над монастырскими доходами. Но надо учитывать, что отправляемые средства из подворья, не всегда попадали в официальный монастырский учет. Вероятно, они передавались духовникам, которые использовали средства самостоятельно на нужды обители. Видно поэтому, при массовом строительстве, мы не всегда наблюдаем затраты на покупку строительных материалов и не видим потраченные средства на вестущее строительство.

Расходы подворья направлены в основном на обеспечение нужд обители, оплаты по ее поручению или благословлению различных переводов, приема паломников, закупки товаров бытового назначения, отдельных строительных материалов, лекарств, продуктов и отправки их в Пантелеимонов монастырь, получение денежных писем из России, фрахт и отправка грузов, посылок, получение грузов с проходящего парохода из Одессы и отправка на нем обратно в Россию паломников и грузов, регулярная оплата больничных певчих, мукаты (*налог?*) за дом и землю, в последние годы страхование дома, и пр. Расходы на собственные нужды подворья составляли незначительную сумму в 2–3% от общего дохода.

По документам выявлены отдельные сведения, связанные со недвижимостью, строительством, ведущимся подворьем и церковными расходами в Константинополе. Как покупка дома в 1868 г., отделка домика в больнице в 1876 г., выгрузка иконостаса для больницы, доставка колокола в патриархию и т.д.

Интересны сведения как посылка балыка и икры русскому консулу в Солунь в разные годы, различные мукаты, уплаченные за дом и землю подворья, суммы страхования подворья (1921–1922 гг.), взаимоотношения с европейскими организациями, как общество Красного Креста, куда перечисляются различные суммы, и пр.

Нельзя не упомянуть интересного факта передачи грузинским консулом, тогда уже от меньшевистского правительства Грузинской демократической республики (май 1920 г.), через Пантелеимонов монастырь грузину о.Мefeldию 100 драхм (*авт. — где интересно была его келия?*).

В годы Первой Мировой войны настоятель Константинопольского подворья о. Митрофан с братией был выслан османскими властями на Афон. И лишь 13 января 1919 г. о.Митрофан возвратился в Царьград вновь в качестве настоятеля. Трагические годы Гражданской войны в России ярко отражаются и на страницах документов Константинопольского подворья. Отчеты, ежегодно направляемые из подворья в Пантелеимонов монастырь, с 1919 г. горько именуются на заглавной странице «отчетами константинопольских скитальцев», отражая заброшенность и забытость Россией своих духовных братьев. Баланс его ведется уже в драхмах, хотя они и именуются как «иностранные» деньги.

Надо отметить, что с 1913 г. Афон входит в состав Греции, но русские монахи в гражданском отношении продолжали подчиняться русскому посольству в Константинополе. Появляются в это время в отчетах подворья разномастные денежные знаки, привозимые паломниками из разоряемой войной России, как керенки, донские, украинки. Старые деньги обозначаются как царские. Весь трагизм положения и братоубийственной войны в России отражается бедственным состоянием и на монастырской жизни. Основные доходы подворья теперь от сдачи в аренду комнат в доме подворья, поступлений из Афинского банка, продажи икон и небольших пожертвований. В 1919 г. поступает из Одессы (тогда еще там находилась Добровольческая армия Деникина) всего 1000 руб., несопоставимых с бывшими одесскими поступлениями. В следующем году в Одессе уже устанавливается советская власть. Особенно тяжелым годом для подворья стал 1919 г. Отчет подворья свидетельствует грустным признанием: «пять месяцев нас кормили англичане». А в августе опять горькая констатация — на провизию денег мало, лишь что сэкономлено от английской кубани¹⁴. Но люди остаются духовно не сломленными и национальный патриотизм подвигает из скудных средств выделить 400 пиастров на покупку российского флага.

В это время в Константинополь уже стекаются толпами беженцы из России, следуя порой далее в Европу. В 1920–1923 гг., вероятно, на подворье проживало всего пять монахов, ввиду имеющихся двух ссылок в отчетах, что провизия закупалась на пять человек.

В 1923 г. уже меняется политическая обстановка в стране, в сентябре Турция побеждает в войне за независимость, во главе с М. Кемалем, изгоняет греков с исконной их эллинской территории. Документы подворья молчаливо свидетельствуют о происходящих политических изменениях: сентябрь — куплен турецкий флаг — 75 пиастров (*авт. — вероятно, русский флаг уже снят*).

Отчеты заканчиваются 1924 г., и именно 5.01.1924 г. закончил свой жизненный путь настоятель (с 1920 г.) Константинопольского подворья и бывший духовник русского корпуса на Солунском фронте схиархимандрит Симеон-Серафим (Булатов), где представлен счет на его лечение и похороны. Причем тогда были сделаны, в последние его дни, прижизненные шесть фотографий.

По финансовым отчетам Пантелеимонова монастыря и его Константинопольского подворья удалось установить курсы валют в Османской империи, Турции и Греции в период 1863–1925 гг., которые трудно найти в специализированной литературе, а также многие ценностные показатели по стоимости различных товаров, встречающиеся в отчетах. По результатам финансового анализа можно сделать заключение, что Константинопольское подворье играло важнейшую роль в обеспечении обители. Оно являлось важным промежуточным звеном, в цепи установившихся до революции взаимосвязей с Россией: Одесса-Константинопольское подворье — Пантелеимонов монастырь. Через него осуществлялись основные финансовые почтовые и банковские поступления из России, большая часть закупок для обители, оно осуществляло многочисленные связи с внешним миром, выполняло различные поручения монастыря, принимала и отправляла грузы из Одессы, оказывало поддержку паломникам для отправки на Афон и в Россию. После установления советской власти в России, его статус и влияние не смогли восстановиться.

¹ Русский Афонский отчетник XIX-XX вв. Святая Гора Афон: Русский Пантелеимонов монастырь, 2012. С. 79.

² В 1856 г. было создано Русское общество пароходства и торговли, которое занималось доставкой паломников. Поклонники- наименование паломников в XIX и начале XX в.

³ Дмитриевский А.А. Русские на Афоне. М.: Дар, 2011. С. 170. Возможно, покупка именно этой книги, вышедшей в 1895 г. отражена в отчете подворья за июль 1900 г., где указана покупка книг на сумму 155 руб. переводом денег за них Дмитриевскому А.А.

⁴ Курс: 1 российский кредитный рубль = 12,5 пиастрам. Курсы по годам см. в приложении.

- ⁵ В отдельных монастырях вплоть до сер. XX в.
- ⁶ Интересны сведения за 1874 г., где сказано: «поступило на приход со счета о.Дорофея, о.Иосифа и пр.». Т.е. велись отдельные счета для монахов.
- ⁷ Интересно, что часть привозимой из России рыбы и икры продавалось ежегодно на сумму до 300 руб. в монастыре. Вероятней всего это были осетровые, цена на которые в России, например, в 1840-е гг. составляла 7 руб.50 коп. за пуд.
- ⁸ Их Тульский банк в 1886 г. будет признан банкротом, а сами братья Василий и Иван будут сосланы на 6 лет в Сибирь. Пантелеимонов монастырь также потеряет при крахе банка 70 тыс. руб.
- ⁹ О. Мефодий находился в монастыре с 1864 г., в монашестве с 1865 г. Плавать начал в 1869 г. в качестве помощника шкипера, а с 1870 г. самостоятельно до 1892 г, после чего жил отшельником в Нагорном Руссике.
- ¹⁰ Через Таганрог осуществлялись и связи Восточных Церквей. Так, Иерусалимское подворье в России было создано в 1814 г., ранее, чем в Москве (1818 г.).
- ¹¹ В Москве в 1873 г. была построена часовня Пантелеимонова монастыря, а затем устроено подворье. Одесское подворье было создано в 1876 г. Одесса становилась крупным портовым городом, из которого отправлялись пароходы в Константинополь и Палестину (Яффа), а с 1883 г., когда был возведен полноценный железнодорожный вокзал, Императорским Православным Палестинским Обществом были налажены отсюда паломнические поездки на Святую Землю.
- ¹² Мы знаем о гибели монастырского судна «Покров» в 1888 г. на Босфоре, столкнувшегося в ноябре 1888 г. с английским пароходом «Додона». Вероятно, новое судно названо в память погибшего.
- ¹³ Порфирий (Успенский), епископ. «История Афона».Т.10. СПб.,1892. С. 304–305.
- ¹⁴ Кубанью именовались на Афоне продовольственные пайки.

РОССИЙСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ
НА ХРИСТИАНСКОМ
ВОСТОКЕ

РУССКО-ФРАНЦУЗСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО ПОСЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ: БУДНИ И БИТВЫ ДИПЛОМАТОВ В ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ*

И. К. Мироненко-Маренкова

Константинополь. Осень 1856 года. Совсем недавно стих шум канонады, доносившийся с берегов Черного моря, едва высохли чернила на документах, подписанных на Парижском конгрессе, наметившем основные векторы послевоенной жизни в Европе. В османской столице ожидали прибытия русского посла, которому предстояло выстраивать новые отношения с турецкими сановниками и европейскими коллегами. Важнее всего было наладить прекрасные отношения с французским послом, потому что Россия взяла курс на сближение с Францией.¹

ПРИЧИНЫ СБЛИЖЕНИЯ РОССИИ И ФРАНЦИИ

По окончании Крымской войны Россия и Франция протянули друг другу руки. Потерпевшая поражение Российская империя оказалась в изоляции и искала поддержку, чтобы вновь занять свое место в европейском концерте² и восстановить влияние как в Европе, так и на Востоке, особенно в среде своих единомышленников. Одной из важнейших задач для Министерства иностранных дел и лично для его главы, А.М. Горчакова, сменившего весной 1856 года К.В. Нессельроде, стала отмена ограничительных условий Парижского трактата. Больше всего Россию волновал запрет иметь военно-морской флот на Черном море, при том что Турция сохраняла боевые корабли в проливах и в Архипелаге и могла открывать проливы для прохода военных судов европейских держав³. Кроме того, по трактату, Россия не могла содержать военно-морские укрепления на Аландских островах, что ослабляло ее позиции на Балтике. Потеря Южной Бессарабии означала утрату контроля над устьем Дуная.

* Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ 16-01-00306.

Война продемонстрировала разительное военное, экономическое и техническое отставание страны от Европы, и теперь Россия остро нуждалась в инвестициях, прежде всего, для строительства железных дорог. Для проведения внутренних преобразований ей был необходим мир, поэтому она старалась избегать внешнеполитических конфликтов. В данном контексте возросла роль дипломатии.

Выбор Франции в качестве союзника определялся многими факторами. В определенной мере Франция оказалась «наименьшим злом». С Англией было слишком много противоречий в интересах в Средней Азии и на Ближнем Востоке. К тому же, в 1855 году Туманный Альбион своим желанием продолжать войну, когда Россия и Франция уже склонялись к миру, а затем дальнейшим жестким поведением в отношении поверженного противника продемонстрировал свою неготовность сотрудничать. На Парижском конгрессе французская сторона выступала в качестве посредника между англичанами, стремившимися навязать побежденным самые тяжелые условия мира, и русскими, естественно, не желавшими их принимать.

Что касается Австрии, не поддержавшей Россию в войне с извечным противником Турцией — и это после того, как в 1848 году русские помогли ей подавить Венгерское восстание, — то ее русский царь считал предательницей, и вопрос о союзе с ней в ближайшей перспективе не стоял. Оставалась Пруссия, которой вскоре предстояло занять важнейшую позицию на континенте и с которой Россия будет поддерживать весьма тесные отношения. Сторонником сотрудничества с Австрией и Пруссией всегда был старый министр иностранных дел К.В. Нессельроде. Союза с Пруссией желал и лично император Александр Николаевич. Однако в середине столетия она занимала нейтральную позицию, да и вообще еще не имела достаточного политического веса, чтобы рассматриваться в качестве подходящего союзника. В данном вопросе возобладала точка зрения нового министра иностранных дел А.М. Горчакова, ратовавшего, как и либеральная общественность, за сближение с Францией, хотя сам император и не слишком сочувствовал революционным методам Наполеона III и его стремлению изменить европейские порядки⁴.

Итак, Франция. Во времена Второй империи французская дипломатия достигла своего апогея. В отличие от предшествующих эпох, ее направление определяли профессионалы, трудившиеся за границей и в министерстве и жаждавшие возрождения былой славы и отвоевания достойных позиций. По окончании Восточной войны и после Парижского конгресса, где Наполеон III играл роль общеевропейского арбитра, положение Франции было действительно блестящим. Как вспоминал один из дипломатов той поры:

«В начале Второй империи все улыбалось нам. Благодаря счастливому стечению обстоятельств и выдающимся заслугам людей, руководивших французской политикой, новое правительство было в состоянии

воспользоваться случаем для великих свершений, и Россия нам его предоставила. Мы были молоды, отважны, убеждены в своей правоте, искренне верили в могущество своего права. [...] Франция была отомщена за поражения 1815 года и за то подозрительное отношение, которое, почти неизменно, проявляли к ней с тех пор европейские кабинеты. Она не только за столом переговоров и силой оружия расколола старую коалицию, она возвратила себе первое место среди великих дворов и занимала его в течение славных и счастливых лет, при том что никто ей не противостоял и, я бы сказал даже, никто с ней почти не соперничал. [...] Она стала своего рода моральным арбитром. С ней советовались и к ней прислушивались».⁵

И это при том, что до войны главными силами в Европе являлись Англия и Россия. Франция со времен поражения Бонапарта находилась в международной изоляции, которая особенно остро была прочувствована ею в 1830–1840-е годы, когда во время египетского кризиса, поддерживав египетского Мухаммед-Али пашу, восставшего против турецкого султана, она оказалась одна против остальных четырех европейских держав. Именно тогда французские дипломаты осознали уязвимость своего положения и срочную необходимость восстановить свое влияние на континенте.

Накануне Крымской войны французские дипломаты (отметим, что в правление Наполеона III мнение министерства не всегда совпадало с предпочтениями императора⁶) опасались союза с Англией, полагая, что она вполне может предать их. Они были скорее нацелены на союз с Австрией, которая могла бы противостоять России. Однако Австрия была непопулярна в народе, к тому же французы взяли курс на поддержку итальянской независимости, что шло вразрез с австрийскими интересами. В итоге, несмотря на извечное недоверие, во время войны Франция по необходимости заключила союз с Англией. Между тем противоречия с ней никуда не исчезли, поэтому по завершении конфликта Франция была готова рассмотреть другие варианты альянса. Вот что писал о послевоенной расстановке сил дипломат Анри Мерсье в частном письме:

«Франция не так сильна, а Россия не так ослаблена, как говорят. Мир хорош для нас лишь в том случае, если мы не утратим ловкости. Это хороший черновик. Но не более. На Востоке Россия по-прежнему пользуется всеми преимуществами соседства, религии и интриг. Она воспользуется противодействием, которое неизбежно окажут нам турки, а христиане, как вам известно, верят лишь в силу, находящуюся у них перед глазами. [...] К тому же, мы сами себе скажем, что дважды войну на Востоке не начинают, тем более, что мы, к несчастью, весьма склонны убеждать себя, что англо-французский альянс — скорее случайность, чем долговременный факт».⁷

А вот что писал в ту же пору генерал Жак Опик, бывший посол в Константинополе:

«Восстанет ли Турция из руин? Это трудно, но весьма желательно. Что поставить на ее место? Чем уравновесить в Европе подавляющее большинство греков [православных]? Между тем это необходимо. Не могло бы правительство добиться этого, дав понять православным католикам или схизматикам, всем этим христианским сектам, даже евреям, что их насущный интерес состоит в том, чтобы объединиться, говоря языком политическим, с мусульманами, чтобы приобрести вес для противодействия грекам? [...] Важно также, чтобы союзные державы не делали того, что делала Россия. Вам известна отвратительная роль этой державы, повсюду подрывающей тайными происками власть султана, которого она стремится усыпить своими протестами и заявлениями о доброй воле. Эти тайные происки, я опасаясь их со стороны нашего соседа [Англии] и это скорее из-за духа соперничества по отношению к нам, чем к туркам. Они всегда были и всегда будут англичанами прежде всего, что бы ни случилось. Будем начеку!»⁸

Таким образом, многие не верили в надежность союза с Англией. И Россия, недавний враг, вызывавший у многих французов подозрения, могла обеспечить реализацию французских интересов в Европе, хотя бы уже тем, что не препятствовала им. Францию на тот момент интересовало, прежде всего, объединение Италии, против которого неизбежно должна была восстать Австрия. И — главный аргумент — союз с Россией, бывшей основой антифранцузской коалиции в прошлом, мог предотвратить ее воссоздание в будущем и не допустить повторения политической изоляции Франции.

На коронацию Александра II в августе 1856 года в Санкт-Петербург прибыл сводный брат Наполеона III, герцог Шарль де Морни. Герцог выступал за сближение с Россией (одной из причин тому был радушный прием, оказанный ему в Петербурге) и был оставлен на берегах Невы в качестве французского посла (в подтверждение своих симпатий к русским он вскоре женился на княжне Софье Трубецкой). Его деятельность способствовала укреплению связей между двумя дворами. В Париже тем временем над той же задачей трудился талантливый дипломат П.Д. Киселев.

В сентябре 1857 года произошло событие, приковавшее внимание европейских дипломатов: в Штутгарте состоялось личное свидание Александра II и Наполеона III. Ему предшествовала поездка в Париж весной 1857 года Великого князя Константина Николаевича. Встреча императоров была организована королем Вюртемберга, родственником царя и союзником Бонапартов. В Штутгарте также присутствовали министры иностранных дел двух стран, Александр Валевский и А.М. Горчаков.

В течение трех дней императоры беседовали о положении дел в Европе. Наполеон говорил о сочувствии Пьемонту, Александр, раздраженный против австрийцев, был не против французских планов переустройства Италии при условии, что будут улажены дела на Востоке и отменены

стеснительные условия Парижского трактата. Россия рассчитывала включить в наметившийся союз и Пруссию. Примечательно, что Горчаков полагал возможным присоединение к союзу в будущем Англии, которая вызывала не столь острую неприязнь, как Австрия. Австрийский император Франц-Иосиф, опасаясь формирования против него новой европейской коалиции, настоял на личной встрече с Александром через несколько дней после штутгартского свидания. Эта встреча сильно волновала императора французов, однако русско-австрийского примирения не состоялось: после тяжелой обиды Россия желала более весомых доказательств австрийской лояльности, чем устные заверения в дружбе.

Соглашение русского и французского монархов носило неформальный характер, по окончании свидания не было подписано никаких официальных актов. Возможно, Наполеон III не хотел составлением официальных документов еще более тревожить Англию, видевшую в сближении Франции с Россией угрозу для англо-французского союза (совсем недавно, в июле 1857 года, французская императорская чета нанесла столь же частный визит британской королеве в Осборне).⁹

Единственным вопросом, внесившим разлад между Россией и Францией, была Польша. Наполеон III считал своей обязанностью защищать интересы поляков, многие из которых эмигрировали во Францию и там склоняли общественное мнение в свою пользу, о чем и заявил в Штутгарте своему собеседнику. Александр II, разумеется, не мог сочувствовать таким настроениям и воспринял само упоминание о Польше как оскорбительное. В будущем именно Польское восстание 1863 года обозначит раскол между двумя державами. Но это случится позднее. А пока Франция демонстрировала поддержку России: в 1856 году она примкнула к России в вопросе об эвакуации англо-французских войск, оккупировавших Греческое королевство, а затем согласилась с выгодным для России разграничением в северной Бессарабии, которое должно было компенсировать России потерю прав на Болград и Змеиный остров, предусмотренную Парижским трактатом.

Формальное секретное соглашение между двумя державами было подписано 19 февраля (3 марта) 1859 года¹⁰. Александр II обязался соблюдать благожелательный нейтралитет во время войны Франции с Австрией и обеспечить нейтралитет других держав. Франция же туманно обещала во время заключения мира пересмотреть в интересах России и Франции существующие договоры. Российский император отказался от сближения с Австрией, которая активно искала русской поддержки в преддверии войны.¹¹

Обозначившийся в 1856–1857 годах политический расклад на континенте повторился в Константинополе, где европейские державы разделились на два лагеря: в одном находились Франция, Россия, Пруссия и Сардиния, в другом — Австрия и Англия.

КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ РАСКЛАД

ВСЕСИЛЬНЫЙ ЛОРД СТРАТФОРД

«Первой скрипкой» европейской дипломатии на Босфоре был политический долгожитель лорд Чарльз Стратфорд Каннинг де Редклиф (1786–1880), посол Ее Британского Величества, сумевший подчинить своему авторитету османских сановников. Он пробыл в Константинополе с 1842 по 1858 годы, проводил ярую антирусскую политику¹² и обычно не слишком считался с интересами французов. В целом, английское влияние в Константинополе стало преобладающим с 1830-х годов, когда Англия поддержала султана против восставшего египетского наместника, за которым маячил французский силуэт. Главой английской партии в Порте был могущественный Мустафа-Решид паша, многократно бывший великим визирем и занимавший этот пост по окончании Крымской войны, в 1856 — начале 1858 годов. Лорд Стратфорд стал живым воплощением английского доминирования в Порте.

Он запомнился современникам своими блестящими дипломатическими способностями, а также невыносимым характером и высокомерием: он не терпел иных мнений, не шел на компромиссы и даже пренебрегал правилами приличия, регулярно опаздывая на приемы и конференции и ведя себя как хозяин любого положения. Вот как его характеризовал Винсент Бенедетти, секретарь Парижского конгресса 1856 года, бывший секретарем французского посольства в Константинополе и поверенным в делах во время войны:

«Лорд Стратфорд де Редклиф обладал всеми прекрасными качествами англо-саксонской расы, а также был наделен ее недостатками или слабостями: глубоким чувством величия своей страны и неукротимым желанием верно служить ей, огромной гордостью, которая порой вызывала замутнение сознания и помрачение рассудка. Исключительные способности, неизменное прилежание вкупе с долгим опытом наделили его поразительной глубиной суждений, и если бы природа одарила его иным характером, он был бы идеальным послом. [...] Высокомерный доктринер, он вступал в дискуссии, но никогда не соглашался изменить своего мнения. Он был настолько уверен в своей правоте, что любые средства казались ему хороши, чтобы навязать свое мнение собеседнику — и в выборе этих средств он не всегда был щепетилен — так что, если в Порте он расхохотался во взглядах с кем-либо из своих коллег, то помыкал министрами султана, принуждая тех склониться к своей точке зрения».¹³

Впрочем, строптивый лорд Стратфорд Каннинг был грозой не только турецких сановников и европейских коллег, но и лондонских кормчих внешней политики. Форин-офис и лорд Джордж Кларендон, министр иностранных дел в 1853–1858 годах, не могли совладать с темпераментом своего константинопольского представителя. Так, Кларендон даже передавал Стратфорду, что турецкие министры жаловались на него в Лондон:

«Они, конечно, признают Ваши таланты и доброе расположение к Турции, но заявляют, что не могут более терпеть того, что Ваше влияние стало таким значительным и общеизвестным, что умаляет их самих в глазах народа и что Вам следовало бы позволить султану быть Вашим соправителем (это точные слова Аали)». ¹⁴

С 1855 года министр обдумывал возможность отозвать непокорного и неуживчивого дипломата, однако тот пользовался огромным влиянием, и сместить его было непросто. ¹⁵ Вот как объяснял это Бенедетти:

«Его капризы составляли его силу: укрепляя его влияние в Константинополе, они раздували его и в Англии. В самом деле, как раз благодаря своим смелым требованиям и резкому характеру он заручился на берегах Босфора преобладанием, свойственным ему одному. Впавшие в немилость чиновники упорно просили его вмешаться; я видел, как отправленный в отставку министр полиции Хайреддин-паша явился со своей женой и дочерью в английское посольство, будучи уверенным, что благородный лорд соблаговолит потребовать у Порты, чтобы его восстановили в должности. Лондонские газеты всегда хвалебно отзывались о подобных проявлениях, как и обо всех инцидентах, спровоцированных вспыльчивым послом; национальное самолюбие чувствовало себя польщенным, а общество рукоплескало послу. Он довлел над собственным правительством, которое, зная, что его защищает пресса и поддерживает Парламент, не осмеливалось призвать его к повиновению или вовсе отказаться от его услуг». ¹⁶

Ведущая роль Стратфорда в Османской империи была отражена и в его положении дуайена, главы всего дипломатического корпуса, аккредитованного при Порте. Однако к 1858 году босфорская звезда англичанина закатилась, он был вынужден покинуть свой пост и почетный титул перешел к его более молодому, но не менее амбициозному коллеге.

ЭДУАР ТУВЕНЕЛЬ, ВОСХОДЯЩАЯ ЗВЕЗДА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Эдуар Тувенель (1818–1866) был назначен послом в Константинополь во время Крымской войны, 3 мая 1855 года, за 2 дня до отставки министра иностранных дел Друэна де Люиса, с которым у него были не слишком радужные отношения. Отбытие в Османскую империю, устроенное самим императором, фактически спасло карьеру молодого дипломата. Правда, он ожидал назначения в Петербург и хорошо знал соответствующие материи, однако пост в Константинополе был не менее престижным. ¹⁷ Именно там закладывался фундамент послевоенной европейской политики. Кроме того, долгое время Восточный вопрос оставался одним из важнейших для

европейских держав, поэтому Франция направляла на Босфор самых талантливых своих сынов, разбиравшихся во всех тонкостях международных отношений и национальных интересов. Неудивительно, что министры-дипломаты на Босфоре часто становились министрами иностранных дел в Париже, и этот пост полуофициально считался предпоследней ступенью на дипломатической лестнице.

В XIX столетии ряды французских дипломатов пополнялись либо родовитыми аристократами, либо богатыми буржуа. Эдуар Тувенель принадлежал ко второй категории. Среди его предков были врачи, адвокаты, а отец Луи Тувенель прославился на военном поприще и получил маршальский жезл. Эдуар сделал головокружительную карьеру. Решив посвятить себя дипломатии, он изучал право, в двадцатилетнем возрасте предпринял долгое путешествие на Балканы, в Грецию, Константинополь. В 1840 году опубликовал книгу «Венгрия и Валахия»¹⁸. На следующий год издал очерк о Константинополе и эссе «Продвижение России в Центральной Азии», где предупреждал:

«Пока две бескрайние империи действуют [Англия и Россия] — одна средь бела дня, другая под покровом ночи — и одинаково помышляют лишь о новых завоеваниях, другие европейские нации, более или менее занятые домашними заботами, пребывают в неподвижном состоянии и, кажется, не беспокоятся о важнейших интересах своего будущего. Без сомнения, опасность еще не постучалась к ним в двери, можно отвести грозу, но и в политике верно будет сказать, что слишком большая неподвижность есть симптом смерти».¹⁹

В 1842 году он поступил в политическую дирекцию департамента иностранных дел во французском МИДе. Пробыв краткое время в Испании и Брюсселе, он получил назначение в Афины, где оставался с конца 1845 до 1850 года, а затем сделался директором политического департамента в министерстве, фактически вторым человеком после министра.

Вот как его описывал коллега Винсент Бенедетти:

«Это был человек совершенно искренних чувств, исключительного ума, благородного характера, который из-за чрезмерной скромности, сочетавшейся с талантом, не осознавал собственной значимости. К тому же он был отменным писателем, одаренным всеми способностями, прекрасно владеющий языком: написанные им многочисленные депеши остались образцами ясности, точности, элегантности, убедительной и возвышенной аргументации. Это был неутомимый труженик. От этого пострадало его здоровье, а жизнь его была короткой, хотя и весьма наполненной».²⁰

Прибывший в Константинополь еще до подписания мира с Россией Тувенель, естественно, не был настроен на тесное сотрудничество с недавним врагом. По своим убеждениям он был сторонником союза с Англией и был готов, несмотря на ужасную репутацию Стратфорда, искать общий язык с ним и использовать тактику «замирения» противника. В инструкции, направленной новому послу в Высокой Порте говорилось:

«Лорд Стратфорд де Редклиф, которого долгое пребывание на посту наделило хорошим знанием турецких персонажей и дел, добился особого личного положения. Приобретенное им влияние должно быть обращено на пользу общего дела, значит, нам не следует ревновать. Посему Вы будете тщательно избегать, милостивый государь, всего, что могло бы походить на противостояние, которое в царящем в Пере климате некоторые с удовольствием разжигают между двумя относительно равносильными сторонами. Вы без хвастовства займете место, полагающееся императорскому представителю, и установите с лордом Стратфордом де Редклифом близкие и доверительные отношения, как того требует равенство положений и как то диктует тесный союз Франции и Англии. За время Вашей работы в министерстве Вы сами могли судить, как полезны были для интересов обеих стран регулярность и конфиденциальность сношений двух правительств. Такого же рода отношения должны существовать в Константинополе между двумя миссиями. Было бы желательно, чтобы во всех вопросах, интересующих альянс, с одной и с другой стороны предпринимались одинаковые действия и чтобы французский и английский посол, прояснив свои взгляды в дружеской беседе, согласовали свои демарши в отношении Порты, не предавая огласке своих первоначальных расхождений во мнении и взаимных уступок».²¹

Однако Тувенелю очень быстро пришлось убедиться в невозможности мирного сосуществования.²² Британский лорд систематически отвергал все предложения о совместных действиях и вставлял палки в колеса французским проектам. Например, летом 1856 года он был категорически против объединения Дунайских княжеств, в пользу которого высказывалась Франция. Кроме того, после подписания Парижского трактата французское правительство взяло курс на сближение с русским. Новым партнером Тувенеля на Босфоре должен был стать русский дипломат.

Сам Тувенель поначалу скептически относился к такому повороту дел и в октябре 1856 года писал Бенедетти, сменившему его на посту директора политического департамента:

«Правы ли мы, отдаляясь от англичан? Любезности, которые нам делает Россия, скрывают великие осложнения. Мы не можем свершить ничего полезного с Санкт-Петербургом, не предав всех традиций нашей политики. Вспомните, что Наполеон, перейдя к действиям, проклял ослепление в Тильзите. Ради Бога, остережемся ослепления от московской коронации!»²³

И в ноябре того же года:

«Уверены ли Вы, что эти лживые газеты не обманули нас, объявив, что 8 сентября 1855 года Севастополь пал под совместным натиском Франции и Англии? И, главное, не разыграли ли они нас, опубликовав договор, который вроде был подписан 15 апреля 1856 года между Францией, Англией и Австрией, чтобы противостоять последующим поползновениям России? [...] И все же, мало-помалу, и вот уже я заключаю альянс с господином

Бутеневым и, в довершение всего, мы с ним на равных и нас побили — что за многообещающие перспективы на будущее! В глубине души мне не до смеха. Все это по сути столь же серьезно, сколь по внешнему виду жалко, и я мечтаю, чтобы император принял меры, чтобы, как можно скорее, вытащить нас из этой трясины». ²⁴

Между тем, альянс с русским посланником Бутеневым (а затем его преемником князем Лобановым-Ростовским) продлился в течение 3 лет, до самого отбытия Тувенеля из Константинополя. При поддержке России Тувенель одержал блестящую победу над Портой и Англией в деле о молдавских выборах и заявил о себе как об одном из лучших дипломатов Европы. Из французской резиденции в Пере он напрямую переместился в министерский кабинет на Ке-д'Орсе, это был пик его карьеры. Его назначение (4 января 1860) было встречено персоналом с одобрением — успехи Тувенеля в Константинополе было хорошо известны на родине. Тувенель-министр запомнился как практичный и талантливый деятель, сторонник Рисорджименто, обеспечивший присоединение к Франции Савойи и Ниццы (1860). Он покинул свой пост из-за сложностей в итальянской политике и продолжил карьеру в Сенате. В 1866 году он скончался в возрасте 47 лет, как раз тогда, когда, по воспоминаниям современников, готовилось его возвращение в министерство.

АВСТРИЯ, САРДИНИЯ, ПРУССИЯ

Еще одним значительным игроком на константинопольской арене был интернунций — австрийский посол барон Антон фон Прокеш-Остин (1795–1876). Он прекрасно знал Восток: получив назначение сюда еще в 1824 году в качестве военного, он быстро изучил языки и культуру региона и благодаря своим публикациям сделался уважаемым ориенталистом. В 1830-е годы он перешел на дипломатическую стезю, а в 1855 году был назначен в Константинополь, где пробыл 16 лет.

После Крымской войны отношения Австрии и России оставались если не враждебными, то весьма прохладными, а Франция готовилась нанести удар по австрийским интересам в Италии. Кроме того, Австрия была крайне обеспокоена ситуацией на Балканах и в Придунайских княжествах — регионах, которые она рассматривала как свою естественную зону влияния и где старалась не допустить роста влияния других держав, в особенности проявлявших большую активность Франции и России. Посему вполне понятно, что на Босфоре барон Прокеш примкнул к могущественному лорду Стратфорду, чьими указаниями часто руководствовались и турецкие министры.

А во франко-русском лагере находились также Пруссия — соперница Австрии, симпатизировавшая России, и Сардиния, шедшая в фарватере французской политики. Пруссию официально представлял генерал-майор

Вильденбрук, однако французскому и русскому послам приходилось иметь дело с поверенным в делах Фридрихом фон Гундлахом, до этого исполнявшим функции прусского комиссара в Дунайских княжествах. Сардинию представлял генерал Джакомо Дурандо (1807–1894), либерал, активно поддерживавший объединение Италии.

ВETERАН ВОСТОЧНОЙ ПОЛИТИКИ А.П. БУТЕНЕВ

На русского представителя в Константинополе, хоть и не имевшего, подобно коллегам из других держав, статуса посла, были возложены важные задачи — восстанавливать нарушенные войной отношения с Портой и европейскими державами, претворять в жизнь решения Парижского конгресса и разрешать спорные вопросы, возникавшие на этом фоне. Более далекая, но не менее важная цель — укреплять пошатнувшийся престиж православной империи на Востоке, особенно в глазах единоверцев.

Для всех этих непростых дел был избран член Государственного Совета, тайный советник Аполлинарий Петрович Бутенев (1787–1866), далеко не новичок в восточной политике. Дипломатическую карьеру он начал в 1803 году, поступив писарем в Военную коллегию, только что преобразованную в министерство. В войну с Наполеоном Аполлинарий Петрович состоял при штабе: с 1 июня по 1 сентября 1812 года был прикомандирован при князе Багратионе и занимался его корреспонденцией (о кампании 1812 года Бутенев оставил воспоминания, опубликованные в 1881–1883 годах). Дальнейшее продвижение по службе было вполне традиционным и благополучным — переводчик, секретарь миссии в Штутгарте.

В 1815 году он впервые оказался в Константинополе, где шесть лет прослужил секретарем посольства. В 1823–1824 годах управлял Бессарабской областью, затем был назначен в Лондон, но во время русско-турецкой войны вернулся в Порту, где стал в октябре 1830 года чрезвычайным и полномочным министром. Бутенев сыграл важнейшую роль в ходе египетского кризиса (1831–1841), когда египетский наместник Мухаммед-Али паша восстал против своего суверена и, захватив сирийские провинции, угрожал турецкой столице. Россия поддержала султана и направила ему на помощь флот и войска. В тот период русское влияние в Османской империи достигло небывалого размаха: в 1833 году был подписан Ункяр-Искелийский договор, предусматривавший военный союз между двумя странами и даже, в случае военного конфликта, закрытие Турцией проливов для кораблей всех стран, за исключением России. Впрочем, противодействие Англии и Франции не позволило России удержать достигнутых позиций, и в 1841 году Лондонская конвенция отменила российский контроль над проливами.²⁵

В 1843 году Бутенева перевели в Рим: там он снискал расположение двух понтификов, а в 1847 году способствовал заключению с Папской курией

конкордата, регламентировавшего положение Католической церкви в Российской империи. Он оставил этот пост в 1855 году и вернулся в Россию. И вот 12 июля 1856 года уже немолодой дипломат был вновь назначен «к Его Величеству Турецкому султану с особыми поручениями и управляющим миссией в Константинополе». Любопытно, что скорейшего назначения русского представителя в Порту желал сам Наполеон III, предвидевший совместные действия в регионе, где бурлили и сталкивались многие интересы.

Перед отбытием в османскую столицу Аполлинарий Петрович получил министерскую инструкцию, намечавшую его будущую линию поведения.

«Мы жертвуем особыми преимуществами, приобретенными в предшествующих соглашениях. Мы и в будущем не будем добиваться никаких особых преимуществ для России в отношениях с Оттоманской Портой. Наша традиционная цель останется неизменной: поддерживать христианскую Церковь и христианское население этого государства и благоприятствовать развитию цивилизации и торговли на юге России. [...] Мы не таим злобы ни против турок, ни против тех, кто, дурно истолковав благородную и великодушную мысль покойного императора, вызвал столь пагубные осложнения. Однако совершенно очевидно, что наше политическое поведение на Востоке не может оставаться таким же, как в эпоху, предшествовавшую этим осложнениям. Отныне бесполезно исхищряться, дабы внушить доверие туркам. Бессмысленно пытаться восстановить близкие отношения с людьми, наделенными властью или пользующимися влиянием в советах Порты. Наше возвращение на прежний путь может укрепить недоверие, с которым мы уже сталкиваемся. При таком положении вещей первые шаги представителя России в Константинополе должны быть отмечены спокойствием, честностью и достоинством. Он должен будет проявить большую твердость, отстаивая материальные интересы России и способствуя возобновлению и процветанию торговых сношений юга России со Средиземноморьем и Востоком. [...] Что касается отношений оттоманского правительства с представителями держав, имеющими преобладающее влияние в Константинополе, или же внутренних вопросов, из которых наше самое пристальное внимание привлекает вопрос о Церкви и христианском населении, нынешнее положение, каким оно нам видится, предписывает нашему представителю придерживаться позиции невмешательства. Между тем невмешательство и сдержанность не обязывают вести себя пассивно. Мы, разумеется, не будем делать вид, что отказались от благочестивого наследия, завещанного нам нашей собственной историей и состоящего в защите наших единоверцев на Востоке. Этот интерес, по сути своей, важнее всех политических расчетов. К тому же, с точки зрения наших главных интересов развития самой России, нас не устраивает, чтобы христианский и православный элемент на Востоке приходил в упадок будь-то из-за турецких притеснений, будь-то из-за западного прозелитизма. [...] Честно соблюдая предписания Трактата,

мы уважаем суверенные права султана и инициативы оттоманского правительства в административных реформах. Однако представитель России должен пристально следить за развитием этих реформ. Если это развитие не будет отвечать духу Трактата, если прежние злоупотребления будут продолжаться или возобновятся в другой форме, Вы можете со всею искренностью, каковая должна руководить нашими отношениями как с самими турками, так и со всеми другими участниками мирного договора, указать на эти злоупотребления и потребовать их искоренения во имя всеобщих великих принципов и великих интересов, во имя неотъемлемого права нашей религиозной общины, составляющей подавляющее большинство христианского населения Востока».²⁶

Общепризнанно, что французский посол Эдуард Тувенель был дипломатической фигурой европейского масштаба и именно благодаря его действиям европейские державы могли после Крымской войны оказывать давление на Оттоманскую империю. Между тем, часто забывают, что Тувенель действовал при постоянной поддержке русского посольства. Примечательно, что в обстоятельной и пока единственной биографии Э.Тувенеля (Case Lynn. *Edouard Thouvenel et la diplomatie du Seconde Empire*, Paris, 1976) имя А.П. Бутенева указывается только в ссылках на архивные документы, тогда как прочие участники событий постоянно фигурируют в тексте.

Итак, А.П. Бутенев прибыл в Константинополь осенью 1856 года вместе со будущим преемником²⁷ и министром иностранных дел России князем Алексеем Борисовичем Лобановым-Ростовским (1824–1896). Согласно установке, полученной из Петербурга, он проводил политическую линию, аналогичную французской. На Босфор Бутенев вернулся уже на склоне лет и во время службы страдал от различных недугов, которые порой даже мешали исполнять профессиональные обязанности (бывать на приемах, заниматься перепиской). Поэтому через три года, в июне 1859 года, его прошение было удовлетворено и он был отозван из Константинополя. Выйдя в отставку, Бутенев направился на лечение в Германию, а затем в Париж, где и скончался в 1866 году, вероятно, в окружении семьи²⁸.

Как во Франции и прочих европейских странах, в российском дипломатическом корпусе в XIX столетии были сильны родственные связи. Семейная история А.П. Бутенева прекрасно иллюстрирует этот тезис. Его сын Михаил (1844–1897) продолжил отцовское дело и служил в посольствах в Лондоне, Париже, Баварии. Вторым браком Бутенев был женат на графине Марии Иринеевне Хрептович, чей брат Михаил Иринеевич (1809–1892) в 1856–1858 годах был послом в Великобритании. Владимир Павлович Титов (1807–1891), занимавший пост посланника в Константинополе в 1843–1853 годах, был женат на свояченице Бутенева, Елене Иринеевне Хрептович.

Такие же семейные династии складывались в среде драгоманов, без которых не обходилось ни одно посольство.

ДРАГОМАНЫ, «РАБОЧИЕ ЛОШАДКИ» ДИПЛОМАТИИ

Одновременно со становлением Оттоманской империи формировался институт драгоманов — важнейших посредников между Востоком и Западом, переводчиков, делавших возможным взаимодействие иностранных дипломатов с турецкими властями.²⁹ Западные страны начали устанавливать тесные дипломатические отношения с турками с XVI века, когда французский король Франциск I в 1536 году заключил договор с султаном Сулейманом I против набиравшей могущество империи Габсбургов. Тогда первыми драгоманами были европейцы, жившие в Константинополе к моменту его завоевания турками в 1453 году. Фундаментом этого сословия стала колония генуэзцев, живших на северном берегу Золотого Рога в Галате. Они приняли новую власть и сделались медиаторами между латинской и арабской культурой. В Средневековье драгомены облачались в восточный наряд и пользовались привилегией носить пурпурный и даже желтый цвет, запрещенный для неверных. В XIX столетии в ходе европеизации Турции, затронувшей все сферы жизни, драгомены вместе с прочим населением империи переняли европейский костюм.

Послы западных держав, разумеется, не владели турецким языком, и драгомены обеспечивали для них перевод на аудиенциях. Они были глазами и ушами европейских дипломатов в Порте, куда приходили ежедневно, чтобы узнать о новостях, переговорить с министрами или озвучить позицию посольства по тому или иному вопросу. Первоначально подданство не являлось критерием при поступлении драгомана на службу в то или иное посольство, это была своего рода свободная профессия. Несколько семей образовали династии драгоманов, на протяжении столетий служивших различным иностранным державами.

Однако со временем европейские дворы начали осознавать неудобство такой системы, в том числе из-за случаев, когда драгомены отстаивали скорее собственные интересы, нежели интересы нанимавшего их государства, или даже служили двум господам одновременно. С XVI века появились школы, где учили будущих драгоманов из числа собственных подданных: Венеция основала свою школу в 1551 году, через 15 лет ее примеру последовала Дубровницкая республика, в начале следующего столетия — Польша. В 1690 году появился греческий семинар в Оксфорде, а в 1754 — Восточная академия в Вене. Французская школа драгоманов (*Ecole des jeunes de langues*) была создана Кольбером в 1669 году, однако некоторые выпускники, получив бесплатное образование, отказывались от службы, поэтому часть штата по-прежнему набиралась на местах. Среди драгоманов было много уроженцев Парижа и Марселя, выходцев из семей государственных служащих и богатых торговцев, заручившихся рекомендательными письмами. Второстепенные служащие и помощники драгоманов обычно рекрутировались из местных семей арабского, армянского, греческого и еврейского происхождения.

Подготовка драгомана занимала около 10 лет. В одном мемуаре XVIII столетия указывалось, что он должен владеть несколькими языками: родным, латынью (чтобы пользоваться восточными сочинениями и словарями, переведенными на нее), итальянским, греческим, турецким, арабским, персидским. Кроме того он должен ориентироваться в основных интересах держав, принципах торговли, знать историю и географию, и, главное, разбираться в турецких законах и обычаях, устройстве правительства и администрации.³⁰ Из личных качеств, которыми должен быть наделен хороший драгоман, выделялись мудрость, покладистость и твердость, мужество, честность, умение смирять личную гордость и сносить обиды от турок, защищая интересы своей державы.

К 1880 году французский стал главным иностранным языком, бывшим в ходу в Османской империи.³¹ Как и в Европе, это был язык дипломатии, торговли, культуры и науки. Институт драгоманов исчез с началом Первой мировой войны, когда многие династии переводчиков покинули империю и были рассеяны по европейским странам.

Хотя драгомана обычно рассматривают как толмача, круг его обязанностей был гораздо шире: помимо устных и письменных переводов, драгомены участвовали в переговорах, регулярно бывали в Порте, передавая сообщения между посольством и турецкими сановниками, исполняли особые миссии, оказывали помощь соотечественникам в общении с местными властями, преподавали восточные языки и т.п. Пользуясь таможенными льготами, многие драгомены вели коммерческую деятельность для собственной выгоды. Наконец, некоторые драгомены, по собственной инициативе или поручению властей, погружались в научные штудии и публиковали сочинения о восточных языках, истории и географии, музыке, литературе и обычаях.

Драгомены служили в посольствах в столице и в консульствах в различных городах империи (Смирне, Александрии, Алеппо, Салониках и т.д.). Наиболее почетным было место первого драгомана в Константинополе. В XIX столетии должность драгомана обычно служила подготовительным этапом перед занятием места консула.³²

Несмотря на важность функций, возложенных на драгоманов, правительство не всегда ценило их. Кроме того, служба драгомана на Востоке была связана с целым рядом опасностей: в Османской империи периодически свирепствовали эпидемии, самыми страшными из которых были эпидемии чумы, города страдали от пожаров и землетрясений. К тому же, покровительство западных государей не всегда спасало драгоманов от гнева местных правителей, которые могли унижить, наказать палочными ударами и даже казнить неугодного.

И все же, вопреки всем трудностям, подстерегавшим драгоманов, эта должность была почетна и давала большие привилегии. Так, они освобождались от налогов и платили льготные таможенные пошлины, а по окончании карьеры могли рассчитывать на пенсию. Помимо этого они сами,

а также их семьи пользовались защитой западных правителей, которая, хоть и не всегда оказывалась эффективной, все же делала их положение более надежным, нежели у османских подданных. За хорошую службу драгоманы могли рассчитывать на солидное денежное вознаграждение и титулы. Следует, впрочем, отметить, что французские драгоманы были в некотором смысле «бедными родственниками», по сравнению со своими собратьями, служившими другим государям. Известен пример семьи Фонтон, перешедшей во времена Революции с французской на русскую службу и быстро вошедшей в аристократические круги, чего она не смогла добиться за полуторавековую верную службу прежним хозяевам.

Русский дипломат XVIII века мог учить иностранные языки в Коллегии иностранных дел у служащих там переводчиков, в каком-нибудь европейском университете или непосредственно при зарубежной миссии. Университет и гимназии давали знания, преимущественно, по классическим и европейским языкам. Между тем потребность в специалистах-востоковедах росла, и в 1823 году при Азиатском департаменте МИД (созданном незадолго до того, в 1819 году, что обозначило приоритет этого внешнеполитического направления) было учреждено Учебное отделение восточных языков «с специальной целью приготовления молодых людей к драгоманской службе при Императорских миссиях и Консульствах на Востоке»³³. Сначала там преподавалось четыре языка (турецкий, персидский, арабский и французский), затем в программу включили греческий, английский и итальянский языки (как в европейских школах), международное и мусульманское право и нумизматику. Все слушатели изучали по пять языков. Первоначально преподавание велось по французским учебникам, однако и с появлением отечественных пособий сами занятия по-прежнему шли на французском. Учителями были иностранцы — турки, сирийцы, греки, французы.

В отличие от Восточных факультетов Санкт-Петербургского и Казанского университетов и московского Лазоревского института Восточных языков, при МИДе преподавалась не теория языка и литература, а живой язык общения, необходимый для дипломатов. Это было государственное учреждение для подготовки квалифицированных кадров, поэтому учились по подлинным дипломатическим документам. Курс подготовки занимал три года.

На курс набирали порядка шести студентов, окончивших Университет (позднее образовательный ценз снизили до гимназии). Двумя важными условиями приема было российское подданство и православное вероисповедание. Социальное происхождение слушателей мало отличалось от происхождения студентов прочих учебных заведений — это были представители свободных сословий: дворян, мещан, купечества, но больше всего было выходцев из чиновничьей среды. Студенты УОВЯ получали стипендию, покрывавшую все бытовые расходы, и были обеспечены казенным жильем. Всего до 1915 года УОВЯ успешно окончило 220 человек.

Разумеется, эти блестящие, но малочисленные специалисты не могли удовлетворить потребность в персонале, даже в важнейших посольствах. В Константинополе на русскую службу обычно принимали православных греков. При А.П. Бутеневе первым драгоманом русского посольства состоял Эммануил Яковлевич Аргиропуло (ум. 1874). Он принадлежал к известной династии драгоманов. Так, его отец Яков Аргиропуло (1774–1850) был турецким послом в Берлине и старшим драгоманом в Порте (1812–1817). Брат Перикл Аргиропуло (1810–1860) родился в Константинополе, изучал юриспруденцию в Париже, потом практиковал и преподавал юридические науки в Греции, где в течение короткого срока занимал посты министра иностранных дел и финансов. Один из сыновей Эммануила, Кимон, стал переводчиком русского посольства в Константинополе, а затем русским министром в Черногории. Среди братьев, кузенов, племянников Эммануила Яковлевича также многие сделали дипломатическую карьеру.

При французском посольстве первым драгоманом состоял Пьер Шарль Максимилиан Амеде Утре, и о нем известно гораздо больше. Он также принадлежал к левантийской династии дипломатов и родился в Багдаде в 1820 году в семье французского вице-консула Жоржа Утре. Пройдя обучение во Франции, он вернулся на Восток, где начал дипломатическую карьеру. В 1851 году он получил должность драгомана без определенного места пребывания и был направлен в Белград, откуда в том же году был переведен в Константинополь. В 1854 году он был назначен вторым драгоманом. Генерал Бараге-д'Илье, посол при Высокой Порте, характеризовал его следующим образом: «Очень умен, очень способен, очень усерден. Хорошо разбирается в делах».³⁴ Весной 1857 года Утре стал первым драгоманом посольства и неизменным помощником Эдуара Тувенеля. В 1865 Утре получил титул почетного консула, в 1867 году назначен советником посольства, что в посольской иерархии соответствовало второму лицу после посла. В 1870 году он вышел в отставку, и скончался в 1882 году. Его сын и внук, как и многие другие родственники, также сделали карьеру на дипломатическом поприще.

Мы уделили так много внимания драгоманам, потому что они были подлинными «рабочими лошадками» дипломатии, что прекрасно видно, в том числе, и из переписки Тувенеля и Бутенева. Имена Аргиропуло и Утре постоянно всплывают в связи с новостями из Порты, а также анализом текущих событий. И хотя драгоманов не принимали решений, их роль была крайне важна на уровне коммуникации с турецкими сановниками и оценки обстановки.

ОБСТАНОВКА В ТУРЦИИ И ТУРЕЦКИЕ САНОВНИКИ

Миссия в Константинополе Тувенеля и Бутенева (вторая половина 1850-х годов) пришлась на эпоху Танзимата (1839–1878), период многоплановых реформ, которые должны были позволить Оттоманской империи догнать великие

европейские державы. За относительно короткий срок произошли коренные изменения в сфере управления, экономике, повседневной жизни. Реформы вызывали противодействие у консервативно настроенных кругов, прежде всего религиозных лидеров улемов, не доверявших западным веяниям, но, несмотря на это, Блистательная Порта добилась значительных успехов.

Смена курса началась в правление султана Абдул-Меджида I (1839–1861), человека противоречивого и поддающегося влиянию, однако искренне увлеченного европейской культурой и желавшего изменить свою империю — для этого он сумел найти деятельных помощников. Отправной точкой Танзимата стало провозглашение осенью 1839 года хатти-шерифа Гюльхане, где намечались основные направления преобразований в законодательстве, налогообложении, администрации, образовании. Провозглашалась защита государством жизни, чести и имущества султанских подданных — раньше султан мог распоряжаться ими по собственному усмотрению. Подразумевалось, но на деле не было введено равенство граждан вне зависимости от религиозной принадлежности. Другим важнейшим документом, своего рода итогом Крымской войны, стал эдикт 1856 года, специально признававший равенство перед законом мусульманского и немусульманского населения. Эта проблема не только накаляла обстановку внутри страны, но и давала повод европейским державам вмешиваться во внутренние дела империи во имя защиты прав османских христиан. И современники, и историки многократно говорили о пробуксовке реформ — коллеги Бутенева очень сомневались в выполнении турками обязательств относительно христиан, — и все же, несмотря на все сложности, Османская империя медленно разворачивалась лицом к западной цивилизации.

Крупные перемены происходили даже в османских традициях. Султаны, прежде не покидавшие своих дворцов и гаремов, стали появляться на публике. А в феврале 1856 года Абдул-Меджид впервые в истории побывал на приемах у иностранцев (неверных!) — то были балы, устроенные с интервалом в несколько дней в английском и французском посольстве. Преемник Абдул-Меджида, брат Абдул-Азиз, даже отправился в путешествие по Европе в 1867 году.

Главным проводником реформ выступил блестящий оттоманский деятель Мустафа Решид-паша (1800–1858), много раз занимавший пост великого визиря и министра иностранных дел. Побывав послом в Лондоне, Париже и Берлине, он сделал свой внешнеполитический выбор и настойчиво проводил его в течение многих лет. Ярый сторонник англичан, Решид-паша оказался непостоянным партнером для российской и французской дипломатии. Впрочем, слишком навязчивая опека британского лорда в конечном итоге стала тяготить и Решиду.

Несмотря на острые политические расхождения, и русские, и французские дипломаты его уважали, а известие о кончине встретили с искренним сожалением. Вот что писал Бутенев в день смерти Решиды:

«Я был не только поражен внезапной кончиной Решида, но и горячо и искренне сожалел о нем, ибо я знал его почти 30 лет, отношения у нас всегда были хорошие, и я бы даже сказал почти сердечные, насколько это возможно, когда речь идет о мусульманине. Это тяжелый удар для Турции, поскольку этот человек, бесспорно, превосходил всех своих коллег».³⁵

А вот как характеризовал турецкого сановника в своих воспоминаниях граф Бенедетти, лично встречавшийся с ним на Босфоре:

«Решид-паша, однако, был наделен некоторыми достоинствами государственного мужа; он отличался глубоким умом и решительностью. Из всех советников султана он первым признал, что настало время извлечь Турцию из пеленок, достичь уровня рас, до той поры возвышавшихся над Оттоманской империей, и это был единственный способ, позволивший бы ей занять место в европейском концерте и положить конец тому упадку, в который она все глубже погружалась с каждым днем. Он имел мужество громко заявить об этом и отстаивать это новое, неожиданное мнение с самого дня прихода к власти. Он собрал вокруг себя молодых просвещенных людей, как Аали и Фуад-паша, которые вместе со многими другими разделяли и защищали его взгляды, тогда как большинство старых слуг султана и класс, ошибочно зовущийся образованным, наоборот, считали их святотатственными».³⁶

Ученики и преемники Решид-паши, Мехмед-Эмин Аали-паша (1815–1871) и Фуад-паша (1815–1869) были ближе к Франции и, соответственно, России. Они также многократно возглавляли турецкий МИД и все правительство. Вот как характеризовал Аали-пашу граф Бенедетти:

«Неподкупный, ни разу не запятнавший своей репутации, Аали-паша отличался образованностью и профессионализмом, приобретенными в различных, уже исполненных им миссиях, и широтой представлений, приобретенных в результате учебы и размышлений».³⁷

Сторонником Франции был военный министр Риза-паша, которого, естественно, не любили представители английской партии лорд Стратфорд и Решид-паша.

ДИПЛОМАТИЧЕСКОЕ РЕМЕСЛО

Как в России, так и во Франции дипломатия к середине XIX столетия приобрела вполне законченные формы,³⁸ ею стали заниматься профессионалы, получившие специальную подготовку в противовес своим предшественникам-«любителям», исполнявшим дипломатические поручения от случая к случаю, по приказу суверенов. В 1835 году «Словарь Французской Академии» зафиксировал слово «дипломат», появившееся лишь в конце XVIII столетия.

Европа, управлявшаяся концертом великих держав, решала многие животрепещущие вопросы на конференциях, проходивших в таких столицах, как Лондон, Вена, Берлин и, чаще всего, Париж. Французское

министерство и дипломатия в целом во времена Второй империи достигли пика могущества. МИД состоял из двух дирекций — дирекции политических дел и дирекции коммерческих дел и консульств. Политическая дирекция — с 1852 по 1855 годы ее возглавлял Эдуар Тувенель, а в 1855–1861 Винсент Бенедетти — делилась на четыре поддирекции: Северную, Американскую, Индокитайскую и Юридическую. С 1853 года до окончания войны была выделена особая Левантийская поддирекция.

Русский МИД был устроен более хаотично. Единственным региональным департаментом был Азиатский, что свидетельствовало о важности этого внешнеполитического направления. В 1856–1861 годах директором Азиатского департамент был востоковед Егор Петрович Ковалевский (1809–1868), прекрасно разбиравшийся в истории Балкан и сочувствовавший тамошним народам. Он поддерживал связи со многими деятелями славянского движения, при его содействии в 1857–1858 годах были открыты новые российские консульства в Сербии, Болгарии, Черногории. Другие министерские департаменты занимались загранпаспортами, перепиской с дипломатами, шифрами, хозяйственными и счетными делами и т.п.³⁹ Дела, касавшиеся неазиатского направления, разбирались в канцелярии; особые региональные отделы в структуре МИДа появились лишь на рубеже XIX–XX веков.

Французским внешнеполитическим кораблем с 1855 до начала 1860 года правил Александр Валевский (1810–1868), сын Наполеона Бонапарта от польской графини. Побывав послом в Англии (1851), он сделался сторонником союза с этой державой. Он председательствовал на Парижском конгрессе по окончании Крымской войны. Стоит отметить, что нового министра Валевского невысоко ценили французские и иностранные дипломаты. Возможно, именно его слабость позволила Тувенелю проявить инициативу и направлять французскую политику в Константинополе.

Русским МИДОм руководил князь Александр Михайлович Горчаков (1798–1883), человек глубокого ума и широких взглядов. Его назначение в апреле 1856 года вместо Карла Васильевича Нессельроде, тщетно уповавшего на Священный Союз и проигравшего Крымскую войну, было встречено общественностью с энтузиазмом. Как и Валевский, Горчаков сыграл важную роль в завершении войны — он был посланником в Вене и участвовал в обсуждении условий мира на Венской конференции, предшествовавшей Парижскому конгрессу. Основные ориентиры новой внешней политики России были сформулированы Горчаковым в знаменитом циркуляре дипломатическим представителям за границей от 21 августа 1856 года:

«Союз тех, кто в течение долгих лет вместе с нами поддерживал принципы, которым Европа обязана более чем четвертью века мирного существования, не существует уже в своей прежней целостности. Воля нашего августейшего государя не причастна к этому результату. Обстоятельства вернули нам полную свободу действий. Император решил предпочтительно

посвятить свои заботы благополучию своих подданных и сосредоточить на развитии внутренних ресурсов страны деятельность, которая может быть перенесена за ее пределы лишь тогда, когда позитивные интересы России потребуют этого безоговорочно. Россию упрекают в том, что она изолируется и молчит перед лицом тех фактов, которые не согласуются ни с правом, ни со справедливостью. Говорят, что Россия сердится. Россия не сердится. Россия сосредоточивается».

Новый министр оказывал сильное влияние на Александра II, особенно до 1863 года — даты, после которой усилилось консервативное направление в русской политике. В целом же, как в России, так и во Франции, позиция министра (министерства) и монарха не всегда совпадали. При подготовке решений учитывались также мнения военного, морского, финансового министерств. Однако решающее слово всегда оставалось за императором.

Дипломатические посты различались по степени важности и престижа. Титул посла был лишь у представителей в столицах великих держав, прочие дипломаты именовались полномочными министрами (*ministre plipotentiaire*). В дипломатической иерархии существовали послы, посланники, консулы, советники, секретари и атташе. В России послы назначались из числа представителей первых четырех рангов (от действительного статского советника до канцлера), остальные должности соответствовали V–VIII классам. При посольствах обычно было два секретаря: первый ведал сбором и обработкой политической информации и составлением отчетов для центра, второй — шифрами, кассой, техническими работами, персоналом и т.п. Со временем (при наличии денег) некоторые посольства обзавелись еще советниками и атташе.

Французы крупными постами считали Лондон, Мадрид, Рим, Вену, Санкт-Петербург, Константинополь, Берлин (с 1864 года), иногда Берн. Важные легации, рангом ниже посольства, находились в Брюсселе, Мюнхене, Турине, Гааге, Копенгагене, Неаполе (до 1860 года). За пределами Европы довольно заметную роль играл Вашингтон, но все равно, по сравнению с европейскими городами, этот пост был второстепенным. Русская дипломатия оценивала важность стран примерно так же. Титул посла имели представители во Франции, Англии, Турции, Италии и Германии (после их объединения), а вот испанские дела относились к маловажным. «Неофициальный рейтинг» посольств, связанный с комфортом жизни, в общих чертах повторял официальный — дипломаты с большой охотой отправлялись в Европу, а службу в Азии или Америке воспринимали как более тягостную необходимость.

Социальный профиль французских дипломатов был вполне предсказуем — страну за рубежом представляли аристократы и буржуа (как, Эдуар Тувенель). Аристократы, разумеется, производили больше впечатления на иностранцев, звучные титулы приветствовались. Благодаря связям и рекомендации им было легче попасть на службу, но дальнейшее продвижение

зависело от способностей, а не от происхождения. В России образование оставалось прерогативой дворян, поэтому и на дипломатическую службу поступали именно они, очень часто переходя из военного ведомства. Однако со второй половины XIX столетия из-за нехватки кадров в терявшем популярность внешнеполитическом ведомстве — продвижение по службе шло довольно медленно, а за граница сделалась доступна⁴⁰ — дипломатов стали чаще рекрутировать из прочих сословий.

И в России, и во Франции карьера молодого дипломата обычно начиналась с переписывания бумаг, при этом хороший почерк обеспечивал более радужные перспективы, чем у коллег. Один из дипломатов Второй империи, Анри д'Идевиль, так вспоминал об этом занятии: «Наш труд переписчиков был интересен и разнообразен; нам не раз доводилось критиковать прозу наших молодых сотрудников; но с каким удовольствием, с какой гордостью мы выписывали самым красивым почерком интересные меморандумы нашего директора Тувенеля, подлинные образцы стиля, ясные, возвышенные страницы, которые в ту пору восхищали канцелярии Европы»⁴¹.

Впрочем, подобная работа — фактически, молодые сотрудники были предшественниками копировальных машин — не всегда и не всем казалась столь увлекательной. Русские новички, состоявшие обычно при Азиатском департаменте, почитали за счастье, если переписанный ими документ был сразу принят и его не нужно было переделывать из-за ошибок или исправлений.

При переписывании бумаг должен был улучшаться не только почерк, но и стиль, которым можно было блеснуть позднее. Во Франции выше копистов стояли редакторы и заместители директора, составлявшие всевозможные депеши. Самые важные документы писал директор или даже министр. В российском МИДе аналогичную работу выполняли начальники столов, директора департаментов. Очень часто министерская работа казалась молодым людям невыносимо скучной.

Поскольку содержание у служивших на родине было невелико — чтобы вести приличную жизнь обычно приходилось добавлять денег из собственного кармана, — отправка за границу и для русских, и для французов выглядела очень привлекательно, тем более, что там продвижение по карьерной лестнице шло быстрее. Впрочем, назначение, официально зависевшее от опыта и талантов, зачастую было в руках влиятельных покровителей.

Французы могли вступить на дипломатическую стезю при посольствах или в министерстве как «вольные атташе», не получавшие жалованья, и попасть в штат после успешного прохождения испытаний. Во Франции к образованию выдвигались более жесткие требования, чем в России — для начала карьеры было нужно иметь не просто хорошее образование, но и диплом по праву, однако и тут зачастую не обходилось без махинаций. В любом случае, считалось, что основное образование дипломат получал на

практике, переписывая депеши, и лишь получив назначение в какую-либо страну, он отправлялся в архив, чтобы подробно ознакомиться с ее историей и современным положением.

Важной стороной внешнеполитической деятельности, как и сегодня, являлось освещение своих действий в печати для руководства общественным мнением. Рупором французского МИДа была газета «*Constitutionnel*». Точка зрения российских дипломатов становилась известна широкой публике из газеты «*Journal de Saint-Petersbourg*», издававшейся на французском языке. В бытность министром Эдуар Тувенель стал публиковать, по образцу британской, так называемую «Желтую книгу» с депешами, полученными из французских посольств по всему миру. В России дипломатические документы (конвенции, ноты, протоколы и т.п.) стали публиковаться с 1861 года в «Ежегоднике МИДа» (*Annuaire diplomatique*).

Журналисты неправительственных изданий могли сильно осложнять жизнь дипломатам, распространяя ложную или секретную информацию. Особенно важным мнение прессы было во времена конфликтов, и тут в ход могли идти разные средства. Приведем только один пример. Во время Крымской войны Россия создала свою журналистскую сеть на Западе, в частности, в либеральной Бельгии. Так, русский посол ежедневно получал депеши из Санкт-Петербурга, которые на следующий день публиковала газета «*L'indépendance belge*». Она выдерживала нейтральный тон, и французы могли публиковать там же свои опровержения. А вот бельгийский «*Journal du Nord*» и его корреспондент в Берлине Луи Бюль (*Louis Buhl*) просто находились на содержании у русской легации и озвучивали точку зрения Санкт-Петербурга.

В Константинополе внимательно следили за европейской прессой. Тувенель и Бутенев периодически обменивались газетами с интересными заметками, а иногда от журналистов доставалось и им самим. Так, в августе 1857 года франкфуртская газета «*Journal de Francfort*», выражавшая точку зрения Австрийской империи, окрестила Тувенеля за резкую позицию в кризисе из-за молдавских выборов адептом доктрины итальянского революционера Мадзини. Это возмутило французского посла, но вступать в полемику он не стал — хватало других забот.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ БУДНИ НА БОСФОРЕ

Из авторитетного справочника европейской аристократии, «Готского альманаха», мы узнаем, что в 1857 году во французском посольстве в Константинополе трудились посол, первый секретарь, два атташе, первый драгоман и хранитель печати. В русском штате числились посланник, два первых секретаря и один обычный, первый драгоман и глава коммерческой канцелярии.

Как все смертные, а, может быть, и больше многих из них, дипломаты, пребывавшие за рубежом, были озабочены денежным содержанием. Деньги были нужны не только для каждодневного функционирования посольства, но и на приемы, подарки, вплоть до нарядов супруги посла⁴² — ведь посол представлял свою державу, и его величие являлось отражением величия командировавшей его страны. Из переписки Эдуара Тувенеля и Аполлинария Петровича Бутенева становятся ясны размеры содержания, которое им полагалось во второй половине 1850-х годов. Французское посольство до и после войны получало 110 тысяч франков в год (во время войны немного больше), австрийское — 140, российское — 200, английское — 290. На 1859 год, по ходатайству Тувенеля, бюджет французского посольства увеличился до 130 тысяч.

Летний период (с мая по октябрь) персонал дипломатических миссий проводил в загородных резиденциях в пригородах Константинополя. Французская резиденция находилась в Терапии⁴³, русская⁴⁴ — в Буюк-Дере, там же жили представители некоторых других государств. Летние дачи привлекали дипломатов просторами, отсутствием столичной грязи и шума, однако в конце осени сильнейшие ветры с Черного моря вынуждали их возвращаться на зимние квартиры. Кроме того, драгоманам, постоянно бывавшим в Порте, было удобнее жить в столице.

Быстрее и проще всего было перемещаться по воде — дороги были в плохом состоянии. Каждодневным транспортом были каики — лодки, курсировавшие по Босфору. По торжественным случаям выезжали на пароходах⁴⁵, приписанных к посольствам. В переписке русского и французского посла неоднократно упоминается, как один любезно предлагал другому довести его на праздник или официальный прием на собственном корабле. В распоряжении посольства состояли кавасы — охранники, вооруженные пистолетами и хлыстом, сопровождавшие членов посольства при выезде в город, разгонявшие толпу и служившие курьерами. Этим своего рода жандармов, обеспечивавших безопасность, турецкие власти прикомандировывали не только к посольствам, но и к некоторым путешественникам.

Занятия посла в середине XIX века, как и сегодня, состояли в обсуждении политических вопросов с коллегами, работе с подчиненными, посещениях официальных мероприятий — приемов у турецких сановников и европейских дипломатов.⁴⁶ В будничном режиме с турецкими министрами общался драгоман, но в важных случаях и сам посол мог наносить официальные или неофициальные визиты местным сановникам. По окончании Крымской войны у российского и французского посольства было множество дел. Эдуар Тувенель был так занят, что его супруга в письмах в Париж упоминала, что приходится извиняться, отрывая его от дел и зовя к столу, где, по традиции, собирались все члены посольства.

И, конечно, огромное место в жизни послов занимала корреспонденция.

ПОСОЛЬСКАЯ КОРРЕСПОНДЕНЦИЯ

Дипломаты, пребывавшие на Босфоре, писали нескончаемые письма, которые доставлялись с пароходами или случайными курьерами.⁴⁷ Тувенель и Бутенев регулярно оказывали друг другу услуги: например, письма в Рим к дочери или к знакомым Бутенев отправлял на французском пароходе, следовавшем в Марсель, а Тувенель обращался за содействием к русским, если писал французскому консулу в Одессу или на Балканы.⁴⁸

С начала царствования Наполеона III появился телеграф. Однако отрывочные телеграммы часто расходились по смыслу с приходившими позже, но более достоверными и более полными депешами и традиционными письмами. Телеграф мог сообщить лишь краткие новости, намекнуть о направлении инструкций, информировать о начале переговоров на заранее обсуждавшихся условиях и т.п. Со временем железные дороги ускорили доставку почты, а с развитием телеграфных сетей содержание телеграмм стало более развернутым. Но в целом, телеграф лишь дополнил, а не заменил традиционную корреспонденцию, и для дипломатии его появление оказалось менее важным, чем появление телефона.

Дар письменного слова был для дипломата столь же необходим, как ораторский талант. Французская система образования прекрасно отвечала таким нуждам: в школах и лицеях молодых людей учили изящно писать, то есть писать, следуя принятым моделям. Изучая риторику, ученики начинали с латыни, а затем, освоив правила *narratio* (изложение) и *confirmatio* (утверждение), переходили к французскому. В третьем и втором классах они учились писать письма и диалоги, а в первом, классе риторики, составляли целые речи. С 1870-х годов эта система начала отмирать, но прежде все французские дипломаты именно так тренировались составлять письма, донесения, выступления. Такое образование готовило их справляться с повседневными задачами: излагать свои соображения по различным вопросам, передавать разговоры и впечатления, составлять частные и официальные документы. Важным этапом профессиональной подготовки молодых дипломатов было копирование чужих донесений, что позволяло им судить о литературном стиле своих коллег по цеху и шлифовать собственный.

Главным достоинством стиля считалась четкость мысли и изложения, образцами служили классики — Буало, Ривароль, Бюффон. Совершенство стиля являлось неизменным условием для карьерного роста, по качеству донесений начальство могло судить о профессиональных талантах молодых сотрудников министерства и посольств. В этом отношении Эдуар Тувенель, в 1860 году достигший вершины дипломатической карьеры и возглавивший министерство иностранных дел, был непререкаемым авторитетом для современников. Его считали «диалектиком, не знающим себе равных». Русский коллега также неоднократно воздавал должное его стилю: «ясность и

четкость, свойственные перу» Тувенеля, нередко упоминаются в письмах Бутенева. Примечательно, что и русский министр иностранных дел князь Горчаков был известен как тонкий стилист, чьи письма отличались изяществом и остроумием. В целом же, дипломатический стиль не предполагал красот и оригинальности, но лишь четкость, порядок в изложении, использование не самой избитой лексики.

В русский МИД молодые люди попадали, окончив учебу в лицее, гимназии или университете, где, разумеется, изучали словесность и риторiku. Сам Бутенев изъяснялся по-французски намного более витиевато (и просто длиннее) своего французского коллеги, ведь он был на тридцать лет старше Тувенеля и язык учил не в Париже времен Июльской монархии, а в русском имении рубежа XVIII-XIX веков у какого-нибудь гувернера, помнившего еще дореволюционную Францию.

Легко ли было действовать сообща коллегам, разница в возрасте которых составляла три десятка лет? Разумеется, госпожа Тувенель жаловалась золовке, что российское посольство «увенчано сединой и не слишком забавно». Однако в делах более серьезных возраст не оказался помехой. Выступая в Константинополе единым фронтом, русский и французский послы согласовывали друг с другом свои шаги. Аполлинарий Петрович, несмотря на свой долгий опыт на Босфоре, сразу же признал первенство французского коллеги и поддерживал его во всех начинаниях. Здесь к личным качествам добавился и расклад политический — потерпевшая поражение в войне Россия так же, как и ее представитель, должна была довольствоваться вторыми ролями на Востоке.

Не претендуя на детальный анализ дипломатической документации, выделим все же несколько ее уровней, чтобы понять, почему Бутенев и Тувенель имели два почтовых дня (согласно расписанию пароходов, увоживших корреспонденцию⁴⁹,) и постоянно жаловались на необходимость писать бесчисленные письма.

«Восходящий». О своих действиях послы докладывали в официальных донесениях в министерство и ко двору. Кроме того, они писали частные письма министру иностранных дел, с которым могли поддерживать не только профессионально-иерархические, но и светские, а порой и дружеско-родственные отношения. По собственной инициативе или по запросу правительства, они могли составлять записки по конкретным вопросам, излагать свои взгляды на ход событий в целом. Дипломат не только докладывал и анализировал, но и давал советы министру, поэтому тут в ход шла риторика.

«Нисходящий». Будучи ответственными за политику своей страны в регионе, послы переписывались с подчиненными им консулами и прочими дипломатическими агентами, рассеянными по Османской империи. Сюда же можно отнести записки к своим подчиненным внутри посольства. Особенно интересны могут быть инструкции драгоманам, которым полагалось излагать официальную позицию посла, то есть всей страны, перед Портой.

«Горизонтальный». Послы могли поддерживать сношения с другими официальными ведомствами и лицами, например, с послами в других странах, ведь в XIX столетии, как, впрочем, и в другие эпохи, дипломатический круг был весьма узок, входившие в него регулярно пересекались в разных департаментах и странах, обменивались взглядами и идеями, вступали в альянсы, рождались...⁵⁰

О ПЕРЕПИСКЕ ЭДУАРА ТУВЕНЕЛЯ И АПОЛЛИНАРИЯ ПЕТРОВИЧА БУТЕНЕВА

За три года пребывания в Константинополе Тувенель и Бутенев обменялись множеством писем: в архиве Тувенеля находится 344 письма от Бутенева, в фонде Бутенева — 289 от Тувенеля; к этим посланиям иногда прилагались копии документов или письма от третьих лиц (всего на данный момент комплекс выявленных документов по переписке составляет 659 единиц). Сохранилось не всё: за начальный период (сентябрь-октябрь 1856 года) остались только письма Бутенева, за 1859 год — письма Тувенеля к Лобанову-Ростовскому, сменившему Бутенева в российском посольстве. Письма Лобанова к Тувенелю, возможно, оказались не среди бумаг Тувенеля, а в архиве французского посольства в Константинополе и могут быть выявлены в будущем. В целом же, в ту эпоху во Франции и в России документы являлись собственностью дипломатов и часто оседали в личном архиве, который позднее мог разными путями попасть (или не попасть) в государственное собрание (так, в Национальный архив, а затем в архив МИДа Франции поступил фонд Тувенеля). Кроме того французский и русский посланники часто вели личные беседы и передавали друг другу устные сообщения через помощников или драгоманов, поэтому в письмах отражалось не всё, что они могли обсуждать.

В периоды политического затишья насчитывалось всего несколько писем в месяц. Зато в моменты обострений, особенно летом 1857 года, когда случился международный кризис из-за фальсификации выборов в Дунайских княжествах, русский и французский посол направляли друг другу до трех посланий в день с самыми свежими новостями от консулов, драгоманов, из министерства или других источников. Это были «сиюминутные» послания, сводки событий, «последние сплетни». По существу, это почти современные электронные письма, а иногда даже смс с самыми свежими новостями и вопросами, хотя, конечно, они были более развернуты и следовали форме, как того требовала эпоха и высокий ранг корреспондентов. По этикету полагалось отвечать и благодарить за полученное письмо, поэтому среди информативных писем встречаются и «пустые» ответные записки. А.П. Бутенев, желая избавить своего коллегу от лишней писанины, временами подчеркивал, что не стоит тратить время на ответ, так как он только передает информацию, не ожидая никакой реакции.

Тематика писем такова: обмен новостями и документами, назначение встреч, обсуждение совместных действий. Небольшое место уделялось частной жизни — новостям о приезде или здоровье членов семьи, пополнении в семействе. Периодически послы упоминали о собственном здоровье, но это были не столько жалобы, сколько извинения за невозможность встреч и т.п. В этой переписке мало глубоких размышлений о политическом курсе в целом, повторим, это был обмен информацией по каждодневным делам. Кроме того, можно предположить, что общие взгляды обсуждались в частных беседах. Несмотря на яркую стилистическую окрашенность (особенно у Тувенеля), в этих письмах нет «эпистолярной» проблемы, как если бы речь шла о писателях, «артистических натурах», у которых форма текста имеет большое значение для содержания⁵¹.

Кто, помимо французского и русского посланника, мог читать эти письма? Известно, что Тувенель собственноручно составлял большинство своих бумаг, Бутенев также писал сам, поэтому в данном случае они, вероятно, не обращались к помощи секретарей или посольских копиистов. Первый советник русского посольства князь Лобанов-Ростовский периодически подменял своего страдавшего различными недугами начальника в личных встречах и письмах к французскому коллеге. Выдержки из переписки или даже целые письма (как в случае с одним письмом Бутенева, обнаруженным среди бумаг Валуевского) могли быть доведены до сведения министра. Однако, в целом, переписка отражает непосредственное взаимодействие и отношения между двумя послами, соратниками, сражающимися в одном лагере, а тонкий налет частной жизни на политических материях придает переписке своеобразное очарование в глазах современного читателя.

У писем есть форма, но она довольно свободна. Бутенев, в отличие от своего более дисциплинированного и привыкшего к формальностям коллеги, часто не указывал дату, использовал больше сокращений, зато обычно помечал дату получения письма⁵², а иногда и дату ответа. Интересно, что в первых письмах Бутенев обращался к Тувенелю «господин посол» (*monsieur l'ambassadeur*), однако с ноября 1856 года они стали именовать друг друга «мой дорогой коллега» (*mon cher collègue*). Тогда же выработалась четкая структура письма: дата и место, обращение «мой дорогой коллега» с некоторыми вариациями, текст письма, и заключительная формула с заверениями в почтении и лучших чувствах (она разнообразнее, чем одинаковое везде обращение).

Для исследователей большую трудность представляет почерк, которым написаны письма. Как уже говорилось, составляли их сами дипломаты, иногда второпях, на ходу (сажаясь на корабль, уединившись на приеме или отлучившись из собственного салона, где собрались гости). Эти письма отличаются от документов, переписанных каллиграфическим почерком копиистов. Еще одну сложность порождает расхождение дат: француз, разумеется, датировал свои бумаги по новому стилю, а русский дипломат был вынужден

указывать обе даты. Иногда на письмах Бутенева стоит только одна дата, порой есть указание на день недели или число без года. Все это привело в ряде случаев к путанице при подшивке документов архивистами, и до сих пор не представляется возможным точно датировать отдельные письма. В посланиях Бутенева и Тувенеля, разумеется, есть ошибки и исправления, повторы и опiski (чаще они встречаются у Бутенева). Интересно, что Аполлинарий Петрович, служивший в Риме, периодически употреблял итальянские выражения. Оба дипломата блистали латинскими выражениями, каламбурами и игрой слов, выдававшей их классическое образование.

Наряду с дипломатической перепиской сохранилась неофициальная летопись пребывания Тувенеля на Босфоре. Его супруга Мари, жившая в Константинополе с сентября 1856 года до сентября 1858 года, регулярно переписывалась со своей золовкой, Генриеттой Тувенель, в замужестве Кювилье-Флери.⁵³ В этих письмах почти нет упоминаний о политических баталиях, потрясавших всю Европу и занимавших ее мужа: Мари Тувенель политикой не интересовалась, Турцию не любила и сильно скучала по цивилизованной жизни в Париже. Она писала родственнице о своем трехлетнем сыне Луи (со временем Луи опубликует много документов, касавшихся политической деятельности отца⁵⁴), давала хозяйственные распоряжения насчет своего имения. Впрочем, кое-какие оценки современников у нее были⁵⁵.

Еще одним неформальным летописцем константинопольского посольства эпохи Тувенеля стала Мари де Мельфор, кузина и компаньонка его жены. Ее воспоминания «Пребывание во французском посольстве в Константинополе во времена Второй империи» были опубликованы в 1902 году.⁵⁶ Путешественница описала стамбульское общество и быт, подробно останавливаясь на перипетиях погоды, обрекавших ее на долгое затворничество в посольстве из-за непролазной грязи на улицах.

СОБЫТИЯ НА БОСФОРЕ

В ПЕРЕПИСКЕ РУССКОГО И ФРАНЦУЗСКОГО ПОСЛАННИКОВ

По Парижскому трактату Россия утратила роль главной покровительницы христиан Османской империи, а на Балканах должен был сохраняться статус-кво. Для активных действий руки оказались связаны. Тем не менее императорский кабинет рассчитывал укрепить положение полунезависимых Дунайских княжеств, Сербии, Черногории и воспользоваться сочувствием православных народов для упрочения своих позиций в регионе. Вместе с европейскими державами Россия рассчитывала оказывать давление на Порту, чтобы та провела обещанные ею реформы, гарантировавшие права христиан.

Эти политические темы находят отражение в переписке Бутенева и Тувенеля. Примечательно, что в ней практически отсутствуют религиозные сюжеты. Оба правительства взяли курс на сближение и предпочитали пока

что не поднимать деликатных вопросов о правах православных и католиков, ставших формальной причиной недавней войны. Тувенель одинаково невысоко ставил греков и турок, но утверждал, что мусульмане терпимее к католикам, чем православные. Единственный сюжет духовного плана в эти годы — назначение русского консула в Иерусалим и рекомендация ему действовать заодно с французским коллегой. Иерусалимская тема получит большее значение позднее, когда будет решаться вопрос о совместной реконструкции купола Храма Гроба Господня и регулироваться бесконечные дразги между греческим и латинским духовенством в Святом граде.

Бутенев и Тувенель занимались урегулированием мирских вопросов, оставшихся в подвешенном состоянии по окончании войны, и главным из них стала проблема Дунайских княжеств.

Молдавия и Валахия

В 1829 году, после победы в русско-турецкой войне, Россия приобрела исключительное право протектората над Дунайскими княжествами. Совершенно понятно, что французы, англичане и австрийцы стремились добиться его отмены, что и стало возможным в результате поражения России в Крымской войне. На Венской конференции об условиях будущего мира в марте 1855 года обсуждался и вопрос о княжествах. А.М. Горчаков, тогдашний посланник в Австрии, заявил, что только Россия, православная держава, может им покровительствовать⁵⁷. Франция предложила не предоставлять Молдавии и Валахии независимость, но объединить их под властью одного правителя. Поскольку ни одна старая правящая семья Европы не имела достаточного престижа, нужно было подумать об иностранном князе для нового государства⁵⁸.

Между тем венское обсуждение не привело ни к каким конкретным результатам, и вопрос был отложен. В феврале 1856 года послы великих держав в Константинополе вновь обсуждали будущую судьбу княжеств, и французская дипломатия пошла на уступки союзникам, не желавшим объединения. Эдуар Тувенель выдвинул план реорганизации Молдавии и Валахии, по которому власть турок только укреплялась (господаря назначал не диван, а султан, который получал также право вводить в княжества войска), а об автономии и объединении фактически не говорилось⁵⁹.

Вопрос был вновь отложен и снова был поднят на Парижском конгрессе 1856 года, также не давшем окончательного ответа о судьбе молдаван и валахов. Державы обязали Порту предоставить княжествам «независимое национальное управление» и полную свободу вероисповедания, законодательства, торговли и судоходства. Было подтверждено данное Адрианопольским договором 1829 года право иметь национальные вооруженные силы, а султан не мог вторгаться в Молдавию и Валахию без согласия великих держав. Очевидно,

что цель всех участников переговоров, представлявших победившую сторону, состояла в том, чтобы сделать княжества более сильными, способными противостоять России и лояльными Турции. Но победители не пришли к общему мнению о том, должны ли княжества объединиться или нет.

Франция продолжала выступать за создание единого государства, которое, как предполагалось, шло бы в фарватере ее восточной политики. Турция, естественно, опасалась, что румыны, объединившись, потребуют независимости. Австрия, боясь опасного прецедента, который дал бы надежду на независимость народам, входившим в ее собственную империю, была против. К тому же, ее влияние в объединившихся княжествах было бы меньше, чем в отдельных.

Англичане желали укрепления Турции на левом берегу Дуная, но пока что не видели опасности в объединении княжеств. Практическим результатом дискуссий стало создание европейской комиссии, призванной изучить настроения населения и предложить принципы объединения на основе его пожеланий. Затем европейский концерт должен был принять решение на конференции.

Что касается России, то она не видела для себя прямых выгод от объединения княжеств (а тот факт, что революционеры в 1848 году выдвигали его одним из своих требований, делал его даже подозрительным), однако ослабление Австрии в регионе окупало бы неудобства из-за потенциального роста английского и французского влияния и снижения собственного. Кроме того, поддерживав французский проект объединения, русские вбивали клин между членами антирусской коалиции. Впрочем, вопрос об объединении княжеств для русского правительства не был принципиальным — в нем оно руководствовалось краткосрочными дипломатическими интересами и зачастую следовало за французскими настроениями; гораздо больше его интересовало сохранение реальной автономии княжеств, другими словами, ослабление турецкой власти над ними.⁶⁰ Одним из свидетельств тому была дипломатическая борьба осени 1856 — зимы 1857 годов — тогда Россия добилась претворения в жизнь принятого на Парижском конгрессе решения о выводе из княжеств австрийских и турецких войск (русскому комиссару Базили⁶¹ было предписано не начинать работы в комиссии до удаления из Валахии иностранных солдат).

Кризис разразился летом 1857 года. Вплоть до марта того же года Великобритания занимала нейтральную позицию относительно объединения Дунайских княжеств, но затем в Лондоне возобладала точка зрения премьер-министра Генри Пальмерстона, считавшего объединение прелюдией к аннексии княжеств Россией. С тех пор английский посол на Босфоре Стратфорд-Каннинг сделался ярким противником Франции в этом вопросе.

В соответствии с постановлениями Парижского конгресса, следовало узнать мнение местного населения: для этого проводились выборы в диваны, члены которых и должны были высказаться об объединении⁶². Каймакам

(правитель) Молдавии Николай Вогоридес⁶³, при поддержке англичан, австрийцев и самой Порты, организовал выборы таким образом, что сторонники объединения в диваны пройти не смогли — на референдум вообще не было допущено 90% населения⁶⁴.

Подлог не остался незамеченным: в Константинополе французский посол обвинил великого визиря Решид-пашу и английского посла в фальсификации результатов народного волеизъявления. В борьбе за отмену итогов выборов Эдуар Тувенель проявил твердость и энергичность; в данном случае именно он определял ход французской политики, а министерство и сам министр Валевский лишь следовали за ним⁶⁵.

Тувенель пошел ва-банк, потребовав отмены результатов выборов и отставки Решид-паши. В случае сопротивления он угрожал оттоманским властям разрывом дипломатических отношений. Единым фронтом с Тувенелем выступил А.П. Бутенев и представители Пруссии и Сардинии. 6 августа 1857 года дипломатические отношения Оттоманской империи и четырех держав были разорваны. Правда, Россия не была заинтересована в крайних мерах. «В нынешних обстоятельствах разрыв, как мне представляется, не в наших интересах. Я полагаю, что сам Наполеон был бы доволен выйти из этого тупика с достоинством и не рассорившись окончательно с Англией. Однако если министры действительно уедут, четыре державы не могут удовольствоваться отсутствием своих министров, поскольку это означало бы оставить диван исключительно на волю Редклифа и Прокеша»⁶⁶, — писал Горчаков Александру II 7 августа 1857 года. При этом поведение российского посланника вызывало у императора лишь одобрение: «Можете сказать Бутеневу, что я совершенно доволен тем, как энергично он действовал во всех этих печальных затруднениях», — сообщал он Горчакову.⁶⁷

Тем временем в Константинополе дипломаты паковали чемоданы и ждали разрешения покинуть турецкую столицу. Тянулись мучительные дни неопределенности и двусмысленности — после разрыва отношений послы уже не являлись официальными лицами, а дозволение уехать все не приходило: поставившие ультиматум державы давали Турции, а на самом деле Англии, время поразмыслить. Наконец, наступила развязка, но не на берегах Босфора, а в британской королевской резиденции Осборн-хаус, куда 6 августа Наполеон III прибыл для встречи с королевой Викторией. После этого визита, носившего частный характер, но весьма важного для общеевропейской политики, Британия согласилась удовлетворить французские требования: Турция получила распоряжение отменить результаты выборов, и восставшие дипломаты смогли остаться на своем посту. Английское правительство поручило Стратфорду примкнуть к французскому коллеге в его требованиях, что означало отказ от всех плодов его личных усилий и подрыв авторитета. «Вот какова ценность для Франции соглашения с Россией. Строгий урок для Англии»⁶⁸, — писал Горчаков.

Неудивительно, что за победой франко-русского блока вскоре последовал отзыв Стратфорда из Константинополя. Впрочем, в 1858 году грозный лорд под предлогом прощального путешествия еще раз появился в османской столице и, не имея официального статуса — при том, что его наследник Генри Бульвер уже исправно выполнял свои функции (1858–1865), — попытался вновь встрять в турецкие дела.

Что касается сэра Бульвера (1801–1872), то он, в отличие от предшественника, с французским посольством был на дружеской ноге. Любопытная деталь, о которой известно из писем Тувенеля: ожидая, пока будет налажен посольский быт и нанят повар, сэр Бульвер часто наведывался к своим французским соседям на обед, что задавало их отношениям совсем иной тон, чем при надменном Стратфорде. В политическом плане Генри Бульвер был опытен и хорошо знаком с обстановкой на Востоке: перед назначением послом в Константинополь, где он уже служил секретарем посольства в 1837–1838 годах, он провел полгода с миссией в Дунайских княжествах. Одним словом, после смены английского посла франко-британское сотрудничество на Босфоре стало более реальным.

А франко-русский альянс летом 1857 года уже продемонстрировал свою эффективность. Впрочем, Горчаков не считал нужным награждать Тувенеля российским орденом за успехи на Босфоре. Он готов был пойти на это только в том случае, если Наполеон III первым вручит Орден Почетного Легиона Бутеневу⁶⁹, ведь Франция в этой истории больше нуждалась в поддержке России, и именно ей надлежало выражать свою признательность. Действительно, царь в отличие от Наполеона III не слишком стремился к объединению княжеств — страна, созданная усилиями Франции, вероятно, стала бы разделять ее ценности, порой весьма далекие от российских идеалов. В итоге, и Тувенель, и Бутенев все же получили свои награды.

Впрочем, в истории с молдавскими выборами торжество Тувенеля⁷⁰ было не столь всеобъемлющим, как могло показаться. Во-первых, сам посол в случае разрыва дипломатических отношений был бы рад вернуться во Францию и оставить столь беспокойный пост. Успех, по словам его жены, принес ему лишь популярность и ничего более, потребовав огромных усилий. Во-вторых, отставка Решид-паши оказалась кратковременной, и спустя месяц он вновь сделался великим визирем, сменив французского протеже Аали-пашу. Тогда же на посту президента Танзимата Решид-паша сменил Фуад-паша, на что российский император отреагировал следующим образом: «Один стоит другого!»⁷¹ Такой поворот событий разочаровал Тувенеля, переставшего надеяться на реформы в Османской империи. С тех пор он уже мечтал вернуться в Париж, однако беременность жены вынуждала его отложить отъезд.

И, в-третьих, по замечанию самого Тувенеля, четыре державы одержали победу скорее по форме, чем по содержанию. После встречи императоров в Штутгарте политический директор французского МИДа и давний соратник

Тувенеля Бенедетти писал ему: «В глубине души Россия не желает объединения, и мы очень осторожно возьмем курс на *административное объединение* и только. В Штутгарте было сделано то, что, как раньше казалось, свершилось в Осборне. [...] Главное, не показывайте моего письма господину Бутеневу. Обсуждайте с ним деловые вопросы и горячо заверьте, что *мы* вернулись из Штутгарта очарованными и счастливыми»⁷².

Аннулирование результатов выборов не привело к объединению, так что, на деле, в выигрыше оставались Англия и Австрия. Вместо создания одного государства, была проведена административная реформа и учреждены схожие органы управления. В итоге, оказалось, что в Осборне не Англия, а Франция пошла на уступки, отказавшись от плана объединения Румынии. В конце 1857 года Тувенель признавался в письме Бенедетти, что считает дело объединения проигранным⁷³. В мае 1858 года в Париже прошла конференция, а в августе была подписана международная конвенция о Дунайских княжествах, где был зафиксирован промежуточный вариант, на который согласились англичане и австрийцы: сохранялось два отдельных княжества с некоторыми общими институтами, армией и флагом⁷⁴. Тувенель отозвался следующим образом: «Конечно, комбинация не слишком хороша, но таков удел совместных творений, и, в конце концов, она лучше, чем я предполагал. [...] В любом случае, молдо-валахи обязаны мне названием Объединенных княжеств. Что касается остального, то я умываю руки»⁷⁵.

И все же основа для будущего объединения была заложена⁷⁶, а дальше, к удивлению гигантов европейской политики, княжества взяли судьбу в собственные руки. В январе 1859 года население Молдавии и Валахии избрало правителем князя Кузу, объединившего правительства и народные собрания двух стран. Державы были вынуждены согласиться на подобное персональное объединение. Франция посчитала, что новое государство послужит буфером в противовес Австрии и России. Сардиния следовала в фарватере французской политики, тем более, что объединение княжеств создавало благоприятный прецедент для грядущего объединения Италии. Россия считала, что новое государство ослабит османские и австрийские позиции в регионе, что позволит укрепить ее собственные. Англия колебалась между стремлением сохранить статус-кво в Османской империи и нежеланием допустить русско-французского сближения на балканской почве. В итоге, вторая цель перевесила, и Англия признала фактическое объединение. Пруссию на тот момент балканские дела интересовали мало. Австрия опасалась, что в формирующееся государство начнут переселяться ее собственные подданные из Трансильвании, что ослабит ее влияние на Балканах. И, разумеется, против избрания Кузы выступала Порта, не желавшая окончательно утратить контроль над княжествами. Однако жребий был брошен: на Парижской конференции в сентябре 1859 года концерт европейских держав признал законность избрания князя Кузы, что открыло путь для создания единого полноценного государства — Румынии⁷⁷.

Навигация на Дунае

Еще одной темой, регулярно поднимавшейся в переписке Бутенева и Тувенеля, была навигация на Дунае, правила которой как раз предстояло установить. После Крымской войны Россия утратила контроль над его устьем, и европейские державы решили открыть для свободной навигации всю реку, а не только ее верхнее течение, как было прежде. Этот вопрос обсуждался еще на Венском конгрессе в 1814–1815 годах, однако тогда речь шла только о прибрежных государствах, теперь же Дунай должен был стать доступным для всех. За основу регламентации были взяты венские трактаты об общих (протекающих по нескольким государствам) реках, в частности о Рейне.

Парижский трактат (статьи 16, 17, 20, 23) предусматривал формирование четырех смешанных комиссий. Одна из них должна была работать над освобождением торгового пути, который раньше контролировала Россия. Навигационная комиссия быстро приобрела постоянный характер и решала все вопросы коммерческого судоходства на Нижнем Дунае. Ею были выработаны полицейский и навигационный регламент, тарифы и планы работ на реке. Решения принимались голосованием. Военные корабли в устье реки принуждали торговые суда следовать установленным правилам⁷⁸.

Черногория

За время пребывания в Константинополе Э. Тувенеля и А.П. Бутенева на Балканах разразился еще один кризис — война турок и черногорцев. Бывшая независимой в глазах самих черногорцев и русских, эта страна пользовалась лишь ограниченным суверенитетом, и турки рассматривали ее как часть оттоманской территории⁷⁹.

Как и повсюду на полуострове, здесь за влияние боролись Франция, Россия и Австрия⁸⁰. Франция стремилась, прежде всего, ослабить позиции России и привлечь симпатии славян, сделав упор на европейскую цивилизацию в противовес религиозному родству, к которому апеллировала Россия. До Крымской войны позиции России были достаточно прочны: в 1851 году господарь Черногории Данило даже побывал в Санкт-Петербурге, где просил царя признать светский характер его власти (до этого страной правили владыки — князья-епископы). Однако во время войны Черногория почувствовала себя забытой и стала искать новых покровителей во Франции. Князь Данило надеялся⁸¹, что Наполеон III, в соответствии с провозглашенным им «принципом национальностей», поможет Черногории добиться независимости. Однако на Парижском конгрессе о Черногории речь не заходила, поскольку во главу угла был поставлен принцип целостности османской территории. Европейские державы постановили, что будет сохраняться статус-кво, хотя Черногория и Оттоманская империя понимали его по-своему.

В 1858 году вспыхнули волнения в Боснии. Порта, отправив на усмирение восставших войска Хуссейн-паша, воспользовалась этой экспедицией, чтобы захватить приграничные территории у Черногории. Несмотря на острое соперничество, Россия и Франция, объединившись, оказали на турок дипломатическое давление для прекращения агрессии. Пока враждующие стороны бомбардировали друг друга на полях сражения, Эдуар Тувенель и Аполлинарий Петрович Бутенев бомбардировали Блистательную Порту нотами, в которых требовали прекратить кровопролитие.

Вскоре дипломатические демарши были подкреплены военными успехами: 13 мая черногорцы разбили турок при Грахово. Однако, несмотря на поражение, турки согласились на переговоры об определении границ, только после демонстрации европейской силы: Франция отправила в Адриатику свой флот под командованием адмирала Жюрьена де ла Гравьера.⁸² Правда, французский МИД был против такого подхода — ведь только что вся Европа громко заявляла, что целостность Османской империи является одним из ее внешнеполитических приоритетов. Тем не менее угроза подействовала: султан согласился прекратить военные действия и начал переговоры о границах, оказавшиеся, в конечном итоге, весьма успешными для черногорцев. С 25 июля 1858 года в Рагузе работала международная комиссия, занимавшаяся проблемой Черногории, в своей работе она опиралась на результаты, которых добились послы европейских держав в Константинополе. В том же 1858 году Россия и Франция предотвратили вмешательство Австрии в дела Сербии, где на престол вновь взошла династия Обреновичей.

Итоги

Таким образом, в конце 1850-х годов совместными усилиями России и Франции — значительную роль в этом сыграли слаженные действия Тувенеля и Бутенева в Константинополе — удалось урегулировать несколько серьёзных кризисов на Балканах и оказать давление на Порту в защиту интересов христианских народов, находящихся под её владычеством. Однако взгляды и цели русского и французского правительств были неоднозначны.

Россия, с одной стороны, поддерживала национально-освободительные движения на Балканах — в Герцеговине, Боснии, Болгарии, поскольку они ослабляли власть Османской империи. Однако, с другой стороны, она опасалась усиления в регионе европейского революционного влияния. Впрочем, эти сомнения витали только в стенах МИДа, общество же однозначно симпатизировало братьям-славянам. В конце 1850-х годов в России возникли славянские комитеты, оказывавшие помощь православным церквям и школам, культурным учреждениям и борцам за национальное освобождение. Связующим звеном между комитетами и местным населением

выступали российские консулы. Так, несмотря на обоснованные опасения, как бы христианские народы Османской империи, получив с помощью России независимость, не повернулись лицом к Западу и не заняли антиросийскую позицию, Российская империя, в целом, отстаивала их национальные и религиозные интересы.

Когда на рубеже 1859–1860 годов на Балканах поднялись христианские волнения, французы не поддержали Россию, стремившуюся надавить на Порту для проведения реформ в христианских провинциях. На тот момент обитатели Ке д'Орсэ полагали, что балканские народы не готовы к независимости. Создание Греческое царства они считали неудачным примером: греки не сформировали действенной администрации и не развивали экономику, а значит, они были жертвами поэтической идеи о свободе и объединении. Чтобы противостоять православным настроениям, неизменно укреплявшим позиции России в регионе, французы (не торопясь создавать национальные государства на Балканах) считали нужным вместо религиозной пропаганды проводить политическое влияние, пробуждать национальное чувство, не связанное с религией, а опирающееся на язык, традиции и историю.

На тот момент это им фактически удалось. В 1860 году французский посол в Константинополе Лавалетт писал своему предшественнику, а ныне министру Тувенелю:

«Если говорить кратко, наши позиции на Востоке сильны, и я не сомневаюсь, что здесь нет никого могущественнее нас. Судя по тому, что мне пишет Экар [французский консул в Шкодере], Черногория принадлежит императору. Молдавия и Валахия расположены придерживаться нашей политики. В Сербии все устроится, когда мы пожелаем. Греки следуют за нами, наше столь мудрое поведение в ходе избрания патриарха глубокого тронуло их, я каждый день получаю тому свидетельства. Армяне-схизматики, остававшиеся так долго враждебными, делают мне такие авансы, что нахожусь в замешательстве. [...] Могу сказать, что ни в одном деле не восстав против своего английского коллеги, я выиграл везде, где он проиграл»⁸³.

Действуя с опорой на Россию, французы добились прекрасных позиций в Османской империи. Однако сам альянс начал постепенно распадаться. Хотя после отбытия из Константинополя А.П. Бутенева его преемник А.Б. Лобанов-Ростовский продолжил совместные демарши с Тувенелем и сменившими его Лавалеттом и Мутье, а в 1860-е годы сотрудничество на Востоке увенчалось ярким результатом — совместным ремонтом купола в Храме Гроба Господня⁸⁴, в Санкт-Петербурге начали более скептически смотреть на галлов в роли союзников. Уже к середине-концу 1860-х годов А.М. Горчаков осознал ненадежность альянса с Францией. Он писал: «Содействие, которое оказывал нам Тюильрийский кабинет, было, сказать по правде, неискренним и весьма ограниченным»⁸⁵.

Поддержав Францию в войне с Австрией, признав Итальянское королевство (1862), разделив точку зрения Наполеона III на балкано-османские дела, Россия мало что получила, кроме заверений в дружбе. Император французов не сделал главного, чего ждал от него царь — не помог в отмене условий Парижского трактата. Лишь в 1870 году, когда Европа с напряжением ждала исхода Франко-Прусской войны, Россия единовластно объявила об отмене нейтрализации Черного моря. К тому же, и сама война во многом стала возможной благодаря тому, что Россия обратила свои взоры на Пруссию как на более надежного союзника, что позволило той разгромить свою восточную соседку. На два десятилетия Российская империя охладела к Франции. Возобновление франко-российского союза произошло лишь в 1893 году.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРОЕКТ ОБЩЕЙ ИНСТРУКЦИИ ГОСПОДИНУ БУТЕНЕВУ (В КОНСТАНТИНОПОЛЬ)⁸⁶

4 июля 1856 года

Ваше давнее знание людей и положения вещей на Востоке, а также отношения, которые Вы поддерживали с ними в бытность выразителем наших интересов в Османской империи, остановили на Вас выбор Его Императорского Величества, который соблаговолил доверить Вам задачу восстановления отношений с этим государством.

Речь не идет о том, чтобы возобновить традиции, нарушенные войной. Теперь мы будем иметь дело не только с турками, но и с европейскими державами, которые утверждают, будто защищали их от нашего честолюбия, и, несомненно, постараются надолго удержать их под своей опекой.

Наш Августейший повелитель, император, твердо намерен точно исполнить взятые нами обязательства. В период осложнений, предшествовавших войне, равно как в ходе переговоров, нам пришлось бороться с упорными предубеждениями и пристрастиями наших противников, которые систематически приписывали нам завоевательные и злонамеренные планы в отношении Османской империи. Даже уступки, которые Россия сделала для восстановления мира, не искоренили этого недоверия.

В общей ситуации — нынешней и какой ей предстоит стать в будущем, в ходе постепенного развития — как в отношении самой Турции, так и в отношении нашего взаимодействия на Востоке со странами, подписавшими мирный договор, роль, предначертанная императорскому министру,

предопределена условиями нового трактата. Мы жертвуем особыми преимуществами, приобретенными в предшествующих соглашениях. Мы и в будущем не будем добиваться никаких особых преимуществ для России в отношениях с Оттоманской Портой. Наша традиционная цель останется неизменной: поддерживать христианскую Церковь и христианское население этого государства и благоприятствовать развитию цивилизации и торговли на юге России. Эта двойная задача не только не вызовет новых осложнений, но и должна соответствовать отношениям добрососедства, достичь которых является нашим единственным желанием во взаимодействии с Турцией.

Что касается сторон, подписавших мирный договор, мы стремимся на Востоке к совершенному паритету, в полном согласии со смыслом самого договора, являющегося обязательным для всех. Каково бы ни было истинное значение обязательств, взятых на себя державами, подписавшими отдельный договор от 15 апреля, мы не считаем, что данный документ может послужить основанием для каких-либо особых прав.

К тому же, паритет, как мы его понимаем, вовсе не принуждает нас придерживаться образа действий, который другие кабинеты сочли бы полезными в своих будущих отношениях с Османской империей. Мы тем более не обязаны исповедовать сходные взгляды касательно практического развития принципов, относящихся к вхождению Турции в европейскую политическую систему, а также касательно нового положения, в которое договор поставил христианское население этого государства.

Документ, определяющий новые права, предоставленные султаном своим христианским подданным, и связанный с договором от 30 марта, был составлен без какого-либо участия России. Мы согласились с ним. В сущности, он содержит гарантии, которые отныне являются частью европейского публичного права. Именно этот документ должен послужить единственной основой нашего заступничества за христианских подданных султана перед оттоманским правительством.

Основные положения этого документа, такие как подтверждение духовных привилегий, предоставленных *ab antiquo*⁸⁷, признание церковной собственности, освобождение от налогов при ремонте или строительстве культовых зданий, создание смешанных судов и дозволение христианам свидетельствовать в суде, реформа провинциальных и коммунальных советов, равные налоги для христиан и мусульман — все эти положения отвечают пожеланиям императорского кабинета. Они даже были заимствованы из проекта, составленного нашими полномочными представителями на совещаниях в Вене, и мы можем лишь радоваться, видя, что Турция и западные державы уже во время войны силою вещей были вынуждены принять принципы, применения которых в отношении религиозных и гражданских прав христиан на Востоке первыми потребовали мы. Мы сожалеем о преувеличении некоторых прав, предоставленных христианам, преувеличении,

внушающем сомнения в искреннем намерении оттоманского правительства применить их на практике.

Эти сомнения еще крепнут из-за нечеткой формулировки основных положений этого документа. Тем более сложно заблуждаться насчет трудности а, может, и невозможности для оттоманского правительства воплотить в делах теории и принципы, заявленные в указанном документе.

Когда теории и принципы не согласуются с политическим состоянием государства их провозглашающего, создается ненормальное положение для всех сторон. Не мы стали тому причиной. Мы отвергаем любую ответственность за документ в целом и сожалеем о том, каким образом он был опубликован, и о тех бедствиях, которые он вызвал.

Единственная комбинация, которая, возможно, могла бы исправить это положение вещей, — это искреннее, честное и бескорыстное согласие между кабинетами и единодушные усилия во благо человечества, цивилизации и постепенного улучшения судьбы христианского населения, столько претерпевшего в прошлом, чьи нынешние бедствия внушают живейшее сострадание нашему Августейшему повелителю.

Но мы опасаемся, что рассчитывать на это полное согласие, означало бы убаюкивать себя новой иллюзией. Следует ожидать разногласий, вызванных желанием добиться преобладающего влияния. Подавляющее большинство христианского населения Османской империи принадлежит к православному вероисповеданию и к Армянской церкви. Среди сторон, подписавших Парижский трактат, есть три католические и две протестантские державы. Мы стали свидетелями роста прозелитизма на Востоке, а также видели те средства, к которым прибегают, чтобы победить там народную веру.

Что касается Турции, она взяла на себя обязательства, которые, на наш взгляд, являются кульминационной точкой нового договора. Каковы бы ни были ограничения, которыми она пожелала гарантировать свою самостоятельность, категорически воспретив любое вмешательство в пользу подданных султана, они не могут исключить права наблюдения, поскольку речь идет о применении принципов, которые она сама добровольно провозглашает, и которые, предположительно, составляют основание для ее вхождения в европейское публичное право. Речь идет о сохранении Турции и о принятом всеми обязательстве предоставить гарантии империи, чьи непрерывные кризисы объясняются пороками, присущими самому государству. Для Османской империи это не только вопрос о равноправии и человечности, но и, прежде всего, условие ее выживания.

Может случиться, что какая-либо иная доктрина возобладает в советах Порты: доктрина о том, чтобы препятствовать скрытыми средствами политическому развитию христианских народов, и, продолжая проповедовать совершенную терпимость, сделать иллюзорным равенство гражданских и

политических прав между двумя религиями и разжигать, как и в прошлом, распри между различными христианскими вероисповеданиями.

Это была бы самая роковая ошибка. Вместо того, чтобы предотвратить опасность, нависшую из-за вековых беззаконий, она бы лишь усилила ее ввиду неизбежного развития национального и христианского элемента, ввиду растущего интереса Европы к судьбам Востока и под влиянием обязательств, взятых на себя Турцией, каковые, в долгосрочной перспективе, все же не смогут остаться мертвой буквой, как столько фирманов и хатти-хумаюнов былых времен.

Таково нынешнее положение на Востоке. Оно слишком запутано, как из-за внутренних проблем, так и из-за внешнего давления, а потому может рассматриваться только как временное. В ожидании, когда это положение прояснится и четче прорисует роль каждого из действующих лиц, мы должны быть внимательными и терпеливыми. Мы не таим злобы ни против турок, ни против тех, кто, дурно истолковав благородную и великодушную мысль покойного императора, вызвал столь пагубные осложнения. Однако совершенно очевидно, что наше политическое поведение на Востоке не может оставаться таким же, как в эпоху, предшествовавшую этим осложнениям. Отныне бесполезно исхищряться, дабы внушить доверие туркам. Бессмысленно пытаться восстановить близкие отношения с людьми, наделенными властью или пользующимися влиянием в советах Порты. Наше возвращение на прежний путь может укрепить недоверие, с которым мы уже сталкиваемся.

При таком положении вещей первые шаги представителя России в Константинополе должны быть отмечены спокойствием, честностью и достоинством. Он должен будет проявить большую твердость, отстаивая материальные интересы России и способствуя возобновлению и процветанию торговых сношений юга России со Средиземноморьем и Востоком. Добрососедские отношения взаимовыгодны для развития материальных интересов, и можно предположить, что оттоманское правительство, со своей стороны, будет благосклонно в этом вопросе.

Что касается отношений оттоманского правительства с представителями держав, имеющими преобладающее влияние в Константинополе, или же внутренних вопросов, из которых наше самое пристальное внимание привлекает вопрос о Церкви и христианском населении, нынешнее положение, каким оно нам видится, предписывает нашему представителю придерживаться позиции невмешательства.

Между тем невмешательство и сдержанность не обязывают вести себя пассивно. Мы, разумеется, не будем делать вид, что отказались от благочестивого наследия, завещанного нам нашей собственной историей и состоящего в защите наших единоверцев на Востоке. Этот интерес, по сути своей, важнее всех политических расчетов. К тому же, с точки зрения наших главных интересов развития самой России, нас не устраивает, чтобы

христианский и православный элемент на Востоке приходил в упадок будто из-за турецких притеснений, будто из-за западного прозелитизма. Симпатии и принципы нашего Августейшего повелителя слишком возвышенны и источник их слишком благороден, чтобы их можно было скрыть под покровом систематического и пассивного невмешательства.

Честно соблюдая предписания Трактата, мы уважаем суверенные права султана и инициативы оттоманского правительства в административных реформах. Однако представитель России должен пристально следить за развитием этих реформ. Если это развитие не будет отвечать духу Трактата, если прежние злоупотребления будут продолжаться или возобновятся в другой форме, Вы можете, со всею искренностью, каковая должна руководить нашими отношениями как с самими турками, так и со всеми другими участниками мирного договора, указать на эти злоупотребления и потребовать их искоренения во имя всеобщих великих принципов и великих интересов, во имя неотъемлемого права нашей религиозной общины, составляющей подавляющее большинство христианского населения Востока, чьи совершенно законные симпатии к России находят столь мощный отклик в нашем народе и, прежде всего, в сердце нашего Августейшего повелителя.

Такова, с нашей точки зрения, единственная линия поведения, каковая пристала представителю России. Нам известно, как трудно Вам будет в обстановке, в значительной мере, незнакомой. Император полагается на Ваш такт, познания и национальное чувство, которые помогут Вам справиться с этими трудностями.

Примите....

АВПРИ. Ф. Канцелярия министра иностранных дел. Оп. 469. Д. 43. Л. 68–79 об. Копия. Перевод с франц. И.К. Мироненко-Маренковой

Господину Тувенелю, императорскому послу при
Блистательной Порте

Инструкция⁸⁸

12 июня 1855 года

Милостивый государь, Император, посчитав момент благоприятным для восстановления на нормальных основаниях своего дипломатического представительства в Константинополе, соблаговолил назначить Вас своим послом при Блистательной Порте. Я не сомневаюсь, что все Ваши усилия

будут направлены на то, чтобы оправдать высокое доверие, оказанное Вам Его Величеством, возложившим на Вас миссию, которая в нынешних обстоятельствах приобретает особую важность. Пост в Константинополе, в силу своей удаленности и природы вопросов, там решаемых, более остальных возлагает на посла ответственность, но тем самым и предполагает его большую инициативу, однако же, я должен наметить Вам главные линии политики императорского правительства, и именно в этих рамках идей Вам надлежит оставаться, если только инструкции, которые Вы будете получать из моей регулярной корреспонденции, не предпишут Вам изменить в некоторых аспектах Ваше поведение.⁸⁹

Сначала, милостивый государь, я скажу несколько слов о Ваших отношениях с оттоманским правительством. Франция преследует лишь одну цель на Востоке — это укрепление и постепенное улучшение существующего положения дел. Мы друзья Турции и не стремимся оказывать в Константинополе влияние, которое не было бы в совершенном согласии с интересами государства, занимающего необходимое место в Европе. Один из этих интересов, являющийся фундаментом и гарантией остальных, состоит в независимости, в духовном достоинстве Высокой Порты. Посему с самого начала Вы постараетесь дать понять, что не намерены вступать в вопросы о личностях и будете ставить их в зависимость, насколько это будет в Ваших силах, от вопросов о вещах. В Турции среди людей, которые играют роли первого плана в общественных делах, нет имени собственного, которое нас оскорбило бы, также нет ни одного, кто снискал бы наше особое предпочтение. Нет ничего более рокового для страны, ничто не создает столько затруднений для твердой и лояльной дипломатии, как назначения, почти всегда плохо обоснованные, из рядов тех партий, которые, не имея причины существования внутри страны, опираются на сторонников за ее пределами. Отрицать существование в Константинополе французской партии означает оспаривать существование партии, ищущей поддержки извне, это означает открыть для себя более широкое поле деятельности и, с течением времени и при надлежащих усилиях, оставить за собой возможность объединить вокруг себя, путем законного влияния, всех персонажей, имеющих подлинную значимость и способности, которым можно найти применение. Не вступая в интриги, которые слишком часто возносят и приводят к падению оттоманских министров, Вы будете обладать большей силой, которая заставит прислушаться к советам, которые будут единственно отстаивать подлинный и правильно понятый интерес Турции.

Желательно, чтобы, находясь под одним скипетром, различные расы, составляющие оттоманскую нацию, в конце концов получили одинаковые права и пользовались одинаковыми преимуществами. Этой цели нельзя достичь вдруг; преследовать ее надлежит с равными осмотрительностью и решимостью, однако следует постепенно готовить пути, которые должны к

ней привести. Последние меры, стихийно принятые Высокой Портой, доказывают, что она осознает необходимость сократить дистанцию, которая со времен завоевания разделяла мусульман и христиан и тем самым делала большую часть страны безразличной к ее судьбам. С точки зрения политических целесообразности, справедливости и интереса, эта система никуда не годилась. С удовольствием констатирую, что сегодня она отвергнута, теперь остается — и задача эта огромна — организовать новую систему, которая будет сочетать разные элементы Османской империи, заменит замешательство порядком и заставит вместе сосуществовать на общей территории, ставшей родиной для всех, расы, которые слишком давно привыкли считать друг друга чуждыми.

Мне не нужно, милостивый государь, указывать Вам практические средства для разрешения трудных вопросов, лишь на месте опыт и изучение обстановки подскажут их Вам.

Мысли, изложенные мною, занимают в той же степени правительство Ее Британского Величества, и Ваш коллега поспешит объединить свои усилия и советы с Вашими, чтобы поддержать Высокую Порту в предпринятом ею деле общественного переустройства. Лорд Стратфорд де Редклифф, которого долгое пребывание на посту наделило хорошим знанием турецких персонажей и дел, добился особого личного положения. Приобретенное им влияние должно быть обращено на пользу общего дела, значит, нам не следует ревновать. Посему Вы будете тщательно избегать, милостивый государь, всего, что могло бы походить на противостояние, которое в климате, царящем в Пере, некоторые с удовольствием разжигают между двумя относительно равносильными сторонами. Вы без хвастовства займете место, полагающееся императорскому представителю, и установите с лордом Стратфордом де Редклиффом близкие и доверительные отношения, как того требует равенство положений и как то диктует тесный союз Франции и Англии. За время Вашей работы в министерстве Вы сами могли судить, как полезны были для интересов обеих стран регулярность и конфиденциальность сношений двух правительств. Такого же рода отношения должны существовать в Константинополе между двумя миссиями. Было бы желательно, чтобы во всех вопросах, интересующих альянс, с одной и с другой стороны предпринимались одинаковые действия и чтобы французский и английский посол, прояснив свои взгляды в дружеской беседе, согласовали свои демарши в отношении Порты, не предавая огласке своих первоначальных расхождений во мнении и взаимных уступок. Наряду с этими делами общего порядка, требующих соглашения, для достижения какового во многих случаях, предлагающихся на рассмотрение кабинетам, всегда, благодаря умножению почтовых отправок, могут плодотворно влиять директивы мои и главного государственного секретаря Ее Британского Величества, существуют другие дела, которые касаются непосредственно то британского, то французского

посольства. Мне было бы непонятно, если бы при нынешнем положении вещей эти второстепенные вопросы стали предметом соперничества или борьбы, как то случалось ранее. Мне представляется, что нет ничего проще, чем искренне объясниться, сказать друг другу, чего каждый желает, чаще поддерживать друг друга, чтобы свидетельствовать о добром согласии между двумя правительствами, и даже в случаях, когда мы придерживались бы противоположного мнения или когда решение, которого следует добиться от Порты, было бы безразлично и Франции, и Англии, следует обещать друг другу хранить молчание на публике, а перед диваном — искренний нейтралитет. Таковы, милостивый государь, принципы, которые Вы должны взять за правило в своих первоначальных отношениях с лордом Редклиффом. Их столь легко и столь выгодно применить, что я убежден, что Ваш коллега будет также руководствоваться ими в своем отношении к Вам.

Ваши полномочия и полномочия главнокомандующего французской армией совершенно различны: Вам не следует вмешиваться в ход военных дел, а ход дел дипломатических останется вне компетенции генерала Пелисье⁹⁰. Мне нет необходимости говорить Вам, милостивый государь, обозначив рамки Вашей деятельности, что Император рассчитывает на Ваш здравый смысл и преданную службу Ему, которые сделают невозможным всякий конфликт между посольством и генеральным штабом. Когда Вы сочтете момент подходящим, я не сомневаюсь, что, по моей просьбе, Его Величество разрешит Вам отправиться в Крым, чтобы установить личные отношения с господином Пелисье. Тем временем Вы известите главнокомандующего о своем прибытии, и он наладит переписку, которая будет держать вас обоих в курсе того, что вам нужно знать, чтобы, к удовлетворению Императора, исполнить возложенные на вас различные обязанности.

Все военные службы сосредоточены в Константинополе под руководством генерала. Вам, милостивый государь, не следует брать никакой инициативы в этой области, и Вы предоставите генералу Ларше ответственность, то есть полную свободу действий по кругу вопросов, входящих в его компетенцию. Он, со своей стороны, будет проявлять к Вам почтение, на которое имеет право представитель Императора, и при Вашем посредничестве, следовательно, с Вашего одобрения будут происходить все сношения, все просьбы, которые он может адресовать Порте, разумеется, за исключением тех, которые без какого-либо неудобства могут быть напрямую переданы оттоманским военным властям. *Чтобы обеспечить регулярность и надлежащее исполнение дел, касающихся армии, Вам дозволяется просить у генерала Пелисье временно прикомандировать к посольству офицера генерального штаба, который, пользуясь одновременно вашим доверием и доверием главнокомандующего, оказывал бы Вам полезное содействие. Мой департамент временно будет выплачивать этому офицеру месячное содержание, соответствующее его рангу.*⁹¹

Мне остается, милостивый государь, лишь осведомить Вас насчет некоторых пунктов, которые во время Вашей миссии поочередно привлекут Ваше внимание.

Франция всегда гордилась покровительством, которое она оказывает католическим учреждениям иностранного происхождения, существующим в разных государствах Господа Нашего. Хотя мы осознавали сопряженные с этим жертвы, мы, на деле, рассматривали вопрос о Святых местах как урегулированный фирманами, изданными Портой в результате миссии князя Меншикова. Однако ж они не отменяют остающегося неизменным соглашения, достигнутого в 1852 году одним из Ваших предшественников, маркизом де Лавалеттом. Посему Вы должны будете, заботясь, насколько это возможно, о том, чтобы не давать никаких официальных санкций принятым Портой мерам, окончательно предоставляющим грекам права, оспариваемые латинянами, избегать поднимать новые принципиальные споры по этой деликатной и будоражащей материи.

Главные католические миссии в Турции принадлежат лазаристам. Эти монахи, никогда не пренебрегающие обязанностями своего служения, являются полезными помощниками для нашей политики. Повсюду, где они появляются, они вселяют любовь и уважение к имени Франции, и цивилизаторское дело, преданными инструментами которого они выступают, заслуживает всего Вашего участия. Восхитительное поведение сестер милосердия снискало конгрегации Святого Лазаря еще больше почтения и благорасположения императорского правительства.

Впрочем, Вам, милостивый государь, известно, что наш религиозный протекторат возбуждает ревность других держав, особенно Австрии. У нас не оспаривают тех услуг, которые Франция оказала в ту пору, когда Франция была почти единственной, кто поддерживал дружеские отношения с Османской империей, но наши соперники ставят нам в вину развитие событий и перемену обстоятельств, чтобы заявить о своих претензиях, пересекающихся с нашими. Вы должны будете внимательно рассмотреть вопрос, не могли бы мы, сохранив за собой безоговорочное первенство, которое признает за нами Римская курия, заменить наш исключительный протекторат неким союзом, в котором были бы представлены все католические государства и мы стояли бы во главе его. Департамент иностранных дел изучил этот вопрос в самом общем виде. Я особенно желаю узнать, не повлечет ли вышеуказанное решение, с точки зрения нашего достоинства или политического влияния, последствий, которые будут высоко оценены только на Востоке.

Язвительность, которой всегда были пропитаны отношения Турции и Греции, естественным образом возросла в результате последних событий. Афинский двор повел себя по отношению к нам слишком неблагоприятно, чтобы мы пытались, как раньше, избавить его от последствий собственных ошибок. Посему Вы дадите понять Высокой Порте, что сегодня цель нашего

вмешательства будет состоять лишь в предупреждении возмутительных конфликтов. Турция, со своей стороны, должна будет уважать свершившийся факт — независимость Греции и ее превращение в королевство. Если, как я предполагаю, Вы сделаете остановку в Пирее, я желаю, чтобы Вы воспользовались своим временным пребыванием в Афинах, чтобы дать королю Оттону советы и сделать предупреждения, горечь которых смягчится за счет тех услуг, которые Вы когда-то оказали эллинскому трону, но при этом не уменьшится их весомость.

Египетский вопрос, по крайней мере в его приложении к Османской империи, во многом утратил свою важность. Держава-сюзерен и провинция-вассал пришли к соглашению, Саид-паша оказывает султану ценную помощь, и так сложилось то положение вещей, поддерживать которое в наших интересах.

Тягостное впечатление, которое произвело в Константинополе покорение Алжира нашим оружием, почти полностью рассеялось. Порта, между тем, не дала санкции на наше вступление во владение этой территорией, и еще всего несколько лет тому назад имя почетного паши столицы нашей африканской колонии значилось в списке высших сановников Османской империи. Вы увидите, затронув эту тему с величайшей предосторожностью и только в случае, когда обстоятельства покажутся Вам подходящими, возможно ли склонить правительство султана признать более явно, чем это было сделано до сих пор, права, являющиеся лишь следствием экспедиции, на которую согласилась сама Турция, признав свое бессилие и неспособность положить конец возмутительному поведению Гусейн-дея⁹². Назначение французского негоцианта, обосновавшегося в Алжире, на пост турецкого консула могло бы, я думаю, все уладить. Как бы то ни было, милостивый государь, есть другой вопрос, который в интересах нашего господства в Алжире не следует оставлять без внимания, — это вопрос о Тунисе. Вот уже два столетия сюзеренитет султана над этим регентством номинален. Между тем, воодушевившись успехом своих интриг в Триполи, где ей удалось — впрочем, без большой для себя выгоды — восстановить свою прямую власть, и, возможно, подстрекаемая в определенную эпоху другими державами, Порта робко попыталась проделать в Тунисе то же самое. Французское правительство официально уведомило ее, что будет противодействовать силой любой перемене в нынешнем положении вещей. Эта позиция произвела впечатление, и долгое время ничто не свидетельствовало о том, что Турция пожелала забыть обещания, которых добился от нее барон де Буркене⁹³. Однако ж Ахмед-бей⁹⁴ недавно скончался, и нужно, чтобы в Константинополе знали, что наша политика по отношению к Тунису осталась и в дальнейшем останется неизменной. Мы не желаем никоим образом вмешиваться в дела регентства, но мы не потерпим никакой перемены в обычаях, которые регулируют передачу и условия власти

в семье беев. Если Вы найдете оттоманских министров расположенными воспользоваться случаем, чтобы окончательно разрешить вопрос, который в наших отношениях с Портой составляет пункт порой раздражающий, Вы выслушаете их предложения, а императорское правительство их внимательно изучит, поскольку оно само желает навсегда и на справедливых условиях завершить слишком затянувшийся спор.

В подчинении у константинопольского поста находится очень многочисленный консульский штат. Все консулы переписываются с Департаментом иностранных дел, это источник полезных сведений, но в большинстве случаев руководство должно осуществляться из посольства, поскольку речь идет о частных фактах, контролировать и оценивать которые легче в Константинополе, нежели в Париже. Таким образом, я позволяю Вам с самого приезда направить консульским агентам, находящимся в ведении посольства, циркуляр, который, ко всему прочему, лишь напомнил бы старое правило, и рекомендовать им, по-прежнему посылая мне донесения, каковые я высоко ценю, соотноситься с инструкциям, которые Вы направите им согласно Вашему статусу. Я прошу Вас указать мне тех наших консулов на Востоке, чьи услуги являются основанием для благорасположения к ним императорского правительства.

Персидская миссия иерархически независима от константинопольской, однако могут сложиться такие обстоятельства, что было бы полезно, чтобы посланник Франции в Тегеране уступил мнению посла в Константинополе, не дожидаясь распоряжений министра иностранных дел. Поэтому я предписываю господину Буре⁹⁵ пересылать мне через Вас свою корреспонденцию в незапечатанном виде и принимать во внимание соображения, которые она может у Вас породить.

Примите...

*Archives du Minist re des Affaires Etrang res (MAE). CP Turquie. Vol. 321.
Instruction M. Thouvenel, le 12 mai 1855, fol. 256–302v. Перевод с франц.
И.К. Мироненко-Маренковой*

О Влиянии России на Францию.

ДОНЕСЕНИЕ ПЕРВОГО СЕКРЕТАРЯ ФРАНЦУЗСКОГО ПОСОЛЬСТВА В ПЕТЕРБУРГЕ ШАРЛЯ БОДЕНА ГРАФУ ВАЛЕВСКОМУ.

Филипп Шарль Морис Боден (1823–1892) был назначен первым секретарем французского посольства в Санкт-Петербурге в июле 1856 года. До этого он успел послужить родине в Неаполе и Лондоне. Начальство

убедилось в его талантах, и его перевод из Англии был прокомментирован следующим образом: «Его отъезд — большая потеря для посольства. Глубоко познавший английскую жизнь, широко известный в политических кругах и высшем лондонском обществе, где он сумел снискать подлинное уважение, господин Боден был для посольства ценным источником всевозможных сведений»⁹⁶. В 1857 году, ожидая прибытия нового посла Альфонса де Райневаля, так и не доехавшего до места назначения из-за скоропостижной кончины, Боден руководил посольством и проявил ту же незаурядную энергию и вкус к дипломатии. Из-под его пера вышел ряд любопытных документов, в которых характеризуется политика России и ее правящие элиты. Одним из таких свидетельств стала записка о влиянии России на Францию, адресованная во французский МИД в ноябре 1857 года.

Петербург, 30 ноября 1857 года
Донесение в Политическую дирекцию № 62
Его Превосходительству господину графу Валуевскому
Министру иностранных дел

Господин граф!

Некоторые лица и некоторые газеты в различных обстоятельствах, в частности в связи с вопросом о Болграде и с недавними дипломатическими сложностями, возникшими в Константинополе, утверждали, что Франция со времени заключения Парижского мира подпала до определенной степени под влияние России, которое вредит ее альянсу с Англией. Мне нет необходимости говорить, что я, со своей стороны, яростно опровергал это мнение всякий раз, как мне его высказывали, и доказывал, опираясь на факты, что императорское правительство как в восточных делах, так и во всех прочих, всегда руководствовалось лишь собственными убеждениями и чувством собственного достоинства. Воспоминания об одной дискуссии, впрочем, носившей дружеский характер, подсказали мне на досуге кое-какие размышления, которые я изложил на бумаге. Беру на себя смелость предложить их Вашему Превосходительству, прося отнестись к ним с таким же снисхождением, каким Вы уже давно почтили меня.

Соблаговолите принять, господин граф, уверения в моем глубочайшем почтении.

Ш. Боден

*Archives du Minist re des Affaires Etrang res (MAE).
MD Russie. Vol. 215. fol. 208–208v.*

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕПЕШЕ ИЗ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА № 62

1857 год

№ 37

ВЛИЯНИЕ РОССИИ НА ФРАНЦИЮ
СО ВРЕМЕН ПАРИЖСКОГО ТРАКТАТА 1856 ГОДА

Подпала ли Франция, как утверждают, под влияние России после заключения Парижского мира? Заслуживает ли она адресованного ей упрека в том, что она сочувственно сообразует некоторые из своих действий с политикой Санкт-Петербургского кабинета, или же, скорее, это она, воспользовавшись обстоятельствами, сумела заставить Россию последовать ее советам и примерам? Другими словами, справедливо ли относить расхождения между Францией и Англией на счет сближения, произошедшего между Францией и Россией после заключения мира? Вот эту проблему мы и изучим здесь, обозрев главные вопросы, которые занимают внимание трех кабинетов в течение полутора лет, и, прежде всего, дело о Болграде.

I

Неоспоримо, что с момента заключения мира 30 марта 1856 года и даже в ходе переговоров, его подготовлявших, все усилия русской политики были обращены на расшатывание англо-французского альянса. Эта тактика Санкт-Петербургского кабинета была естественна и легко предсказуема. Он прекрасно понимал, что этот альянс, покоривший Севастополь и рассеявший престиж московского могущества, куда существует, будет мешать России восстановить господствующее влияние в Европе, которым, как начала признавать страна, в последние годы слишком злоупотреблял император Николай, но потеря которого оттого была не менее мучительна для национальной гордости. В то же время простейшие политические соображения обязывали русское правительство постараться сразу же после заключения мира выйти из состояния изоляции, в которое, в конечном итоге, поставило ее двусмысленное поведение Австрии и которое не могли скрыть робкие симпатии прусской партии креста⁹⁷. Посему все указывало на то, что после подписания мира Россия откажется на время от всякой мысли о сближении с Австрией и постарается установить добрые отношения с Францией или Англией.

К кому из двух союзников будут обращены, главным образом, ласки побежденного? Выбор не оставлял сомнений. Он был продиктован обидами и симпатиями правительства и нации, а также теми различиями во мнениях, которые полномочные посланники императора Александра II могли наблюдать на Парижском конгрессе между Францией и Англией при обсуждении некоторых условий мира. Ниже мы вернемся к причинам этих

расхождений. Что точно, так это то, что в стране существовало и в настоящее время существует живое недовольство Англией. Дело в том, что бывшим союзникам царей до сих пор не могут простить того, что их явственное безразличие к распре вокруг Святых Мест сначала заставило поверить, что они останутся, по крайней мере, нейтральными, а они заключили против России союз с Францией, с Францией, едва вышедшей из революционных потрясений. Разглашение — впрочем, напрямую спровоцированное русским правительством, — откровений, сделанных императором Николаем сэру Гамильтону Сеймуру, беспощадная война, которую вели английские эскадры против русской морской торговли и владений, язвительный язык английской прессы и ораторов, некоторые прискорбные деяния солдат Ее Величества королевы Британии в Керчи и на Балтике, которыми умело воспользовалось русское правительство, посеяли в различных классах населения большое раздражение, которое еще не забыто.

Чувства к Франции были совершенно иными. Во-первых, Россия не могла возлагать на нее тех же обязанностей давнего и надежного союзника, в посприии которых она упрекала Англию; совсем наоборот, и не говоря уже о реванше, который Франция должна была взять за 1812 и 1814 годы, признавали, что в течение двадцати трех лет, предшествующих Восточной войне, Франция могла порой жаловаться на почти оскорбительное отношение последнего императора. Затем, бескорыстие Франции в этой войне было очевидно для всех; ее флот не принимал большого участия в суровостях, от которых страдала русская торговля; ее матросы никогда не высаживались на финские или крымские берега, чтобы причинять пожары и разрушения; открытость, общительная веселость ее солдат, самоотречение в мимолетных, завязывавшихся во время перемирия сношениях с русскими, наладили между двумя армиями задолго до прекращения военных действий доброжелательные отношения, которых не было между англичанами и русскими. Французская пресса — честно говоря, менее свободная, чем английская, — была, естественным образом, более сдержана в вопросах внешней политики и никогда яростно не нападала на русские армию и правительство. Распространение французского языка в России, привычка населения к тому, что в его среде живет большое число французских торговцев, привычка высших классов путешествовать и жить во Франции, наконец, присущий французской нации характер, который всегда был более симпатичен славянскому духу, чем британская жесткость, — все эти различные причины подталкивали страну сблизиться скорее с Францией, нежели с Англией. Однако не только в собственных чувствах и в чувствах страны правительство императора Александра II находило резоны охотнее искать дружбы Франции, нежели Англии; они заключались и в различном отношении союзных кабинетов к России с самого начала обсуждения основ мирного договора. Казалось, для Англии Россия осталась тем же, чем была во время войны — ожесточенным врагом,

любые условия, навязанные которому, не были бы слишком тяжелыми, за коварством которого нужно было постоянно следить и которого необходимо было принудить, настойчиво и беспощадно, к строгому исполнению малейших обязательств. Санкт-Петербургскому кабинету было известно, что таково было поведение кабинета Лондонского с самых первых переговоров о мире в Вене в октябре 1855 года, и он мог наблюдать применение тех же принципов на Парижском конгрессе. Тон английских газет относительно условий мира, многочисленные *meetings*, проводившиеся по этому поводу в различных уголках Соединенного королевства зимой 1855–1856 годов, должны были показать русскому правительству, как мало снисхождения оно могло ожидать от английской нации и ее правительства, а яростные атаки, которым подвергся трактат 30 марта в обеих палатах парламента, лишь укрепили русский кабинет в этой мысли. Во Франции настроения были совершенно иными. Публика, удовлетворенная блеском французского оружия в славной Крымской кампании, видя в захвате русской территории и взятии Севастополя достойный реванш за казацкую оккупацию в 1814 и 1815 годах, с явной благосклонностью принимала заключение мира и даже в течение последних недель, возможно, слишком поспешно приветствовала надежду на него. Год повторяющихся поражений, задевавших гордость России, потеря 300 000 солдат, падение крепости, считавшейся неприступной, разгром черноморского флота, запрет на его восстановление, наложенный на побежденного, территориальная уступка, впервые вырванная у Российской империи и обеспечивающая свободу дунайского устья, наконец, целостность сохраненной Османской империи представлялись общественному мнению во Франции достойными результатами войны, а также надежным залогом сохранения нового мира. Правительство императора Наполеона III, со своей стороны, считая своего противника поверженным, по крайней мере на какое-то время, и униженным самим фактом принятия основ переговоров, задавалось вопросом, нельзя ли было, в конце концов, ввиду нового царствования и смены политики, прямо провозглашенной сподвижниками нового императора, поверить, пока не будет доказано обратное, в некоторую искренность со стороны России одновременно с ее подлинным ослаблением. Разве не было выгодно проявить великодушие к побежденному и после заключения мира воздержаться от чрезмерной жесткости применительно к исполнению второстепенных условий? Разве результатом подобного поведения не было завоевание в России влияния, которое мы законно оказывали в пользу Западной Европы, цивилизации и поддержания мира во всем мире?

Таково было состояние общественного мнения во Франции и в Англии на момент возобновления дипломатических отношений с Россией в июне 1856 года. Будущее покажет, были те или другие оценки преувеличены. Однако само их различие достаточно ясно указало Санкт-Петербургскому кабинету путь, на который он не преминул ступить, а случай к тому,

притом в самой яркой форме, предложили ему первые дипломатические обстоятельства, последовавшие за прибытием в Россию представителей двух союзных дворов.

Но даже помимо этих обстоятельств, о которых пойдет речь ниже, существовали другие, менее важные, которые уже отмечали различие в отношении России к каждой из двух великих западных держав. После закрытия конгресса барон Бруннов остался в Париже в качестве полномочного министра, ожидая назначения русского посла. В то же время Россия оставалась без представителя в Лондоне, хотя кабинет Ее Величества британской королевы поспешил с начала мая назначить министра в Петербург и отправить его на место службы. А император Александр лишь в июле официально назначил в лондонскую легацию графа Хрептовича, хотя, как кажется, его назначение было решено еще с апреля. Эта задержка, возможно, объясняется отсутствием в Петербурге князя Горчакова, министра иностранных дел, бывшего на тот момент в Вене, и самого графа Хрептовича, однако она все равно была остро прочувствована в Англии как недостаток уважения, где медлительность, проявленная при выводе русских войск из Карса и при разрушении укреплений в этой местности, в Измаиле и в *нрзб*, вызвали тогда же взрыв дурного настроения. Весьма сердечный прием, оказанный графу Эдгару Нею⁹⁸, который в мае привез в Петербург ответ императора Наполеона на сообщение о восшествии на престол императора Александра, уже контрастировал с более сдержанным приемом, который ожидал в России полковника Грея, на которого английская королева возложила такую же миссию. Это неодинаковое расположение было еще подчеркнуто самим составом двух чрезвычайных посольств, когда они прибыли в Москву, чтобы присутствовать на коронации нового императора. Восемь офицеров французской армии, из которых три генерала, были рядом с графом де Морни, тогда как при лорде Гранвиле английскую армию представляло всего два офицера. Посему, естественным образом, сношения с русской армией были более частыми и более близкими во французском, нежели в английском посольстве. Что касается дипломатического персонала, более светские и более открытые к общению привычки и склонности французских секретарей и атташе сделали так, что русское общество легко и естественно отдавало им предпочтение и принимало с охотой, несмотря на крайнюю вежливость, впрочем, высоко оцененную, которую неизменно свидетельствовали ему лорд Гранвиль и супруга английского посла.

II

Именно в это время проявилось расхождение во мнениях между Парижским и Лондонским кабинетами относительно исполнения одного из условий Парижского трактата, чем Россия поспешила воспользоваться, дабы приблизиться к исполнению цели, неизменно стоявшей перед нею с заключения мира. Трудность, касавшаяся Болграда и Змеиного острова,

казалась вначале ничтожной, а в Париже и Лондоне вовсе и не подозревали о том, какую важность приобретет этот незначительный вопрос, поэтому оба правительства и не думали о том, чтобы сделать его разрешение предметом прямого предварительного соглашения, так что, когда этот вопрос был поднят в Петербурге, каждая сторона действовала резко, сообразуясь с собственной оценкой ситуации. Не вызывает сомнений, что если бы Франция и Англия вначале договорились о том, чтобы в Петербурге делать одинаковые заявления, либо чтобы сообща потребовать присоединения Болграда к Молдавии и передачи Змеиного острова в собственность Порте, либо придерживались бы менее строгого толкования этого условия, замешательства, вызванного этим несчастным делом, удалось бы избежать. Либо Англия приняла бы более широкий взгляд на вещи, более снисходительный подход французского кабинета, и тогда не осталось бы предмета споров и трудность разрешилась бы сама собою, либо французское правительство разделило бы мнение англичан, и, если бы оба их представителя сделали идентичные заявления русскому кабинету, настолько жесткие, насколько возможно, этот кабинет тотчас подчинился бы, отказавшись от любых претензий на этот островок и на городишко, и не нашел бы между союзниками трещины, которой столь умело воспользовался, чтобы посеять семена недоверия между ними. Но, к несчастью, вместо того, чтобы объединиться и действовать сообща, французский посол и английский министр держали речи в совершенно противоположном смысле. Лорд Гранвиль и лорд Вудхауз говорили: «Болград, о котором идет речь в статье XX Парижского трактата, это старый Болград, Болград Табак⁹⁹, который на картах, представленных на конгрессе, расположен на севере озера Ялпуг. Что касается нового Болграда, о существовании которого вы сегодня нас извещаете, который находится на восточном берегу озера — он соприкасается с Дунаем, чье устье должно быть полностью свободно от любого русского владычества. Следовательно, он должен остаться за пределами вашей новой границы и входить в состав молдавских территорий. Кроме того, Змеиный остров подчиняется дунайскому устью и в таком качестве должен принадлежать Турции». Граф де Морни, со своей стороны, говорил: «Несомненно, новый Болград — это не тот, что фигурировал на картах, представленных на конгрессе, к югу от которого участники переговоров проложили границу. Но мы готовы допустить, что произошла ошибка или недоразумение на этот счет. Болград, который вы сегодня требуете, является центром ваших болгарских колоний в Бессарабии, в этом качестве, согласно духу трактата, мы признаем, что он должен, как прежде, принадлежать вам, и мы его вам оставим, если вы изолируете его от озера и, следовательно, от всякого сообщения с Дунаем, посредством дамбы, по которой пройдет новая граница. Что касается Змеиного острова, этот утес, этот булыжник, эта совершенная мелочь, ускользнувшая от внимания конгресса, так как трактат ничего не

говорит на его счет, пусть он не будет ни турецким, ни русским, пусть он никому не принадлежит, а станет простым маяком, который будет светить к общей пользе всех мореходов, а содержать его будет комиссия прибрежных дунайских государств».

Так проявилось полное несогласие между Францией и Англией, но оно было результатом добросовестных спонтанных оценок, а Россия вначале не более старалась склонить французское правительство к самому снисходительному мнению, чем кабинет Ее Британского Величества стремился склонить его к мнению самому строгому. Это было лишь выражение двух разных точек зрения, на которые встали со времени заключения мира два союзника применительно ко всей политике в целом, которой следовало придерживаться в отношении побежденного. Когда, однако же, здравый смысл подсказал России примкнуть в этом особом вопросе к тому из двух дворов, чье мнение было для нее наиболее благоприятным, разумеется, ее общий интерес диктовал воспользоваться брешью, открывшейся между двумя союзниками, чтобы броситься в нее и постараться ее расширить. Именно это она и сделала, встав, в некотором смысле, под покровительство Франции, чью сдержанность и лояльность она беспрестанно превозносила, при этом громко заявляя о жестких требованиях и о том, что она называла злонамеренностью Англии. В то же время Лондонский кабинет, казалось, поставил себе целью способствовать этой политике, избрав образ действий, отравивший дискуссию и едва не осложнивший ее для французского правительства вопросом о достоинстве.

В первые дни августа четыре английских корабля внезапно вошли в Черное море вопреки Парижскому трактату и подняли флаг напротив Севастополя. Одновременно пароход «Гладиатор» прибыл в Одессу, чтобы рекомендовать русским властям отозвать небольшой отряд, посланный, по приказу императорского правительства, на Змеиный остров, куда перед ним было направлено несколько турецких солдат. Эта морская демонстрация, предписанная по телеграфу из Лондона адмиралу Лайонсу и некоторое время спустя повторенная, имела целью, по мысли кабинета Ее Британского Величества, призвать русское правительство к быстрому исполнению еще неисполненных статей Парижского трактата. Она имела место без предварительного соглашения с французским правительством, без его ведома и в то самое время, когда оно прилагало все усилия, чтобы убедить Россию без дальнейших проволочек отдать приказ об эвакуации Карса и оттоманской территории.

Конечно, если какое-либо обстоятельство и могло пошатнуть к пользе России союз между Францией и Англией, то это был демарш, перед которым не остановился Лондонский кабинет, и если бы правительство императора Наполеона было менее мудро, менее выдержанно, если бы оно поддалось справедливому чувству негодования, вызванного столь странным поступком,

этот союз оказался под ударом, без какого-либо вмешательства со стороны России. Отправив свои корабли в Черное море, Англия утверждала, что заставляет тем самым исполнить положения Трактата 30 марта. Однако самим этим поступком она оказалась первой, кто его нарушил в его самых главных основаниях. Если бы возникло какое-либо сомнение относительно толкования и проведения в жизнь трактата, разве надлежало одной из подписавших его сторон, одному из союзников более, нежели другому, объявлять себя его хранителем? Разве Англия скорее, нежели Франция, могла присвоить себе право следить за порядком в Черном море, вводить туда корабли, вопреки самому трактату, который подписала не только она, на котором едва успели высохнуть чернила? Считала ли она, что Франция менее ревностно относится к своей чести, к авторитету своего голоса, что она меньше заботится о будущем? Не должна ли она была понять, что ее изолированные действия были оскорбительны для этой самой Франции, чьей лояльности она требовала при каждом удобном случае в течение двух лет войны, которую они вели сообща и с равной энергией, хотя, возможно, в не столь равных интересах? И разве Англия не поступилась достоинством, уважением к своему союзнику и его твердой репутацией, поспешив, по собственному почину, заявить о нарушении договоренностей Парижского трактата и спонтанно присвоив себе обязанность в одиночку выступать в защиту их соблюдения? Мы не боимся утверждать: если когда-либо со времен заключения мира французское правительство продемонстрировало, как высоко ценит союз с Англией, то это случилось именно в тех обстоятельствах, и одного только воспоминания о проявленной им выдержке должно быть достаточно, чтобы отвести упрек в том, что оно слишком поддалось на ласки России.

Французское правительство непременно вдохновлялось этими выдержкой и беспристрастностью во всех фазах этого достойного сожаления спора. Оно не только заглушило чувство обиды, которое вполне законно внушил ему поступок Англии, но и не жалело сил, чтобы подавить раздражение, вызванное этим самым поступком в Санкт-Петербурге, помешав русскому кабинету ответить на него торжественным публичным протестом. На всем протяжении ссоры Франция только и делала, что встревала между двумя сторонами, стараясь привести их к согласию, и именно потому, что она, прежде всего, искала соглашения, когда все средства к прямому любовному соглашению были исчерпаны, она первой поддержала просьбу России передать спор на рассмотрение его естественных судей, в единственный суд, о котором она могла помышлять — Парижской конференции.

В самом деле, те самые люди, кто всего лишь шесть месяцев назад обсуждал и составлял положения Трактата 30 марта, должны были знать лучше, чем кто бы то ни было, в каком духе они его заключили. Взяв за основу работы неправильную карту, они, сами того не подозревая, причинили зло, и именно им предстояло его исправить. Только они могли решить, по

старому или новому Болграду они намеревались проложить новую границу. Только они могли исправить упущение, касавшееся Змеиного острова. Но консультироваться следовало у всех них вместе, лишь собравшись еще раз, они могли восстановить и согласовать свои воспоминания. Посему, что бы ни говорила Англия, было естественно, разумно, справедливо обратиться к конференции. Не менее разумно было, прежде чем взывать к памяти и благонамеренности ее участников, условиться, что посреди различных мнений, которые в ходе дискуссии могла воскресить их память, решение будет принадлежать большинству. Отказаться от принятия этого предварительного принципа означало заранее лишит конференцию ее характера трибунала и еще раз отложить решение вопроса, который следовало вынести на ее рассмотрение. Это означало даже отказаться от любого решения, поскольку после продемонстрированной обеими сторонами решимости не уступать в прямом полюбовном обсуждении, обращение к конференции было единственным способом выйти из затруднения.

Между тем Англия не только отказалась подчиниться мнению большего числа участников, но и согласилась присутствовать на конференции только при условии недопущения на нее Пруссии и России.

Будет или нет Пруссия, которой было позволено занять место среди держав, подписавших трактат, лишь после счастливого восстановления согласия между ними, заседать в числе судей этого отдельного спора, было, конечно, вопросом, которым можно было пренебречь, хотя Австрия, чьи права никто, кажется, и не думал оспаривать, не более, чем Пруссия, могла претендовать на статус воевавшей державы. Но запретить России участвовать в конференции означало, в конечном счете, поставить ее в положение обвиняемого, ведь если бы ее не допускали к совещанию в качестве заинтересованной стороны, справедливо было бы проявить ту же щепетильность по отношению к Турции, и тогда почему бы не объявить столь же неправомерными для заседаний Францию и Англию, отстаивавших противоположные мнения? Почему бы не исключить Австрию, которая по-прежнему занимала Княжества и была, по существу, более, чем кто-либо еще, заинтересована в поддержании статус-кво и в продолжении спора, которому она тайком аплодировала, из которого спокойно извлекала пользу и который до сих пор ей был слишком на руку, чтобы не желать его затягивания до бесконечности? Итак, все содействовало тому, чтобы посоветовать созвать конференцию, пригласить всех ее участников и принять решение большинством голосов, три пункта, из которых Англия приняла только первый и невозмутимо отвергла два остальных. Россия, со своей стороны, настаивала на созыве всех членов конференции и на решении большинством голосов. Ситуация все более накалялась, и, возможно, именно здесь следует ответить на возражение, которое не преминули выдвинуть против настойчивости Санкт-Петербургского кабинета.

Почему Россия, породившая это затруднение своим требованием нового Болграда, не разрешит его, добровольно отказавшись от претензий на столь маловажную территорию? Не было ли само значение, которое она, как казалось, ей придавала, точным признаком каких-то тайных планов на будущее и не оправдывало ли тем самым настойчивости, с которой ее противники стремились закрыть для нее доступ к Нижнему Дунаю через болота озера Ялпуг?

Мы уже подчеркнули: всего этого замешательства можно было бы избежать благодаря предварительному соглашению между кабинетами Парижа и Лондона. К несчастью, это соглашение не состоялось, и оба правительства действовали в соответствии с личными оценками и, особенно, в соответствии с различными точками зрения, на которые они встали, чтобы в целом судить о политической ситуации применительно к России. В Париже программа состояла в ободрении и приглашении к осторожным действиям и доверию, тогда как в Лондоне избрали путь недоверия, подозрений и жесткости. С этого момента было совершенно естественно, что Россия, видя несогласие союзников в том вопросе, где она считала их единодушными, постаралась еще больше отдалить их друг от друга и укрепилась в своих претензиях и сопротивлении. В этом состояла вся ее новая политика. Позже она сделала уступку, отказавшись от собственного проекта, чтобы примкнуть к французскому. Она даже продемонстрировала, что готова отказаться от Змеиного острова. Однако дважды повторявшееся явление английской эскадры в Черном море задело ее самолюбие. Уступив почти по всем спорным пунктам, она пожелала сохранить свое оскорбленное достоинство, проявив твердость хотя бы по одному из этих пунктов, а обращение к конференции было крайней мерой, на которую она готова была пойти. В конце концов, следует поставить себя на место побежденной страны, которая впервые с 1807 года и во второй раз в течение столетия должна была принять наложенные на нее условия мира. Одно из этих условий могло быть истолковано двояко. Разве не было естественно, со стороны России, постараться истолковать его в смысле, наиболее благоприятном для своих интересов? Без сомнения, достойнее было бы добровольно подчиниться, благородно было бы точно исполнить все положения договора без отсрочек и проволочек. Но, в конечном итоге, разве обычно в большинстве сделок, которые мы заключаем в этом мире, мы не предпочитаем роль проигравшего? Наконец, если мы отдаем себе какой-то отчет о тех обстоятельствах, в которых находился молодой император, который только что, по истечении года царствования, ратифицировал этот мир, не слишком славный и не слишком популярный в его империи, разве не найдем мы объяснения той чувствительности, которая заставляла его отвергать претензии, подкреплявшиеся обидными демонстрациями, разве мы не допустим, что он мог чувствовать себя оскорбленным и что, к тому

же, стремился уврачевать национальное самолюбие, сохранив для своей страны клочок земли, вырванный у нее силой? Вот в каком положении находилось правительство Александра II. Именно в свете этих соображений следует рассматривать мотивы, побудившие его сопротивляться уступке Болграда, и оно было готово не ослаблять сопротивления вплоть до принятия решения большинством голосов на конференции. Между тем, возможно, мы не слишком ошибемся, если будем искать подлинные причины упорства Англии скорее в беспокойстве, внушенном ей сближением между Францией и Россией, которому она сама благоприятствовала, нежели в малообоснованных предчувствиях и тайном намерении господствовать на Дунае, которое она приписывала России.

Все остальное хорошо известно. Усилия Франции, с одной стороны, заставили Англию примкнуть к созыву конференции, собравшейся в последние дни 1856 года. С другой стороны, от России добились важнейшей уступки. Россия смирилась, и император Александр заявил, что лишь из почтения к императору Наполеону пошел на отказ от Болграда, который, в конечном счете, останется за Молдавией в обмен на поселение Комрак и некоторые болота в верховьях Ялпуга. Кроме того, Россия отказалась от Змеиного острова в пользу Турции и согласилась на то, чтобы вся дельта Дуная также принадлежала только Турции. И эта последняя уступка была получена исключительно под влиянием Франции, тогда как Англия не отважилась бы даже просить об этом и удовольствовалась бы тем, чтобы дельта принадлежала княжествам и, как и они, находилась бы под сюзеренитетом Османской Порты.

Есть ли основания после столь подробного изложения обвинять Францию в том, что она поддалась в этом деле с Болградом обольщению со стороны России и охраняла интересы новых друзей в ущерб союзникам в Восточной войне? Разве в последний момент она не воспользовалась влиянием, которое снискало ей ее поведение, чтобы склонить Россию к уступкам, позволившим, наконец, прекратить эту несчастную распрю? И разве не проявила она независимость, сохраненную в этих обстоятельствах, во всех других вопросах, которые с восстановления мира были подняты между нею, Англией и Россией? Именно это остается нам описать в нескольких словах.

III

В то самое время, как развивалась дискуссия о Болграде, между тремя кабинетами завязалась другая, касающаяся вывода с греческой территории англо-французских войск, занявших Пирей в 1854 году, в начале Восточной войны. После подписания мира русское правительство потребовало вывести войска, и с июля 1856 года, сразу же после восстановления регулярных дипломатических отношений, французское правительство предложило ему обсудить в Лондоне вместе с англичанами условия, на которых королю Оттону будет предложено купить освобождение своей территории, то есть гарантии

лучшего правительства, сформировать которое в будущем его предполагалось заставить. Русский кабинет, верный своей политике разъединения двух союзников, сначала попытался возбудить недоверие Англии, попросив о том, чтобы переговоры проходили в Париже. Видя, что французский кабинет категорически отверг это предложение, он заявил, что сможет принять участие в конференциях лишь в том случае, если перед их открытием англо-французским войскам будет дан приказ к отступлению из Пирея. Результатом этого упрямого поведения стала задержка на полгода освобождения греческой территории, поскольку французский кабинет, не заботясь более в тот момент о содействии России, занялся согласованием с Англией мер, которые следовало принять в отношении Греции и, лишь придя к соглашению со своим союзником, предложил русскому правительству присоединиться к ним, чтобы создать в Афинах смешанную комиссию, чей созыв в прошлом феврале стал сигналом к выводу войск. По этому поводу имела место довольно долгая дискуссия, в которой русский кабинет, кажется, считал, что Франция ведет себя более неуступчиво, чем Англия, и даже не преминул указать на это. Можно ли обвинить французский кабинет в попустительстве в этом деле или упрекнуть его в том, что он поддался на заигрывания России? Разве их было больше в Нефшательском деле, когда Россия с самого начала заявляла ему, что согласует свои действия с действиями императорского правительства и так же поступала в Берлине и Париже? Разве упрек показался бы более обоснованным в деле о разрыве отношений с неаполитанским двором? Господь знает, что по этому вопросу у французского правительства не было недостатка в русских ходатайствах, что император Александр и князь Горчаков ничего не пожалели, расточали упреки и мольбы, предпринимали дипломатические и частные демарши, заводили разговоры, делали намеки, посылали личные письма, чтобы отговорить Францию от разрыва. Однако Франция, прямо заявив в Петербурге о том, как она расценивает странный циркуляр князя Горчакова и еще более странную известность, которую снискал этот документ, твердо придерживалась своей линии поведения, намеченной совместно с Англией. Если она ограничилась разрывом дипломатических отношений и не пожелала идти вплоть до оказания более прямого и более материального давления на неаполитанское правительство, то сдержанность ее была продиктована исключительно осмотрительностью и мудрым предвидением пагубных для спокойствия всей Италии последствий, которые, возможно, были бы вызваны демонстрацией морской силы в Неаполитанском заливе. Без сомнения, усилия Санкт-Петербургского кабинета в направлении восстановления отношений с тех пор не стали менее настойчивыми, по крайней мере, до последнего времени. Но можно ли указать на какой-либо их результат? Разве Франция к ним прислушалась, разве она, наоборот, не осталась в неаполитанском вопросе заодно с Англией, которая, со своей стороны, получила много настоятельных просьб от России на эту тему. Разве в китайском

вопросе Франция не действовала в интересах своей союзницы еще более, чем в своих собственных? Разве она не отправила в Гонконг полномочного представителя морских сил, разве она не заставляла русское правительство согласовать свои действия в этом вопросе с действиями двух морских держав? Наконец, нужно ли напоминать о той почетной, бескорыстной роли, которую она сыграла в персидском деле, использовав все свое влияние, чтобы добиться примирения между лордом Коули¹⁰⁰ и Феррук-ханом¹⁰¹? Русский кабинет не скрывал дурного настроения, которое вызывало у него подобное поведение, и совершенно очевидно, что если бы Франция испытывала желание, которое без стеснений ей приписывают, угодить этому кабинету, то именно тогда, как никогда в другой раз, ей представился случай засвидетельствовать ему свою лояльность, оставшись пассивной и позволив ситуации осложниться, что явно было бы приятно Петербургу.

Мы лишь напомним о датском вопросе, в котором три двора — французский, английский и русский — теперь единодушны, и не справедливо ли сказать, что Франция не пожалела никаких усилий в Санкт-Петербурге, чтобы добиться этого счастливого результата? Большим источником волнений в нынешнее время остается вопрос об объединении или разъединении Дунайских княжеств, и здесь менее чем где-либо еще французский кабинет заслуживает упрека в том, что подчинил свое мнение какому-либо иному. Если какая-то ошибка и была допущена в отношении Княжеств, Франция лишь делит ответственность за нее с другими странами, подписавшими Парижский трактат, которые единодушно согласились отложить решение этого вопроса вместо того, чтобы разделаться с ним, пока все собрались на конгресс. Кажется, что тогда можно было покончить с ним, если бы посоветовались несколько дней и добавили к трактату несколько статей, которые хотя бы наметили основные линии нового устройства. В то время Франция, Англия, Россия, Сардиния и Пруссия выступали за объединение княжеств. Турция, правда, боролась против этого, но весьма осторожно, как подсказывали ей воспоминания — которые сейчас, как кажется, стерлись — о столь недавно потраченных для нее богатствах и пролитой ради нее крови в Крыму. Что касается Австрии, почти что второстепенная роль, своего рода изоляция, в которую она постепенно погрузилась в ходе конгресса, не позволяют полагать, что переговоры прекратились бы, столкнувшись с ее сопротивлением, впрочем, гораздо менее радикальным, менее страстным, чем то, что она позже продемонстрировала относительно плана объединения. Кроме того, каково бы ни было на тот момент решение, представляется, что оно было бы с признательностью принято молдо-валахами, чьи политические устремления тогда еще не были столь чрезмерными, как впоследствии, а сегодня, после полутора лет отсрочек, волнений, возбужденных ожиданий, какую бы сторону мы ни поддержали, несомненно, среди них окажется множество неблагодарных и недовольных. Посему можно задаться вопросом, не было бы

правильным вовсе не слушать пожеланий Княжеств и тем самым избежать всех осложнений, к которым привел созыв диванов *ad hoc*? Однако более общий политический интерес, требовавший для всей Европы скорейшего заключения мира, возобладал и обязал полномочных представителей подписать трактат и отложить устройство Княжеств до тех пор, пока они сами не будут призваны высказать свои пожелания. Также верно, что 30 марта 1856 года никто не подозревал о том, с какой задержкой будут созваны диваны *ad hoc*, избрание которых было отсрочено почти на год вследствие тех задержек, с которыми Австрия выводила свои войска с молдо-валашской территории, а причины этих задержек были связаны с трудностями, касающимися Болграда. Выше мы объяснили, что подлинной первопричиной этих трудностей было отсутствие предварительного соглашения между Лондонским и Парижским кабинетами. Но разве можно ставить это прискорбное упущение в вину скорее одному, нежели другому правительству? Если и была допущена ошибка или невнимательность, в том равно виноваты обе стороны, и Франция должна нести ответственность за последствия не более, чем, конечно, согласилась бы на это ее союзница.

Но, чтобы вернуться к истоку нынешнего вопроса о Княжествах и решительно установить, что Франция от начала и до конца последовательно отстаивала свое мнение, нужно обратиться к Венским конференциям 1855 года. Именно тогда, в разгар войны, в момент, когда антагонизм с Россией был наиболее острым, Парижский кабинет, так сказать, выдумал эту систему с объединением, которую с тех пор неизменно отстаивал. Именно тогда, посредством своего полномочного представителя, он сделал ее предметом формального предложения, и седьмой протокол конференции подтверждает ее, чтобы «противопоставить решительное сопротивление действиям России». Одного этого воспоминания было бы более чем достаточно, чтобы смыть с французской политики упрек в том, что она поддалась русскому влиянию в вопросе устройства Княжеств. Вновь представленная и отстаиваемая на Парижском конгрессе графом Валевским эта система союза едва не снискала успех, как мы отмечали выше. С тех пор Франция не переставала отстаивать ее как наиболее благоприятную для благополучия населения, развития и процветания обеих провинций и для защиты Османской империи. В это время Англия, возвратившись ко мнению, высказанному на конгрессе ее министром иностранных дел, посчитала своим долгом по истечению нескольких месяцев пополнить ряды противников проекта. Что касается России, помимо того, что ее полномочные представители поддержали проект объединения с некоторым безразличием, она при всяком случае заявляла, что намеревалась сохранить по этому вопросу свое мнение неизменным и выразить его лишь комиссии, когда та вновь соберется после завершения работы диванов и европейской комиссии. Этой линии поведения она придерживалась с твердостью и выдержкой, достойных внимания, и если сегодня позволяется

предположить, что Россия будет голосовать в том же смысле, что и Франция, логично ли заключить из этого, что это она склонила Францию к своему мнению? Одно из двух: либо Франция и Россия поддержат систему объединения и в этом случае волеизъявление Франции нельзя будет заподозрить в прорусских наклонностях, поскольку оно будет лишь следствием плана, главным образом, антирусского, сформулированного ею в Вене два с половиной года тому назад; либо обе державы сблизятся с противниками плана, и тогда на что смогут пожаловаться эти последние?

Вышеизложенные соображения о независимом мнении Франции в вопросе о Княжествах в целом равно относятся и к его деталям, и к связанным с ними различным происшествиям. Когда, например, в прошлом июле Порты вопреки формальному обязательству приказала раньше времени созвать молдавских выборщиков, и представители Франции, России, Сардинии и Пруссии разорвали с ней отношения, разве не нашлись мрачные умы, утверждавшие, что Франция подчинилась русскому влиянию? Между тем достоверно известно, что сигнал к протесту был подан из Парижа и, лишь приказав в телеграмме от 27 июля французскому послу добиться от Порты аннулирования молдавских выборов, французский кабинет предложил императору Александру, находившемуся тогда в Берлине, присоединиться к нему в этом демарше и в последствиях, могущих из него проистекать. Русский кабинет поддержал это энергичное предложение и примкнул к нему безоговорочно, даже не зная подробных инструкций, направленных графом Валевским в Константинополь и Бухарест одновременно с телеграфными депешами. Князь Горчаков предписал своим агентам руководствоваться ими в своем поведении. Итак, Россия вслепую последовала за Францией по пути, который та начертала, и, вероятно, не было бы преувеличением сказать, что она испытывала некоторое стеснение и беспокойство относительно возможных последствий такого присоединения, всего значения которого она, как видно, сначала не поняла, а успокоилась, лишь когда события подтвердили правильность французской политики.

Неужели теперь прямые сношения, недавно завязавшиеся между императором Наполеоном III и императором Александром, могут встревожить сторонников английского союза, пекущихся о его будущем, или же обрадовать его противников? Но русский кабинет, со своей стороны, не скрыл живейшего беспокойства, вызванного у него осборнским свиданием, имевшим место совсем незадолго до штутгартского и столь счастливо способствовавшим разрешению кризиса, случившегося в Константинополе из-за преждевременных молдавских выборов. Между тем ему, несомненно, не известно, что на этом свидании император Наполеон повторил то, что уже говорил в прошлом году после заключения мира, что «он, со своей стороны, желает альянса между тремя державами, но если тот должен оставаться альянсом двух, то он будет, как и прежде, между ним и Англией, а не между ним и

Россией». Разве не в Осборне английскому кабинету заблаговременно сообщили о плане путешествия императора в Штуттгарт, разве он сам по этому случаю не превозносил лояльность Наполеона III, новый залог которой он получил вместе с секретными сообщениями, сделанными ему после свидания с русским императором? Пусть же лондонский кабинет успокоится или, скорее, успокоит публику вокруг себя, так как ему не приходилось сомневаться во Франции. Совершенно ошибочно было бы тревожиться в Англии или еще где-нибудь насчет добрых и искренних отношений, существующих между Францией и Россией, и видеть в их результатах следы чрезмерной снисходительности французского кабинета к пожеланиям правительства императора Александра. Мы можем утверждать и полагаем, что в вышеизложенном уже доказали, что с заключения мира происходило ровно противоположное и если одно из влияний и было подавляющим, то это было французское влияние. Что касается самой природы отношений двух правительств, Россия изо всех сил заботилась о том, чтобы сделать их такими, какими они являются сегодня. Следует признать, что независимо от ее собственных расчетов в то же время на этот путь ее подталкивала постоянная холодность Англии, суровость кабинета Ее Британского Величества в различных обстоятельствах и в частности в деле о Болграде. Но хотя вот уже полтора года как Россия, усердно трудясь для сближения с Францией, непрестанно сеет недоверие между двумя своими великими соперниками в Восточной войне, хотя она не пожалела для этого никаких усилий: с одной стороны, сопротивление, колкости, демонстративное удовлетворение поражениями в Индии, с другой — показное предпочтение, почтение, уступки, усилия для определенной общности промышленных интересов, путешествия членов императорской семьи, всевозможные ласки, — она еще, благодаря небесам и мудрости французского правительства, не достигла поставленной перед собою цели. Правительство императора Наполеона столь же предусмотрительно, сколь твердо, независимо, сдержанно, верно выношенным им мнениям и своим старым друзьям. Но оно, в свою очередь, вправе ожидать от этих самых друзей доверия и обходительности, которой само их окружает. И если Англия считает, что может упрекнуть его в излишнем потакании России, Франции столь же позволительно желать, чтобы ее союзница в своих отношениях с Санкт-Петербургским кабинетом наконец избрала, хотя бы для того, чтобы расстроить усилия России, менее недоверчивую, менее педантичную политику, чем та, которой обычно придерживается правительство Ее Британского Величества со времени заключения мира.

Петербург, ноябрь 1857 года

Ш. Боден

- ¹ Статья подготовлена в рамках постдокторской программы при поддержке фонда «Дом наук о человеке» (Fondation Maison Sciences de l'homme, Paris).
- ² Система Европейского концерта, в который входили Франция, Австрия, Англия, Пруссия и Россия, существовала с 1815 года, а особую важность приобрела после 1830 года. Не беря на себя формальных обязательств, эта пятерка должна была договариваться между собой по важнейшим проблемам на континенте. Второстепенные страны могли присоединяться к обсуждению вопросов, касавшихся их по юридическим или политическим причинам, а во всех остальных случаях должны были соглашаться с решениями великих держав. В 1867 году к великим державам добавилась объединенная Италия (во время Лондонской конференции по Люксембургу). Оттоманская империя присутствовала на Парижском конгрессе, но на другие встречи ее не звали. Действие европейского концерта было особенно заметно на Востоке: образование Румынии, кризис 1860 года в Ливане после убийства маронитов на Горе Ливан и в Дамаске, Критское восстание 1866 года и осуждение Греции за помощь мятежникам — эти проблемы обсуждались на высшем европейском уровне. См. Sedouy Jacques-Alain de. Le concert europ. Aux origines de l'Europe. Paris, Fayard, 2009.
- ³ Об отмене нейтрализации см. Нарочницкая Л.И. Россия и отмена нейтрализации Черного моря. 1856–1871 гг. М.: Наука, 1989. В целом о проливах см. Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX вв.). Москва: Международные отношения, 1999.
- ⁴ Подробнее о европейском аспекте сближения см. Рыжова Р.И. Русско-французские отношения в Европе после Крымской войны (1856–1859 гг.). М., 1961.
- ⁵ Papiers Desprez. 22. 12. F. 24–25. Цит. по: Bruley Yves. Le quai d'Orsay imp rial: Histoire du Minist re des Affaires trang res sous Napol on III. Paris: Editions A.Pedone, 2012. P. 117.
- ⁶ К примеру, в период Крымской войны министр иностранных дел Друэн де Люис (1852–1855) считал необходимым как можно больше ослабить Россию, Наполеон же сделал ставку на итальянский вопрос.
- ⁷ Частное письмо Мерсье Тувенелю, Афины, 4 апреля 1856 // Archives du Minist res des Affaires Etrang res (MAE). Papiers Thouvenel, vol. 13, f. 210. (Далее — Papiers Thouvenel).
- ⁸ Частное письмо генерала Опики Тувенелю, Париж 31 марта 1856 // Papiers Thouvenel, vol.1, f. 352.
- ⁹ Описание обоих визитов см., например, в Annuaire historique universel ou Histoire politique pour 1857. Paris, 1861.
- ¹⁰ См. Фейгина Л.А. Из истории русско-французских отношений (Секретный договор 3 марта 1859 г.) // Века. № 1. Пг., 1924. С. 133–164. Наполеон III настаивал на его подписании после заключения в Пломбьере в июле 1858 года соглашения с главой сардинского правительства графом Кавуром о совместных действиях против Австрии.
- ¹¹ При заключении мира с Австрией в июле 1859 года Наполеон III «забыл» об интересах России, в связи с чем некоторые историки рассматривают сближение с ним как тактическую ошибку царского правительства. Другие утверждают, что, несмотря на отсутствие конкретных плодов, она способствовала восстановлению международного престижа страны и расшатыванию антирусской коалиции.

- ¹² Любопытно, что в 1832 году Стратфорд был назначен послом в Россию, однако Николай I категорически отказался принять его в этом качестве, вероятно, потому что уже на тот момент были известны его антирусские настроения, проявлявшиеся, в частности, в восточной политике (незадолго до своего неудачного назначения Стратфорд противодействовал заключению в Константинополе союза между российским императором и турецким султаном).
- ¹³ Benedetti, comte. *Un ambassadeur anglais en Orient* // *Revue des deux mondes*, Paris, 1895, T. 128. P. 5–6.
- ¹⁴ Письмо лорда Кларендона лорду Стратфорд-Каннингу, 4 января 1856. Цит. по: W.E. Mosse. *The Return of Reschid Pasha, An Incident in the Career of Lord Stratford de Redcliffe* // *The English Historical Review*, V. 68, 1953. P. 547.
- ¹⁵ Из письма французского посла в Лондоне Валевского к Тувенелю: «Лорд Кларендон сегодня разговаривал со мной о своем поселе в Константинополе. Он сказал, что тот уже стоит у всех поперек горла и что не было бы ничего приятнее, чем отозвать этого старого безумца. Но Парламент, но общественное мнение, но влияние, которое он якобы оказывает на диван, в конце концов, столько «но»...» Цит. по Benedetti, comte. *Un ambassadeur anglais en Orient*. P. 35.
- ¹⁶ Benedetti, comte. *Un ambassadeur anglais en Orient*. P. 36.
- ¹⁷ «Я решил не оставаться здесь после заключения мира. Единственный крупный пост, на который я претендовал бы, несмотря на все его трудности, это Константинополь. Обо мне часто говорили в связи с назначением туда. Я почти единственный не выдвигал своей кандидатуры и проявляю ту же сдержанность до конца. Если к тому моменту забудут о сделанных мне авансах, я отправлюсь на пост по соседству с Францией, где за отсутствием интереса, я найду хотя бы отдохновение». Письмо Тувенеля Бенедетти, Париж 16 ноября 1854. Цит. по: Seni Nora. *Marie et Marie. Une saison Constantinople. 1856–1858*. Gen ve: Metropolis, 1996. P. 23
- ¹⁸ Thouvenel Edouard. *La Hongrie et la Valachie*, Paris, 1840.
- ¹⁹ Thouvenel Edouard. *Les progrès de la Russie dans l'Asie centrale* // *Revue des deux mondes*. Paris, 1841, T. 28. P. 1001.
- ²⁰ Benedetti, comte. *Un ambassadeur anglais en Orient* // *Revue des deux mondes*. Paris, 1895, T. 128. P. 24.
- ²¹ Инструкция Тувенелю. МАЕ. CP Turquie. Vol. 321. *Instruction M. Thouvenel, le 12 mai 1855, fol. 256–302v*.
- ²² Вот как было интерпретировано появление нового французского посла в Константинополе русскими дипломатами: «Францию больше не устраивает только военное преимущество в Турции; в Париже недоумевают, почему лорду Рэдклифу позволено оставаться регентом султана». В.П. Титов — К.В. Нессельроде, 25.04 (07.05) 1855. Цит. по Варта И.С. *Великие державы и вопрос о Дунайских княжествах на Венской и Константинопольской конференциях (март 1855 — февраль 1856)* // *Проблемы истории стран Юго-Восточной Европы: политика, культура, историография*. Кишинев: Штиинца, 1989. С. 111–128.
- ²³ Письмо к Бенедетти 27 октября 1856. Цит. по: Thouvenel Louis. *Trois années de la question d'Orient, 1856–1859*. Paris, 1897. P. 45.

- ²⁴ Письмо к Бенедетти 10 ноября 1856. Цит. по Thouvenel Louis. *Trois ann es...* P. 62.
- ²⁵ Об этом периоде см., например, Георгиев В.А. *Внешняя политика России на Ближнем Востоке в конце 30 — начале 40 годов XIX в.* М.: Изд-во МГУ, 1975.
- ²⁶ Проект общей инструкции господину Бутеневу (в Константинополь). АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. Д. 43. Л. 57–80.
- ²⁷ Кстати, назначение Лобанова-Ростовского на пост посланника в Константинополе в возрасте 35 лет — случай исключительный, поскольку обычно от поступления на службу до получения первого крупного поста проходило лет 25–30. Вообще, при Горчакове произошло обновление кадрового состава, и большинство консульских постов на Ближнем Востоке заняли русские по национальности дипломаты.
- Лобанов-Ростовский был прекрасно подготовлен к константинопольскому посту. Поступив в МИД в 1844 году, он в 1847 году был назначен секретарем посольства в Париж, в 1850 году — в Берлин. В 1856 году он был отправлен с секретной миссией в Париж и вел тайные переговоры о мире. В 1856 году он был назначен советником Константинопольской миссии, а 10 июня 1859 года был назначен на место А.П. Бутенева. Он продолжил дипломатическую линию предшественника и добился значительных результатов: в ходе черногорского восстания ему удалось спасти бунтовщиков от окончательного разгрома Омер-пашою, совместно с Э. Тувенелем он принял меры для прекращения насилия над сирийскими христианами и заложил основы для последующих франко-русских работ по реставрации купола храма Гроба Господня. Одновременно с политической карьерой князь занимался научными изысканиями — он выучил древнееврейский язык, увлекся нумизматикой и археологией, собирал иностранные сочинения о России и впоследствии опубликовал ряд исторических работ. См. о нем. Теплов В.А. *Князь Алексей Борисович Лобанов-Ростовский. Биографический очерк.* СПб., 1897.
- ²⁸ Потомки Бутенева жили во Франции и Италии, а в середине XX века переехали в США.
- ²⁹ Из недавних работ о драгоманах наиболее интересен труд Gautier A., Testa M. de. *Drogmans et diplomates europ ens aupr s de la Porte Ottomane.* Istanbul: ISIS, 2003.
- ³⁰ См. Henri Cordier. *Un interpr te du g n ral Brune et la fin de l' cole des jeunes de langues // M moires de l'Acad mie des Inscriptions et Belles Lettres, T. XXXVII, 2^e partie.* P. 269.
- ³¹ Любопытно, что в Российской империи с 1887 года было запрещено использовать французский язык для дипломатической переписки.
- ³² Одним из примеров тому может служить карьера известного востоковеда Шарля Клермон-Ганно (1846–1923), служившего драгоманом в Палестине.
- ³³ Цит. по Воевода Е.В. *Учебно-педагогическая деятельность Учебного Отделения Восточных языков при Азиатском департаменте МИД Российской Империи.* <http://mgimo.ru/upload/iblock/efb/efb948653fb5a1b73149661445904a81.doc>
- ³⁴ Личное дело Утре. МАЕ. Personnel. Premi re s rie. 315o. Outrey Amed Pierre Charles Maximilien.
- ³⁵ Письмо Бутенева к Тувенелю 7 января 1858 года. *Papiers Thouvenel.* Vol. 6. fol. 435.
- ³⁶ Benedetti, comte. *Un ambassadeur anglais en Orient.* P. 42.

- ³⁷ Ibid. P. 34–35.
- ³⁸ См. общие работы Сафронова Е.В. Становление и развитие консульской службы Российской Империи в XVIII — начале XX в. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2002. Григорьев Б.Н. Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке. М.: Молодая гвардия, 2010. Bruley Yves. Le quai d'Orsay imp rial: Histoire du Minist re des Affaires trang res sous Napol on III. Paris: Editions A.Pedone, 2012.
- ³⁹ В результате реформы 1868 года в состав министерства вошли: Совет при министре, Канцелярия, Азиатский департамент, Департамент внутренних сношений, Департамент личного состава и хозяйственных дел, Санкт-Петербургский и Московский архивы.
- ⁴⁰ В правление Николая I выехать за границу было сложно, поэтому желавшие посмотреть мир дворяне часто шли на службу в МИД.
- ⁴¹ Цит. По Bruley Yves. Le diplomate fran ais au XIXe si cle, entre belles-lettres et litt rature // Ecrivain et diplomates. L'invention d'une traditions XIXe-XXIe si cles / Colloque historique international des 12, 13 et 14 mai 2011. Paris : Armand Collin, 2012. P. 53.
- ⁴² Из переписки Мари Тувенель мы узнаем, что ей вечно не хватало денег, и для приемов она обновляла старые наряды. Кроме того, большинство покупок (одежда, конфеты, вещи для детей и т.п.) доставлялись из Парижа, в Константинополе же их не было, а то, что можно было купить, стоило намного дороже, чем в Европе. Зато английское посольство и дочери лорда Стратфорда могли позволить себе шикарные наряды, прогулки и прочие затратные увеселения даже в османской столице.
- ⁴³ Дом в Терапии, бывшее владение богатой фанариотской семьи, принадлежал французам с 1806 года. Эдуар Тувенель добился в Париже выделения денег на его ремонт, насладиться которым в полной мере смогли только его преемники. Мадам Тувенель жаловалась своей родственнице, что даже представитель такой великой державы как Франция не может рассчитывать на почтение, ведь во время переезда приходится брать с собой все необходимое, вплоть до мебели, так что любой желающий может наблюдать, как грузится на корабль весь дипломатический скарб. Эдуар ходатайствовал о том, чтобы зимнюю и летнюю резиденцию снабдили хотя бы самым необходимым для жизни.
- ⁴⁴ Резиденция русского посла сохранилась, но нуждается в капитальном ремонте. Ее нынешнее состояние можно оценить по фотографиям <http://archive.cnsr.ru/foto.php?direction=fw&id=492&prevdate=20100521131825>.
- ⁴⁵ Русский флот после Крымской войны был практически уничтожен. Вместо старых деревянных парусных судов начали ускоренно строить пароходы, а затем броненосцы. Если на 1856 год у России было порядка 40 паровых судов, то в 1858 году — уже 182, а к 1870 году русский броненосный флот стал третьим в Европе, хотя и уступал по скорости и маневренности английским, французским и немецким судам.
- ⁴⁶ Подробнее о консульской службе в XIX столетии см. исследование Consuls et services consulaires au XIXe si cle / Sous la direction de J rg Ulbert, Lukian Prijak. Hambourg, DobuVerlag, 2010.
- ⁴⁷ Регулярное курьерское сообщение между российским министерством и заграничными представительствами появилось лишь в 1888 году.

- 48 В числе посольской корреспонденции из Константинополя было много писем частных лиц, поскольку другой надежной почты в Османской империи в то время не было. Такая же ситуация сложилась во французском МИДе, но там речь шла не об отсутствии других каналов связи, а о скорости и бесплатности министерской почты. Правда, для самого министерства письма «не по делу» оборачивались лишними расходами, с чем и начал бороться Друэн де Льюис в свою бытность министром.
- 49 В случае Тувенеля почтовыми днями были понедельник и четверг.
- 50 Во французском архиве Министерства иностранных дел (МАЕ) хранится огромный фонд Эдуара Тувенеля, включающий много томов писем от различных лиц. Там есть, например, письма от барона Франсуа-Адольфа Буркене (1799–1869) — предшественника Тувенеля на посту посла в Османской империи (1841–1848), а с 1853 по 1858 годы бывшего послом в Вене.
- 51 О проблеме публикации такого типа текстов см. Georges Virlogeux. Du graphisme l'iconographie. Problème de l'édition d'une correspondance. La correspondance. L'édition des correspondances. Correspondances et politique. Correspondance et création littéraire. Correspondance et vie littéraire. Vol. 2. Actes du colloque franco-italien, Aix-en-Provence, 4–6 octobre 1984. Aix-en-Provence : Université de Provence, 1985. P. 29–54.
- 52 Письма обычно доставлялись кавасами или сотрудниками посольства в тот же день. Однако, если письмо было написано вечером, оно могло быть доставлено или прочитано только на следующий день.
- 53 Письма опубликованы: Seni Nora. Marie et Marie. Une saison Constantinople. 1856–1858. Genève: Metropolis, 1996.
- 54 Thouvenel Louis. Nicolas Ier et Napoléon III, les préliminaires de la guerre de Crimée, 1852–1854, d'après les papiers inédits de M. Thouvenel. Paris, 1891; Thouvenel Louis. Trois ans de la question d'Orient (1856–1859) d'après les papiers inédits de M. Thouvenel. Paris, 1897. Thouvenel Louis. Pages de l'histoire du second Empire, d'après les papiers de M. Thouvenel, ancien ministre des affaires étrangères, (1854–1866). Paris, 1903.
- 55 Например, сподвижника своего мужа, испанского министра Сузу она характеризует как «добротного коллегу», «жемчужину дипломатического корпуса в Константинополе». Seni Nora. Marie et Marie. P. 199.
- 56 Un jour à l'ambassade de France Constantinople sous le Second Empire par la baronne Durand de Fontmagne née Drummond de Melfort, Paris, 1902.
- 57 См. по этой теме: Гросул В.Я., Чертан Е.Е. Россия и формирование румынского независимого государства. М.: Наука, 1969. Гинзбург Ф.П. Внешняя политика России в дунайских княжествах Молдавии и Валахии в период борьбы за их объединение (1856–1859 гг.) / Автореф. канд. дисс. М., 1953. Варта И.С. Проблема объединения дунайских княжеств / Автореф. канд. дисс. М., 1989.
- 58 Французский проект был фактически реализован в 1866 году, когда на румынский престол был избран Карл Гогенцоллерн, который, однако, не стал союзником Франции.
- 59 Об этом периоде обсуждений и позиции держав см. Варта И.С. Великие державы и вопрос о Дунайских княжествах на Венской и Константинопольской конференциях (март 1855 — февраль 1856) // Проблемы истории стран Юго-Восточной Европы:

- политика, культура, историография. Кишинев: Штиинца, 1989. С. 111–128. См. также Виноградов В.Н. Дипломатическая борьба вокруг объединения Дунайских княжеств (1856–1859 гг.) // Вопросы истории, 1986, № 8. С. 57–73. О настроениях румын см. Виноградов В.Н. Дунайские княжества: от ориентации на Россию к ориентации на Запад // Россия и Балканы. Из истории общественно-политических и культурных связей (XVIII в. — 1878 г.). Сб-к статей. М., 1995. С. 241–258.
- ⁶⁰ «Главная, единственно важная для нас цель в княжествах заключается в том, чтобы ни одно из прав и привилегий, которыми они в настоящее время пользуются, не пострадало». А.М. Горчаков — П.Д. Киселеву. Цит. по: Виноградов В.Н. Россия и объединение Румынских княжеств. М., 1961. С. 222.
- ⁶¹ Константин Михайлович Базили (1809–1884), российский консул в Сирии и Палестине до Крымской войны, участвовал в Парижском конгрессе.
- ⁶² В сентябре 1856 года турки пытались запретить диванам высказываться относительно объединения. Однако Тувенель грозил, что вовсе откажется от редакции фирмана для диванов и при поддержке Бутенева и прусского представителя заставил турок снять свое вето.
- ⁶³ Любопытно, что в назначении Вогоридеса участвовал Тувенель, ходатайствовавший за него в Константинополе: французский консул в Яссах сообщил ему, что Вогоридес обещал действовать беспристрастно и не чинить препятствий унионистам. На деле, Вогоридес глубоко разочаровал французозов.
- ⁶⁴ Противники унии не скупилась на угрозы и подкупы, продавали боярские титулы, раздавали офицерские звания (число офицеров сравнялось с числом солдат), чтобы умножить число своих сторонников. Об этом см. Виноградов В.Н. Дипломатическая борьба вокруг объединения Дунайских княжеств (1856–1859 гг.) // Вопросы истории, 1986, № 8. С. 57–73; Он же. Французская дипломатия и объединение румынских княжеств в 1856–1859 гг. // Французский ежегодник, 1959. М., 1961. С. 226–247.
- ⁶⁵ Детали этой истории можно прочитать в сборнике документов, опубликованном сыном Тувенеля. Thouvenel Louis. Trois an es de la question d’Orient (1856–1859) d’apr s les papiers in dits de M. Thouvenel. Paris, 1897. См. также. Oncescu Iulian. Edouard Thouvenel et l’union des Principaut s roumaines (1856–1859) // Codrul Cosminului. 2010, XVI, № 2. P. 171–180. Некоторые официальные документы и дипломатическая переписка по этому вопросу была опубликована: Actes et documents relatifs l’histoire de la r g n ration de la Roumanie, Vol. IV-V, Bucuresci, 1889–1890.
- ⁶⁶ Горчаков Александру II. 26 июля (ст. ст.) 1857. АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. Д. 51. Л. 140.
- ⁶⁷ Пометка на: Горчаков Александру II. 5 августа (ст. ст.) 1857. АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. Д. 51. Л. 159.
- ⁶⁸ Горчаков Александру II. Понедельник. АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. Д. 51. Л. 148.
- ⁶⁹ Горчаков Александру II. 31 августа (12 сентября) 1857. АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. Д. 51. Л. 205.
- ⁷⁰ Несмотря на свое формальное торжество над англичанами, Тувенель продолжал верить в необходимость сотрудничества с ними и, напротив, опасался усиления русского

влияния на Балканах. Он выражал свою горечь из-за официального курса в частных письмах. «Направление, данное вот уже два года назад нашей внешней политике, — если только можно так именовать отсутствие всякой зрелой идеи, всякой последовательности и должной твердости, — угрожает стать бедствием царствования!» Цит. по Виноградов В.Н. Французская дипломатия и объединение румынских княжеств в 1856–1859 гг. // Французский ежегодник, 1959. М., 1961. С. 237.

- 71 Пометка на: Горчаков Александру II. 25 августа (ст. ст.) 1857. АВПРИ. Ф. 133. Канцелярия МИД. Оп. 469. Д. 51. Л. 181.
- 72 Цит. по Thouvenel Louis. Trois ans de la question d'Orient. P. 176. Россия была разочарована отступничеством Франции, и Наполеон III попытался сгладить неприятное впечатление при личной встрече с Александром II в Штутгарте. См. подробнее Варта И.С. Отношение России и Франции к вопросу об объединении Дунайских княжеств после Осборнского соглашения (август-декабрь 1857 г.) // Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев: Штинница, 1984.
- 73 См. Oncescu Iulian. Edouard Thouvenel et l'union des Principautés roumaines (1856–1859) // Codrul Cosminului. 2010, XVI, № 2. P. 179.
- 74 См. об этом Варта И.С. Позиция Франции по вопросу об объединении Дунайских княжеств на Парижской конференции 1858 г. // Проблемы внутри- и внешнеполитической истории Румынии Нового и Новейшего времени. Кишинев: Штинница, 1988. С. 122–141.
- 75 Там же.
- 76 Благодаря усилиям русско-французской дипломатии в 1857 году из Дунайских княжеств были выведены турецкие и австрийские войска.
- 77 Об осторожной позиции русского правительства в вопросе признания А. Кузы см. Чертан Е.Е. Русско-румынские отношения в 1859–1863 гг. Кишинев, 1968. Подробнее об истории создания Румынии см. Чертан Е.Е. Великие державы и формирование Румынского независимого государства. Кишинев, 1980.
- 78 Сама комиссия располагала 3 пароходами и несколькими шаландами, ходившими под ее собственным флагом.
- 79 См. общие работы Вяземская Е.К. Россия и Балканы (конец XVIII в. — 1918 г.). М.: ИСБ, 1990. Международные отношения на Балканах. 1856–1878 гг. М.: Наука, 1986.
- 80 См. Хитрова Н.И. Черногория в национально-освободительном движении на Балканах и русско-черногорские отношения в 50–70-х гг. XIX в. М.: Наука, 1979.
- 81 В 1860 году князь Данило был убит, и престол занял его племянник Николай, получивший образование во Франции и полностью полагавшийся в своей политике на эту страну.
- 82 Адмирал оставил воспоминания об этом событии. См. Jurien de la Gravi re J. Les missions ext rieures de la marine. II partie. D limitation du Mont n gro » // Revue des deux mondes, avril 1872. Tome 98. P. 573–596.
- 83 Частное письмо Лавалетта, французского посла в Константинополе, Тувенелю. Пера, 7 ноября 1860 // Papiers Thouvenel, Vol. 11, f. 357.
- 84 На эту тему см. работы О.В. Анисимова, например, Анисимов О.В. Россия и Наполеон III: борьба за Святые места Палестины. М.: Индрик, 2014.

- ⁸⁵ Цит. по: История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М.: Международные отношения, 1999. С. 60.
- ⁸⁶ На документе запись по-русски, воспроизводящая резолюцию императора Александра II: «Быть по сему».
- ⁸⁷ Издревле (лат.).
- ⁸⁸ На верхнем поле помета карандашом: «Я нахожу эти инструкции безупречными. Было невозможно лучше объяснить намеченного пути. Я сделал лишь замечание касательно офицера генерального штаба. Мы так мало пользуемся их услугами, что не имеет смысла создавать новый пост».
- ⁸⁹ Пометка карандашом: *копия для Лондона*.
- ⁹⁰ Эмабль Жан-Жак Пелисье (1794–1864), французский главнокомандующий в Крымской войне с 1855 г.
- ⁹¹ Выделенное курсивом зачеркнуто в оригинале. Пометка на полях: «Бесполезно».
- ⁹² Гусейн-дей или Хусейн III (1773–1838), последний пожизненный правитель Алжира в 1818–1830 гг.
- ⁹³ Франсуа-Адольф де Буркене (1799–1869), посол Франции в Османской империи в 1841–1851 гг.
- ⁹⁴ Правитель Туниса в 1837–1855 гг.
- ⁹⁵ Николя Проспер Буре (1811–1886), посланник в Тегеране в 1855–1857 гг., позднее был послом в Османской империи.
- ⁹⁶ Личное дело Шарля Бодена. МАЕ. Personnel. Premi re s rie. Vol. 269. Baudin Charles Philippe Maurice. Fol. 22.
- ⁹⁷ Прусская консервативная партия, основанная в 1848 году, отстаивавшая монархию и привилегии знати.
- ⁹⁸ Граф Эдгар Наполеон Ней (1812–1882), сына маршала Нея, адъютант Наполеона III.
- ⁹⁹ Город вырос на месте болгарского поселения Табаки.
- ¹⁰⁰ Генри Уэлсли, лорд Коули, английский посол во Франции в 1852–1867 гг.
- ¹⁰¹ Персидский посол во Франции. Послы вели переговоры о мире после англо-персидской войны 1856–1857 гг.

ПЕРЕПИСКА ПОСЛА В КОНСТАНТИНОПОЛЕ Н.П. ИГНАТЬЕВА С МИТРОПОЛИТОМ НИЛОМ ПЕНТАПОЛЬСКИМ (1863–1878)*

О. Е. Петрунина

В огромном архиве Н.П. Игнатъева сохранились письма к нему самых разных людей, в том числе тех, о которых сегодня известно не так много. Тем не менее, изучение этих писем позволяет не только дополнить наши представления о личности Игнатъева как дипломата и государственного деятеля, воссоздать круг его знакомств и взаимоотношений, но также прояснить нюансы российской внешней политики, отношение к России за рубежом, условия, в которых приходилось действовать отечественным дипломатам и их союзникам.

На протяжении многих лет корреспондентом Игнатъева был греческий монах, затем митрополит Нил Пентапольский (он же Нил Эсфигменит) (1809–1887). Его письма раскрывают не только подробности его собственной биографии, практически никем не изученной, но и некоторые направления российской внешней политики на православном Востоке в период пребывания Н.П. Игнатъева директором Азиатского департамента МИД (1861–1864) и посланником (с 1864 г.), а затем послом в Османской империи (1867–1877). Иными словами, переписка между Нилом и Игнатъевым велась на протяжении почти всей дипломатической карьеры последнего. За это время произошло много событий, к которым оказались причастными оба корреспондента. Свои личные (неофициальные) письма Нил писал исключительно на французском языке, которым прекрасно владел. Таким образом он, вероятно, хотел избежать необходимости в переводе, который мог бы исказить его мысли, и подчеркнуть частный характер переписки.

Знакомство Нила с Игнатъевым произошло в 1863 году, когда архимандрит Нил находился в Петербурге в качестве полномочного представителя афонских монастырей по вопросу о судьбе их имущества в Дунайских

* Работа подготовлена при поддержке гранта РФФИ 16-01-00306.

княжествах. Правительства княжеств уже на протяжении нескольких десятилетий пытались лишить восточные Церкви и монастыри, сообща владевшие тремя четвертями всех обрабатываемых земель в обоих княжествах, их обширных угодий. В борьбе за сохранение своих имений (метох) церковные учреждения нашли мощного союзника в лице России¹. Однако, после поражения России в Крымской войне и начала объединительного процесса в княжествах в 1859 году их правительство получило больше возможностей для решения своей задачи. Борьба церковных учреждений за свои имения вступила в решающую фазу. К этому времени архимандрит Нил, много лет управлявший имениями афонского монастыря Эсфигмен в Молдавии, стал афонским эпитропом, то есть представлял интересы всех афонских монастырей, имевших метохи в Молдавии и Валахии². Желая привлечь на свою сторону иностранную дипломатию и общественное мнение, познакомить их с документами по этому делу, Нил летом 1863 года посетил Париж и Лондон³, а затем Петербург, где он был принят не только директором Азиатского департамента Н.П. Игнатьевым, но и самим канцлером А.М. Горчаковым. Первые несколько из сохранившихся писем Нила Игнатьеву относятся к первой половине 1860-х гг. и связаны именно с этим вопросом.

Греческое духовенство в конечном счете проиграло борьбу за свои имения в княжествах. Одной из главных причин поражения стала его собственная неуступчивость, нежелание считаться с меняющимися реалиями, искать новые источники доходов. Архимандрит Нил был тогда одним из немногих более дальновидных церковных деятелей, склонных искать компромиссные решения. В частности во время встречи с новым румынским князем Каролем (Карлом Гогенцоллерном) в 1866 г.⁴ Нил был готов пойти на уступки, но в условиях сопротивления восточных патриархов и отсутствия единой позиции у европейских дипломатов этого было недостаточно.

Несмотря на то, что сведений о личности Нила сохранилось немного, есть указания на то, что он в это время был сторонником России, что было большой редкостью среди современного ему греческого духовенства. Это подтверждает, например, один из конфликтов среди афонской братии, в котором Нил защищал российские интересы⁵.

К концу 1860-х годов Нил оказался участником новых драматических событий, к которым имел отношение и Н.П. Игнатьев: в это время в Александрийской церкви обострилась борьба за патриарший престол. Этим событиям посвящена следующая серия писем Нила. Они содержат важные подробности, касающиеся его приезда и пребывания в Египте, раскрывают его позицию и позицию других участников на разных этапах развития событий.

В XIX столетии Александрийская церковь переживала чрезвычайно драматичный период своей истории: в пришедшую в упадок за многие века существования под властью мусульманских правителей патриархию

вдохнул новую жизнь приток православного (прежде всего, греческого) населения в Египет в эпоху правления Мухаммеда Али. Политика египетского правителя привлекала в страну предприимчивых и активных греков из разных концов Османской империи. В Египте быстро оформились греческие общественные организации — общины, важной составляющей деятельности которых стало финансирование образовательных и благотворительных учреждений⁶. Традиционно эта сфера находилась в ведении патриархии, так что между общинами и патриархией вскоре начались конфликты. Другой причиной конфликтов стало желание греческих предпринимателей участвовать в выборах патриарха. Слабой организационно и финансово патриархии было нелегко противостоять этим притязаниям. С другой стороны, в дела Александрийской церкви традиционно вмешивались Константинопольские патриархи. Они и их окружение часто имели решающий голос при выборе александрийского первосвященника. Борьба этих политических сил, в которой принимали участие также иностранные дипломаты, была наиболее острой в 1830–1860-е гг. Она сопровождала избрание патриархов в 1845, 1858 гг.⁷, но наибольшего размаха достигла во второй половине 1860-х гг.

Занявший престол Св. Марка в 1866 году патриарх Никанор, прошедший перед этим много лет в России с целью сбора пожертвований в пользу Александрийской церкви, был уже пожилым человеком со слабым здоровьем. По прибытии в Египет его здоровье еще больше пошатнулось: патриарх перенес два инсульта. Болезнь патриарха Никанора положила начало новому витку борьбы за патриарший престол: в Александрийской церкви существовала традиция, согласно которой патриарх мог назначить местоблюстителя, который после его смерти или отречения становился патриархом. Этой ситуацией поспешил воспользоваться архимандрит Евгений Дангос (Евгений Ксиропотамский), который, как и архимандрит Нил, много лет управлял имениями своего монастыря в Молдавии. Евгений хорошо знал Александрийскую церковь, поскольку в 1861 году исполнял обязанности местоблюстителя при патриархе Каллинике. Однако патриарший престол ему тогда не достался, поскольку против него была настроена часть местных христиан. Теперь Евгений решил попытать счастья во второй раз. Имея сторонников в Египте, представлявших в Константинополе патриарха Никанора совершенно неспособным к управлению Церковью, Евгений добился поддержки Константинопольского патриарха Григория VI, назначившего его местоблюстителем Александрийского престола вопреки воле действующего патриарха⁸. Но, прибыв в Египет, Евгений стал вести себя чрезвычайно грубо в отношении патриарха и его сторонников, опираясь при этом на поддержку местных властей. Такое поведение его дискредитировало в глазах местного населения, Константинопольского патриарха и российской дипломатии, сначала оказавшей ему поддержку⁹.

Патриарх Никанор был в принципе согласен на назначение местоблюстителя, но предложил свою кандидатуру — архимандрита Нила. Сам же Нил, как видно из публикуемых ниже писем, не спешил принимать это предложение, предпочитая наблюдать за развитием событий со стороны. Его торопили патриарх Никанор, российский посол Н.П. Игнатьев и греческий посол И. Делиянис, надеявшиеся на скорое наступление мира в патриархии. Наконец, к началу 1868 года, Нил все-таки решил поехать в Египет, оставив за собой право вернуться, если ситуация покажется ему безнадежной. Правитель Египта хедив Исмаил встретил его настороженно, а патриарх Никанор и его сторонники стремились поскорее упрочить его положение. 16 марта 1868 года Нил был рукоположен в митрополита Пентапольского, через несколько дней последовало отречение патриарха Никанора в пользу Нила, затем была проведена процедура избрания Нила патриархом. Эти события вызвали негативную реакцию не только сторонников Евгения, но и Константинопольского патриарха, который воспользовался бюрократическим предлогом, чтобы объявить избрание Нила незаконным. Вместо мира начался новый виток политической борьбы. Новоизбранный патриарх Нил не собирался сдаваться и еще в течение примерно года продолжал отстаивать свои позиции. Но и Фанар¹⁰ не желал отступать. В поисках выхода из тупика российская дипломатия склонялась к идее отставки Нила и назначения на Александрийский престол третьего после Евгения и Нила кандидата. Это назначение было целиком в руках Константинопольской патриархии, что означало ее победу над пытавшейся защитить свои автокефальные права Александрийской церковью.

В мае 1870 года престол Св. Марка занял бывший Константинопольский патриарх Софроний. Любопытно, что глубоко сведущий в делах восточных Церквей архимандрит Антонин (Капустин) очень скептически отнесся к его перспективам: «Чтобы Софроний усидел хоть один месяц на вулканическом престоле Александрии, этому никто на свете не поверит. Если бы ему Нил лоб, а Нилу — его бороду дать, то, может быть, что-нибудь еще бы вышло из того и другого»¹¹. Но Софроний усидел 29 лет и в годы своего патриаршества неоднократно инициировал привлечение митрополита Нила к церковному суду, полагая его рукоположение в митрополита Пентапольского и избрание патриархом неканоническими и добиваясь лишения его архиерейского сана.

Получив прощение от Константинопольского патриарха Анфима VI в 1872 году, митрополит Нил отправился на Афон, где сначала жил в родном монастыре Эсфигмен, но был оттуда изгнан по обвинению в русофильстве. Затем он перебрался в Руссик и принимал деятельное участие в его жизни: рукополагал русских монахов, содействовал разрешению споров между греками и русскими, часто принимая сторону последних.

В середине 1870-х гг. это было особенно важно в связи с обострением греко-русских отношений на Св. Горе в целом и борьбой русских монахов за поставление своего игумена в русском монастыре св. Пантелеимона¹². Все эти годы отношения Нила с патриархией были напряженными: его поддержка русских вызвала раздражение. Патриарх Иоаким II добивался удаления Нила из Руссика, вызывал его в Константинополь, где подолгу задерживал. Поводом для этих преследований служили, по словам самого Нила, «прежние гнусные страсти», то есть его конфликт с Константинопольской патриархией в период борьбы за Александрийский престол. О последних годах жизни Нила Пентапольского сведений очень мало. Хотя в это время он не занимал церковно-административных постов, все же сохранял интерес к церковно-дипломатическим делам и поддерживал отношения с Н.П. Игнатьевым до конца его дипломатической карьеры.

ПИСЬМА МИТРОПОЛИТА НИЛА ПЕНТАПОЛЬСКОГО Н.П. ИГНАТЬЕВУ 1863–1878¹³

Санкт-Петербург, 28 сентября 1863 г.

Ваше превосходительство!

Имею честь переслать Вашему превосходительству прилагаемый перевод письма из Вены, из него следует, что Австрия, по крайней мере, благожелательно настроена.

Позволю себе еще раз просить Ваше превосходительство за архимандрита Агафангела и его людей, надеюсь, что на этот раз результат будет положительный.

Прошу Ваше превосходительство принять смиренные молитвы призывающего благословение Святой Троицы на Вас и Ваше семейство, имею честь быть

Покорным слугой,

Архимандрит Нил

Среда [1863 г.]

Ваше превосходительство!

Вчера князь Горчаков уведомил меня о том, что он направил в министерство заключение касательно архимандрита Агафангела, благосклонности к которому я добивался от Вашего превосходительства.

Между прочим князь сообщил, что в этом заключении содержатся некоторые замечания по этому вопросу, сделанные в 1860 г.¹⁴ Надеюсь, они не воспрепятствуют исполнению данного мне обещания.

Прошу Ваше превосходительство указать, в котором часу Вы могли бы принять меня завтра в четверг.

С глубоким почтением имею честь быть,
Ваш покорнейший слуга
Архимандрит Нил

12 января 1865

Ваше превосходительство!

Вчера я имел честь посетить Ваше превосходительство, но нездоровье Вашего дорогого сына, которому я от всего сердца желаю полного выздоровления, помешало мне Вас увидеть. Поэтому содержание приложенной к сему письму ноты я сообщил г-ну Ону¹⁵. Кроме того, передаю Вашему превосходительству выдержку из доклада министра финансов Княжеств, прозвучавшего в Палате депутатов 16 декабря, дабы Ваше превосходительство удостоверилось, что валашское правительство основывается на решении, вынесенном Палатой в прошлом году. Ваше превосходительство также увидит отсутствие указаний на то, где будут размещены 300 тысяч ливров. Между тем, духовенство, несомненно, опять будет протестовать против этого депозита.

Примите уверения в глубочайшем уважении,
Вашего превосходительства
Покорнейший слуга
Архимандрит Нил

Фанар, 23 января 1868 года¹⁶

Ваше превосходительство!

Сегодня я получил свою почту и, как и обещал, передаю Вам ее содержание.

Письмо визирия вице-королю¹⁷, копия которого у него осталась, передано премьер-министру Рагиб-паше¹⁸, который ответил, что представит его на рассмотрение Его Высочества и надеется, что все на этом, вероятно, закончится. Но в то же время он заметил, что ничего нельзя добиться без помощи господина де Лекса¹⁹; поэтому меня просят вновь ходатайствовать перед В[ашим] превосходительством об отправке г-ну де Лексу необходимых инструкций по данному вопросу. Я твердо убежден, что после нашего вчерашнего разговора В[аше] п[ревосходительство] напишет г-ну де Лексу все, что необходимо, с тем, чтобы положить конец этому возмутительному делу. За это В[ашему] превосходительству будут благодарны и святейший престол, и все православные Египта.

Примите, Ваше превосходительство, мое благословение и уверения в глубочайшем почтении,

Ваш покорнейший слуга
Архимандрит Нил

Получено 12 декабря 1868 года

Его Превосходительству господину генералу Игнатьеву, послу и полномочному министру Его Величества Императора Всероссийского при Высокой Порте

Галлиполи, 11 декабря 1868 года

Ваше Превосходительство,

Имею честь довести до сведения Вашего Превосходительства, что я намеревался отбыть на Гору Афон 15 числа сего месяца, но невольно откладываю это путешествие, потому что полученные мною вчера с пароходом *Austriasepisma* обязывают меня отправиться в Александрию и я уезжаю послезавтра в пятницу пароходом *de Loyd*²⁰, следующим прямым рейсом.

Ожидаемые мною с египетским пароходом письма, касающиеся подробностей принятия Вице-королем моего избрания, и приглашение прибыть в Александрию, мною получены не были, по причине приключившегося с этим пароходом несчастья, но содержание указанных писем убедило меня в необходимости отправиться туда немедленно.

Надеюсь получить от Вашего превосходительства рекомендательное письмо к господину де Лексу на тот случай, если, прибыв в Египет и разобравшись в ситуации по моему вопросу, я сочту за лучшее вернуться.

Прошу Ваше Превосходительство принять уверения в моем глубоком уважении,

Ваш покорнейший слуга

Архимандрит Нил Эсфигменит

Каир, 20 января 1869 г.

[на полях:] г-ну Ону

Ваше превосходительство!

Посланным Вам из Галлиполи письмом я известил Ваше превосходительство о своем отъезде в Египет, за чем, в соответствии с указанием вице-короля, последовали телеграмма и письма со стороны Его Блаженства патриарха и епископов.

Я прибыл в Александрию 18го числа прошлого месяца. Его Блаженство и епископы специальным такриром²¹ известили Его Высочество о моем приезде и попросили назначить день моего представления. Оно состоялось восьмого числа текущего месяца в сопровождении господина де Лекса, который заранее договорился с Его Высочеством представить меня ему. Вице-король принял меня благосклонно и пожелал, чтобы я принял управление Патриаршим престолом, пообещав дать поручение Шериф-паше²², чтобы местные власти издали соответствующие акты.

Я не согласился с этой полуофициальной мерой, сочтя ее вредной интересам Патриаршего престола. В присутствии господина де Лекса я объяснил Его Высочеству, каким образом я готов взять в свои руки управление делами

Патриархии: я сказал вице-королю, что если он желает видеть окончание страданий, причиненных Александрийской церкви горсткой интриганов, если он хочет вернуть ей мир и спокойствие, что также и в его интересах, если он действительно заботится об интересах Патриархии, то он должен признать меня официально в соответствии с моим каноническим избранием, совершенным патриархом, епископами и всем духовенством и одобренным множеством христиан Патриархии, подавших соответствующие обращения Его Блаженству, за исключением нескольких иностранных подданных²³, не имеющих ни прав, ни полномочий вмешиваться в эти выборы, которые, в соответствии с церковными канонами и древними установлениями Александрийского престола, являются прерогативой исключительно духовенства.

Я также сказал Его Высочеству, что в противном случае я не стану заниматься делами Патриархии до тех пор, пока он не соблаговолит меня признать официально в качестве преемника Патриарха в соответствии с неоспоримыми результатами выборов, проведенных по воле Патриарха, епископов и духовенства.

После этих замечаний Его Высочество соизволил сказать нам, что он подумает и затем обсудит этот вопрос с г-ном де Лексом. Это побудило меня нанести визиты к местным влиятельным особам, которые приняли меня весьма любезно. В минувшую пятницу я во второй раз посетил Шерифа-пашу, который сказал мне, что решение Его Высочества будет объявлено Патриарху.

Сознавая, что своим высоким положением я обязан Вашему превосходительству, я не могу не быть вечно признательным Вам, господин генерал Игнатьев, достойному представителю могущественной России, за помощь и покровительство в несчастьях, оказанные мне и этой честной Церкви. Прошу Ваше превосходительство соблаговолить и впредь оказывать мне Вашу милость и покровительство.

Примите мое благословение и почтение,
Ваш покорнейший и благодарный слуга
Архимандрит Нил

Александрия, 27 июля / 7 августа 1869 г.

Ваше превосходительство²⁴,

Хитросплетения и все фазы развития вопроса об Александрийском патриаршем престоле хорошо известны Вашему превосходительству из соответствующих отношений, направленных Е[го] п[ревосходительством] г-ном де Лексом, генеральным консулом в Египте, почтенному Посольству.

Вашему превосходительству как представителю Е[го] В[еличества] Императора, покровителя Восточных Православных церквей, будет, несомненно, интересно получить более подробные и точные сведения по этому вопросу, в особенности о том, что касается притязаний Е[го] С[вятейшества]

Константинопольского патриарха. Поэтому мы считаем необходимым представить Вашему превосходительству голые факты, не имея нужды подавать их предвзято. Пожалуйста, примите их во внимание.

Поскольку уже два года назад мы были избраны местоблюстителем Александрийского патриаршего престола и преемником патриарха Никанора, то были неоднократно приглашены египетским духовенством и народом прибыть в Египет, о чем известно Вашему превосходительству. Мы, конечно, взвесили всю тяжесть бремени, которому предстояло лечь на наши плечи, и оценили те трудности, которые нам предстояло перенести, и все же не смогли отказать мольбам Е[го] Б[лаженства] и прочих христиан, доверивших нашему смиренному управлению Александрийской патриархией, тем более что Е[го] п[ревосходительство] генерал Игнатьев после нашего возвращения в августе прошлого года из Валахии настойчиво склонял нас к этому и даже снабдил рекомендательными письмами к г-ну Николаеву²⁵.

Но поскольку мы тогда не воспользовались приглашением, а отбыли на Афон, нам были направлены повторные письма с тем же приглашением, так что мы решили наконец покориться Провидению, принять на себя эту миссию и сделать все возможное для защиты священных прав Патриархии. Мы немедленно сообщили из Галлиполи о нашем решении Е[го] п[ревосходительству] генералу Игнатьеву, который, в свою очередь, подготовил новые письма, где горячо рекомендовал нас Е[го] п[ревосходительству] г-ну де Лексу, генеральному консулу в Египте. Затем, после предварительного признания нашего избрания Е[го] В[ысочеством] хедивом, мы прибыли сюда 18 декабря 1868 года. Через несколько дней в присутствии Е[го] п[ревосходительства] г-на де Лекса мы представились Е[го] В[ысочеству] хедиву и изложили ему наше видение положения в Патриархии. Е[го] В[ысочество] удостоил нас высокой чести, испросив у Высокой Порты фирман о нашей инвеституре, по получении которого мы были официально признаны местоблюстителем и наследником патриаршего престола. Затем, 16 марта Е[го] Б[лаженство] Патриарх Александрийский и митрополиты Александрийской церкви рукоположили нас в митрополита Пентапольского. Через три дня Е[го] Б[лаженство] отрекся от престола в нашу пользу, а епископы и духовенство канонически избрали нас Папой и Патриархом Александрийским. Это избрание было одобрено и православными мирянами, направившими хедиву петиции с тысячами подписей в нашу поддержку, а также египетским правительством, поспешившим запросить императорский фирман о нашей инвеституре после получения ходатайства епископата об этом. Итак, до этого момента все, по милости Божьей, шло как нельзя лучше к пользе Александрийской церкви, и вдруг Е[го] С[вятейшество] патриарх Константинопольский прислал нам письмо, в котором утверждал, будто бы перед прибытием сюда мы обязаны были получить у него разрешение, дабы не нарушать церковных канонов.

Что же касается утверждения о якобы имевшем место нарушении канонов, то митрополиты нашей Церкви ответили на это письмо и убедительно доказали законность всего, что было сделано в отношении нас. Помимо этого ответа, мы направили Е[го] С[вятейшеству] собственный ответ, составленный в соответствующих выражениях. Копии обоих писем прилагаются.

В этой ситуации мы были весьма неприятно удивлены образом действия Е[го] С[вятейшества], но хорошо понимали, что, требуя от нас упомянутое разрешение, он не имел в виду нарушение церковных канонов, но уступил беспочвенным наущениям некоторых членов Св.Синода, видевших, что ничто не может оправдать идущие ему же во вред претензии Е[го] С[вятейшества] на вмешательство в дела Патриархии, не входящей в его юрисдикцию, Патриархии такой же автокефальной и независимой, как и его собственная. Это доказывается следующим:

Е[го] С[вятейшество] был проинформирован о нашем двухлетней давности избрании местоблюстителем и наследником Александрийского патриаршего престола с единственной целью отменить это избрание при помощи его совершенно беспрецедентного письма, произведшего все те неприятные последствия, о которых известно Вашему превосходительству; итак, почему Е[го] С[вятейшество] не запретил нам ехать в Египет в тот момент, когда мы находились в Константинополе, если он имел право это сделать? Затем, когда из Константинополя мы отправились в Румынию, а патриаршая газета распустила слух, будто бы мы намереваемся тайно отбыть из Триеста в Египет, почему тогда он не предостерег Е[го] Б[лаженство] Александрийского патриарха господина нашего Никанора, с которым тогда находился в добрых отношениях по переписке, чтобы тот ни в коем случае не пускал нас в Египет? Затем, по нашем возвращении из Румынии в Константинополь во время всех переговоров, которые мы вели с Е[го] С[вятейшеством] по монастырскому вопросу и об Александрийском патриаршем престоле, почему он никак не воспрепятствовал нашему отъезду в Египет без своей санкции? И, наконец, когда после нашего прибытия в Египет мы находились там в течение трех месяцев с сане архимандрита Александрийской церкви, о чем сообщала пресса, а позже были даже признаны императорским фирманом в качестве местоблюстителя и преемника патриарха, почему же, спрашиваем мы, Е[го] С[вятейшество], представляющий себя верным стражем святых канонов, никак на это не отреагировал? Затем мы были рукоположены во митрополита Пентапольского, потом избраны Александрийским патриархом и, в то время как патриаршая газета много шумела по поводу фирмана о нашем местоблюстителстве и избрании, в то время как все изложенное выше и все события в течение пяти месяцев были отлично известны Великой церкви, наконец, в то время как Е[го] В[ысочество] Хедив официально запросил фирман о нашем патриаршестве и Высокая Порта поспешила его издать, почему же, спрашиваем мы, Е[го] С[вятейшество] ничего не написал, если он имел на это право?

Что же касается нас, Ваше превосходительство, то мы не только не нарушали сами святых канонов, но ни в коем случае не позволим их нарушать. Мы своевременно получили разрешение от своего церковного начальства, то есть от настоятеля монастыря Эсфигмена. Святые каноны, на которые ссылается Е[го] С[вятейшество], не могут быть применимы, особенно в нашем случае, поскольку мы принадлежали к духовенству Горы Афон, а не Константинопольского патриархата. В соответствии с этими самыми канонами, каждый клирик, намеревающийся перейти в другую церковь, должен получить разрешение рукоположившего его архиерея, в противном случае он обязан вернуться в церковь, где был рукоположен. Так положено; мы же были посвящены в сан епископом Хушским²⁶ в Румынии, в церкви Ильи Пророка, находящейся в Васлуйском уезде, поэтому мы должны испрашивать требуемое разрешение у этого епископа, а не у Е[го] С[вятейшества], и вернуться в эту церковь, находящуюся в княжествах; итак, если следовать духу канонов, именно у этой последней инстанции мы должны были получать необходимое разрешение. В данном случае только этот епископ имел право требовать от нас возвращения в свою епархию и мог обязать нас остаться в той церкви, где мы были рукоположены. Но в нынешних обстоятельствах епископ Хушский не имеет ни права, ни полномочий давать нам каноническое разрешение, которое может быть нам выдано только монастырем Эсфигмен. Так что у нас достаточно оснований вести себя таким образом, оснований, опирающихся на многовековую практику, исходя из того, что, в соответствии с монашеским уставом, право выдавать разрешения монахам и клирикам, покидающим монастырь, закреплено за настоятелем обители. Пусть Е[го] С[вятейшество] докажет, что какие-нибудь афонские монахи или клирики когда-либо обращались за разрешением в Константинополь, чтобы перейти в ряды духовенства другой Церкви. Монастырь Св.Иоанна Богослова на Патмосе, подчиняющийся непосредственно Константинопольскому патриарху, тем не менее выдает желающим покинуть его монахам и клирикам разрешение своего настоятеля; точно так же поступают и все афонские монастыри. Наши доводы подтверждает и пример нынешнего епископа Пелусийского, Амфилохия, который, покидая афонский монастырь Руссик, имел при себе только разрешение настоятеля обители; и это никак не воспрепятствовало его епископской хиротонии в качестве митрополита Пелусийского покойным Александрийским патриархом Иаковом, который, быв некогда архиереем Константинопольской патриархии и членом ее Св.Синода, должен был прекрасно знать и уважать права Константинопольской церкви. Также и епископ Триполи, Феофан, подчинявшийся монастырю на Самосе, имел только разрешение настоятеля монастыря, но был рукоположен во митрополита Триполийского. Можно бесконечно перечислять подобные нашему случаю прошлые и нынешние примеры из разных патриархий и епархий; тем не

менее, само собой разумеется, что, если бы получение разрешения от Е[го] С[вятейшества] было необходимо, что бы могло нам помешать обратиться за ним к Е[го] С[вятейшеству] и на каком основании он мог бы нам в нем отказать, не имея к тому ни малейшей причины? Очевидно, что претензии Е[го] С[вятейшества] вызваны влиянием, оказанным на него некоторыми членами Синода, руководствующимися в своих интригах постыдными для духовенства задними мыслями.

Наш долг — просветить Ваше превосходительство, изложив факты честно и объективно, а также заверить Вас в том, что Е[го] С[вятейшество] не имеет права требовать никакого разрешения с его стороны, мы также должны заметить, что таким образом он вмешивается в прерогативы совершенно другой Церкви, осуществляя поистине папскую власть; для этого у него нет никаких мотивов, кроме прошений, составленных несколькими немногочисленными интриганам, не имеющими никакого права вмешиваться в данный вопрос, поскольку они иностранные подданные. Эти люди, используя свои знакомства и присвоив себе права, которыми они никогда не обладали в Церкви, возбуждают умы иностранных и местных подданных христиан, и закончат они всеобщим презрением, мы же, напротив, должны делать все возможное, чтобы завоевать уважение и авторитет среди местных и не дать этим презренным людям возможности создать в Александрии ситуацию, подобную болгарскому вопросу, тем более что местные христиане составляют жизнь и будущее Церкви в Египте.

Чтобы Ваше превосходительство было вполне убеждено в том, что нами движет только искренняя забота о благополучии этой патриархии и что мы взяли на себя чрезвычайно трудную задачу вывести ее из того катастрофического состояния, в котором она сейчас находится, поднять уровень образования духовенства, пребывающего ныне в глубочайшем невежестве и развращении, подготовить греческих и арабских проповедников, которых ныне нет совсем, и открыть семинарию для подготовки местного духовенства, в чем мы рассчитываем на высокое содействие Е[го] В[ысочества] хедива и его правительства, щедро дарующих нам свое благорасположение.

Поэтому мы просим Ваше превосходительство соблаговолить выступить посредником перед Е[го] С[вятейшеством] Константинопольским патриархом в случае, если он продолжит настаивать на своем, и дать ему понять, что всякое его вмешательство вызовет только лишние трудности и соблазны среди христиан и не замедлит произвести полное расстройство в этой патриархии, между тем как Е[го] С[вятейшество] мог бы стать подлинным ее благодетелем, оставив свои пустые притязания и последовав братскому примеру И[х] Б[лаженств] патриархов Антиохийского и Иерусалимского, письменно признавших законность нашего избрания в качестве патриарха Александрийского и направивших Е[го] п[ревосходительству] Шериф-паше, премьер-министру Е[го] в[ысочества] хедива письма в поддержку этого избрания.

Это все, что следовало Вам сообщить. Мы остаемся с надеждой, что вскоре сможем принести мир и спокойствие этой Патриархии, вернуть ее былой блеск.

С наилучшими пожеланиями, молитвами и благословением на многие и благоденственные лета выражаем Вашему превосходительству самое глубокое почтение

Всегда преданный Вашему превосходительству
Нил, избранный патриархом Александрийским

Александрия, 23 сентября 1869 года

Его превосходительству генералу Н. Игнатьеву,

Полномочному министру Е.В. Императора Всероссийского при Высокой
Порте,

Константинополь

Ваше превосходительство,

Ваше превосходительство знает обо всем, что имело место до начала моего избрания, а также о весьма странной претензии Его Святейшества Константинопольского патриарха на предмет разрешения (увольнительного свидетельства). В отсутствие Вашего превосходительства я направил через г-на де Лекса письмо г-ну Стаалу, в котором объяснил отсутствие каких-либо оснований для вышеназванной претензии и показал, что духовенство афонских монастырей никогда и ни при каких обстоятельствах не обязаны были получать разрешения у Константинопольского патриарха. Соболаговолите, Ваше превосходительство, ознакомиться с содержанием этого письма, чтобы убедиться, насколько беспочвенны настояния Его Святейшества на идее получения разрешений, идее, которую не одобрили Их Блаженства патриархи Антиохийский и Иерусалимский, признавшие не только мой епископский сан, но и мое каноническое избрание Александрийским патриархом. Они неустанно делают все необходимые письменные представления Константинопольскому патриарху в ответ на письма Его Святейшества по моему вопросу. Недавно Их Блаженства даже сообщили ему, что, по их мнению, необходим совместный демарш трех патриархов, который наконец успокоит беспорядки, произведенные письмами против меня, адресованными Его Святейшеством митрополитам Киренскому и Пелусийскому, которые, впрочем, не упустили ни малейшего случая устроить беспорядки в патриархии. Это то, что касается патриархов.

Что же касается местного правительства, уже получившего фирман о моем патриаршестве, оно занимает не имеет верного понятия обо всех этих политических интригах и не знает, как поступить. Недавно правительство заявило, что будет координировать свои действия в этом вопросе с г-ном де Лексом. Но поскольку у г-на де Лекса нет на этот счет инструкций от Вашего превосходительства, он не может занять четкую позицию.

Следовательно, если Ваше превосходительство действительно желает, чтобы этот вопрос разрешился с пользой для Александрийского престола, который постоянно подвергается необоснованным нападкам со стороны некоторых греческих подданных, следствием чего стали беспорядки и разделение среди духовенства и народа, мы умоляем Ваше превосходительство соблаговолить дать все необходимые инструкции г-ну де Лексу, чтобы он наконец смог добиться выдачи мне фирмана о моем патриаршестве, и волнения в Александрийской церкви прекратятся. Нет другого средства положить конец нынешним низким махинациям. И Ваше превосходительство сохранит честной Апостольский престол Св.Марка и будет его спасителем! Что же касается меня, то мне не остается ничего другого, как умолять об этом Ваше превосходительство, истинного покровителя Церкви, надеясь, что Вы будете действовать в соответствии с волей Божьей.

Примите заранее, Ваше превосходительство, выражение моей признательности и глубокого почтения

Имею честь

Быть преданным Вашему превосходительству

Избранный Александрийским патриархом Нил

Гора Афон, 10 марта 1874

Его превосходительству генералу Игнатьеву,

Послу Е.И.В. Императора Всероссийского при Высокой Порте

Ваше превосходительство,

Игумен Лука, собирающий в России милостыню в пользу монастыря Эсфигмен, недавно написал некоему монаху Максиму, своему соотечественнику, будто я и другие монахи изобличили его перед российским Св. Синодом в злоупотреблении этой милостыней, которую он делит с бывшим патриархом Анфимом. Также и состоящий при Анфиме архимандрит Порфирий в одном из писем к эпитропам этого монастыря утверждает, что «архиепископ Пентапольский Нил написал генералу Игнатьеву, обвиняя игумена Луку в злоупотреблениях, с тем чтобы воспрепятствовать его поездке по России, и все это Его превосходительство объявил ему самому».

Эти письма так возбудили сторонников означенного игумена, что они решили изгнать меня из монастыря, так что, как только они получили эти письма, то есть в первое воскресенье поста, 17 февраля, в Неделю Торжества Православия после литургии они изгнали отсюда меня, больного, в ужасную погоду самым отвратительным образом, не проявляя ни малейшего уважения к моему сану, с криками и обвинениями, будто я покровительствую болгарам и сторонник панславизма!!!

С трудом верится, чтобы Ваше превосходительство называли мое имя Порфирию или упомянутому монаху Максиму, представившему Вашему превосходительству в минувшем месяце декабре прошение для игумена

Луки, подписанное эсфигменскими монахами; умоляю Вас соблаговолить дать мне знать об этом удобным для Вас способом, с тем чтобы я мог снять с себя обвинения, послужившие причиной чудовищного преследования, тем более что оно связано с именем Вашего превосходительства; Вы весьма обяжете меня этим объяснением, которое очень поможет мне в отношении всего, что указанный Порфирий написал эсфигменским эпитропам.

Ваше превосходительство, в моем положении человека, несправедливо гонимого, мне не к кому более обратиться, кроме как к Вам, и Вы сможете прекратить гонение, воздвигнутое на меня моими противниками, и избавить меня от тягостных последствий их пороков.

Мне нечем отблагодарить Ваше превосходительство за эту милость, кроме как воздев руки гор молиться за Вас и Ваше августейшее семейство, но Вы сможете оценить мою признательность, зная о том горестном положении, в котором я нахожусь.

В ожидании Вашей милости, прошу Вас соблаговолить принять выражение глубочайшего почтения и преданности, с которым и остаюсь,

Преданный Вашему превосходительству Нил

P.S. Только что меня уведомили, что игумен Лука послал монахам Эсфигменской обители второе письмо, в котором он утверждает, будто Ваше превосходительство, находясь в Санкт-Петербурге сказали означенному игумену, что «владыка Нил направил мне три прошения против вас»; вследствие этого письма все, за редким исключением, эсфигменские монахи подписали два прошения, первое адресовано российскому Св. Синоду, а второе Вашему превосходительству, в которых они дают рекомендации своему игумену, а также сообщают, что им стало известно о том, что некоторые из их собратьев по монастырю возвели на него клевету, стремясь представить его и т.д.

Ваше превосходительство, что касается меня, то я не могу поверить, чтобы Вы раскрывали содержание адресованных Вам писем игумену Луке или какому-либо другому монаху, и я полагаю, что российский Св. Синод до получения по своим каналам информации о том, что у означенного игумена имеется вторая книга, наподобие той, что была дана ему российским Св. Синодом, и что он не вносит пожертвованную верующими милостыню в ту или другую книгу, не смог бы принять против него строгих мер, на которые он жаловался в своих письмах, ибо речь идет о милостыне, покидающей Россию, и никто не в состоянии раскрыть настоящие злоупотребления, кроме Св.Синода, который также наделен полномочиями принять необходимые меры.

Нет необходимости повторять Вашему превосходительству, что я изгнан из своего монастыря, преследуем и подвергаюсь опасности только потому, что Вы будто бы назвали мое имя в связи с содержанием писем игумена Луки.

Нил

Афон, 20 декабря 1874

Его превосходительству генералу Игнатьеву,
послу Е.И.В. императора Всероссийского при Высокой Порте
Ваше превосходительство!

В связи с Рождественскими праздниками и приближающимся новым, 1875, годом желаю Вам многих лет доброго здравия, благоденствия и преуспевания в дипломатической карьере, благословения Божия всему Вашему августейшему семейству, и да подаст Он Вам от Своих милостей всего, что пожелаете.

Я здесь всех убеждаю в добрых намерениях Вашего превосходительства, Вашей преданности Православию, Вашем благоволении Святым местам и Горе Афонской, но злая воля жаждущих нововведений разрушает мирное настроение тех, кто заботится об интересах Афона и славе Православия.

Грустно видеть, как четыре-пять человек действуют по своему произволу вопреки справедливости и в ущерб остальным.

Примите уверения в моем глубочайшем почтении и преданности,
Вашего превосходительства покорнейший слуга,
Нил

Протат, вместо того, чтобы исправить свои несправедливости, пошел еще дальше: позавчера он назначил епитропов в Константинополь — Неофита Ватопедского, который был членом комиссии по делам Руссика и противником справедливых замечаний приснопамятного Муравьева²⁷, и Агафангела Ксиропотамского, выразителя тех же настроений. Первый был назначен по рекомендации архимандрита Анании, второй, как говорят — другого здешнего лица. Им поручено убедить патриархию и В[ысокую] Порту и получить санкцию исполнить решения, принятые под давлением господствующих монастырей против Руссика, Ставроникиты и румынского скита.

Проблема Руссика, по моему мнению, будет решена в пользу русских, как только Ваше превосходительство представит ее В[ысокой] П[орте], основываясь на опубликованных документах.

Каряя, 6 февраля 1875

Ваше превосходительство,

Отец Евлогий написал, что большинство монахов Русского монастыря хотят провести выборы настоятеля этого монастыря.

Это спасительная идея, и я, а также настоятели Симонопетрского и Зографского монастырей многократно предлагали ее преподобному отцу Иерониму²⁸, полагая разумной и справедливой, поскольку нынешний настоятель архимандрит Герасим уже очень стар и потому не может управлять обителью и руководить многочисленной братией.

Если верить письмам отца Евлогия, представляется, что Ваше

превосходительство придерживается такого же мнения относительно этих выборов, но русские отцы в этом сомневаются, говоря, что преподобный архимандрит Макарий²⁹ ничего об этом не писал.

Полагая выборы, на которых я настаивал с самого начала, спасительной мерой для русского монастыря, поскольку несомненно будет избран архимандрит Макарий, надеюсь, что они достигнут желаемого результата и раз и навсегда решат нынешний вопрос и успокоят возбуждение умов, которые не смогут противиться существующему на Афоне древнему обычаю избрания настоятеля того или иного монастыря, когда он избирается большинством монахов без различия национальностей.

Канонизм³⁰, каков бы он ни был, поставит русских отцов в неприятное положение и, вероятно, даст повод ко многим недовольствам, ибо противная партия, имея утвержденные канонизмом взаимные права, будет выставить претензии, но если выборы пройдут по афонскому обычаю, избранный настоятель будет свободен в своих действиях.

Примите, Ваше превосходительство, мое глубочайшее почтение,
Преданный Вам
Нил

4 апреля 1875 г.

Ваше превосходительство!

Предстоящая седмица — святая и замечательная, поскольку Церковь воспевает страсти Христовы. Начав с сокрушения, к концу седмицы мы приходим с радостью и празднуем Воскресение нашего Спасителя.

Желаю Вашему превосходительству и Вашему сиятельному семейству спасительно встретить страсти Господни и с радостью отпраздновать Его Воскресение, и многая лета.

Преданнейший Вашему превосходительству
Нил

Каряя, 7 мая 1875 г.

Ваше превосходительство!

Иверский монастырь недавно клятвенно обещал, что выступит против канонизма, данного Протатом Русскому монастырю, но вместо того, чтобы выполнить свое обещание, вчера он представил письменное заявление по этому вопросу.

Прочитав перевод этого документа, Ваше превосходительство убедится, что Ивер вместо блага сотворил зло русской братии. Если я не ошибаюсь, документ нарочно составлен в такой манере, чтобы поссорить русскую братию с монастырями, вставшими на ее сторону, но они распознали лукавство Ивера и выступят против этого вредоносного заявления в интересах не только русской братии, но и всего Афона.

Иверский монастырь, полагая, что оказал русским большую услугу, намеревается даже послать в Москву отца Амфилохия, который, как говорят, готовится уехать ближайшим пароходом, следующим в этом направлении.

Для русской братии нет лучшего выхода, чем проведение выборов, но я не понимаю, почему они с этим медлят.

Примите, Ваше превосходительство, уверения в моей глубочайшей преданности,

Ваш покорный слуга,
Нил

Фанар, 28 сентября 1875

Ваше превосходительство!

По просьбе настоятеля Русского монастыря архимандрита Макария, а также преп. отца Иеронима и настоятеля Симонопетры, письма которых я получил в минувший четверг, и считая свое присутствие необходимым, я сегодня отправляюсь русским пароходом на Афон.

Высокие рекомендации, данные мне Вашим превосходительством, были забыты Его Святейшеством Патриархом; в своей обычной манере он сделал против меня все возможное и чинил мне всяческие препятствия в получении паспорта. К счастью, действенная протекция Савас-паши, моего верного друга и человека величайших душевных и нравственных качеств, положила конец препонам, чинимым мне Патриархом.

К сожалению, из-за отсутствия времени я не имел чести проститься с Вами, надеюсь, Вы меня извините. Пользуясь случаем, выражаю Вам свою искреннюю преданность и глубокую признательность.

Я никогда не забуду Вашего превосходительства и всегда буду искренним почитателем и преданным слугой столь блестящего государственного мужа.

Очень прошу Вас вернуть обещанную Библию преп.отцуАзарии, чтобы он послал мне ее на Афон.

С молитвой ко Господу сохранить Вас Своей святой благодатью, имею честь быть

Вашего сиятельного превосходительства
пламенный молитвенник и покорнейший слуга
Нил

P.S. Я только что получил письмо отца Евлогия. Он просит Вас написать г-ну консулу в Бухаресте по его делу.

Гора Афон, 21 декабря 1876 г.

Ваше превосходительство!

Когда Святому Провидению по Его безмерному милосердию необходимо было освободить из рабства православных Востока, то понадобился новый

Моисей, к счастью, это время пришло, когда Ваше превосходительство заняли важный пост в Константинополе.

Заранее зная о благочестии Вашего превосходительства, Всеблагой Господь соблаговолил, чтобы ныне проблема православных была решена, и внушил Его Величеству нашему Императору, единственному защитнику православных на Востоке, взять инициативу в свои руки, можно сказать, что Всеблагой Господь уготовал эту божественную, славную и благородную миссию Вашему превосходительству, наделенному редкими способностями.

Ваше превосходительство приобретет вдвойне: к признанию человеческого из рода в род, историческому бессмертию и славе среди потомков добавится нетленный небесный венец, награда от Господа.

В связи с праздниками Рождества Христова и нового 1877 года желаю Вашему превосходительству и всему Вашему сиятельному семейству всяческих благ, помощи Божией во всех трудах, особенно в деле, которое Вы сейчас так искусно делаете.

Преданнейший Вашему превосходительству

Нил

Фанар, 6 декабря 1877 г.

Ваше превосходительство!

О прибытии Вашего превосходительства в Румынию уже всем известно, и, пользуясь Вашим сегодняшним Днем ангела, желаю Вам всяческих благ. Ваше превосходительство, я уверен, что Вы получили мое письмо от 30 августа. Настоящим письмом уведомляю Вас, что 15 сентября я имел честь направить Его Величеству августейшему императору через министерство иностранных дел Румынии описание на греческом языке видения, которое было мне дважды в ночь на 8 и на 14 сентября. Оно повторилось абсолютно без изменений. Послать описание этого видения меня побудило то обстоятельство, что с самого дня объявления войны я горячо молюсь Всевышнему о даровании России победного торжества. Милосердный Бог внимает мольбам не только праведных, но и рыбарей, если они стремятся ко благу; но есть ли в мире большее благо, чем освобождение православных и христиан вообще и порабощения их притеснителей? Я думаю, нет.

Я надеюсь, Ваше превосходительство, в личной беседе рассказать Вам множество интересных вещей, как только Господу будет угодно освободить меня из лап патриарха, который все еще держит меня под арестом, и позволить, в соответствии с моим желанием, вернуться в Румынию.

Суровость Его Святейшества в отношении меня проистекает по большей части из прежних гнусных страстей. Важно то, что у меня нет денег, чтобы выкупить не только мою личную свободу, но и заставить его забыть об этих гнусных страстях, мотивы которых известны Вашему превосходительству,

а также заставить его сменить выражения, в которых он с удовольствием выставляет меня повсюду настоящим славянофилом, желая причинить мне зло и задержать в патриархии.

Примите, Ваше превосходительство, уверения в моем глубоком почтении, с которым имею честь быть

Преданный Вашему превосходительству

Нил

Афон, 26 декабря 1878 года

Его превосходительству генералу графу Игнатьеву

Ваше превосходительство!

Я не имел счастья видеть Ваше превосходительство в Сан-Стефано, поскольку посетил Вас в тот день, когда Вы, вероятно, были очень заняты и не имели времени меня принять, как об этом сказал человек, который обо мне докладывал.

С тех пор, как я имел честь познакомиться с Вашим превосходительством в Санкт-Петербурге в 1863 году, то испытывал к Вам особое почтение за то, что Ваше благочестие и благородные чувства служат к пользе Православия. И я не обманулся, достаточное свидетельство чему — последняя война и Сан-Стефанский договор. И хотя есть люди, думающие иначе, история — зеркало истины.

Я хотел написать Вашему превосходительству с момента моего возвращения сюда из Константинополя еще в апреле, но все откладывал, полагая, что Вы находитесь в кругу своей светлейшей семьи, которую молю принять мое смиренное благословение.

Пользуясь случаем, приношу Вашему превосходительству и госпоже графине свои поздравления со святыми Рождественскими праздниками и Новым годом, в котором желаю Вам счастья и всяческого благополучия!

Вашего превосходительства

Смирный слуга

Нил

¹ Герд Л.А. Секуляризация имений восточных монастырей и церквей в Валахии и Молдавии в начале 1860-х гг. и Россия // Вестник ПСТГУ. II. История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 6 (61). С. 9–10.

² Документы о назначении Нила афонским эпитропом см.: Δελικάνης Κ. Περιγραφικός κατάλογος τῶν ἐν τοῖς κώδιξι τοῦ Πατριαρχικοῦ Ἀρχιεπιφυλακείου σωζομένων ἐπισήμων ἐκκλησιαστικῶν ἐγγράφων περὶ τῶν ἐν Ἄθῳ μονῶν. 1630–1863. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1902. Σ. 121, 123, 131–132; Δελικάνης Κ. Περιγραφικός κατάλογος ... Σ. 131–132; Δελικάνης Κ. Πατριαρχικῶν ἐγγράφων τόμος τρίτος ἤτοι τὰ ἐν τοῖς κώδιξι τοῦ Πατριαρχικοῦ Ἀρχιεπιφυλακείου σωζόμενα ἐπίσημα ἐκκλησιαστικά ἐγγράφα τὰ ἀφορώντα εἰς τὰς σχέσεις τοῦ Οἰκουμενικοῦ

- Πατριαρχείου πρὸς τὰς Ἐκκλησίας Ρωσσίας, Βλαχίας καὶ Μολδαβίας, Σερβίας, Ἀχρίδων καὶ Πεκίου. 1564–1863. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1905. Σ. 641.
- ³ Герд Л.А.Ук. соч. С. 19.
 - ⁴ Σταματοπούλος Δ. Μεταρρύθμιση καὶ εκκοσμίκευση. Πρὸς μια ἀνασύνθεση τῆς ιστορίας του Οικουμενικοῦ Πατριαρχείου τον 19ο αἰῶνα. Ἀθήνα, 2003. Σ. 269.
 - ⁵ Ibid. Σ. 220–221.
 - ⁶ Подробнее о греческом населении Египта и об условиях, в которых создавались общины, см.: Петрунина О.Е. Иван Михайлович Лекс и его время // Румыния и Египет в 1860–1870-е гг. Письма российского дипломата И.М. Лекса к Н.П. Игнатьеву. М., 2016. С. 16–22. Там же см. библиографию вопроса.
 - ⁷ Любопытные подробности участия в борьбе за Александрийский патриарший престол константинопольского духовенства в 1858 г. сообщал российский посланник А.П. Бутенев: АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 327, лл. 55–56, 85–96, 106–107 об., 205–208.
 - ⁸ Соответствующее письмо Григория VI египетским общинам и окружное послание опублик. в: Καλλιφρων Β.Δ. Ἐκκλησιαστικά, ἢ Ἐκκλησιαστικὸν δελτίον. Τ. Β'. Ἐν Κωνσταντινουπόλει, 1869. Σ. 84–89; Mansi I.D. Sacrorum conciliorum nova et amplissima collectio. Τ. XLII. Synodiorientales. 1865–1874. Parisiis, 1910. Ρ. 241–246.
 - ⁹ Подробнее см.: *Петрунина О.Е., Вах К.А.* Слабоумие Александрийского патриарха Никанора (1866–1869): правда или вымысел? // Каптеревские чтения. Сб.ст. Вып. 12. М., ИВИ РАН, 2014. С. 82–97.
 - ¹⁰ Фанар — квартал в Константинополе, где находилась резиденция патриарха и проживала греческая элита — фанариоты.
 - ¹¹ Письмо Антонина (Капустина) Н.П. Игнатьеву, 12 июля 1870 г. // Переписка архимандрита Антонина (Капустина) с графом Н.П. Игнатьевым. 1865–1893. М.: Индрик, 2014. С. 157.
 - ¹² Герд Л.А. Пантелеимоновской процесс и избрание о. Макария игуменом // Русский Афон XIX–XX веков. Т. 5. История Русского Свято-Пантелеимонова монастыря на Афоне с 1735 до 1912 года. Святая Гора Афон, 2015. С. 346–363.
 - ¹³ Публикуются по рукописным подлинникам: ГАРФ, ф. 730, оп. 1, д. 3543, лл. 11–18 об.; АВПРИ, ф. 180, оп. 517/2, д. 2902, лл. 3; д. 2905, лл. 45–45 об.; д. 2906, лл. 9–10, 29–31, 43–52. Перевод с франц. О.Е. Петруниной.
 - ¹⁴ Речь идет о борьбе восточных церковных учреждений за свои имения в Молдавии и Валахии.
 - ¹⁵ Ону Михаил Константинович (1835–1901) — российский дипломат, в то время драгоман посольства в Константинополе.
 - ¹⁶ Это и следующие четыре письма посвящены борьбе за патриарший престол в Александрийской церкви и участию в ней Нила.
 - ¹⁷ В 1867 г. султан Абдул-Азиз признал за вассальным правителем Египта Исмаилом (1863–1879) титул хедива, в европейской традиции — вице-короля.
 - ¹⁸ Хедив Исмаил имел собственный кабинет министров.
 - ¹⁹ Де Лекс Иван Михайлович (1834–1883) — российский дипломат, в 1866–1883 гг. — российский дипломатический агент и генеральный консул в Египте.

- ²⁰ *Austriace* и *de Loyd* — названия пароходных компаний.
- ²¹ Такрир (араб. «одобрение») — официальное обращение, нота.
- ²² Шериф-паша — в то время египетский премьер министр.
- ²³ Многие проживавшие в Египте греческие предприниматели имели иностранное подданство или пользовались консульским покровительством европейских держав. Этот статус давал им экономические и юридические преференции.
- ²⁴ Письмо носит официальный характер, написано секретарем с подписью Нила по-гречески. Адресат не указан, но письмо очевидно адресовано советнику посольства в Константинополе Е.Е. Стаалю, замещавшему отсутствовавшего тогда посла Н.П. Игнатьева.
- ²⁵ Николаев А.Н. — российский дипломат, во время отсутствия И.М. Лекса руководил работой Генерального консульства в Египте.
- ²⁶ Хушская епископия Румынской православной церкви с центром в городе Хуш (Хуши) — одна из епархий митрополии Молдовы и Буковины. В государственно-административном отношении Хуш входит в состав Васлуйского жудеца (уезда), но в церковно-административном отношении Васлуй входит в состав Хушской епархии.
- ²⁷ Муравьев Андрей Николаевич (1806–1874) — русский государственный и церковно-общественный деятель, духовный писатель.
- ²⁸ Иеросхимонах Иероним (Соломенцов) — духовник Свято-Пантелеимонова монастыря.
- ²⁹ Схиархимандрит Макарий (Сушкин) стал настоятелем в сентябре 1875 г.
- ³⁰ Канонизм — устав.

БИБЛЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СИМВОЛИКА КАМНЯ В СВЯЩЕННОМ ПИСАНИИ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКОВНОЙ ТРАДИЦИИ

И. Г. Шарков, Л. Б. Томилина

Христианская культура богата и глубоко символична. Камень в культуре ассоциируется с прочностью, монолитностью, основательностью. Разнообразие минералов и горных пород Земли огромно. Мы встречаемся с ними повсюду: это и прохладная гранитная плитка древнего церковного пола, и сероватая базальтовая скала у моря, и белая гора известняка на стройке, и заросший мхом розовый валун кварцита на опушке леса. Цвет и оттенки горных пород обусловлены присутствием в них разных химических элементов, окрашивающих минеральные богатства великолепием немеркнущих красок.

С древнейших времён ярко окрашенные камни привлекали к себе внимание человека. Среди природных минералов особенно выделяются драгоценные камни-самоцветы. Обычай использовать драгоценные камни для украшения, приумножения благосостояния и придания блеска торжественным обрядам восходит к далёкому прошлому.

Говоря о символике камня в церковном искусстве, известный российский ювелир Ю.А. Федоров отмечает, что в силу своей плотности и твердости, камень «является идеальной эмблемой материального мира, символом надежности и стабильности. Но так как в христианстве не только человек, но и материя включены в Божий промысел спасения и предназначены к преобразению, то и христианская символика камня носит духовный характер и отражает процессы духовного созидания и преобразования»[1].

Святоотеческая традиция относит образ камня, упомянутый Господом Иисусом Христом в Евангелии от Матфея «камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла» (Мф. 21,42) к Самому Христу. Христос и есть Камень краеугольный, Которого отвергли иудейские старейшины и фарисеи. Апостол Павел, также, называет Христа «краеугольным камнем» (Еф. 2,19–20). Подчёркивая твёрдость веры апостола Петра, Христос называет его камнем (Мф.16,18).

Символический язык Церкви складывался многими веками и передавался в поколениях. Неслучайно, камень как символ, использовали не только в сакральной храмовой архитектуре, но и в церковном ювелирном искусстве. Здесь, конечно, речь идёт о драгоценных и полудрагоценных в нынешнем понимании камнях — минералах-самоцветах. Так, например, библейскими камнями называют 12 камней-самоцветов, упоминающихся в книгах Ветхого и Нового Заветов. «Сих камней должно быть двенадцать, по числу сынов Израилевых, по именам их»: рубин, топаз, изумруд, карбункул, сапфир и алмаз, яхонт, агат и аметист, хризолит, оникс и яспис (яшма) (Исх.28, 17–21; 39,9–14). Нагрудный щиток (наперсник) иудейских первосвященников украшали двенадцать драгоценных камней, на каждом из которых было выгравировано название одного из двенадцати колен Израилевых. Однако достоверно определить все эти камни затруднительно, поскольку в древности камни в основном различались по цвету и в какой-то степени по твёрдости, часто под одним и тем же названием подразумевались камни, относящиеся к различным минеральным видам; в то же время камни, являющиеся разновидностями одного минерала, могли считаться разными.

В древности люди часто приписывали самоцветам различные необычные свойства. Так, «Епифаний, епископ Саламанский, в своем трактате о двенадцати камнях на ризе Первосвященника говорит, что гиацинт имеет свойство не только не гореть в огне, но и гасить его и даже делать несгораемым холст, в который тот завернут. Таким же оберегающим от огня свойством, по мнению древних, обладал хризолит или оливин» [2, с. 123].

В Новом Завете, в книге «Откровение Иоанна Богослова» (Апокалипсис) при описании стен Небесного Иерусалима также упоминаются камни самоцветы. Это в основном те же камни, однако, в отличие от камней, украшавших наперсник первосвященника, здесь появляются вместо алмаза, карбункула, агата и оникса — хризолит, халцедон, сардоникс, хризопраз и иакинф (гиацинт). «Основания стены города были украшены всякими драгоценными камнями: основание первое яспис, второе сапфир, третье халкидон, четвертое смарагд. Пятое сардоникс, шестое сердолик, седьмое хризолит, восьмое вирилл, девятое топаз, десятое хризопраз, одиннадцатое гиацинт, двенадцатое аметист» (Откр.21,19–21).

Церковная традиция усваивала именам апостолов в качестве символов различные минералы. В толковании на Апокалипсис святителя Андрея Кесарийского приводится следующее соответствие: «яспис (яшма или нефрит) — апостол Петр, сапфир (лазурит) — апостол Павел, халкидон (гранат) — апостол Андрей, смарагд (изумруд) — апостол Иоанн Богослов, сардоникс — апостол Иаков Алфеев, сердолик (сердолик) — апостол Филипп, хризолит — апостол Варфаломей, вирилл (берилл) — апостол Фома, топаз — апостол и евангелист Матфей, хризопраз — апостол Фаддей (Иуда

Леввей), иакинф (гиацинт) — апостол Симон Зилот, аметист — апостол Матфий» [3, с. 188–191].

Ещё на первых страницах Библии, при описании земли Хавила, упомянут оникс (Быт.2,11–12). Выражение «драгоценные камни» в Священном Писании встречается 16 раз: 2 Цар.12,30; 3 Цар.10,2;10,11; 1 Пар.20,2; 29,8; 2 Пар.9.1;9.10; 32,27; Прит.17,8; Ис.54,12; Иез.27,22; Дан.11,38; Откр.21,11,19. В большинстве библейских мест упоминание драгоценных камней используется для символического выражения идей священной Господней славы, открытой святым пророкам. Камни-самоцветы упоминаются в числе подарков царей и князей, а также в качестве добычи, взятой на войне; в качестве украшения праздничных и священнических одежд, при постройках, в частности ветхозаветного Храма.

В христианском искусстве камни всегда занимали важное место. Развитие христианской символики драгоценных камней обосновано упоминанием о них в Библии. В выборе тех или иных драгоценных камней для церковного ювелирного изделия главным было духовное значение, определяемое, в первую очередь, цветом камня, а его размер указывал на степень значимости. Так, яркие, сверкающие самоцветы украшали церковные книги и сосуды, головные уборы и облачения духовенства, иконы и кресты. На Руси «самоцветы в вышивке стали применяться с XVI века. Они были прозрачные и непрозрачные, блестящие и матовые, отшлифованные и необработанные» [4, с. 291].

В Библии и в понимании древней Церкви драгоценные камни, главным образом, являлись символами духовных качеств. Так, в псалме, издревле читаемом на панихиде и при погребении, праведник «возлюбих закон Твой паче злата и топазия» (Пс.118,127). В книге Иова премудрость ценится выше золота и разных драгоценных камней — оникса, сапфира, коралла, жемчуга, рубина, топаза эфиопского (Иов.28,12–19). В древнем акафисте твёрдость веры и непоколебимое стояние в истине великомученика и целителя Пантелеимона именуются адамантом, то есть алмазом, как прочнейшим веществом: «Радуйся, твердый адаманте Церкви».

Средневековье, перенявшее увлечение камнями у античности, придавало символизм не только изваяниям и изображениям, но и самому материалу. Используемый в церковном пространстве красный сардоникс означал Христа, проливающего Свою кровь на кресте за всё человечество; прозрачный берилл был образом христианина, озаренного светом Христа.

Часто используемый в церковном ювелирном искусстве аметист стал символом богословских образов и идей. В своих трудах епископ Андрей Кесарийский отмечал, что камень очень схож с апостолом Матфием, который всегда горячо хотел служить Господу, а все его речи светились таким же небесным огнём, как и грани аметиста. Аметист называют «епископским камнем», в христианской символике он означает скромность и смирение, он

традиционно занимает почётные места на панагиях и крестах православных и католических архиереев.

Драгоценные камни широко использовались ювелирным искусстве Руси, которое известно с первых веков отечественного христианства. На русское ювелирное искусство огромное влияние оказала Византия. Это влияние наиболее заметно прослеживается в период с XI–XII вв. и вплоть до XVI столетия. Византийское влияние отражено в орнаментальных мотивах, присутствующих в ювелирных работах мастеров Руси. Часто на церковных украшениях этого периода присутствуют византийские камеи.

В ювелирных изделиях наряду с синтетическими камнями нередко применяются и имитации. Среди них различают стекла и дублеты или триплеты. Причём использование имитаций драгоценных камней известно достаточно давно. И, если для светского ювелирного дела это вполне приемлемый способ создать красивое и недорогое изделие, то для искусства церковного такой приём неуместен. Как неуместна всякая фальшь в вопросах духовных. В Церкви всё символично и призвано нести высшие ценности, проповедовать Истину языком творчества и искусства, и, поэтому всякая имитация или подмена искажает задачи этой проповеди. Благочестивые люди всегда стремились посвятить Богу и Его святым самое лучшее и дорогое, а не имитировать богатые вотивные подношения.

С XIV в. начался расцвет ювелирного искусства в Великом Новгороде, Тотьме, Великом Устюге и других городах Древней Руси. Но отрасль, связанная с обработкой драгоценных камней в России появляется лишь в эпоху царя Петра Великого. При императрице Екатерине II русское ювелирное дело продвинулось вперед, в России были созданы несколько шлифовальных фабрик. В XIX в. ремесленные цехи уступили своё место фабрикам, артелям и торговым домам. Во второй половине XIX — начале XX вв. крупные московские и петербургские ювелирные дома завоевывали отечественный рынок, постепенно вытесняя иностранную продукцию. Ведущую роль в русском и европейском ювелирном искусстве в это время играла фирма Фаберже, имевшая отделения в нескольких городах России и за её пределами. Карл Фаберже имел звание придворного ювелира русского императорского двора и придворного ювелира Швеции и Норвегии. С конца XIX в. «поставщик Двора Его Величества» начинает выпускать декоративные пасхальные яйца с сюрпризами. Карл Фаберже впервые стал использовать в своих изделиях уральские, кавказские и сибирские самоцветы. Мастера его фирмы умели изменять естественный цвет минерала и получать нужные оттенки и тона. Фаберже являлся признанным знатоком минералов и большим авторитетом в этой области, он был оценщиком драгоценных камней при императорском дворе. Коллекция минералов Карла Фаберже имела большую известность, часть её ныне находится в московском Минералогическом музее имени А.Е. Ферсмана.

Сегодня церковное ювелирное искусство возрождается, интерес к церковной тематике возрастает. Многие культурологи определяют наше время как переходную эпоху от гуманитарной культуры чувственного типа к культуре сакральной, сверхчувственной. Но для подлинного понимания символизма в церковном искусстве необходим духовный подход, который невозможен без глубинного религиозного чувства.

Помимо ювелирного применения самоцветы издревле широко применялись в живописи и, в частности, в иконописи. Из природных минералов путём растирания исторически изготавливают минеральные пигменты, традиционно используемые в иконописи в качестве красок в виде яичной темперы. Минералы очищают, растирают в порошок, и изготавливают эмульсии на основе яичного желтка. Так было и в древности, и в средневековье. И сегодня, несмотря на огромное предложение и ассортимент синтетических красителей, большинство иконописцев отдают предпочтение именно минеральным пигментам. Это объясняется тем, что для иконописи особенно важна прозрачность красочных слоёв, а большинство синтетических красок этому требованию не соответствуют. Измельчённые же натуральные основы — минералы способны создавать проницаемые для света красочные слои, через которые световой луч не только проходит насквозь, но ещё и многократно преломляясь, создаёт эффекты глубины изображения и его внутреннего свечения.

Для изготовления синей краски иконописцы в качестве естественного пигмента часто использовали лазурит или азурит в крупном помоле, для голубой — годился азурит в мелком помоле, для красной — прокаленный гематит, для зелёного — малахит, для жёлтого — вульфенит и другие. Таким образом, драгоценные камни в церковном искусстве ценны не только и столько в материальном отношении, сколько в их удивительных, уникальных свойствах, расширяющих возможности человека творчески воспевать Создателя.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- ¹ Фёдоров Ю.А. Символика камня в церковном ювелирном искусстве // «Jewelry Garden» (Ювелирный Сад). 2005. №3. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.feodorov.ru/public07.htm> (дата обращения 12.05.2016).
- ² Бурцев А.К., Туськова Т.В. Драгоценные камни: Красота, долговечность, редкость, магия, легенды, жизнь [Текст]. М.: ПРИМАТ, 1992. — 128 стр., ил., 18 цв. вкл.
- ³ Толкование на Апокалипсис Святого Андрея, Архиепископа Кесарийского. М., 1901. Репринт Иосифо-Волоколамского монастыря [Текст], 1992. — 220 с.
- ⁴ Хребина Т.В. Драгоценность в церковном шитье. // Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена. Аспирантские тетради [Текст]. СПб., 2007. № 18 (44). С.289–293.

ПАМЯТИ ПОЧИВШИХ

ПАМЯТИ ГЕЛИАНА МИХАЙЛОВИЧА ПРОХОРОВА

01 сентября 2017 г. на 82 году жизни скончался Гелиан Михайлович Прохоров, действительный член Императорского Православного Палестинского Общества с 1984 г., известный русский учёный, историк, литературовед и филолог, крупнейший отечественный специалист по древнерусской и византийской литературам.

Гелиан Михайлович родился в Ленинграде в 1936 г. Его семья происходила из Мстиславльского уезда Смоленщины. Его дед был церковным старостой, который в 1929 г. был сослан как «кулак», но смог вернуться из ссылки. Мать дала сыну имя «Гелиан», что означает «солнечный». В юности Гелиан, как и многие советские мальчики и юноши, увлекался авиацией и в 1953 г. поступил в Военно-Воздушную Академию им. Можайского. При этом он слишком поверил в реальность «хрущёвской оттепели» и повел себя, по мнению начальства, излишне независимо и вольнолюбиво: имел привычку говорить то, что думал. За что был изгнан из комсомола, отчислен из Академии и направлен в стройбат.

Через несколько лет Гелиан Михайлович поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета. В тот период его жизни произошла случайная встреча в поезде с Львом Николаевичем Гумилёвым, который стал сначала учителем Гелиана Михайловича, а затем и его крестным отцом. Из взглядов своего учителя Гелиан Михайлович удержал представления о евразийском выборе и евразийской специфике России. Для него святой благоверный Великий Князь Александр Невский был велик не только своими победами, но тем историческим выбором, который он сделал. В одном из своих последних интервью Гелиан Михайлович говорил о том, что князь Александр Невский отверг агрессивную политику Запада и тем самым сохранил и спас православную культуру нашей страны.

В 1965 г. он закончил исторический факультет Ленинградского государственного университета с отличием по кафедре Истории Средних веков как византинист. В том же году Гелиан Михайлович по приглашению Дмитрия Сергеевича Лихачёва поступил в аспирантуру Института русской литературы (Пушкинский Дом). В 1968 г. он окончил аспирантуру и защитил кандидатскую диссертацию «Повесть о Митяе-Михаиле и её литературная среда», после чего был принят на работу в ИРЛИ как старший научно-технический сотрудник. Пушкинскому дому он отдал более полувека своей творческой жизни. Работая в Пушкинском доме, Гелиан Михайлович создал такие шедевры, как «Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы», «Так воссияют праведники...». Византийская литература XIV в. в Древней Руси».

В 1977 г. он защитил докторскую диссертацию «Памятники литературы византийско-русского общественного движения эпохи Куликовской битвы». Своими главными учителями в науке он всегда называл Л.Н. Гумилёва и академика Д.С. Лихачёва. С 1992 г. он был главным научным сотрудником Отдела древнерусской литературы Пушкинского дома, являясь профессором и работая одновременно в Санкт-Петербургском университете, Русской христианской гуманитарной академии, Санкт-Петербургской Духовной академии. В 1980–2000 гг. расцвёл талант Г.М. Прохорова как богослова и переводчика святоотеческих творений. Он перевёл корпус творений Дионисия Ареопагита со схолиями (комментариями) преподобного Максима Исповедника, произведений Иоанна Кантакузина и Патриарха Филофея, издал славянский перевод и делает русский «Диоптры» Филиппа Пустынника, а также творения преподобных Кирилла, Ферапонта и Мартиниана Белозерских. Ему довелось обнаружить автографы преподобных Нила Сорского и Кирилла Белозерского и сделать ряд других открытий.

В 1984 г. Г.М. Прохоров был принят действительным членом РПО при АН СССР, являясь всегда активным участником всех основных мероприятий Ленинградского, а затем Санкт-Петербургского отделения Палестинского Общества. Он принимал участие в крупных международных и все-российских конференциях ИППО, совершил несколько паломнических поездок в Святую Землю в составе групп нашего Общества.

Гелиан Михайлович был постоянным автором Православного Палестинского Сборника, выступая в нём со статьями и рецензиями. Он подготовил и издал в 2007 г. под эгидой ИППО наиболее полную публикацию «Хождения» игумена Даниила в Святую Землю в начале XII в., в котором представил новаторское исследование этого ярчайшего древнерусского литературного произведения.

Мы навсегда запоем Гелиана Михайловича Прохорова высоким профессионалом, прекрасным учёным, интеллигентным, добрым, отзывчивым и скромным человеком.

Вечная тебе память, труженик науки, дорогой друг и замечательный русский человек!

ПАМЯТИ ПЕТРА ПЕТРОВИЧА МАРТЫНЦЕВА

17 сентября 2017 г. на 68 году жизни после тяжёлой и продолжительной болезни скончался Пётр Петрович Мартынцев, действительный член ИППО с 2007 г., член Совета Московского отделения Общества, известный общественный деятель, исполнительный директор РОО «Центра палестинской культуры», академик Международной академии духовного единства и сотрудничества народов мира (МАДЕНМ).

Пётр Петрович родился 28 мая 1949 г. в Москве. На протяжении многих лет он занимался развитием российско-арабских программ и проектов, активно работал в Международной секции ИППО, был активным членом Совета Московского отделения Общества. Он являлся неперенным участником всех основных мероприятий Московского отделения ИППО, а также принимал участие в крупных международных и всероссийских конференциях ИППО, совершил несколько паломнических поездок в Святую Землю в составе групп нашего Общества. Он был неутомимым паломником по святым местам нашего Отечества.

Пётр Петрович принимал активное участие в благотворительной деятельности ИППО, помогая собирать и отправлять помощь народам Сирии и Палестины. Он вложил много сил и энергии в развитие российско-палестинских культурных связей, неоднократно ездил в Палестину в составе миротворческих групп многих общественных организаций, в том числе ИППО. Пётр Петрович активно работал в Благотворительном фонде «Руссар», где отвечал за организационные вопросы.

Пётр Петрович был удивительно скромным, добрым и неконфликтным человеком, стремился оказать помощь и поддержку всем, с кем шёл по жизни. Его отличали профессионализм, творческий подход к работе и высокая ответственность за порученное дело. Человеческие качества Петра Петровича — открытость, благожелательное отношение к окружающим, доброта.

Вечная тебе память, тебе, наш дорогой друг, товарищ и соратник!

Научное издание

ПРАВОСЛАВНЫЙ ПАЛЕСТИНСКИЙ СБОРНИК

Выпуск 114

Ответственный редактор
д.и.н. Н.Н. Лисовой

Оригинал-макет *А.С. Старчеус*

Издательство «Индрик»

INDRIK Publishers has the exceptional right to sell this book outside Russia and CIS countries. This book as well as other **INDRIK** publications may be ordered by

**e-mail: market@indrik.ru
or by tel./fax: +7 495 938-01-00**

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции (ОКП) — 95 3800 5

Формат 70×100 1/16. Печать офсетная.
21,5 п. л. Тираж 500 экз.

Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6